

gaudeamus

Е. Б. Старовойтенко

Учебное
пособие
для вузов

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Издательство «Академический проект»

Москва 2001

Старовойтенко Е. Б. Современная психология / Науч. ред.: В. Д. Шадриков.
М. : Академический проект, 2001.

Содержание

От редактора	3
Введение	5
Глава 1	
ПРЕДМЕТ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ И СПОСОБ ЕГО РАСКРЫТИЯ	19
1.1. Основные понятия общей психологии	19
1.2. Классы и формы психических явлений	24
1.3. Психическое целое	27
1.4. Методология понимания психических форм	29
NB	32
Глава 2	
ОЩУЩЕНИЯ ЖИЗНИ	35
2.1. Психологическая специфика ощущений ...	35
2.2. О сенсорных системах	37
2.3. Классификации ощущений	39
2.4. Жизненные трансформации ощущения	46
2.5. Сенсорная активность	48
2.6. Характеристики сенсорного эффекта	52
2.7. Индивидуальное развитие ощущений	57
NB	63
Глава 3	
ВОСПРИЯТИЕ ЖИЗНИ	67
3.1. Психологическое определение восприятия	67
3.2. Источники перцепции	73
3.3. Воспринимающая активность	77
3.4. Данность в перцепте качеств предметного мира	91
3.5. Общие свойства перцепта	111
3.6. Становление восприятия в индивидуальной жизни	132
NB	139

*Мысль должна замкнуться,
как замыкается круг жизни.
Поступок раз и навсегда.
М. Мамардашвили.*

Введение. МОДЕЛИ КАК ПЕРСПЕКТИВА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Мы обращаемся к науке, которую принято называть «общей психологией». Занимая привилегированное положение теоретического основания современной психологии, она, по сложившейся традиции, отчуждена от проблем, решение которых естественно должно составлять ее главный и сокровенный смысл: проблем жизни конкретного человека. Но именно такое гуманитарное назначение общей психологии, выводящее ее далеко за пределы научных лабораторий и университетских аудиторий, представляется сейчас главным.

Как же соотносить абстрактное знание о психическом, о личности и о «я» с уровнем понимания душевных реалий индивида, который, к примеру, обращается к психологу-консультанту?

Возможно ли самим содержанием, структурой и стилем общетеоретического текста задать прямую перспективу его перевода в план заключений о феноменах индивидуальной психики?

Есть ли способы удержать лучшие многовековые традиции строгих научных подходов к психическому в авторских истолкованиях неповторимых душевных событий клиента ?

Полагаем, что **общепсихологическое знание гуманитарного типа** может строиться в форме исследовательских, объяснительных и интерпретационных **моделей**, представляющих собой концептуальные схемы, логики, когнитивные техники, структуры, типологии, многомерные классификации, и континуумы. Каждая из них выступит сгущением как устоявшихся, так и новых идей об определенном психическом феномене: ощущении,

восприятию; воображении, мышлении, интуиции, переживании, побуждении, действии, сознании, личности, «я».

Идеи с максимальной полнотой должны определять индивидуальные варианты проявления, развития и регресса феномена. Модель создается как гипотетическая, обеспечивающая множество направленных проб изучения и прогнозирования любого индивидуального варианта. Основанный на моделировании теоретический синтез обобщит в себе ходы альтернативной существенной мысли, которые легко улавливаются и реализуются практикующим психологом..

В моделях найдут гармоничное соотношение упорядоченность и завершенность **рационального** подхода, с одной стороны, и открытость, опора на вчувствование, я-проживание и эмпатию, свойственные **интуитивному** подходу - с другой. Последний предполагает использование моделей-символов, которые на опыте философствования о человеке, талантливых рефлексий, живописных и литературных изображений создают целостную репрезентацию индивидуальности обратившегося к психологу человека.

Отмеченное сочетание подходов коренится в давнем стремлении психологов добиться в своем деле единства научности и спонтанного творчества. Это великолепно выражено К.Г. Юнгом:.

«Интеллект - властелин в царстве науки. Но стоит науке коснуться области практического применения, как тотчас же получается совершенно иная картина. Интеллект, бывший до сих пор царем, становится не более как вспомогательным средством, инструментом, хотя и научно утонченным, но все-таки лишь ремесленным орудием, переставшим быть самоцелью и превратившимся в простое условие. Тогда интеллект и вместе с ним вся наука становится на службу творческого замысла. И это еще «психология», однако уже больше не наука; это - психология в более широком смысле слова, психологическая

деятельность, по природе своей творческая, в которой первенствующее значение принадлежит создающей фантазии.» (157, с. 91)

Правомерным будет сомнение в том, следует ли превращать общую психологию, которая в структуре психологических наук имеет статус едва ли не метанауки или «философии индивида», в прямое руководство практической деятельностью психолога. Однако, ознакомившись с различными версиями университетских учебников и обобщающими монографиями по общей психологии, замечаем, что универсальность, синтетизм и научная беспристрастность теоретического знания, которой ожидают от метанауки практики, уступают односторонности избранных авторами парадигм либо соскальзыванию к эмпиризму..

Опора на такого рода источники, созданные профессионалами, может иметь большой обучающий и просветительский эффект, но при этом мало что дать психологу, который оказывается перед необходимостью «идти от феномена», усматривать в единичном общее и всеобщее, держать перед собой все известные психологии вариации существования и эволюции феномена.

Нужные практикующим психологам интерпретационные теоретические модели появляются как персональные, часто блестящие обобщения многолетних опытных изысканий авторов. На разных языках издается множество руководств и пособий для психолога-практика, имеющих сходное построение. Оно состоит в изложении схем понимания психики, извлеченных из психоанализа, бихевиоризма, когнитивной психологии, экзистенциальной, феноменологической психологии и т.д. Предполагается, что консультант может выбрать адекватную для индивидуального случая схему, переосмыслив и адаптировав ее, или свести несколько подходов в общую эклектичную гипотетическую модель. Данный способ теоретизации практической работы требует и научной креативности, и дара иррационального схватывания целого, исходя из немногих эмпирических

данных. Однако, не имея корней в общепсихологическом синтезе, он имеет ограниченное применение.

Указанные проблемы особо остро ощущает практик, обладающий ответственным отношением к клиенту, стремящийся восстановить его индивидуальность во всей жизненной полноте, возводя его к уровню «человека человечества».. Именно здесь общая психология может вступить в свое **уникальное право**, предлагая быстрые, экономные модели прохождения мысли от нечетко определяемого вначале целого индивидуальной души к его разделению на общие, частные и единичные душевные феномены при удержании максимума их взаимных связей и отношений. Дальнейшее движение мысли - к выделению типологических особенностей феноменов и устойчивых феноменальных связей. Мысль завершается в содержательном логическом обобщении, которое вдруг начинает терять свои рациональные «леса» и переходит в интуитивное раскрытие индивидуальной целостности с отчетливым высвечиванием возможностей роста, тенденций регресса, центров внутренних противоречий и конфликтов.

Очень непростой является задача смыслового и текстового моделирования общепсихологического знания. Условия ее достойных решений следует искать в **истории психологии**

Прежде всего, необходима *значительная эрудиция авторов моделей, выходящая за границы их основной науки в области философского, естественно - научного, художественно - символического понимания*. Это, однако, не уводит от конкретного психологического факта, а позволяет увидеть в нем сложную иерархию свойств, определяемых с точки зрения разных наук, которые сведены к проблеме реальной психической индивидуальности. Такой метод построения знания и текста просматривается, например, в «*Основах общей психологии*» С.Л. Рубинштейна.

Важна также установка авторов на поиск единства противоположных принципов обращения с данными о психическом. Она, в частности, была присуща В. Дильтею при создании «Описательной психологии», в опыте соединения объяснительного и описательного подходов.. В появлении и существовании данных подходов как относительно автономных кроется естественное разделение двух возможных способов познания психического: мыслительного – рационального - аналитического и неммыслительного – иррационального - интуитивно целостного. Признавая силу первого способа, Дильтей тонко обозначает его пределы, за которыми действителен лишь метод опытного обращения и непосредственного представления «психической жизненности» .

«Мышление не может уйти по ту сторону своей собственной действительности, в которой оно возникает. Если позади этой последней данной нам действительности оно хочет конструировать рациональную связь, то она может быть составлена лишь из частичных содержаний, встречающихся в самой этой действительности. Это и имеет место во всякой рациональной, объяснительной и конструктивной психологии» (53, с 91)

С его точки зрения, рациональная конструктивная психология должна расширять свои возможности за счет движения к психическому: от поэтических интуиций о приобретенной связи душевной жизни, действующей не вполне осознанно и до всякого Ratio, к постепенному осознанию и логическому анализу ее составляющих.

Применяя самый изощренный аналитический подход, важно возвратиться к целому. Нужно особое мастерство усмотрения в тонкой структуре психической динамики актов «творческого синтеза», которые в своем сцеплении образуют ход развития души, личности, «я». На такую встречу творчества психолога с творческими силами исследуемой души как на метод

построения общей психологии указывал В. Вундт в знаменитых лекциях «Душа человека и животного».

Действительная жизнь ожидает от психолога *почтения к теории и благоговения перед фактом*. Прагматизм В. Джемса сейчас по-новому интересен для нас. Нынешнее проникновение в психологию метода категориального моделирования подготовили прагматические идеи об инструментальном назначении теории, ее проблемности, практичности, неокончательном характере, гибкости и пригодности к работе с фактами, об отношении теории к жизни и миру человека как к незавершенным и незавершимым.

«Мир стоит перед нами гибким и пластичным, ожидая последнего прикосновения наших рук....» (51, с.127)

Высокой ценностью обладает также *рефлексивное присутствие автора в общепсихологическом тексте*. Оно указывает на использование данных самопознания, признание автором значимости интроспективного метода, а также на ожидание активной рефлексии читателя благодаря, например, заложенным в текст приемам я-обращений. Подобный способ построения общей психологии находим в «Феноменологической психологии» Э. Гуссерля. Вновь и вновь, разбивая объективистские установки, в мире научной психологии актуализируются его оригинальные методологические идеи:

«Феноменологический опыт - это не что иное, как та рефлексия, в которой нам становится доступным психическое в его собственной сущности, причем рефлексия, которая мыслится в качестве осуществляемой в теоретических интересах и которая последовательно проводится так, что подвижно-текущая специфическая жизнь Я эксплицируется в созерцании в соответствии со своими собственными составными частями и ...во всех горизонтах.»

(43, с. 66)

Кроме напряженной я-связи, автор моделей должен держать *доверительную связь с потенциальным адресатом, нуждающимся в профессиональной и личностной поддержке*. Мелодия переживания, сопереживания, эмоционально насыщенной мысли должна звучать в них так же, как в текстах создателей экзистенциальной психологии. Тогда может установиться связь «взаимопроникновения» между психологом-методологом, психологом - практиком и его клиентом. Она не столько моделируется, сколько творится в двух реальных жизненных ситуациях: работе практикующего психолога с общепсихологическим текстом и работе психолога с объектом своих наблюдений. Приняв и реализовав экзистенциально ориентированную модель, практик придет к открытиям, подобным кьеркегеровским:

«Психолог-наблюдатель должен быть более ловким, чем плясун на проволоке, если он рассчитывает проникнуть внутрь людей и ставить себя на их место; его молчание в момент доверительных разговоров должно быть настолько соблазнительным и обольстительным, чтобы даже наиболее сокровенное могло выбраться наконец наружу, болтая с самим собой в этом искусно созданном невнимании и тишине.....» (77, с.155)

Моделирование является сравнительно молодым методом построения теоретической психологии, но его начала видны в древней и мощной *философской рационалистической традиции*. Гении рационализма разных времен создавали антропологические теории, упорядочивая знания о человеке и его жизни путем применения совершенных логических операций анализа, сравнения, обобщения, различения противоположностей, синтеза, классификации и типизации. Сошлемся на «Страсти души» Декарта, «Антропологию» Канта, «Субъективный дух» Гегеля. Завершенность определений, изящные дефиниции, содержательность категорий, полнота доказательств и обоснований, убедительность выводов, соответствие гипотез

и заключений, свойственные данным трудам - уникальное наследие для современного мышления в стиле «модель».

Моделирование преодолевает присущий даже лучшим версиям «Общей психологии» разрыв между предельной обобщенностью теоретических положений и чрезмерной конкретностью примеров и иллюстраций, которые используются скорее для того, чтобы приблизиться к «неискушенному» уму читателя, чем поднять этот ум на уровень психологического понимания. Автор моделей, действуя в интересах развития мысли и рефлексии адресата, помнит, что иллюстрации и примеры нужны постольку, поскольку служат переводу высоко обобщенного знания из одной модельной формы в другие, например, из рационально - понятийной в метафорическую или образно - символическую. Сквозь приводимый факт должна сквозить полнота и целостность всех сделанных о нем теоретических открытий. *Образ в контексте моделирования равен по значимости абстрактному понятию или даже вытесняет его.* Конкретный пример, по выражению Ж. Лакана, становится неотделим от иллюстрируемой мысли.

Указанное соотношение логики и иллюстрации исключает у пользователя наивный ход мысли «от большой теории - к образцу и действию», который А. Камю иронически сравнил с попыткой «сделать из книг Руссо тот вывод, что нам нужно стать на четвереньки или вывести из Ницше, что мы должны грубить собственной матери». (65, с 61) Взаимовложение моделей-в-понятиях и моделей-в-образах выступает способом достижения автором особо ясного осознания опыта понимания предмета и вместе с тем условием эффективной миграции этого опыта в ментальный мир адресата. В форме понятийно – образного синтеза модели лишены императивности и не стремятся целиком осуществиться даже в искусно «поставленном» жизненном событии или практической деятельности. Открывая пути интерпретации психического, они ничего не утверждают в эмпирическом смысле, но помогают отыскать и корректно повлиять на наиболее вероятный жизненный порядок. При их

освоении множество жизненных фактов перестает «невнятно лепетать» и начинает красноречивую исповедь о своих тайнах.

Модели рождаются в сложной поисковой работе, и в них одновременно осязаемы и движение бесстрастной науки к анонимному психологу, и *стремление личностного знания автора к близкому по духу коллеге*. Последний момент связан, как правило, с творческим интуитивным синтезом и потому трудно рефлексивируется автором при построении и передаче моделей. Хотя только дискурсивные подступы к творчеству и его когнитивные результаты хорошо поддаются модельной организации, основным эффектом освоения моделей автор считает не чистую репродукцию его интеллектуальных техник и выводов, а выход психолога - адресата на новый уровень креативности в понимании психических феноменов.

Подчеркивая лишь относительную доступность процесса научного познания для превращения в строгий инструментальный мысли, Н. Бердяев отметил, что «никогда познающий не открывал истины при помощи того логического аппарата, которым он старается убедить других». (19, с.184) Но несомненно присущие познанию мистичность и магия влияний оказываются недостижимы для ученого, если его разум не упорядочен логическими усилиями, принимающими в настоящее время образ моделирования.

Коснувшись исторических предпосылок разработки общепсихологических моделей, перейдем к их **свойствам, намечаемым современной методологией гуманитарных наук.** (11; 25; 33; 60; 85; 87; 111; 150)

Первое. Модели являются структурной репрезентацией индивидуальных реалий в их единых психо-практической, духовно-деятельностной, качественно – динамической формах. Модельная репрезентация относится к прошлой, актуальной и потенциальной индивидуальности, тяготеет к тому, чтобы стать собственным опытом индивидуальности. Индивидуальные случаи, феномен, факт выступают исходным предметом и конечной целью психологического моделирования.

Второе. Модели сгущают и синтезируют актуальное научное знание об индивидуальности, а также делают явными, доступными логические и другие интеллектуальные операции, посредством которых психолог может использовать и развивать знание. Таким образом воссоздается целостный содержательно-операциональный подход к психологическому объекту.

Третье. В операциональную структуру модели встроены разнообразные рефлексивные приемы, которыми могут воспользоваться как психолог - пользователь, так и личность, интерпретируемая и описываемая им с помощью модели. В последнем случае личность при поддержке психолога осваивает модель для самоинтерпретации.

Четвертое. Модели могут быть разных типов. Либо это относительно замкнутые логические конструкты, вылитые в терминологические формы, Либо это вербально-образные и вербально-символические построения, например литературно – поэтические. Возможны также образно-символические модели: живописные, графические, пластические. В психологическом моделировании особенно ценны взаимопереводы всех указанных репрезентаций.

Пятое. Модели, по выражению М. Вартофского (25), могут обладать разными «экзистенциальными притязаниями». Модель может служить гипотетическим объяснением индивидуальности. Она может быть инструментом нахождения новых свойств и отношений индивида как объекта репрезентации, т. е. способом творчества. У моделей, кроме того, может быть рефлексивное назначение: передача индивиду содержаний и техник самопознания и самопрезентации. Модель может создаваться и как средство идентификации с другими и одновременно средство автономизации и самоопределения. Наконец, модели могут быть ориентированы на общее развитие, совершенствование или частные позитивные изменения индивида и в этом смысле выступать развивающими и формирующими. Идеальной является модель, которая реализует все названные притязания.

Шестое. Необходимое свойство моделей - креативность. Несмотря на то, что по стилю построения и форме представления они «тугие», «плотные» и относительно закрытые, при развертке и последовательном применении они становятся прозрачны и проницаемы для новых идей, эмпирических данных и принципов собственной развивающей переструктуризации. Модели допускают множественные авторские вариации пользования, исключая упрощенные, репродуктивные.

Седьмое. Модель, как бы сложна и логически изысканна она ни была, не может быть богаче своего объекта-референта и не может считаться методом его исчерпывающего познания. И все же призвание моделей состоит в привлечении всех наилучших идей о референте и сведении в оригинальную версию методологии всех известных эффективных способов познавательных и практических действий с ним. Скромность исходных онтологических притязаний в сочетании с высоким статусом решаемых задач и установкой автора на «коллекционирование сильных идей» придает моделям элитарность, обуславливает интерес профессионалов.

Восьмое. Репрезентируя индивидуальность адресата, модель обнаруживает и свойства своего создателя, разработчика. Выявляется достигнутый им уровень теоретического понимания объекта как свидетельство реализованной интеллектуальной одаренности. Находят выражение активность мышления, сила воображения, творческая направленность и результативность моделирования. Такое личностное присутствие автора обуславливает коммуникативный смысл, диалогичность применения моделей даже при отсутствии прямого контакта с ним. Кроме того, автор обладает правом субъективных предпочтений в выборе персоналий, научных теорий, школ, направлений, литературных текстов, привлекаемых к построению моделей. Создается «пространство моделирования», в котором возникают, возвращаются, взаимодействуют, вторят друг другу **немногие, особенно близкие автору Имена**. Показывается определенный «срез» научной

культуры и научного поиска, в котором отчетливы связи и преемственность идей выбранных персоналий. И в этом «срезе» нет старых и новых идей, а есть сквозная, непрерывная и поступательная логика сходных интерпретаций референта.

Девятое. Отрефлексированность и показ логических, образно-символических и вербальных операций, придающие моделям «техничность», предполагают некоторые преобразующие влияния на объект моделирования. Поскольку речь идет об особом объекте - индивиде, влияния на него моделей и стоящих за ними автора и пользователя обеспечиваются операциональным синтезом особых действий. Это понимание и взаимопонимание, толкование и самотолкование, исследование и самоисследование, изменение поведения и деятельности индивида, приведение его к новым для него жизненным результатам. Модели обосновывают и конструируют данные психологические действия, а также гарантируют их тройственную продуктивность: в отношении референта, в отношении модели, которая при работе с феноменом совершенствуется, в отношении автора и пользователя модели, переживших событие встречи с адресатом их профессиональных усилий.

Десятое. Действенность, динамизм, феноменологичность модели задают ее направленность на будущее. В ней заключено ожидание и вероятностный прогноз как естественно-жизненных перемен референта, так и перемен, детерминированных ее применением. Модель не изображает и не описывает конкретную перспективу, а создает возможность того, что при реализации модельного подхода объект превзойдет свою репрезентацию. (25, с.127)

Придавая указанные черты общепсихологическим моделям, следует уделить особое внимание их **текстовой форме**. Текст модели выступает, как правило, авторским выбором, реконструкцией и преобразованием существующих **научных текстов**, в том числе непсихологических. Гуманитарно ориентированные модели общей психологии могут

структурировать и интерпретировать философские, культурологические, социологические, филологические, искусствоведческие тексты. Иногда текстовые фрагменты, если их содержательная организация очень близка общепсихологической, могут рассматриваться как готовые модели. В другом случае моделирование сопровождается авторском переосмыслении чужих текстов. Или автор осмеливается предложить свои версии понимания объекта, предлагая новые текстовые модели с полинаучным содержанием.. То же касается **художественно-литературных иллюстраций**, когда ими выступают отрывки выдающихся произведений, их психологически проинтерпретированные темы, психологический анализ их героев. Кроме того, модели общей психологии могут обобщать **рефлексивный опыт** автора, других психологов, философов, литераторов. Очень ценным для моделирования является также феноменология **личного проживания** талантливых ученых и писателей Стремясь к «сжатию» и «концентрации» лучших идей и наблюдений, общепсихологический текст создается как **система культурных кодов**, которая взрывается множеством креативных интерпретаций, когда на ней задерживается читательская мысль, открытая к расширенному знанию о психике.

Построение общей психологии нельзя рассматривать как угасающую академическую традицию или задачу обеспечения репродуктивного учебного процесса. Это не способ демонстрации эрудиции ученого, или путь повышения его статуса в научно-психологическом сообществе. Это всегда новая проблема совершенствования теоретической психологии и расширения ее жизненных возможностей, проблема повышения ее доступности и сохранения ее неисчерпаемости для практикующего психолога.

Время исповедовать проблемное видение общей психологии. Время создавать многие ее версии и относиться к ним как проектам улучшения техник и технологий психологической практики.

1. ПРЕДМЕТ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ И СПОСОБ ЕГО РАСКРЫТИЯ

1.1. Основные понятия общей психологии

Предмет общей психологии тождественен универсальному предмету психологической науки в целом. Им выступает **психический (душевный) план индивидуальной жизни** как нечто единое и непрерывное, целостное и внутренне расчлененное, невозобновляющееся и устойчивое. В динамике психической жизни обнаруживается постоянство общей функции живущего человека: «быть в психической связи с миром». А в процессе реализации данной функции «психическое» приобретает способность быть свойством и потенцией индивида.

Исходную задачу общей психологии составляет исследование **отношений психики**, обращенных к миру, индивиду в его жизненной активности, к себе самой и соответственно преломленных сквозь «объект», «субъект» и «психическое ядро» индивида. Отношения рассматриваются при этом в качестве объективных, субъективных и внутриспсихических. Данное различие выглядит достаточно условным, если помнить о естественной неразрывности **мира – индивидуальной - жизни, индивида –живущего - в- мире и психического способа – индивидуальной – жизни**. В то же время, моделирование допускает некоторую жесткость дефиниций, и важнейшим его шагом является нахождение наиболее существенных содержаний, детерминирующих факторов и форм психических отношений. Это означает **определение основных понятий** общей психологии.

Психическое - способ внутренней жизни, соотнесения с миром и освоения его, способ самоизъявления и творчества индивида в мире. Специфика психического дана в непосредственном проживании; его познание выражается скорее в гипотезах, чем в объяснениях; самопознание психического дает эффекты поразительной глубины.

Действительность - мир, взятый как условие существования и потенциальная данность для всех индивидов. Характеристикой мира-

действительности является его возможность и готовность быть вовлеченным в активность, деятельность, поведение индивидов.

Реальность – осознанный и освоенный конкретным человеком мир, который признается и удостоверяется им в качестве существующего-для-я. Реальность мира проживается индивидом при наличии двух основных моментов: внутреннем установлении идентичности мира-для-я и мира-для-других, а также установлении собственной возможности влиять на мир и изменять его.

Ирреальность - прорыв в опыт индивидуальности содержаний трансцендентного мира, открывающегося как вне - человеческий, невозможный для обычного познания, не подлежащий освоению и субъективному влиянию.

Кажимость - привнесение в проживаемую здесь-и-сейчас реальность элементов индивидуального внутреннего опыта, произвольно спроецированных во внешний мир и закрытых для проживания другими присутствующими.

Данность - психическая форма индивидуального моделирования мира и жизненных связей с ним.. Психическая данность мира не просто «есть в индивиде», но обуславливается, творится, обогащается им. Психическая данность может быть отнесена к «я», то есть осознана, или может остаться внесознательной.

Представленность - уловление сознанием индивида психических данностей в их относительной разделенности и дифференцированном единстве. Эта «данность данности» не охватывает собой ни всей реальности индивидуальной жизни, ни всех внешних и внутренних возможностей индивида.

Детерминация психического – разнообразные влияния на психику «иного» с эффектом его особого присутствия в психических свойствах, состояниях и формах. Существуют факторы, детерминирующие происхождение,

функционирование, протекание, содержание, качественные особенности и выражения психического. Действуют генетические и причинные детерминанты, детерминанты – условия и детерминанты – движущие силы, детерминанты роста и регресса. Все они условно принадлежат или миру, или телесной организации индивида, или его жизненной активности, или самой единой психике индивида, или ее относительно автономным формам. С целью подчеркнуть влияния на психику, исходящие от «субъективного целого» индивида, вводится понятие самодетерминации.

Вещный мир - мир предметов, не обладающих свойством жизни, но вовлеченных в человеческую жизнь, где они преобразуются, создаются и детерминируют ее.

Мир живого - единая растительно-животная среда, обладающая для человека достоинством условия, цели и ценности его жизни..

Социальный мир - сообщество людей, которые даны конкретному человеку как «другие» и одновременно как «мы».

Идеальный мир - всечеловеческий опыт раскрытия, воссоздания, непрерывного поиска истины и ценности существующего. Дан индивидам в формах идей, символических образов, всеобщих чувств, универсальных жизнеотношений. «Коллективность» идеального удерживается и передается личности средствами сознательной культуры (в изображениях, символах, знаках, текстах и т. д.) а также бессознательным, архетипическим, путем.

Индивидуальное существование - жизнь индивида, взятая и как анонимный момент всечеловеческого бытия и как уникальное событие в нем. Имеет несколько планов, из которых наибольшее внимание психологов привлекают психический, действительно - поступковый, продуктивный, социальный, природный, трансцендентный.

Жизненное время – измерение индивидуального бытия, существующее в трех основных формах: в форме длительности, последовательности, одновременности объективных жизненных событий (объективное время); в

форме глубинной, воспринимаемой, но неделимой длительности психического «потока» (чистое психическое или внутреннее время); в форме сознания и рефлексии длительности, последовательности событий психической жизни (субъективное, рефлексивное время).

Структура психического - включенность в психику как целое различных элементов, компонентов, уровней и т. д.. Для нее характерны: оформленность и устойчивость отношений элементов в составе целого; подчиненность отдельных психических процессов, функций, качеств общим формирующим и направляющим началам. Самым традиционным выступает структурное различение в психике побудительных, познавательных, эмоциональных, волевых, экспрессивных и поведенческих явлений. Их взаимопроникновение и относительная автономия в жизненном процессе обуславливаются интегративными и разделяющими силами бессознательного и сознания, «самости» и «я».

Психический феномен - проявление психического целого в единичных моментах побуждения, познания, переживания, волеизъявления, действия. Понятие феномена подчеркивает не только сложность душевных явлений, но и их принадлежность уникальной конкретной жизни, субъективную значимость, событийность ее фрагментов. «Феноменальность» психической жизни связывается с ее осознанностью, хотя и не исключает внесознательного плана единичного душевного события. В качестве феномена определяется любое психическое явление или процесс, если к нему применяем метод целостного, углубленного понимания и интерпретации.

Психическое целое - отнесение проживаемых душевных событий к непрерывно становящемуся центру индивидуальности. В динамической связи с ним удерживается постоянство тенденций и качеств психического, устанавливается, закрепляется разноплановое единство индивида: телесно-психическое, сознательное, социальное, духовное. В целостнообразующем центре обнаруживаются различные его «ипостаси»: первично-природная

«душа», бессознательная «самость», сознательное «я», социально-нормативное «сверх-я», высшая «духовная инстанция». Важен акцент на взаимовключение и одновременность действия различных ипостасей, их противоречия и возможность дезинтеграции, например, разделения «я».

Индивидуальность – человек как обладающий уникальной связью всечеловеческих потенций бытия, неповторимо реализующий их, приобретающий в этом процессе качество единичности и способный к творчеству, авторству в бытии. Индивидуальность развивается, находясь внутри открытой к ней общности, восполняя эту общность, находя в ней место, незаместимое никем другим.

Субъект – человек как способный влиять на бытие других, активный в этом бытии, оставляющий в нем творческий след; открывающий в связи с другими людьми возможность самоопределения и самореализации. Одной из ведущих субъектных инстанций определяется сознательное «я» или «эго» индивида, превращающее его инициативы и активность в понятные и значимые для других.

Личность – человек как несущий в себе потенции и реализующий жизнеотношения, общие с другими людьми, открывший и удерживающий свою принадлежность к «мы», принимающий свою идентичность с «другим» как ценность, расширяющий возможности коллективного-в-себе. «Личностью» в общей психологии обозначается и внутренняя целостность индивида, его устойчивая качественная определенность, зависящая от прижизненного социального обобщения и самообобщения индивидуальных идей, желаний, намерений, чувств, образов, символов.

Носитель психического - человек, обладающий единством телесного, субъектного, личностного и индивидуального начал. Они оформляются при активном психическом опосредовании, одновременно придавая психической жизни и каждому ее отдельному моменту природные, субъектные, личностные и индивидуальные черты.

Приведенные понятия применяются обычно во всех сферах теоретической психологии и разрабатываются в пограничной области «философской психологии» или «философии индивида». Из этой же области можно извлечь **принцип** организации психики, задающий логику структурирования общей психологии, **понятия элементов и целого психической структуры**, которые дополняют намеченный выше список, а также **сквозной методологический подход** к рассмотрению конкретных общепсихологических тем.

1.2. Классы и формы психических явлений

Общая психология как относительно завершенная интерпретационная модель **психических явлений** может быть структурирована на основе их различения и объединения по следующим общим признакам:

- по преимущественной направленности психического явления на объект или субъекта;
- по преобладающим внешним или внутренним причинам психической активности;
- по степени опосредованности психической связи с объектом;
- по возможности сознательной репрезентации психического явления;
- по соотношению в нем силового, содержательного и оценочного компонентов;
- по особенностям внешних выражений психического явления;
- по его участию в поэтапной развертке целостного момента жизнедеятельности;
- по отнесенности явления к трем временам жизненного процесса: настоящему, прошлому и будущему.

Сведение признаков позволяет выделить следующие классы и формы психических явлений.

1. **Класс интеллектуальных** (познавательных, когнитивных) **форм**, включающий ощущения, восприятие, представление, мышление, интуицию и

речь. Данные формы обеспечивают несколько уровней познания и знания, связанных с ситуацией здесь-и-сейчас, условиями уже-бывшего и ожиданием еще-не-свершившегося. Уровни обозначаются как непосредственно-чувственный (ощущения, восприятие), отвлеченно-образный (представление), абстрактно-понятийный (мышление, речь), символический (интуиция). В знаниях и познавательных актах разных уровней могут различно соотноситься тенденции к воссозданию известного (репродукции), преобразованию известного и к творению нового. Познание может быть обращено на внешний по отношению к субъекту объект или на самого субъекта. В последнем случае можно говорить о самопознании различной глубины и разных путей осуществления: о самоощущении, самовосприятии, представлении о себе, рефлексии, я-символизации.

2. **Класс побуждений**, включающий непосредственно проживаемые инстинкты, влечения, потребности. Формы побуждений различаются своей динамизирующей силой, доступностью для осознания, ценностным весом, сложностью и свободой ситуативных проявлений, дальностью и длительностью перспективного действия. Процессуальность и предметная дифференцированность побудительных форм подчеркивается обобщающим понятием «мотивация». Устойчивость индивидуальной мотивации в отношении избранных, привилегированных объектов культуры акцентируется понятием «ценностные ориентации». Сфера побуждений объединяет субъективные устремления к внешним и внутренним объектам. Во втором случае побудительный процесс осуществляется как ауто- или я-направленный.

3. **Класс переживаний**. Имеет сложную структуру, включающую первичные чувствования, эмоции, аффекты, настроения, чувства, страсти. Они субъективно иницируются, динамизируют жизнедеятельность, служат обобщенной чувственно-смысловой оценке непосредственно данного и проживаемого. Богатство, глубина, длительность действия этих оценок

определяют тончайшую дифференциацию сферы переживаний. Источники и ориентиры переживаний индивид находит в мире и в себе. Данность себя в переживании выступает самопереживанием.

4. Класс мнемических форм (память). Дополняет класс интеллектуальных форм, включает запоминание – сбережение – воспроизведение - забывание. Спецификой памяти выступают ее неисчерпаемые возможности в установлении, возобновлении и обогащении связей между актуальным жизненным событием, уже-бывшими событиями и уже-наступающими событиями. Феноменологически эти возможности объясняется одновременностью и непрерывностью трех единых процессов: внутреннего «погружения» определенного впечатления (ощущения, образа, идеи, действия и т.д.), его «всплывания» и последующего «присутствия» в проживаемом здесь-и-сейчас. Центральный феномен памяти – сбережение - рассматривается как неугасающая внутренняя продуцирующая активность. Различаются память индивида на внешние объекты и память-о-себе как особый я- направленный мнемический процесс.

5. Класс выражений психического. Это моторные эффекты и телесные «знаки» психических феноменов, а также их предметные «следы». Основные формы выражений составляют реактивные, поисковые, исполнительские, исследовательские, имитационные движения, операции и действия. Ряд дополняют мимические, пантомимические и речевые движения как элементы вербально -пластической экспрессии тела. Отдельные «действенные» формы образуют в жизненном потоке обобщенные индивидуальные способы поступления, деятельности, поведения, которые ведут к различным психо-практическим результатам. Устанавливающееся в «выражениях» единство психического, действенного и продуктивного имеет ценностный вес, проникает в качестве «индивидуальных отношений» в глобальные процессы этической, религиозной, научной, эстетической, профессиональной и т.д. жизни людей. В общем процессе выражения можно условно различить

объекто- и субъекто-центрированные интенции. Последние осуществляются в самовыражении.

6. Класс сознательных (само-отнесенных-в-мысли) психических форм. К нему относятся все психо-практические явления, представленные индивиду здесь-и-сейчас на уровнях сознавания, осознания, самосознания и самопознания. Тот или иной момент проживания может быть опосредован определенной активностью внимания, сознательной фиксации и воления. В зрелом сознательном модусе психическая жизнь приобретает я-направленное и я-исходящее движение. Эта связь с «я» может изменяться от поэтапной просветленности, включая рефлексю, к угасанию сознания. Возможны нормальные, аномальные и патологические акты сознания.

7. Класс бессознательных (внесознательных) психических форм. К нему принадлежат психические явления, предсуществующие в индивидуальной психике как общие пра-идеи, пра-образы, пра-чувства и пра-отношения, то есть «архетипы», не достигшие в процессе жизни осознания. Класс дополняют бывшие в опыте индивида психические впечатления, ускользнувшие от сознания, или устраненные из поля активного сознания. Бессознательное обогащают мысленные, образные и чувственные интуиции, нарождающиеся в самодвижении психической жизни, недоступном актуальному сознанию. Интуиции иногда несут в себе потенциал будущих творческих проявлений индивидуального сознания. Во внесознательном бытии обнаруживаются процессы и содержания, имеющие объективную направленность, а также те, которые устремляются к глубинному душевному целому индивида -- его «самости». Объективная и субъективная ориентировки бессознательного выражаются и взаимодействуют в виде проекций и интроекций.

!3. Психическое целое

Акцент на относительную самостоятельность выделенных классов психических феноменов выступает хорошо известным приемом общепсихологического анализа. Однако, не менее важным является восстановление психической целостности индивида, иначе, «целого» его психической жизни. Такому психосинтезу служит введение следующих понятий и определений.

В любом психическом факте в той или иной мере выявляется связь всечеловеческих душевных потенций, образующих **первичную внутреннюю сущность** индивида. В этом смысле наше психическое является потенцированным неким единством исходных возможностей. Экзистенциализм, например, определяет это единство как общую предпосылку творчества в поиске свободы, истины, красоты, любви и я-назначения. В жизненном осуществлении, однако, конструктивный план творческой предпосылки может обратиться в разрушительную, деструктивную линию индивидуального бытия. (18)

Психические явления, реализуясь в жизненном процессе, становятся относительно обратимыми и взаимосвязанными, приобретая устойчивые функциональные черты. **Функциональная инвариантность психической динамики** придает конкретность, личную содержательность единству первичных потенций психики.

Выход душевных потенций из латентного состояния, их постоянное проявление во множестве взаимосвязанных психических событий ведет к оформленности **внутреннего качественного ядра носителя психики**. Это ядро, являясь «центром интенциональности», начинает действовать как активный детерминант психической жизни. (123)

Психическое целое удерживается особыми **центробежными силами, исходящими от живущего и действующего индивида**. К ним, в частности, относятся: общее телесное самоощущение; концентрированное проживание желаний; уловление постоянства и непрерывности внешнего эмпирического

«я»); сознательное самоупорядочение, самообобщение во внутреннее «я». О наличии и возможности ослабления подобных сил говорят факты внутреннего раскола, распада, разотождествления, проживаемые как растворенность-в-ином, потеря себя, выход-из-себя, опустошенность, самоотрицание. .

Сознательная активность в формах самосознания, самопознания, рефлексии является мощным целостнообразующим фактором и самой психической жизни, и ее носителя. **Сознание, интегрирующее я-концепцию, я-идеал, я-символ, я-проект, переживание я-идентичности** и т.д., стремится к тому, чтобы достичь совпадения того, что индивид «есть в себе самом», что он «собой представляет для других» и что он открыл «в себе для себя». Первичное бессознательное единство психики – самость - начинает нуждаться в постоянной поддержке я-обобщающей мысли, которая, в свою очередь, вовлекается в творческий поиск вестей и символов из скрытого от сознания психического целого. Непостижимость собственной души теряет для индивида свою бесспорность и превращается в вечную гипотезу, проверяемую и опровергаемую интенсивной сознательной и рефлексивной жизнью .- жизнью субъекта.

Психическое целое сознательно репрезентируется индивидом в **символических понятиях «мое»», «мне свойственное», «мое - всегда со мной», «мое личное», «персональное», «я»** и т. д.. Эти эффекты самоопределений и самосимволизация также служат поддержанию психической целостности индивида.

Среди научных обозначений психической целостности, основными являются термины «самость», «личность», «субъект», «эго», «я».. Содержательное раскрытие их значений составляет сущность синтетического подхода в общей психологии.

1.4. Методология понимания психических форм.

С учетом целостности и дифференцированности психики намечается единая методология понимания и интерпретации психических явлений. Ее применение обеспечит непрерывную связь и удержание в поле профессиональной мысли всех общепсихологических понятий, а также возможность быстрой актуализации при решении конкретных проблем многих подходов, сведенных в единую концептуальную систему. Приведем континуум **методологических приемов** единообразного рассмотрения психических форм.

1. Исходным является понимание **уникального места и роли конкретной формы** внутри психического целого, различение ее специфических особенностей как «чистого» феномена среди других, взятых так же изолированно и абстрактно. Необходимо при этом постоянное возвращение к реальным жизненным взаимосвязям всех форм.

2. Определение психической формы как содержащей в себе одновременно признаки внутреннего **свойства** индивида, **функции** живущего индивида, непостижимого и сознаваемого индивидом **процесса** психической жизни, **факта данности** мира индивиду, типического и неповторимого **качества** субъекта психики.

3. Поиск факторов возникновения, источников, причин, зависимостей психической формы внутри общего единства психической жизни индивида. Все названные **типы детерминации** условно различаются по их действию от «внешнего мира», «телесной организации индивида», «условий индивидуальной жизни», «целостного субъекта», «психики», «формы самой в себе».

4. Нахождение этапов и фаз **становления психической формы в онтогенезе**. В частности, выделяются: естественно-возрастные периоды развития формы; фазы, связанные с общим процессом индивидуации; этапы, обусловленные закономерностями социального роста индивида; периоды, зависящие от общей динамики жизненного пути, например, от смены

процессов жизненного прогресса, застоя, кризисов, регресса, возрождения, разрушения индивида. Соответственно в самой форме определяются моменты ее ослабления и усиления, расцвета и инволюции, акме и угасания. Онтогенез формы моделируется в зависимости от **культурогенеза** психики.

5. Раскрытие **предметного характера формы**, специфики данности в ней внешних и внутренних объектов. Исследование следующих видов психической связи с предметом: непосредственной - опосредованной, активной - пассивной, кратковременной – пролонгированной, сознательной - бессознательной, репродуктивной - продуктивной, деструктивной - конструктивной. В плане данности предмета психическая форма характеризуется пространственной и временной отнесенностью, мерой конкретности и отвлеченности, мерами предметной полноты и адекватности, а также признаками воссоздания предмета, поглощенности предметом и преобразования предмета.

6. Понимание психической формы в качестве **сложной многоплановой активности**, обусловленной нейрофизиологическими, вегетативными, двигательными факторами, и включающей побудительный, когнитивный, оценочный и результативный компоненты. Особое значение придается сознательному - бессознательному протеканию конкретной психической активности. Выделяются разные уровни ее осознанности - от рефлексивного до подсознательного, а также источники ее бессознательной динамики: от жизненно ситуативных до архетипических.

7. Выявление в динамических и содержательных особенностях психической формы, в ее потенциях и детерминантах, в этапах эволюции, в уровнях развития, в устойчивых качественных тенденциях и в ее предметных следах множественных **противоречий**, связанных с изначальной имплицитной раздвоенностью, дуальностью человеческого существа и индивидуального бытия. В психических феноменах проступает напряженная противоположность субъективного и объективного, душевного и телесного,

сознательного и бессознательного, рационального и иррационального, идеального и практического, развития и регресса, гуманного и разрушительного, упорядоченности и хаоса. Заявляет о себе, проживается в качестве конфликтов и кризисов и преодолевается двойственность самости – личности – «я».

8. Определение **влияния сложившейся личности**, ее устойчивых жизнеотношений на конкретную психическую форму. Обоснование изменений формы в зависимости от эволюции целостной личности. Применение положений о том, что личностное становление может выливаться в следующие длящиеся события: время развития, расцвета, расширения, интеграции, возрождения - с одной стороны и время сужения, ослабления, негативной структурной перестройки, распада личности - с другой. Конкретное психическое явление вовлечено в этот общий процесс. Личностный аспект той или иной формы психической активности обнаруживается прежде всего в устойчивости ее мотивационной составляющей, возобновляющихся «встроенных» переживаниях, в актуализации типичного способа протекания, в ее обобщенной детерминирующей установке и в повторяемости ее эффектов. Личностное действие на психический феномен существенно связано с осознанностью последнего; личность вовлекается в психическую жизнь посредством сознания, самопознания, рефлексивного самоизменения. Мы способствуем своим ощущениям, своему созерцанию, своему мышлению и наслаждению двумя путями: тем, что думаем о себе и тем, что пытаемся выйти за пределы своего «я».

Обозначив логику аналитико-синтетического рассмотрения конкретных общепсихологических тем, последовательно осуществим их моделирование, восстанавливая из разнообразия психического его неразложимое единство. Как уже отмечалось, основным содержанием моделей выступит гуманитарное знание о собственно психических феноменах, процессах и их продуктивных

выражениях. Придерживаясь выбранного подхода, не будем подробно останавливаться на психобиологических, психофизиологических и психофизических проблемах, как это делалось бы при естественно – научном построении общей психологии.

2. ОЩУЩЕНИЯ ЖИЗНИ

2.1. Психологическая специфика ощущений.

Самыми очевидными особенностями ощущений являются их непосредственная проживаемость, отчетливый эмоциональный тон, свидетельство об обычном или необычном порядке вещей, разделенность на ощущения мира и самоощущения, отнесенность к временной точке «теперь», мимолетность и легкое ускользание от сознательной фиксации.

Теоретически у ощущений или «сенсорных явлений» различается несколько основных жизненных назначений: **сигнальное**, состоящее в предопределении для индивида будущего звучимого события; **побудительное** как ориентирование индивида на активную реакцию, движение, действие; **репрезентативное**, заключающееся в сообщении о том, что предмет дан, и нечто об этой данности; **познавательное** как обогащение наличного чувственного знания о данном предмете; **эмоциогенное**, состоящее в превращении сенсорного акта в переживание; **содержательное** как придание сознанию индивида предметной направленности и относительной непрерывности связи с действительностью; **опредмечивающее** как передача ощущения другим посредством предметных средств и творение таким путем вещного и социального мира.

В психологических определениях ощущений обычно указываются следующие признаки.

- Данность в них отдельных предметных качеств, отличаемых как эмпирические, являющиеся, внешние от скрытых, внутренних, непосредственно не доступных. Свечение, звучание, касание предмета - примеры сенсорной данности или собственных качеств ощущений.

- Появление нормальных ощущений здесь-и-сейчас, в актуальном пространстве и времени. Вижу..., слышу..., касаюсь....

- Многообразие и дифференцированность ощущений, взаимодействующих в едином сенсорно-перцептивном существовании индивида, разделяющихся внутри этого существования на типы и сохраняющих в нем относительную автономность.

- То, что «в состав душевной жизни ощущения входят некоторым необходимым ингредиентом, как неотделимый момент какого-то первичного единства, переживания» (130, с. 514) Ощущения проживаются часто как интимное чувствование удовольствия - отвращения - страдания или восторга - волнения - страха по поводу сенсорного впечатления. Трудно бывает отличить ощущение от эмоции по его поводу. Например, запах потрясает тошнотворностью, звук пугает оглушительностью, потеря равновесия проживается в страхе, общее самоощущение телесной легкости сопряжено со сложными чувствами изящества и грации и т.д. Эмоциональные включения в ощущения традиционно называются их «чувственным тоном».

- Существование ощущений и внутри бессознательного сенсорного потока, где все слито со всем, и внутри континуума сознательно различных душевных впечатлений, в которых выделен момент связи ощущения с предметным источником и момент инициирования ощущения самим субъектом.

К приведенным признакам следует добавить сенситивность или чувствительность индивида к источникам самого различного происхождения.

Источники ощущений обнаруживаются «в» и «на» теле индивида, во внешнем для него мире, в материальных и ментальных предметах, в обычной

и необычной реальностях, во внутриспсихическом и внешне- практическом опытах индивида.

В саду колдует **запах павшего листа....**

Сжимает **болью сердце...**

Дух новой осени смешался в ощущении

С тревожной **прелью тканей** тонких платьев

Живущих прежде женщин.....

Пра-женское, осеннее замучит

Не бывшим ароматом древней Ты.

2.2. О сенсорных системах

В утонченности человеческих ощущений, имеющих невероятное богатство источников, традиционно усматривают опосредующее действие совершенной по организации нейрофизиологической системы. Ее деятельность осуществляется по принципу функционального единства специализированных анализаторов: зрительного, слухового, вкусового, обонятельного, осязательного, проприоцептивного и т. д. Связь анализаторов столь необходима и тесна (взаимодействие, взаимная компенсация, взаимное замещение), что структура каждого из них включает множество элементов и целостных структурных фрагментов других. Отсюда определение каждого анализатора как физиологической «сенсорной системы».

Любая сенсорная система в части своей анализаторной доминанты отличается следующими чертами: 1) реагирует на определенную форму энергии или информации; 2) обладает особым «органом чувства» как местом ввода стимульной информации, которая будет обрабатываться системой; 3) орган чувств имеет в своем составе рецепторы или специализированные клетки, способные превращать физическую энергию раздражителя в электрические нервные импульсы - единственную форму, в которой связь с источником доступна для мозга; 4) в каждую сенсорную систему включены соответствующие органы головного мозга (коры, подкорки), которые на

своим уровне аналитико-синтетическим путем интерпретируют рецепторные импульсы и создают условия для проживания факта ощущения; 5) для определенного сенсорного впечатления необходима некоторая минимальная стимуляция рецептора, называемая «абсолютным порогом»; обычно им считается интенсивность раздражения, при котором ощущение испытывается индивидом в 50% случаев. (Gross)

Кроме того, при характеристике сенсорных систем исследователями указывается на включенность в их состав органов движения (тела - руки - глаза - органа речевого движения и т.д.), которые выступают одновременно как проводники афферентного возбуждения, как средства сенсо - моторного реагирования, как сосредоточия чувствительных клеток и как универсальные источники ощущений. Связь чувствительности с движением для каждого вида сенсорики и типа моторного реагирования имеет особые пространственно- временные характеристики, например, «время реакции», «скорость реакции», «направленность реакции», «точность реакции» и т.д.

В единой сенсорно-двигательной функциональной системе рецептивная активность выступает моментом организации (предвосхищения, подготовки, регуляции, побуждения) непрерывной поведенческой, действенной, речевой, поступковой динамики индивидуальной жизни. Глубокие исследование указанных зависимостей связаны с близкими нам именами И.П. Павлова, А.А. Ухтомского, Н.А. Бернштейна, П.К. Анохина.

Характеризуя сенсорные системы, отмечают их способность быть не только приемниками стимульной информации но и передатчиками - трансформаторами импульса в условиях отсутствия адекватного источника По описаниям С. Грофа, при прослушивании холофонических записей возникают ощущения не-акустического происхождения.

«Звук щелкающих рядом с головой ножниц вызовет реалистичное ощущение, что вам стригут волосы; услышав, как кто-то зажигает

спичку, вы явственно почувствуете запах серы, а шепот женщины вблизи уха заставит ощутить ее дыхание.» (42, с. 100)

За подобными феноменами и многими другими связями ощущений стоят сложные анализаторные объединения. Они обеспечивают подкрепление, сопровождение, дифференцирование и обособление доминанты определенной сенсорной системы и ее готовность в свою очередь стать действующим элементом другой системы. Например, в оптической системе зрительная доминанта близко связана с тактильным и кинестетическим элементами. Слуховая доминанта в акустической системе – с ее кинестетическими и вибрационными составляющими. Доминанта тактильной системы - с кинестетическими, температурными и болевыми элементами. В обонятельной системе сильным влиянием обладают тактильная и вкусовая рецепции.

Типы сенсорных источников, закономерности их действия на нервную систему индивида, типы рецепции и психо- практических эффектов определяют множественные характеристики ощущений, В соответствии с наиболее общими характеристиками, сенсорные явления систематизируются в классы. Частью известные классификации ощущений носят эмпирический характер, частью - объяснительно-теоретический, частью - умозрительный, а иногда в них есть что-то от древних таксономий.

Не углубляясь в историю их создания, представим их в модели, позволяющей найти место каждого конкретного ощущения во многих классификациях и учесть таким образом максимум его существенных свойств..

2.3. Классификации ощущений

У любой классификации есть свое более или менее сложное **основание**, заключающее указание либо на один общий признак, либо на несколько рядоположенных признаков, либо на сложную связь признаков,

позволяющую объединить и детально различить классифицируемые феномены. В традиционных классификациях ощущений можно найти основания разных видов.

Первое. По основанию **отнесенности к пространственному или временному способам жизни** различаются ощущения пространства и ощущения времени. Выделяются ощущения внешне - объективного и внутренне - субъективного пространства и ощущения объективного и субъективного времени. Сложные зрительно - слухо - кинестетические ощущения внешнего пространства достаточно хорошо изучены и описаны. Интегральное ощущение «схемы тела» выявлено как обеспечивающее пространственную фиксацию внутреннего во внешнем. За границами научного объяснения остается реально проживаемое ощущение целостности, обычности или разложения и качественного изменения картины внутреннего или «виртуального», или «идеального» пространства.

Ощущение течения, ритма, одновременности процессов внешнего мира и ощущение внутреннего времени (длительности, поступательности психической жизни) представляют для психологов две относительно самостоятельных формы временной сенсорики. Данные психологических экспериментов показывают, что интервалы объективного времени при их непосредственном проживании оцениваются индивидами с теми или иными субъективными искажениями.

Не менее, чем ученых, соотношение данных временных форм интересуют философов, художников, поэтов. Например, соединение ощущений внешнего и внутреннего времени постигается на уровне философско – художественных интуиций как чувствование индивидом само-присутствия и конечности «я» в мировом временном потоке, а их разделение - как отпадение от всеобщего времени бытия.

Индивидуальная связь с объективным временем может уступить силе субъективного ощущения пребывания «вне времени». Этой силе К.Г. Юнг

дает характерные архетипические объяснения. Например, в описаниях архетипа Матери, он подчеркивает самоощущение вечности, присущее женщинам:

«Каждая женщина простирается назад - в свою мать и вперед - в свою дочь. Это участие и смешение порождает неопределенность в отношении времени: женщина живет раньше как мать, а позже как дочь. Сознание этих связей порождает ощущение, что ее жизнь простирается над поколениями - первый шаг к непосредственному переживанию и убеждению в пребывании вне времени, что несет с собой и чувство бессмертия.» (184)

Второе. По основанию **сенсорной данности объектов или самого субъекта** различаются экстрацептивные и интроцептивные ощущения. Сенсорные впечатления об объектах возникают, угасают и взаимоперетекают в непрерывном стимульном (оптическом, акустическом, физическом, механическом и т.д.) воздействии на субъекта, заключая в себе момент отделенности «самости» или «я» от иного, другого. Интроцептивные ощущения (тактильные, болевые, температурные, проприоцептивные, органические или соместезии), а также ауто-направленная сенсорика (зрительная, слуховая, обонятельная и т.д.) соединяются в сложном самоощущении, составляющем чувственную предпосылку самосознания.

Древность корней самоощущения дает себя знать в своеобразном слиянии внешней и внутренней чувственности, при котором отсутствует субъект - объектная разделенность. По этому признаку Мартин Бубер находит сходство между архаичным человеком и поэтом. Вещи запечатлеваются ими не в их отвлеченных свойствах, а в их непосредственном «превращении» в самого ощущающего.

«Человек не думает о луне как таковой, какой он видит ее каждую ночь, ибо то, что он помнит, не есть ни образ блуждающего светящегося диска, ни образ ассоциирующегося с этим диском демонического

существа, - он помнит непосредственный эмотивный образ, лунную жидкость, протекающую сквозь тело.» (Цит. по: 69, с. 36)

Третье. Ощущения различаются на основании их **связи с различными формами существования и движения материи** в их взаимозависимости и взаимных переходах. По замечанию Б.Г. Ананьева, обращает на себя внимание дублирование сенсорных функций, связанных с одной и той же формой, но с разными ее свойствами и отношениями. Так, например, тактильные, вибрационные, мышечные, вестибулярные ощущения связаны с определенными моментами и свойствами механического движения тел, в том числе и тела человека. Зрительные, слуховые, вибрационные, температурные связаны с различными способами молекулярного движения, а обоняние и вкус - с химической природой вещества и химической реакцией веществ. Соместезии и вкусовые ощущения определяются биологической формой существования и движения материи. (5)

Четвертое. Сенсорные явления дифференцируются также по **генетическому** основанию: признакам возникновения в филогенезе, подверженности культурно - историческим изменениям и влияния на онтогенез психики. Например, выделяются протопатическая и эпикритическая чувствительность (Г.Хэд). Первый тип ощущений описывается как глубинный, генетически ранний, слабо сознательно представленный, сильно аффективно окрашенный, обладающий яркой побудительной и активирующей ориентацией, характеризующийся сенсорно - эмотивно - моторной нерасщепленностью, мало подверженный культурным влияниям и имеющий незначительную индивидуальную вариативность. Сюда относятся органические ощущения (голод, жажда, удушье, сексуальная чувствительность и т.д.), а также смутно переживаемые следы ныне отмирающей чувствительности, которая в некоторых случаях проявляется в феноменах необычной сенсорики, например, ощущения «своего места» или чувстве воздействия «тонких энергий». Легко улавливавшиеся древними

людьми, воздействия такого рода почти недоступны обыкновенной человеческой рецепции.

В автобиографических записках К. Кастанеды находим свидетельства, что в предметной обстановке актуального пребывания человек особыми сенсорными усилиями может обнаружить «пятно счастья», то есть место, где улучшается его самочувствие, открываются высшие способности. Автор описывает, как он под руководством учителя-индейца в поисках «пятна» несколько часов подряд тщательно, в состоянии напряженного вчувствования обследовал пол темной веранды дома.

«Наконец, темнота вокруг изменилась...вся периферийная зона поля зрения становилась блестяще окрашенной однообразным зеленовато-желтым цветом.. Эффект был поразителен.» (68, с 14)

Эпикритическая или новая чувствительность определяется как строго специализированная, культурно детерминированная, ориентированная на познавательную и регулятивно - практическую функции, доступная осознанию и открытая к индивидуальному развитию. Ее составляют и совершенствуют видение и создание видимого, слышание и творение того, что может быть услышано, изысканное обоняние и порождение мира запахов, утончение вкусовых ощущений и созидаящая рука.

Различение архаичных и современных ощущений может быть гипотетически дополнено классом сенсорных явлений, которые сегодня говорят об избыточных ощущающих возможностях отдельных людей, а в будущем, возможно, будут нормой чувствительности многих. Они называются «сверх – сенсорными» и по-видимому сообщают о реальной связи человека с теми сторонами бытия, которые не утверждаются сегодня даже высшим по общекультурным мерам мышлением, оставаясь «немыслимыми». Отсюда затруднения с сознательной репрезентацией таких впечатлений, беспомощность доказательств их проживания. В попытках выразить, объективировать себя, экстрасенсорика находят иногда

примитивные, малоубедительные для ratio репрезентации. И тем не менее. их сигналы о неоткрытых бытийных свойствах (нарождающихся или бывших всегда) нуждаются во внимании и понимании психологов.

Пятое. Ощущения различаются по их **связи с деятельностью специализированных органов чувств**. Так, по систематизации Милнера (95), вкусовые ощущения анатомически соотносятся со вкусовыми «луковицами», расположенными на поверхности языка. Орган вкуса имеет проекции в таламусе и соматосенсорной коре головного мозга.

Обонятельные ощущения обеспечиваются активностью обонятельных рецепторов, находящихся в обонятельном эпителии, выстилающем верхнюю часть полости носа. Орган обоняния проецирован в передний мозг, к миндалевидному ядру и лежащей над ним коре.

Соматосенсорная чувствительность: кожные ощущения давления, прикосновения, боли, температуры, зуда, вибрации; статические и кинестетические ощущения; ощущения состояния внутренних органов - имеют своей рецепторной основой чувствительные клетки, рассеянные по поверхности кожи, сосредоточенные в суставной и мышечной ткани органов движения, на поверхности языка и слизистой рта, расположенные в органах и тканях сердечно-сосудистой, пищеварительной, дыхательной и других вегетативных систем. Перечисленные группы чувствительных клеток не имеют жесткой сенсорной специализации и часто отвечают за несколько типов чувствительности, как например, рецепторы с инкапсулированными окончаниями на ладонях и подошвах. Периферия соматосенсорики имеет свое центральное представительство в ретикулярной формации и таламусе, в коре мозжечка, в соматосенсорной коре больших полушарий.

Зрительные ощущения определяются активностью светочувствительных клеток сетчатки глаза (палочек и колбочек). Центральная регуляция зрительной рецепции осуществляется на уровнях латеральных колленчатых тел и зрительной коры больших полушарий.

Слуховые и вестибулярные ощущения возникают при стимуляции рецепторов, локализованных в улитке и вестибулярном аппарате перепончатого лабиринта височной кости. Наружной частью органа слуха является ушная раковина. Мозговая часть слухового и вестибулярного органа представлена таламусом и слуховой корой больших полушарий мозга.

Шестое. На основе **обладания специфическими качествами, или модальностями**, ощущения рассматриваются в их особом психическом бытии, в качестве внутренне проживаемых, переживаемых, сознаваемых, хорошо дифференцированных впечатлений – феноменов. По признаку модальности ощущения делятся на:

зрительные впечатления - данность светлоты, цвета, прозрачности, приятности оттенков источника;

слуховые впечатления - данность звучания, а также высоты, громкости, распространения звука;

осязательные впечатления - данность касания, тяжести, укола, давления, боли, теплоты;

обонятельные впечатления - уловление запахов в их специфических оттенках, насыщенности, доставляемом удовольствии;

вкусовые впечатления - данность специфической «вкусноты», удовольствия «вкушать», остроты вкуса и т.д.;

органические и кинестетические впечатления - впечатления о внутрителесном комфорте и боли, о телесном движении, осанке, походке, динамической пластике тела и т.д.

Специфическое качество ощущения С.Л. Франк удачно определил как «присутствие конкретного имманентного материала, который лишь в процессе суждения отождествляется с определенным идеальным предметным содержанием, но, как таковой, совсем не совпадает с ним.» (130, с. 454)

Феноменологическим продолжением о «материале» ощущений, звучат рефлексии Дж. Джойса.

«Неотменимая модальность зримого.... Хотя бы это, если не больше, говорили моей мысли мои глаза...Я здесь, чтобы прочесть отметы сути вещей: всех этих водорослей, мальков, подступающего прилива, ржавого сапога. Сопливо-зеленый, серебряно-синий, ржавый: цветные отметы... Пределы прозрачности...» (52, с.31)

И далее - о первых осязательных, слуховых, зрительных феноменах утра.

«Движение воздуха, утренние петухи в отдалении, церковные колокола с разных сторон, вокализы пернатых, одинокие шаги раннего путника, зримое распространение света незримо светила, золотой краешек воскресающего солнца...» (52, с. 489)

В приведенную классификацию условно встроена другая, различающая впечатления о **близком** контакте - слиянии с источником, впечатления об **отстоящем** источнике и впечатления, погруженные в **я -источник**. Однако, лишь вкусовые, осязательные, органические, кинестетические ощущения можно однозначно отнести к одной из категорий. Остальные виды чувствительности могут быть и «контактными», и «дистантными», и «включенными».

Седьмое. На основании **представленности - непредставленности в сознании** выделяются следующие разновидности сенсорики:

- ощущения, которые, совершаясь, включены в несознаваемый сенсорный фон активной жизни индивида или происходят в условиях общего снижения сознания либо сна: внесознательные ощущения;
- ощущения, которые появляются в форме смутной сенсорной данности и не различаются, а, скорее, интуитивно учитываются в бытии здесь и сейчас: предсознательные ощущения;
- ощущения, входящие в актуальную структуру ясно сознаваемых душевных содержаний и фиксируемые индивидом как значимые: сознательные ощущения;

- ощущения, проживаемые и понимаемые как необычный сенсорный опыт, интуитивно оцениваемые в качестве высших, выводящих за пределы возможного, свидетельствующих об исключительности и избранности ощущающего: сверхсознательные ощущения.

Для человека одинокого и боязливого легкий шорох за темным окном становится напряженно фиксируемым впечатлением. Тот же шорох будет едва отмечен человеком, увлеченным оживленной беседой с другом. И он же сольется с общей музыкой ночи для поэта, ищущего в природных ритмах гармонию слов. Если же этот шорох немислимой силой стиха будет превращен в ощущение чуткого слушателя, тот может прожить его как скользящий шаг Королевы Ночи.

В рассмотренных классификациях видна многосторонность конкретного ощущения, зависящая от разнообразия его ролей в индивидуальной жизни.. Богатство ролей, в свою очередь, связана с множественностью жизненных преобразований и форм ощущения..

2.4. Жизненные трансформации ощущения.

Исходной формой индивидуальной сенсорики является общее **свойство ощущать** и **свойство дифференцированных ощущений**. Данные свойства составляют в норме **сенсорный потенциал**, который реализуется и в спонтанном онтогенетическом развитии индивида, и в его социально - направляемом становлении, и в саморазвитии. Потенциал может быть более или менее мощным, обещающим определенную утонченность сенсорики и осуществленным с той или иной полнотой. Большие врожденные возможности определенного вида чувствительности выступают **сенсорными задатками** (тонкий слух, свето - цветовая впечатлительность, обонятельная или осязательная чуткость и т.д.).

Вызванность потенции к реализации проявляется в непрерывно действующих **влечении к ощущению** и **готовности ощущать**, которые

ориентируют субъекта на поиск сенсорных сигналов, знаний, знаков, впечатлений, феноменов. Субъективная предуготовленность к ощущениям в условиях адекватной сенсорной стимуляции переходит в **процесс ощущения**, имеющий свои временные, скоростные, силовые, модальные характеристики, а также параметры эффективности, зрелости, завершенности.

В процессе ощущения рождается **сенсорный эффект** или собственно ощущение как сенсорная данность источника. У сенсорного эффекта есть особые показатели, определяющие его жизненное значение: адекватность - неадекватность, элементарность - сложность, модальные чистота - смешанность, слабость - интенсивность, безэмоциональность - эмоциональная насыщенность, кратковременность субъективной фиксации - длительность фиксации, абстрактность - конкретность, осознанность - бессознательность и т.д.

Сенсорный эффект проходит в жизненной динамике множество **внутриличностных метаморфоз**, в частности, становится содержанием сенсорной памяти, переходит в состав сенсо - моторной реакции, растворяется в образах восприятия, служит сенсорному обогащению понятийного знания. Кроме того, сенсорный эффект может найти **внешнее выражение** в результатах и продуктах индивидуальной деятельности: в высказанном или написанном слове, в изображении, в информационном сигнале, в созданной вещи, в жестах общения, в пластическом самовыражении и т.д.

Устойчивость и повторяемость индивидуально значимых сенсорных феноменов детерминируют **зрелую потребность ощущать**, направляющую индивида на расширение, обогащение, избирательность ощущений, на формирование доминирующей чувствительности в структуре сенсорного типа данного индивида. Если сенсорная потребность полноценно реализуется и прогрессирует, полно выявляются определенные сенсорные задатки, а чувствительность все более влияет на успешность и уровень деятельности,

общения, творчества человека, то можно говорить о развившейся **сенсорной способности**. Так рождаются уникальные ощущения музыканта, художника, мастера пластических искусств, ощущения пользователя информационных систем и оператора, ощущения дегустатора, целителя и, может быть самое ценное в этом ряду - ощущения любящего, любимого, ощущения верующего.

Заметное при специальном наблюдении преобладание сенсорных способностей и установок в общем отношении личности к себе и миру явилось основанием открытия К. Г. Юнгом особого **психологического типа** – «ощущающего». Нужно учесть, правда, что при переходе к личностным определениям сенсорики очень трудно отделить в сложном процессе единой жизнедеятельности собственно «сенсорное» от «перцептивного» и потому ощущающий тип является по сути ощущающе - воспринимающим.

Сенсорные компоненты и сенсорные доминанты личности служат в динамике общечеловеческой жизни **факторами** индивидуального **приспособления** к миру, **самоосуществления** в мире и **изменения** мира. В этом проявляют себя конечные, предельные формы бытия-в-ощущениях.

Все промоделированные трансформации ощущений находятся в зависимости от действий индивида, направленных на расширение пространственной и на организацию временной связи с жизнью. Стихийная «фаустовская жажда» вечно юной чувственности заставляет нас снова и снова, действуя, погружаться в состояние сенсорного поиска и активный сенсорный процесс.

2.5. Сенсорная активность.

Это понятие вводится в теорию ощущений, чтобы подчеркнуть не - пассивную, не - рецептивную позицию ощущающего и сложность процесса ощущения, имеющего в своем составе множественные динамические включения.

Любая человеческая активность предполагает многоплановую **детерминацию**, начиная от ее стимуляции и заканчивая силами ее саморазвития и саморазвертывания. Конкретная ощущающая активность одновременно является моментом непрерывного глобального процесса психической жизни, моментом совершающейся в данной ситуации адаптационной, когнитивной или регулятивной деятельности и моментом общего сенсорного «среза» названных процесса и деятельностей. В качестве общих детерминантов она имеет предысторию освоения всех когда-либо встреченных индивидом предметных источников, особенности общего стиля оформления и удержания им предметных содержаний, фактор создания индивидом источников ощущений, установку индивида на получение сенсорных впечатлений внутри ведущей для него деятельности. Последняя может совершаться ради познания, сближения с другими людьми, творчества, обладания прекрасным, переживаний счастья, самоактуализации и соответственно мотивировать ощущающую активность.

Если отвлечься от имплицитной и опосредованной детерминации, то в прямом наблюдении обнаруживается зависимость сенсорной активности от предметных источников, действующих здесь-и-сейчас и либо внезапно вторгающихся в мир «я», либо привычно появляющихся в нем, либо специально создаваемых я-для-себя. Когда же сенсорная стимуляция ограничивается во всех этих возможностях, то есть возникает ситуация «сенсорной депривации», ощущающая активность находит обходные пути - обретает стимульные заместители в мире грез, воспоминаний и кажимостей.

Отдаленная и ближайшая обусловленность является первой характерной чертой сенсорной активности. Вторая черта - это своеобразное течение ощущения, при котором оно принимает проникающие влияния телесно-поисковой, нервной, разнородной психической и реактивно-моторной активностей индивида. В этом сложнейшем сенсорном процессе индивид субъективно превращает «предметность» в предметное психическое

содержание, где данность отдельного эмпирического свойства источника включает, например, обобщенно-образные и абстрактно-мыслительные данные.

Выделим основные **психические включения в сенсорную активность**:

- 1) образование перцептивных впечатлений о предметных структурах, содержащих источники ощущений;
- 2) актуализация представлений о прежних ощущениях, подобных актуальному;
- 3) эмоционально-оценочная активность, сообщающая сенсорике модус удовольствия-неудовольствия;
- 4) понятийно-логическая активность, осуществляющая категоризацию ощущения;
- 5) речевое обозначение испытываемого ощущения;
- 6) общая активность сознания, делающая все отмеченные процессы в их соотнесенности с предметом интегрированными, эффективными, устремленными к единой цели: я - проживанию дифференцированного ощущения.

Красный платок Джулии Ламберт, героини Моза, когда он волшебным образом возникает на сцене перед изумленными зрителями в руках этой великой актрисы, приковывает взгляды как вызывающе яркое цветовое пятно на более тусклом фоне, как великолепный оттенок красного на волнующемся лоскуте шелка, как одно из лучших красных видений, испытанных зрителем в жизни, как тревожное, восхитительное и томящее цветовое впечатление, как опыт встречи с идеальной «краснотой» вещи.. (97)

Еще одной чертой сенсорной активности является **двойственность ее динамики**. С одной стороны, она выступает в виде спонтанного самодвижения диффузных, едва различимых чувственных состояний, с другой, улавливается, направляется и организуется сознанием. В первом

случае индивида «охватывают» ощущения, во втором - он «имеет» и «знает» свои ощущения.

С. Франк приводит несколько ситуаций погружения человека в бессознательную стихию сенсорно - чувственных состояний.

Вот мы в полудреме. Неуловимое в своей прихотливости и изменчивости многообразие ощущений без остановки протекает в нас, как капли воды в текущей реке, и вместе с тем слито в одно неразрывное, непреходящее бесформенное целое.

Или мы в состоянии сильнейшего возбуждения. Мы теряем здесь типичные черты нашего обычного, нормального сознания: ощущения пространства и времени, внешнего мира, нашего «я». Вместо них - бурный водоворот неудержимо несущегося потока чувственности.

Или - состояние бреда, когда утрачивается понимание предметного значения ощущений. Нас приковывают, мучают яркие цветные пятна, назойливые звуки и шумы, устрашающие смутные образы, гнетут ощущения головокружения, тошноты, замирания сердца. Причем, в непосредственном проживании все эти формы чувственности взаиморастворены и наплывают тяжелой темной волной. (130)

Однако, более, чем неотделенность от стихии ощущений, человеку свойственно осознанное отношение к ним. Очевидна **разная степень присутствия и влияния сознания** на сенсорную активность.

1. Сознание на своей периферии нечетко, мимолетно фиксирует ощущение.
2. Сознание случайно улавливает в свой фокус сенсорное впечатление и отчетливо фиксирует его.
3. Сознание в своей предметной направленности ищет сенсорное впечатление, фиксирует его и удерживает в своем фокусе.
4. Сознание активно «работает» с ощущением, способствуя его преобразованиям, улучшению.

5. Сознание направляется на интенсивное проживание ощущения, с тем, чтобы впоследствии угаснуть при я - растворении в нем.

Осознанность ощущений является существенным признаком их я -овладения или субъектности. Другим признаком выступает **действенно-практическая сторона** оощающей активности.

Действенный план процесса ощущения сложно структурирован.. Его, в частности, составляют: общее телесное напряжение в процессах сенсорного поиска и сенсо-моторного реагирования; избирательная активность органов движения, вызывающая ощущения и отвечающая на них; динамические системы рече - движений, движений глаз, движений рук и т.д., снимающих интегральные информационные данные о среде жизни; хорошо скоординированные микро-движения многих органов, обеспечивающие сенсорное регулирование сложной предметной деятельности. Сознательно - деятельностное опосредование позволяет оощающей активности совершенствоваться до уровня сенсорных открытий, тонкостей сенсорного общения, исключительного чувствования другого человека и уникального самоощущения.

Сенсорная активность порождает сенсорный феномен, сенсорную данность источника, или сенсорное «знание» - явления одного порядка, относящиеся к **эффектам ощущения**. Аналитическая модель их эмпирических характеристик составит предмет дальнейшего рассмотрения.

2.6. Характеристики сенсорного эффекта.

В фиксации покоя и схватывании движения источника и в собственном движении относительно источника субъект открывает его чувственные константы, а именно, положение в пространстве, перемещение, длительность действия, силу, качества. и субъективную значимость. (5; 26; 27; 37)

Сенсорная данность пространственной локализации источника связывается современной психологией с превращением чувственных

проекций множественных исследовательских действий относительно предмета в единые одновременные структуры его близости - удаленности, направления относительно ощущающего, смещения вправо - влево и т. д.

«Временная последовательность компонентов образа траектории движения преобразуется в симультанную структуру и формирует одновременную схему слухового, зрительного, обонятельного, тактильного и т.д. пространства.» (26, с.150)

Это прежде всего касается локализации источников во внешне - предметном мире. Иные особенности, скорее не объясненные, а описанные психологией, свойственны локализации внутри-телесных и внутри-психических источников. Так анатомо-физиологическое пространство тела, структурно оформившись для индивида в проприоцептивных, органических и т.д. ощущениях, непрерывно информирует его о текущем состоянии, целостности, изменениях телесных органов и систем. Ощущение боли является при этом способом наиболее прямой и точной локализации источника телесного возмущения.

«Способ, каким при болезнях человек получает новое знание о своих органах, является, может быть, типичным способом того, как вообще складывается представление о своем теле.» (133, с. 432)

Убедительные данные о сенсорных сигналах внутри-психического пространства найдены глубинной психологией К.Г. Юнга и его последователей. С. Гроф, моделируя события расширения сознания, показал необычную отнесенность «внутреннего к внутреннему», точнее, ощущающего «я» к архетипическому содержанию бессознательного..

«В психоделических состояниях и при других необычных переживаниях можно испытать драматичные эпизоды самого разного рода, причем с живостью, реальностью и интенсивностью, сравнимыми с обычным восприятием материального мира или превосходящими его. Хотя зрительный аспект этих эпизодов стоит, пожалуй, на первом месте,

надо сказать, что вполне реалистичные переживания могут быть и во всех других сенсорных областях. Иногда отдельные мощные звуки, голоса людей или животных, интенсивная физическая боль и другие соматические ощущения или отчетливые вкус и запах могут доминировать в переживании или играть в нем важную роль.» (42, с.49)

Другие критические явления сенсорной локализации в психическом пространстве гипотетически соотносятся с состояниями творческого фантазирования, сна, медитации и эйдетическими феноменами.

Сенсорная данность перемещения в системе субъект - предметный источник связана с уловлением, по мере движения, динамического контура изменений локализации источника во внешнем пространстве. Внешние события обретают форму текущих событий сенсорного пространства. Роль движений тела в возникновении сенсорной данности перемещений источника указывает на особую значимость кинестетического опосредования динамики ощущений..

Сенсорная данность длительности источника гипотетически детерминирована длиной континуума последовательных сенсорных действий, совершенных ради адекватного ощущения, периодом телесного напряжения при удержании ощущения, длительностью сознательной фиксации ощущения в его связи с предметом. Объективная точность времени действия источника «искажается» присутствием в ощущении особой внутренней длительности включенных в сенсорный процесс психических процессов: апперцептивных, мнемических, мыслительных. Время сенсорной зависимости от действия источника может раствориться в длительности внутреннего проживания ощущения.

По-видимому, подобную относительность сенсорного уловления объективного времени имел в виду Э. Гуссерль, когда впечатление-в-настоящем о красном объекте определил как «континуум ощущений вида «красное» восходящее к идеально чистому красному». (44, с..43) Потеря

ощущением объективной длительности, зависящей от временных параметров источника, может приобретать, по мысли А. Бергсона, абсолютный характер, если мы имеем дело с «чистой длительностью» индивидуальной душевной жизни. Здесь наше «я» не делает различий между наличным ощущением и теми, что ему предшествовали; «я» не знает, что испытывает ощущение и последнее оказывается слитым с единым психическим потоком. (16, с. 93)

Интенсивность ощущения находится в не прямой связи с объективными силовыми характеристиками источника. В частности, она опосредована интенсивностью периферической реакции анализатора на стимул. Эта реакция, согласно достаточно распространенному в физиологии взгляду, является логарифмической функцией силы раздражителя. Согласно знаменитому закону Вебера – Фехнера, подобная математическая зависимость существует также между физической силой раздражителя и субъективной величиной ощущения.

В дополнение знаний о количественных зависимостях сенсорной интенсивности от параметров физических и физиологических процессов существуют феноменологические концепции ее **качественных связей** и **составляющих**.

Согласно данным А. Бергсона, интенсивность как качество ощущения определяется:

- распространением мускульного напряжения от сенсорного органа по всему телу при уловлении и фиксации ощущения, иначе, «сенсорной затронутостью» всего тела;
- влиянием общей сенсорной восприимчивости индивида;
- ситуативной установкой либо на уход от ощущения, либо на пассивное ощущение, либо на активное вчувствование, либо на поглощенность ощущением;
- моментом появления ощущения либо в «незаполненном» либо «заполненном» сознании;

- присутствием в ощущении множества других психических состояний, проникающих друг в друга;
- характером осознания ощущения: я – проявлением или я – погашением ощущения;
- активностью эмоционального переживания ощущения, отнесенностью ощущения к феноменам личных значимостей: красоте, гармонии, любви;
- проживанием ощущения как самодовлеющего, относительно независимого от своих причин.

Так музыкант при нажатии на клавишу, желая вызвать свой неповторимый звучащий тон в нужной ему интенсивности, интуитивно создаст все необходимые условия для этого: приложит соответствующие усилия давления пальца и руки, приняв при этом соответствующее положение тела; приложит усилия фиксации пальца на клавише, добиваясь необходимой громкости звучания; сопереживая звучанию, придаст ему неуловимые эмоциональные «вибрации»; фокусируя сознание на тоне, сделает его интенсивность чистой, свободной от влияния осознаваемого звукового фона; совершит то, что не поддается ни научным объяснениям, ни описаниям - выразит все бытие музыкальной души в одном неповторимом тоне, который зазвучит с пронизывающей слушателя красотой. (16)

Модальность ощущений указывает на принципиальные различия по общему качеству проживания и осознания между ощущениями разного происхождения и разных видов. Субъективные влияния на ощущения не могут существенно исказить этого качества, которое дается как «след» объективно воздействующего источника, проецируется в данный источник и описывается в предметных терминах. «Неотменимые» зрительная, слуховая, осязательная, обонятельная, вкусовая и т.д. модальности настойчиво напоминают нам о предметном мире, но при этом, наше ощущающее и сознательное присутствие в нем превращает любой предмет во внутренний, а его свойства - в особые душевные впечатления. Упомянутое видение героем

Джойса **зеленых водорослей** означало и **его ощущение зелени**, присущей водорослям.

Каждая модальность дается ощущающему либо как отдельный качественный признак предмета, либо как соединение ряда качественных признаков, определяющее дифференцированное человеческое вчувствование в предмет. Зрительная модальность дается в признаках светлоты, яркости, прозрачности, цвета, цветовой насыщенности, приятности действия источника. Слуховая - в высоте, тембре, ритме, громкости, приятности звучания источника. Осязательная - в твердости, упругости, теплоте, гладкости однородности-неоднородности поверхности предмета. Вкусовая - в признаках соленого -кислого, горького - сладкого, пряного, острого, безвкусного, а также приятного, противного, тошнотворного и т. д. действия вкусового источника. Обонятельная - в неисчислимых оттенках запахов, их резкости, остроте, насыщенности, приятности и т.д.

Очевидным является проникновение в ощущения разных модальностей одномоментных эмоциональных оценок ощущаемого и слияние в одном сенсорном впечатлении нескольких разнородных модальных признаков. К примеру, звон колокольчика подъезжающей тройки для усталых хозяев, нежелающих новых гостей, звучал, наверное, визгливо, дребезжаще, оглушающе, немолчно, мертвенно, будто обдающий холодом. Напротив, для веселящихся гостей тот же звон проживался иначе: округленно, вкрадчиво, весело, мелодично, гармонично, золотисто.

Продолжая тему слияния, вернее, «вливания» во впечатление доминирующей модальности качественно иных сенсорных впечатлений, приведем характерное описание М.Пруста:

«Огромным наслаждением явилось для него уже то, что под струйкой скрипки, тонкой, упорной, густой, направляющей, он вдруг разглядел пытавшуюся взметнуться всплесками влаги громаду звуков рояля, многообразную, нераздельную, реявшую, переливающуюся, напоминавшую

лиловую зыбь, зачарованную и утишаемую лунным сиянием..» (104, с. 178)

В слышании влажных, переливающихся, зыбких, лиловых и серебряных звуков рояля герою становится доступен новый опыт **синестезии** или свойства смешанной чувственности. Оно формируется в индивидуальной душе на основе древней недифференцированной сенсорики и при условии прижизненного разделения ощущений, их синтеза и внутренней дифференциации как полимодальных. Синестезии - важный атрибут любой зрелой сенсорной модальности.

2.7. Индивидуальное развитие ощущений.

Проблема онтогенеза или жизненной эволюции ощущений традиционно исследуется в следующих аспектах. Во-первых, рассматриваются особенности сенсорики в различных фазах становления индивида, во-вторых, выявляется динамика формирования и смены различных жизненных назначений ощущений, в-третьих, изучается процесс становления зрелой способности ощущать и личностные различия устойчивой сенсорной связи с миром, в-четвертых, определяются возможные направления индивидуальной эволюции ощущений: от овладения искусством ощущать и воплощения его в социально ценных продуктах до их патологического, аномального развития.

В общем процессе сенсорного онтогенеза можно выделить несколько единых и относительно автономных линий. Первая линия - пробуждение в младенчестве и последующее возникновение при измененных состояниях сознания феномена **недифференцированной чувствительности**, когда мир и индивид субъективно неразличимы, и индивид не существует для самого себя.

Не владеющий сенсорными действиями младенец первоначально погружен в хаос наступающего на него мира и мучительных телесных возбуждений, связанных с незрелостью врожденных процессов гомеостаза. Внешне-

сенсорную спутанность на самых ранних стадиях жизни можно сравнить лишь с чувственной беспомощностью слепого от рождения, внезапно обретшего зрение.

«Человек в таких обстоятельствах, впервые открывая глаза, не получает никакого удовольствия, на самом деле, эта процедура оказывается для него довольно болезненной. Он говорит только о вращающихся массах света и цветов и оказывается совершенно неспособным зрительно выделить объекты, распознать или назвать их.»
(56, с. 39)

Подобные ощущения, но не сопровождаемые столь определенным переживанием дискомфорта, может испытывать человек при переходе от сна к бодрствованию или, к примеру, в первые моменты преодоления сенсорного барьера в психоделических состояниях.

Доминирование первой линии очень скоро, в первые недели жизни, сменяется преобладанием **дифференцированных ощущений**, обусловленных формирующимся телесно-двигательным умением ощущать и определяющих постепенное приобретение психического и внутри-телесного комфорта. Исходные сенсорные дифференцировки связаны с удовлетворением базисных био-психических и психо-социальных влечений к здоровью, избеганию голода и жажды, ласке, заботе, моторному и когнитивному развитию и т.д.. В зависимости от стабильности и предсказуемости ситуаций этого удовлетворения, они могут приобретать гетерохронное, или неравномерное, развитие (Б. Г. Ананьев). Так сенсорика, связанная с ситуацией сосания, первоначально приобретает сверх-значимость и берет на себя функцию общего разделения внешнего и внутреннего, когда внешние впечатления - звук шагов и голос матери, ее теплота и запах, ее прикосновения - становятся важнейшими условиями наступления внутреннего благополучия.

По мере выделения из общего сенсорного фона жизни внешне-сигнальной сенсорики (осознания, видения, слышания, обоняния) набирает силу третья линия эволюции ощущений. Ее можно назвать **совершенствованием отдельных видов чувствительности**. Она почти исключительно детерминирована исходящими из социума задачами и требованиями достижения адаптации и успехов в различных сферах практики и общения, а также способностью социума обеспечить личности разнообразное сенсорное развитие. Данная линия отчетливо выделяется с третьего года жизни ребенка, когда направленность и обратимость сознания уже позволяют воссоздавать и фиксировать сенсорные события. Захваченность ощущениями, поглощение объектами, которые обладают манящими зримыми, слышимыми, осязаемыми качествами, неудержимое, без страха и заботы движение к ним уживается у ребенка с сосредоточением на освоении и повторении ощущений, а также с выделением их из психического потока как своих особых значимостей. Открытие у себя музыкального слуха или любви к цвету, или пристрастия к тонким кинестезиям при попытках мастерить, танцевать, рисовать, писать, или возможности испытывать эротические ощущения являются важными признаками пробудившегося самоотношения ребенка, в котором он принимает себя как источник и обладателя чувственных сокровищ.

Живость и свежесть детских ощущений при их обобщении и категоризации в развивающейся мысли постепенно сменяется **абстрактным чувствованием**. Ощущение как бы покидает единичные предметы, с которыми оно было прежде магически сращено, и становится «чистым» качеством, которое мы можем отнять или возратить предметам в зависимости от целостного психического отношения к ним. Ребенок - невротик мысленно лишает свое окружение достоинства иметь яркие цвета, и доведись ему изобразить близких, он нарисует их серыми. Тот же серый цвет, впитавший для подростка и юноши печали и тревоги от действия бесцветных, призрачных, неопределенных и скрытых вещей превращается в

символический, а его изображение – в символ. **Символические ощущения** как форма абстрактного чувствования выступают существенным признаком сенсорного развития индивида. Когда же он прилагает творческие усилия к тому, чтобы создать целые системы сенсорной символики, его ощущения переходят в «тайные коды искусства»..

О символических ощущениях следует сказать особо. Несомненно являясь **большими феноменами** общечеловеческой и индивидуальной культуры, они имеют архетипические истоки и ориентиры. Например, при понимании и производстве сенсорной символики индивид приобретает естественную связь с древними коллективными представлениями о сложном вертикальном упорядочении элементов мира и о существовании объектов в общем космическом ритме, где положение объекта в одном плане реальности соответствует положению объекта -аналога в другом ее плане. В вертикальных порядках. могут быть соединены музыкальные инструменты, орудия культуры, рабочие инструменты, животные, боги и небесные тела, ритуалы, **цвета** и должности, части человеческого тела, фазы человеческой жизни, психические свойства и т.д. (69, с.37) Цвет в этих бесконечных соответствиях рассматривается как один из немногих базовых ритмических феноменов, несущих в себе множественные синтезы противоположных явлений. Красный соответствует власти, крови, смертной муке, очищению. Зеленый - рождению, произрастанию, умиранию, разрушению. Синий - дневному свету, покою и гармонии, сумеркам, тревоге, погружению во тьму. Психологически интересны соответствия цветов определенным душевным функциям: красного - влечениям и аффективным волнениям и взрывам; синего - мышлению; желтого -интуиции; зеленого - восприятию и созерцанию.

При установке на символические ощущения индивиду долгие годы удастся достигать полноты чувственности, так как в сферу актуальных впечатлений всегда попадают не просто привычные или обыденные предметы с их

очевидными эмпирическими связями, а те же предметы в фантастической избыточности их свойств, ускользающих от непосвященных. Огонь в его цвете, жаре, абсолютной изменчивости и финальности никогда не станет только утилитарным средством выживания или источником разрушения, но наряду с этим будет дан индивиду и в «красноте» энергичного внутреннего порыва к действию, «теплоте» предвкушаемого удовольствия от успеха в преодолении, «мгновенности» происходящего и «самоценности» каждого момента уносимой временем жизни.

Однако, символическое ощущение реальности может отделиться от процесса нормального приспособительного и творческого чувствования, а затем заместить его собой. Например, символическое ощущение пространственно-временной текучести жизни может разрушить у невротической личности устойчивость обыденного мира. Об этом болезненном изменении сенсорики рассказывает герой Сартра:

«Я с ужасом смотрел на все эти зыбкие предметы, которые в любой момент могли рухнуть...Пока я в состоянии держать предметы в поле моего зрения, ничего не случится, вот я и пожирал глазами мостовую, дома, газовые рожки; взгляд мой перескакивал с одного предмета на другой, чтобы застать их врасплох, остановить в разгар их превращения. Вид у них был какой-то неестественный....Я пытался властью своего взгляда вернуть им их повседневный вид.» (116, с. 91)

Эволюция конкретных видов ощущений, сочетающих живость проживания с абстрактностью и символичностью, направлена по линии их интеграции и перехода врожденной способности ощущать либо в зрелую **устойчивую сенсорную функцию личности**, подчиненную в общей душевной иерархии другим психическим функциям и качествам, либо в основной функциональный и качественный показатель психического типа личности.

Сенсорная функция достигает оптимального развития к периоду поздней юности. Гетерохронный процесс созревания различных видов

чувствительности обретает здесь свой «пик», выражаясь во множественных чувственных дифференцировках, высокой скорости сенсо-моторных реакций, широте одновременного чувственного охвата пространства и его предметных составляющих, в сложном ощущении времени, в неповторяющейся больше никогда возрастной открытости к ощущениям и к самозабвенному их проживанию. Картины природы, лица и тела любимых, экстравагантные зрелища, произведения искусства, я-в-зеркале Нарцисса - все влечет и неотразимо притягивает. Именно в юности становится особенно заметной принадлежность личности к **сенсорному типу**.

В юнгианской типологии (157) сенсорный тип с преобладающей направленностью на внешние или внутренние объекты характеризуется следующим образом.

Экстравертный ощущающий тип в высшей степени реалистичен, с сильным объективным чувством факта. Все новое, что приобретено им на пути ощущения, служит цели дальнейшего добывания ощущений. Он может дифференцировать свое ощущение до высшей эстетической чистоты, ни разу не изменив даже в самом абстрактном ощущении своему принципу объективности. На более низкой ступени тип олицетворяется человеком, желающим сильных ощущений, связанных с наслаждением. Объект подвергается насилию и выжимается, являясь лишь поводом для удовольствия. Два полюса негативного сенсорика - носитель грубой чувственности и беззастенчивый рафинированный эстет. Связанность с объектом доводится до абсурда, и в объект непроизвольно начинают привноситься ирреальные содержания: причудливые фантазии, предчувствия, фобии. Объект низводится и обесценивается вплоть до появления неадекватных, отвращающих от него ощущений.

Интровертный ощущающий тип, в отличие от экстравертного, определен не столько качеством и интенсивностью объекта, сколько своим субъективным откликом на него. Нет пропорционального соотношения

между ощущением и объектом; есть несоразмерность и произвольность. Объект не обесценивается, но устраняется в своем свойстве возбудителя путем замещения субъективной реакцией. Иногда создается даже впечатление, что индивид защищается от объекта, различая, правда, внешнюю и внутреннюю стороны своих сенсорных впечатлений. Если нет способности художественного выражения, то впечатления, иногда утонченные и изысканные, уходят вовнутрь и создают напряженность субъективной нереализованности. Часто у этого типа почти нет возможности адекватной передачи ощущений, понимания своих чувствований другими и самопонимания. Он живо откликается на архетипические сенсорные содержания и поэтому его чувственность носит иногда отчетливо архаичный характер. В случаях адаптационной недостаточности субъективной связи с объектом, к нему устремляются негативные интуиции, намекающие о его темных, угрожающих чертах

В целом, ощущающий тип является истинным ценителем, а также потенциальным или реальным творцом, чувственных впечатлений у себя и других.

Еще одна эволюционная линия ощущений ведет к субъективному возведению ощущений до **универсального сенсорного отношения** личности к миру. Эту эволюцию сенсорики отрефлексовал Н. Бердяев, подчеркнув в «Самопознании», что духовная сторона его бытия настолько в своей красоте и совершенстве отстоит от действительной - грубой, телесной, вещественной - жизни, что последняя неизменно вызывает у него отношение брезгливости и желание сменить общее «ощущение отвращения» «идеальным чувствованием».

«Я провел жизнь с полузакрытыми глазами и носом, вследствие отвращения. Я исключительно чувствителен к миру запахов. Поэтому у меня страсть к духам. я хотел бы, чтобы мир превратился в симфонию запахов.» (17, с. 25)

Смена ощущений – универсалий выступает в таком осознании способом внутреннего достижения соответствия зрелого мира идей и мира эмпирических событий.

3. ВОСПРИЯТИЕ ЖИЗНИ

3.1. Психологическое определение восприятия.

Согласно устоявшимся взглядам, теория восприятия прямо следует из теории ощущений, является ее продолжением и удерживает все ее основные положения. Две родственные теории рассматриваются как **единое учение о сенсорно - перцептивной связи и отношении индивида к миру и себе**. Сохраняя в определении восприятия все, что было отмечено как существенное в ощущениях, подчеркнем его специфику и иной, в сравнении с сенсорикой, уровень организации и функционирования.

Первое. Восприятие в своем развитии сенсорно детерминировано, выступает синтезом ощущений. При этом восприятие является тем целостным психическим феноменом, внутри которого ощущения приобретают импульс и возможность дифференцирования, относительно автономной эволюции.

Второе. Восприятие, подобно ощущениям, приобретает в жизненном развитии разнообразные формы. Можно говорить об устойчивой **перцептивной потребности** индивида, направляющей его в поиске перцептивных впечатлений, то есть в **воспринимающей активности**. Восприятие существует также в форме **перцептивного образа**, в котором завершается эффективный воспринимающий процесс. Закрепленные в опыте жизнедеятельности качества воспринимающей активности и ее образных продуктов становятся **личностными особенностями** субъекта перцепции.

Третье. Определяясь деятельностью сенсорных систем, развивающееся восприятие способствует совершенствованию, расширению и упрочению

межанализаторных связей. Интеграция сенсорных систем ведет к превращению ЦНС в единый орган перцепции, физиологически неразрывной с апперцептивной, аффективной, мыслительной и поведенческой функциями. Кроме целостности нейрофизиологической организации восприятия, отмечается перцептивно - функциональная специализация нервной системы человека. Выделяется, например, **рече-слуховая перцептивная система**, синтезирующая слуховые, вибрационные, гравитационные, кинестетические и др. сигналы. Устойчивые интермодальные связи обеспечивают в ней вербализацию чувственно-интеллектуального опыта индивида. Различается также **зрительная перцептивная система**, способная преобразовывать все известные сенсорные сигналы и переводящая значительный массив ощущений и восприятий в зрительные схемы. Подобной универсальностью обладает и **кинестетически-осозательная перцептивная система**, обуславливая важнейшую роль движений руки, глаза, органа речи и целостного тела в процессах построения образа тела, образов его динамики, образов моторного взаимодействия индивида с предметным миром, а также зрительных и слуховых образов.

Сложность и моторные связи перцептивных систем хорошо иллюстрируются моделью зрительной системы Дж. Гибсона (37). Он определяет ее как единство органов, способных к **перцептивной настройке**. Органы имеют иерархическое положение и соподчинение в воспринимающей системе. На самом нижнем уровне орган образуют хрусталик, зрачок, глазное яблоко. Далее следует глаз с глазными мышцами. Он образует орган, который одновременно и стабилизирован, и подвижен. Глаза расположены в подвижной голове и сами в свою очередь могут поворачиваться, поэтому глаза и голова образуют орган более высокого уровня, способный извлекать перцептивную предметную информацию. На самом высоком уровне глаза, голова и тело составляют орган для извлечения информации о движениях и перемещениях в среде.

Четвертое. Отмеченные перцептивные системы с их центрально-корковыми и глубинно-подкорковыми управляющими структурами являются мощными факторами интеграции текучих и изменчивых чувственных впечатлений в целостные и относительно завершенные **перцептивные события**. При этом, ведущие в человеческой перцепции системы должны вступить друг с другом в такие устойчивые межсистемные отношения, которые определяют и подчеркнут **перцептивную доминанту** чувственной жизни индивида. Как правило, имеет место тенденция к преобладанию визуализации происходящего.

«В психическом развитии человека, как и в духовном развитии всего человечества, теснейшим образом связаны две тенденции: тенденция визуализации чувственного опыта и тенденция вербализации чувственной жизни... Доминантность зрительной системы не может объясняться только ее собственным информационным материалом и превосходством оптических сигналов. Такое свойство зрительная система приобретает, благодаря сигнификации видимых предметов.» (5, с. 24)

Самые значимые перцептивные события индивидуальной жизни происходят у большинства людей в «зрительном мире».

Пятое. Восприятие и спонтанно, и сознательно направляется к созданию, воссозданию и изменению перцептивного или первичного **образа актуальной жизненной ситуации**. В образе даются целостные, сложные, присутствующие для индивида здесь-и-сейчас предмет, предметные группировки, предметные обстановки, предметные изменения и преобразования. В образах восприятия слиты, но не взаимно растворены, многие формы чувственности: перцепты **полимодалны**. В любом конкретном образе есть своя модальная доминанта, поэтому говорят о зрительном, слуховом, кинестетическом и т.д. перцептах.

Шестое. Возникший образ восприятия индивид относит к некоторому объекту, внутренне отличаемому от процесса перцепции и от самого воспринимающего. Последний в отстраненном отношении к объекту и в своей способности порождать, осуществлять, направлять и сознавать перцепцию выступает **субъектом восприятия**. Важный признак субъектности - становление перцепции как **активности**, которую инициирует мотивированный, познающий и действующий индивид.

Активное восприятие субъекта с точки зрения психологии деятельности (А. Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Б. Ф. Ломов и др.) рассматривается как «перцептивная деятельность», аналогичная по строению и динамике внешне - предметной деятельности. Отсюда определение динамической структуры процесса восприятия в терминах «перцептивное движение», «перцептивная операция», «перцептивное действие» и изучение этого процесса как живого, непрерывно изменяющегося и обновляющегося, вечно зондирующего предметное пространство. Перцептивная деятельность в начале освоения предмета направляется на решение задач обнаружения, выделения информативных признаков, ознакомления, построения образа- эталона и идентификации предмета. В углубленной перцепции предмета начинает доминировать уточняющая, корректирующая, преобразующая, исследующая активность субъекта по отношению к первичному образу. Относительно простые перцептивные операции предметного различения, сравнения, обобщения и репродукции сменяются действиями структурного анализа, сложной дифференциации признаков, структурного синтеза, конструирования, моделирования новых предметов. Перцепция при этом эволюционирует ко все большему свертыванию, интериоризации и интеллектуализации процесса. Сукцессивные, непосредственно наблюдаемые, сопровождаемые и производимые органами движения перцептивные акты становятся симультанными, внутренними и быстрыми, теряют явную моторную связь с предметом..

В целом этапы развития воспринимающей активности составляют следующий континуум: от узнавания и опознания предмета - к его наблюдению - к созерцанию - к преобразованию образа предмета - к созданию предметного образа. - к образной регуляции деятельности. Активно участвуя в процессах формирования перцептивного образа, субъект к тому же присутствует в образе как его необходимый элемент, в форме данности я-воспринимающего. Перцепт объекта выступает одновременно перцептом субъекта. Это тождество особо очевидно в случаях **самовосприятия**.

Седьмое. Кроме явного сенсорного присутствия, в образе и акте восприятия можно обнаружить мнемические, апперцептивные, символические, мыслительные и эмоциональные **включения**. Например, в сложное событие осмысленного восприятия объекта, в котором я узнаю и о котором выношу суждение: «Это знакомое лицо», - можно найти следующую смену и колебания фокусов проживания образа.

Узнаю лицо, виденное когда-то.. (мнемический фокус).

Ее лицо - лицо красивой женщины...(фокус представления).

В ее юном лице вижу детство и старость...(символический фокус).

Ее лицо изменилось, как она сама...(понятийно - логический фокус).

Это лицо любимо мной.. (эмоциональный фокус)..

Восьмое. Восприятие характеризуется множеством жизненных функций. Соответственно, образ восприятия становится в процессе жизни носителем ряда **функциональных свойств**.

Так, при посредстве перцепции нам открываются объективные **возможности**, заключенные в предметах и отношениях человеческого мира. Восприятие направляет нас к раскрытию неисчерпаемых потенций жизни-для-я. Каждый данный в зрелом перцепте объект указывает на момент состоявшегося освоения части предметных возможностей и одновременно является расширением условий для встреч с новыми возможностями, оставленными индивиду культурой. Потенциал внешнего мира позволяет

человеку узнать свои собственные потенции. Он превращает свои замыслы в перцепты совершаемых действий и создаваемых объектов и узнает самого себя в этом умножении всеобщего опыта..

В перцепции поток наплывающих на индивида внешних событий и встречный поток его субъективной активности приобретают характер регулярности, повторяемости, **инвариантности**, порождая у него интеллектуальную уверенность в мире. Выделяются те внешние признаки отдельных предметов и действий, которые удерживают перцептивную структуру, отличают ее от подобных структур и придают ей уникальность. Эти инвариантные признаки позволяют вновь и вновь воспринимать предмет как «тот же самый», сопротивляющийся любым возмущениям и изменениям среды и окружения. При этом, устойчиво «являющийся» индивидуальный предмет располагает субъекта ко все более тонкой его конкретизации, эстетизации, символизации. Инвариантность перцепта подтверждается в противостоянии и открытости множеству влияний, исходящих от меняющегося и перемещающегося предмета, от развивающейся активности субъекта и от совершенствования самой перцепции.

Освоение среды в чувственных инвариантах служит информированию индивида о сменах условий удовлетворения его влечений и потребностей. В этом смысле перцепты выступают **знаками** нужды в новых актах приспособления и адаптации, в перестройках поведения, усилиях самосохранения, самоактуализации.

Перцепт- знак является одновременно и **перцептом -знанием**. В этой своей форме перцептивный образ выступает целостной и детальной психической репрезентацией предмета, позволяющей внутренне оперировать им при наблюдении, созерцании, опытным исследовании. Добывание перцептивного знания ведется посредством операций предметного анализа, сравнения, синтеза, обобщения. Указанные операции включены как перцептивные составляющих в процессы апперцептивного и мыслительного познания.

Знание, добытое воспринимающим, может **переживаться** им, если известное отражает противоречия в непосредственно доступном порядке вещей. Первичный образ оказывается сращенным с аффективной данностью происходящего. Воспринимая, мы оцениваем жизнь, относимся к ней и эмоционально наполняем ее.

В перцептивных впечатлениях об актуальной жизненной ситуации находим моменты **побуждений** к установлению определенных перспективных связей с отдельными элементами ситуации и ею в целом. Это могут быть побуждения к продлению ситуативной чувственной активности, или к переводу ее в план внешне-предметных действий, или к прекращению перцептивного взаимодействия с ситуацией, или к качественному улучшению перцепции.

Значительный массив перцептивных образов служит репрезентации особого типа объектов - замыслов, целей, планов, проектов, - создаваемых субъектом ради свободного определения своего будущего. Здесь перцепты как **перспективные модели** сопровождают и направляют рождение изображений, схем, символов, предметных средств ожидаемых событий и действий.

Восприятие, становясь **содержанием сознания**, фиксирует и продлевает продуктивную связь индивида с миром, способствуя направленному извлечению жизненно важных данных о его феноменальных свойствах. При возможном и частом ускользании от сознания, восприятие не утрачивает своей позитивной роли, запуская и однозначно «программируя» поведенческие автоматизмы, навыки, привычки. Однако, бессознательность перцепции, ее иллюзии и искажения могут свидетельствовать и о деструктивных жизненных изменениях индивида, например, о его невротической экстраверсии или интроверсии, аутизме, приобретенной бесчувственности, крайнем самоотчуждении и т.д. Восприятие становится **симптомом** психических нарушений, индивидуальной дезадаптации, личностного распада..

3.2 Источники перцепции.

Улавливая возможности мира и умножая их, восприятие изначально соотносится с действительностью как собственным источником. Воздействуя на воспринимающего, предмет - источник не остается внешним по отношению к нему, а превращается во внутренние условия - детерминант, содержание, побудитель - перцепции. Источник в этом смысле выступает длительной или даже сверх – длительной причиной восприятия.

Предмет появляется в моем жизненном пространстве, привлекает, как значимый, мое перцептивное внимание, актуализирует сложную воспринимающую активность, принадлежит мне как первичная образная данность, включается в психическую модель действия с предметом, притягивает к себе мои ожидания по поводу результатов действия, становится тем жизненным впечатлением, вокруг которого «обвиваются» мои желания или быть с предметом или уходить от него. Свойство источника выступать первичным стимулом восприятия, подчеркиваемое психофизиологией, указывает таким образом, лишь на одну из его метаморфоз в реальном перцептивном процессе.

Какие источники восприятия наполняют наш жизненный мир?

Гибсоновская концепция восприятия направляет нас в поисках источников к веществам - вещам - изображениям - знакам - существам - людям - собственному «я». Единичные предметы в ситуации восприятия, в их актуально установившихся соотношениях образуют предметные пары, группировки, обстановки. Их локализация в пространстве относительно субъекта восприятия - в воздухе, на суше, в воде - является «местом восприятия». Воспринимаемые объекты могут быть одиночными, прикрепленными или соединенными друг с другом, вложенными друг в друга, заслоненными частично или почти целиком спрятанными. Потенциально воспринимаемыми являются прежде всего **поверхности**

предметов с их текстурой, компоновками, твердостью, гладкостью, поглощением и излучением света, однородностью-неоднородностью, цветностью и т.д. Предметы важны для перцепции и в качестве источников звуков, запахов, тепла.

Помимо стационарного предметного плана перцептивной ситуации, для субъекта существует его динамический или «событийный» план. Это перемещения предметов по отношению друг к другу, перемещения предметов относительно наблюдателя и наоборот. Кроме того, «событиями» могут быть изменения в строении, составе, внешности предметов; их внезапное появление и исчезновение в поле восприятия; начавшееся, длящееся и заканчивающееся движение предметов; перемены в характере их воздействия на наблюдателя

Прекрасной моделью - иллюстрацией предметного богатства отдельного фрагмента жизни-в-созерцании является анализ восприятия картины Диего Веласкеса «Менины», предпринятый М. Фуко.(139)

Интуицией великого художника воссоздана для нас критическая ситуация восприятия, где соединились почти все его источники и условия, возможные в человеческом мире:

- **художник** стоит в стороне от холста - **будущей картины**;
- на мгновение **прервано движение** кисти;
- **события развернутся** между кончиком **кисти** и острием **взгляда**;
- на миг выйдя из-за полотна, он вновь шагнет за него: его **белое лицо** посредничает между **видимым и невидимым**;
- взгляд художника обращен к **модели**;
- **место** модели беспрестанно меняет свое **содержание, форму, идентичность**;
- модель художника - это **зритель, наблюдатель, созерцатель**;
- зритель во взгляде художника видит **самого себя**;
- из оконного проема льется **золотистый поток света**;

- благодаря этому свету, зритель видит себя и **его видят другие**;
- в комнате - **ряд картин**;
- среди них - особая, дающая волшебство удвоения: это - **зеркало**;
- в зеркале видимо то, что **изображает на холсте** художник, то есть его модель;
- зеркало **отражает изображение**;
- место основных моделей и зрителей занимают **король и королева**;
- Король выступает **символом** наблюдателя, созерцателя; последнему принадлежит «королевское место» в ситуации восприятия;
- в **раскрытой двери** рядом с зеркалом виден силуэт **мужчины**;
- пришелец **застыл** в равновесии, **прервавшем** его движение;
- в комнате вместе с художником **восемь лиц** или персонажей одного фрагмента жизненной игры: маленькая **инфанта** и две **камеристки**, образующие одну **группу**; группа из двух **придворных**; группа из **карлика, мальчика и собаки**;
- **на спине** у собаки - **ступня** мальчика;
- вокруг инфанты как **центра** ситуации - вихрь на миг **застывшего вращения** придворных, камеристок, животных и шутов;
- взгляды всех - в невидимое пространство, отраженное в зеркале, где призрачно и неустойчиво **мерцают** королевские лица;
- в сравнении с **расцвеченными, яркими, живыми** обликами видимых персонажей, образы государей **бледны, почти нереальны**;
- и все же, их созерцающее присутствие **организует ситуацию** и является символически господствующим;
- субъект восприятия, чтобы стать совершенным созерцателем, должен оказаться невидимым, **исчезающим для себя**.

Источниками восприятия субъекта-Короля являются «художник», «сиятельный ребенок», «приближенные», «шуты», «животное», «пришелец», «зеркало», «картины», «вещи» (облекающие людей, принадлежащие им,

аранжирующие ситуацию) «местоположения», «движения», «позы», «жесты, «взгляды», «сближения», «соединения», «вестники будущих событий», «появления», «исчезновения», «свет», «тьма», «утаенное», «незримое присутствие», «Король-для-себя». То, что воспринимал Король – зритель, было воспринято художником, написавшим «Менины». Сам Король воспринимается и изображается художником, который изображен на картине Веласкеса. Это изображение Короля отражается в зеркале, которое видит и изображает только автор «Менин». Нам, воспринимающим эту картину, даются предметы, многократно преломленные сквозь восприятие многих других.

Предметы восприятия в приведенных философско-психологических определениях теряют свою банальную, очевидную вещественность, выступают скорее символами действительности, но такими символами, которые охватывают жизнь полнее всяких эмпирических описаний. Источник перцепции, возведенный в символ, становится содержанием «духовного восприятия», укорененного в общечеловеческой культуре, архетипах бытия и, согласно Фуко, поддается раскрытию только методом «археологического» погружения в гуманитарное знание

3.3. Воспринимающая активность.

Возможности, заключенные для индивида в соотнесенном с ним мире, активизируют врожденную потенцию восприятия, пробуждают готовность к их перцептивному освоению. Подобная готовность, настрой внутренне ведут индивида в непрерывном поиске чувственных доказательств реальности мира, надежности своих жизненных связей с ним, открытости мира к его нуждам. Психологи говорят о неистощимой **установке на восприятие** (100), благодаря которой в состоянии бодрствования, а также при недостаточном и измененном сознании, индивид включается в процесс **воспринимающей активности**.

Перцептивная установка действует чаще всего бессознательно или подсознательно, однако, ее эффективность, силовые и качественные параметры могут стать целью специальных сознательных усилий индивида. Тогда «сознательная установка» на восприятие может существенно изменить и усовершенствовать перцептивную активность. Мы начинаем ориентироваться на расширения поля восприятия, на тонкие перцептивные различия, на эстетический образно-чувственный синтез, на динамизм восприятия и высокую скорость извлечения ключевых перцептивных признаков предметов, на продление актов созерцания и т.д. Таким образом решается задача сознательной субъективной организации начала перцептивного процесса

Установка как интегральное состояние мобилизации и готовности субъекта к перцепции может формироваться и как модус целостного проявления личности в процессе восприятия. (9) «Личностная установка» располагает субъекта воспринимать актуальную предметную ситуацию свойственным ему способом и с типичными для него содержательными акцентами. Это своего рода непреднамеренная проекция типа личности в перцептивный акт. Проективный процесс связан, в частности, с выделением доминирующего мотива восприятия из числа всех побуждений, актуализировавшихся в данной ситуации. Мотивационная доминанта свидетельствует о совершившемся сведении «внутренней личности» в **типичное отношение** к воспринимаемому.

К примеру, три иностранца становятся свидетелями неистового торжества парижских болельщиков на Елисейских Полях по поводу победы любимой футбольной команды. Стремительные автомобильные гонки, многочасовые скандирования, невероятные ритуалы поклонения, загадочные действия с командной символикой и, в общем, захватывающее и красивое уличное зрелище, момент буйства молодежной толпы необычны для страны, откуда прибыли наблюдатели. И у каждого из трех - характерная для него

личностная установка на восприятие, индивидуальное отношение я-воспринимающего.

У одного события сливаются в угрожающий поток плохо различаемых форм, световых бликов, призрачных мечущихся теней, раздражающих звуков, запахов разгула, сопровождаясь желанием убежать, укрыться. Другой жадно, детально, с репортерской или писательской пристрастностью буквально поглощает всем телом происходящее, так, словно собирается снова и снова проживать его наедине с собственной памятью. Третий улавливает и понимает ситуацию как «долгожданную свою», и ее образ становится для него неудержимым импульсом к погружению в эту торжествующую стихию. В первом случае ситуацию воспринимает личность с тревожно-боязливым типом отношения, во втором - с активно- познавательным, в третьем - с авантюрно-действенным.

Установка, действующая как одно из проявлений глубинных, обобщенных жизнеотношений личности, не всегда столь отчетливо влияет на восприятие. Чаще в его процессы прорываются установки других, более поверхностных форм. Эти установки отличает бессознательность или слабая осознанность,, тенденция становиться причинами ошибок восприятия, привязанность к однородным ситуациям, переносы с одной ситуации на другую. Качества этих «ситуативных перцептивных установок» указывают на такие индивидуальные особенности индивида, как ригидность - пластичность; стабильность - лабильность; стереотипность - креативность,

Например, общеизвестна «установка ожидания», настраивающая нас на конкретный перцептивный результат в момент, когда нами владеет образ возможного будущего. Она отчетливо проявляется в ошибках опознания при желании приблизить встречу с дорогим человеком или в ситуациях обостренной чувствительности к напряженно ожидаемым воздействиям: едва слышимому звучанию, почти неуловимому запаху, мгновенному промельку, легкому касанию.

Другим примером является так называемая «фиксированная» установка. Она порождается выработанным навыком жестко однообразно воспринимать определенную ситуацию и действует как спонтанно запускаемая готовность к знакомому, несмотря на изменившиеся условия ситуации. Данная установка выступает причиной шаблонного ошибочного опознания, слепых привычек в перцепции и иллюзий восприятия.

Возможна также «фантазийная установка», благодаря которой перцептивный образ активно замещается эффектом воображения. Как великая ценность переживается это состояние замещения играющим ребенком и талантливым актером на репетиции и на сцене. Близка к фантазийной «эмоциональная установка», ведущая нас, например, к поиску удовольствий в располагающих ситуациях.

Необходимым условием адекватного и продуктивного восприятия является «ситуативно - организующая установка». Ее роль - в быстром, свернутом, подсознательном соотнесении и установлении единства мотива, объективных условий и субъективных возможностей восприятия на основе сформировавшегося позитивного опыта перцепции и развившейся перцептивной способности индивида. Такая установка детерминирует выигрышные ситуации восприятия, переходящие в удачные поведенческие экспромты, «пики» деятельности, творческие достижения.

Обусловленность установкой придает перцептивной активности сложный характер причинности. Активность инициируется фактом пребывания индивида в значимой предметной ситуации и его встречи с основным предметным источником, его готовностью и возможностью перцептивного реагирования, а также его личностным и ситуативным расположением реагировать определенным образом на событие восприятия. Кроме того, существенным порождающим условием восприятия является нейрофизиологическая деятельность перцептивных систем, выступающая

одновременно одной из многих **динамических составляющих** или включений в воспринимающую активность.

Остановимся подробнее на некоторых из них.

Начнем с **моторных** или двигательных составляющих. Самое богатое знание о них сосредоточено, пожалуй, в психологии зрительного восприятия. Снова обратимся к Дж. Гибсону. (37) Его различение типов глазодвигательной перцепции представляется наиболее полной и убедительной.

Фиксация - статическое положение глаза по отношению к объекту, поддерживаемое сериями едва заметных микросаккад, подобных тремору. Посредством фиксаций глаз «работает» с мелкими объектами, например, с печатным текстом, игольным ушком, деталями рисунков и т.д.

Саккадические движения - мгновенные скачкообразные переходы глаза из статического положения в состояние движения или в другое стабильное положение. Фиксации и саккады сосуществуют в сканирующих или прослеживающих движениях глаз, взаимодополняя друг друга, сливаясь друг с другом в континууме единой оптической активности.

Прослеживающие движения - настройка зрительной системы на предметные изменения при передвижениях наблюдателя. Глаза схватывают последовательность элементов текущего «оптического строя», так, что извлекая в каждый момент центральный объект, наблюдатель, удерживает в сфере активного видения и прилежащие объекты. Прослеживающие движения позволяют структурировать крупные предметные обстановки, сверхкрупные объекты типа Ватиканских фресок, сменяющиеся картины среды при быстрой езде и т.д.

Конвергенция и дивергенция - сведение и разведение зрительных осей глаз, обеспечивающие как совпадение оптических структур, соответствующих положению каждого глаза, так и перспективные различия этих структур.

«Бинокулярная система человека фиксирует сходство структур двух оптических строев, точно так же как каждый глаз в отдельности извлекает инварианты структур из своего строя.» (37, с. 304)

Компенсаторные движения - поддержание глаз в состоянии направленности на неизменные детали окружающего мира в течении как можно более длительного периода времени, пока наблюдатель осматривается вокруг и передвигается с места на место. При отсутствии способности к указанным движениям феноменальный мир воспринимался бы как «колеблющаяся сцена», а взор не смог быть прикован к окружающему.

Кроме отмеченных движений, совершающихся в системе глаз - голова, существуют и другие виды настройки зрительной системы: моргание, очищение роговицы посредством выделения слез, аккомодация хрусталика, расширение - сужение зрачка и темновая адаптация сетчатки. Это тонкая и оптимизирующая настройка глаза дополняет его глобальную настройку.

«Наблюдателю приходится и осматриваться, и смотреть на что-то, и пристально всматриваться во что-то, не обращая внимания на количество света. Восприятие должно быть отчетливым и всеобъемлющим одновременно. Зрительная система буквально охотится за отчетливостью и всеобъемлемостью. Она не успокоится до тех пор, пока инварианты не будут извлечены. Исследование и оптимизация являются, по-видимому, функциями системы.» (Там же, с. 312)

Важнейшими двигательными составляющими восприятия выступают также движения артикуляционного аппарата и движения рук. Всегда имеющее место **единое двигательное обеспечение перцепции** при сохранении значения всех моторных компонентов восприятия может быть, в зависимости от характера предметных целей субъекта, ситуативно сведено и смещено к одному из видов моторики. При художественном созерцании объекта - к движению глаз. При слушании речи и музыки и при порождении образа будущего высказывания или музыкального выражения - к артикуляции, При

контактном исследовании внешнего предмета или пользовании им, или прямом создании его - к движениям рук. Человеческая рука в акте восприятия реализует великолепные возможности освоения предметного окружения посредством прикосновения - захвата - держания - движения по поверхности - вращения - приближения - удаления - манипуляций с деталями и т.д.

Отметим **мнемические** включения в перцептивный процесс. Здесь уместно воспользоваться временной моделью порождения образа, предложенной Э. Гуссерлем. (44)

В развернутой во времени перцепции единичного предмета или ситуации обнаруживается присутствие разных типов мнемического опыта: 1) опыта только- что состоявшегося схватывания и погружения в память очередного фрагмента перцепта; 2) опыта начального перцептивного схватывания «целого» данного предмета, становящегося постепенно опытом полного предметного синтеза; 3) тотального прошлого опыта, несущего возможности опознания, идентификации, категоризации и чувственных преобразований предмета. Текущий перцептивный процесс сопровождается непрерывной сменой и взаимопревращениями мнемических «схватываний», «погружений», «всплываний - из - глубины», «всплываний недавнего», «всплываний только- что бывшего». Так высказывание воспринимается как целое, благодаря запечатлению и удержанию последовательности образов услышанных слов, удержанию этой временной связи элементов при перцепции каждого нового слова, актуализации образа единого текстового контекста данного высказывания, оживлению всего того массива рече-смыслового опыта, который необходим для узнавания и понимания значения и знакового состава фразы.

Любому перцептивному процессу сопутствует его внутренний двойник - **апперцептивная активность** или воссоздание опыта предшествующей осознанной перцепции в представлении и воображении. Представление выводит восприятие за пределы наличной ситуации. В актах узнавания, или

опознания, или сравнения предмета оно обеспечивает подстановку образа - эталона; в актах созерцания она ассимилирует единичный образ в обобщенный образ категории сходных предметов или в символический образ; в актах перцептивного моделирования будущего выступает идеально - образным основанием создаваемой перцептивной структуры.

В неповторимом событии созерцания прустовскому герою открывается изумительная пластика походки любимой женщины. Он видит, как она удаляется по залитой солнцем набережной, изгибая свой дивный стан, который, точно змея, обвившаяся вокруг палки, сплетался с нераскрытым зонтиком, белым, с голубыми разводами... (105) Видение «дивного стана» - это отклик на оживший в данный момент обобщенный образ утонченной женственности, сотворенный художником в прежнем созерцании Видение «стана – змеи» указывает на присутствие в восприятии элементов символизации, когда относительно пассивная перцепция вдруг приходит в готовность превратить свой предмет в новое фантастическое существо и запечатлеть его словесно или в изображении.

Иногда апперцептивные возмущения могут быть так навязчивы и сильны, что воспринимаемое ускользает под покров фантазийных привнесений, и тогда поистине над ними властвует Майя. Поражает сходство звучания темы иллюзорно – символического видения реальности в тексте Пруста, в философствовании А. Шопенгауэра и в откровениях Вед и Пуран.

«Это Майя, покрывало обмана, застилающее глаза смертным и заставляющее их видеть мир, о котором нельзя сказать ни что он существует, ни что он не существует: ибо он подобен сновидению, подобен отблеску солнца на песке, который издали представляется путнику водой или брошенной веревке, которая кажется ему змеей.»

(147, с. 145)

Образ змеи с неумолимостью архетипа вновь и вновь проступает сквозь привычную видимость у философа, поэта, влюбленного с тем, чтобы

превратить мимолетный акт восприятия в миг бытия в мире вечных символов. «Змея» в трансцендентном значении олицетворяет и женское начало, и единственное живое в безжизненной, вечно пребывающей пустыне, и искушение того, кто преодолел ограничения материи и проник в «реальность» чистого духа (69)

Присутствие представления в формах более сложных, чем эталоны опознания, носит при восприятии осмысленный характер, то есть опосредовано мыслью. И сама **мысль** в качестве специфического концептуального акта включена в воспринимающий процесс. Так в онтогенезе в виде простого акта сознания она обеспечивает разделение субъекта и объекта, слитых в начальной бессознательной перцепции, противопоставляя «внутреннего» созерцателя «внешнему» созерцаемому. Мысль также замещает собой многократно повторенные, развернутые в объективном пространстве предметные перцептивные действия, превращая восприятие в быстрый экономный процесс внутреннего освоения жизненных ситуаций, пространственных форм, временных событий..

Мышление обуславливает противостояние строящегося в восприятии образа тем влияниям, которые могут нарушить его константность. Оно выступает и динамическим привнесением абстрактного понятийного знания в «чувственную ткань» перцепта, определяет **словесно-логическую категоризацию** воспринимаемого. Уровни категоризации могут быть различны: от первичной спонтанной идентификации с эмпирически хорошо знакомыми классами объектов - к восприятию с «мыслительным углублением», когда совершается направленное отнесение предмета восприятия к множеству иерархически связанных классов объектов - к творческому переосмыслению полно идентифицированного перцепта и нахождению в целостном чувственном впечатлении феноменального следа скрытого ранее общего свойства. Свернутые опознание и название воспринимаемого дерева как неисчислимых других, по которым скользит

равнодушный взгляд, существенно отличается от усмотрения в данном дереве живого, необходимого и уникального элемента экосистемы и не менее отлично от открытия в нем черт универсального аналога упорядоченных и стихийных процессов жизни.

Давно ставшее традиционным указание на восприятие как на событие переживания связано с присутствием и влиянием **эмоционального отношения** к воспринимаемому. Эмоциональные включения отмечают положительную или отрицательную динамику мотивации восприятия, когнитивные конфликты перцепции, соответствие перцептивного эффекта ожиданиям к качеству и интенсивности образа. Переживание восприятия имеет модусы удовольствия - неудовольствия, отвращения - наслаждения, захваченности - страха, вовлеченности - равнодушия.

Особой эмоциональной наполненностью отличаются перцепты, назначение которых - быть воплощениями образного замысла художника. Произведение искусства как предмет восприятия выступает для зрителя «кодом» переживания художника, которое может быть разделено при понимающем созерцании.

«Пластические искусства достигают эмоционального воздействия, благодаря устойчивости форм, в которые они отливают определенные моменты жизни, которые сообщаются зрителю путем физического соприкосновения. Античная скульптура выражает легкие эмоции, витающие над ее произведениями, подобно слабому дыханию....В архитектуре, в глубине этой сковывающей неподвижности мы открываем аффекты, аналогичные ритму. Симметрия форм, бесконечное повторение одного и того же архитектурного мотива заставляют нашу способность восприятия так же вибрировать, отвлекаться от тех непрерывных изменений, которые в повседневной жизни неустанно будят в нас сознание нашей личности.» (16, с. 57)

Но эмоциональный план воспринимающей активности не только удерживает индивида на живой, пристрастной, резонансной связи с предметным миром, но и способствует предметному опустошению личности, когда отрицательный аффект до всякого восприятия уже готов пропитать его и оттолкнуть личность от перцепции, лишая ее опор во внешней реальности и основ взаимопонимания и сопереживания с другими людьми. Так происходит, по описаниям Р. Лэнга, с человеком, охваченным боязнью быть «поглощенным миром». Патогенное переживание касается здесь трех основных моментов перцепции: самовосприятия, разделенности своего восприятия мира с другим человеком и перцептивной данности этого другого. Они теряют для человека значимость как свидетельства жизни, ее непрерывные подтверждения и причины. Телесное «я» должно быть спрятано от воспринимающих других и от себя, предметы-для-других подобны ловушкам и должны быть устранены из актуального сознания, а люди своим опасным «ликом» не должны искушать действительной жизнью. (91)

Все отмеченные включения в перцептивный процесс могут быть рассмотрены в качестве активности, протекающей в двух единых формах: одна - глубинная, скрытая, ненаблюдаемая и не рефлекслируемая, другая - фиксируемая, контролируемая «я». Первая дает о себе знать в смутной интуиции нерасчлененного процесса восприятия и, главное, в перцептивном эффекте; вторая творит феномен «перцептивного проживания», когда акт восприятия превращается в управляемое моторно - чувственно - апперцептивно - мыслительно - аффективное опосредование и построение психически многомерного образа. В этой связи может идти речь еще об одном типе психических включений в восприятие - об участии в нем **бессознательного и сознания.**

Воспринимающая активность как непрерывный прижизненный поток, схватывающий и несущий предметные впечатления, лишь частично и фрагментарно оказывается в рассеянном или направленном луче сознания.

Перцепция составляет сложнейший и богатейший уровень процессуальной структуры бессознательного. С другой стороны, она постоянно оживляет сознание с тем, чтобы последнее, уловив воспринимаемое, отдало его во власть «я» субъекта. Положения о восприятии как бессознательном процессе, а также процессе, опредмечивающем сознание и одновременно освоенном сознанием, находим у К.Г. Юнга.

Понятие бессознательного в его концепции «покрывает все те психические содержания и процессы, которые не осознаются, то есть не отнесены **воспринимаемым образом** к нашему «я». (157, с. 503) При различении типов бессознательных содержаний важное место отводится тем, которые рождаются в скрытых воспринимающих процессах:

«Мы знаем из опыта, что чувственные перцепции вследствие их малой интенсивности или вследствие уклонения внимания не доходят до сознательной апперцепции и все-таки становятся психическими содержаниями, благодаря бессознательной апперцепции, что может быть доказано, например, гипнозом.» (Там же, с .504)

Перцепции и перцепты, не достигшие сознания, автор относит к «личному бессознательному». Он говорит об этой форме восприятия как о бессознательной проекции субъекта в объективное время и пространство, подчеркивая внутреннюю, «самостную» причинность перцептивной активности. Однако, определяющими, выступают все же «внешность» и предметность бессознательного восприятия, даже несмотря на неуловимость исходного момента встречи субъекта с объектом.

Развивая идею психической многоплановости перцептивной активности и единства сменяющих друг друга, флуктуирующих сознательных и бессознательных актов в ее составе, Юнг отметил:

«Внешний образ является выражением как бессознательной, так и сознательной психической ситуации данного момента, и поэтому толкование его происхождения и смысла не может исходить ни от

одного сознания только, ни от одного бессознательного, но лишь от взаимоотношения того и другого.» (Там же, с. 540)

Согласно глубинной психологии, бессознательное порождение и преобразование перцепта осуществляется на разных уровнях **глубины** психического потока: от «низших» архаических его течений до «средних» индивидуальных, остающихся недоступными для «я», и до «поверхностных» подсознательных, силы и мощности которых недостает для достижения ими я-значимости. Актуальное восприятие имеет изначальный досознательный принцип организации, который уточняется и совершенствуется в процессах я - отнесенного перцептивного поиска.

Полагаем, что если сознание становится организующим спутником восприятия, и мысль «знаю, что воспринимаю» вплетена в контекст перцепции, то бессознательная энергия воспринимающего процесса может быть направлена в планы предметной деятельности, социальных преобразований, поступков. И здесь также уместно говорить об «уровнях», но уровнях **возведения** восприятия субъекта к рефлекслируемому процессу и перцептивному самопознанию.

Уровни или степени осознанности воспринимающей активности можно представить в виде континуума известных феноменов.

1. В перцептивной связи с предметом мы можем лишь слегка коснуться его вниманием, убедившись в его незначимости для себя, или удостоверившись в его присутствии, или оперативно опознав его как нужный для дальнейших действий.
2. Сознание может превращать перцепцию в поступательный результативный процесс создания нового образа сложного и практически значимого объекта.
3. Сознание может следовать за сильным влечением к предмету и способствовать нашим постоянным возвратам и фиксациям на нем.

Стремясь осознанно удержать предмет в поле восприятия, мы привносим в свою жизнь момент «предметного фетишизма».

4. Сознание может участвовать в восприятии так, что преобразует его в активное вчувствование в предмет с вовлечением в это созерцание ценностного и интеллектуального опыта.
5. Сознание может особо акцентировать роль «я» в восприятии и становится при этом либо причиной субъективных искажений перцепции, либо условием авторских преобразований воспринимаемого.
6. Иногда имеет место наше сознательное отношение к восприятию и воспринимаемому как достоинству и достоянию «я». Через я -присвоение перцепции сознание начинает способствовать совершенствованию личного восприятия мира, эстетизации жизни, развиваться в утонченную самоперцепцию.

Осознание воспринимаемого делает восприятие продуктивным в контексте жизнедеятельности, а сознание при этом наполняется конкретным предметным содержанием.

«Восприятие - это то, чего человек достигает, а не спектакль, который разыгрывается на сцене его сознания...Восприятие включает осознание чего - то конкретного, а не осознание само по себе. Осознавать можно что - либо в окружающем мире, либо в наблюдателе, либо в том и другом сразу, но осознание не может существовать независимо от того, что осознается.» (57, с. 339)

Сознанием направляется и корректируется непрерывное извлечение структурной чувственной информации человеком о мире и самом себе, и ведущими в этом извлечении являются **собственно перцептивные акты**. Несколько слов об их разновидностях.

Воспринимающая активность интегрирует все свои динамические составляющие в **операциях и действиях восприятия**, строящих образ

наличного предмета. В соответствии с решаемыми перцептивными задачами они могут быть условно сведены в следующие классификации.

Во-первых, к разновидностям воспринимающих актов относятся операции перцептивной настройки, операции резонирования и собственно познавательные операции.

Во-вторых, подобно любым интеллектуальным действиям, перцептивные делятся на сравнивающие, различающие, уподобляющие, синтезирующие и обобщающие предметные впечатления.

В-третьих, перцептивные действия как познавательные, опознающие, моделирующие предмет существуют в виде: 1) операций отделения предмета и фона и построения его внешнего контура, формы, «компоновки поверхностей»; 2) операций различения деталей; 3) выделения ключевых или структурообразующих признаков; 4) идентификации предмета как целого; 5) нахождения чувственных связей предмета с другими элементами предметной обстановки; 6) открытия незамеченных ранее эмпирических свойств исходного предмета; 7) привнесения нового в перцептивную структуру; 8) операций уловления изменений и перемещений деталей и целого и т. д.

Перечисленные акты обеспечивают данность в восприятии устойчивого предметного мира, где предметы сосуществуют и согласуются между собой, данность зримого и незримого присутствия вещей в актуальной ситуации, а также данность пространственно - временных метаморфоз предметов и их исчезновений. Постоянство мира фиксируется перцептивными структурами, остающимися инвариантными независимо от движений в окружающем мире и движений наблюдателя относительно окружающего. При ведущей роли зрения в восприятии «постоянства», в нем необходимо участвуют слух - осязание - обоняние.

Благодаря синхронности действия различных перцептивных систем, связи восприятия с другими формами психической активности и его многофункциональному операциональному строению, происходит то, что

самоочевидно для каждого, но тем не менее представляет вечную тайну восприятия. Воспринимаемые вещи стабильны и их внешние признаки независимы от изменений положения наблюдателя. Вещи теряются из виду и появляются вновь; они будут сохраняться даже в том случае, когда их не видно. Видимые поверхности сосуществуют со спрятанными; спрятанное и обнаруженное воспринимаются как связанные между собой. Раздельные объекты и места даются в восприятии сосуществующими; происходящее с их участием в разное время дается как одновременное. Разделенное в пространстве соединяется как сосуществующее. Последовательность перцептивных актов не нарушает одновременности того, что происходит в разных точках поля восприятия.

То, что происходит в относительно постоянном мире, то, что должно изменить устойчивые перцептивные структуры или породить новые, называется **«объективным событием»**. Его существенными признаками являются: превращения состава и формы исходного объекта; изменение местоположения объекта; передвижение объекта; начало, течение, завершение события; его связь с другими; его переход в другое событие. Если, вопреки изменяющейся ситуации, перестройки перцептивной структуры не происходит, или устойчивость как фактор структуры конфликтует с ее пластичностью и открытостью к изменениям, а сознание при этом не обеспечивает необходимого настроя на коррекцию воспринимающего процесса, могут иметь место искаженное, ложное или иллюзорное восприятие.

Соприсутствие, одновременность, смена, последовательность, согласованность эмпирических объектов, их реальное и даже кажущееся существование и переходы к несуществованию - это то в мире, чем мы обладаем, благодаря воспринимающей активности.

3.4. Данность в перцепте качеств предметного мир

Проблема данности мира в восприятии психологически определяется как вопрос о **предметных характеристиках перцепта** и разрешается по аналогии с нахождением эмпирических характеристик ощущений. (36;.37)

Образ - перцепт выступает первичным обобщением качеств предмета, предметной обстановки, актуальной жизненной ситуации, переживаемого события, то есть универсальных объектов восприятия. Воспринимающая активность в своей типичной динамике разворачивается от момента локализации объекта в пространстве и времени (где и когда это?) - к моменту сравнения объекта с подобными (на что это похоже?) - к моменту познания объекта (что это такое и какое оно?) - и к моменту схватывания его состояний и действий (что с ним происходит?). По мере перцептивного проникновения в объект дифференцируются, уточняются и убыстряются операции, порождающие образ.

В своем течении восприятие **конкретного предмета** формирует, совершенствует и преобразует следующую систему перцептивных данностей

Данность в перцепте положения предмета в пространстве.

В качестве характеристик образа здесь выступают: изолированность предмета; его индивидуальное место среди однородных предметов; его соединение, прикрепление к другим предметам; удаленность, глубина, расстояние предмета от наблюдателя; направление расположения предмета по отношению к наблюдателю. Положение предмета дается как горизонтальное или вертикальное; животное или человек могут располагаться в пространстве лежа, сидя, стоя. Горизонтальное положение предмета воспринимается в параметрах «плашмя» или «на боку». Предмет локализуется воспринимающим в определенном месте окружения в координатах «верх – низ», «ближе – дальше», «справа – слева», «впереди – позади». Точность перцептивной локализации определяет своевременность

восприятия начинающих изменений положения предмета или начала его движения в пространстве.

Данность изменений предмета при сохранении положения в пространстве.

В перцепте даются переходы предмета из одной формы существования в другую: из твердого состояния в жидкое, из жидкого состояния в газообразное и т.д. Образ воссоздает изменения внешнего вида предмета: добавления или утрату деталей, наклоны, повороты вокруг своей оси, вращения, растяжения, сжатия, сгибания, скручивания, искривления, деформации предмета (разрывы, разломы, разрушения, рассеивание), изменения цвета, текстуры, состава В перцепте даны также возникающие комбинации данного предмета с другими, их столкновения, соединение с другим предметом, заслонение другим или появление из-за другого при перемене положений элементов предметной обстановки или перемещениях наблюдателя по отношению к исходному предмету.

«Есть много значимых изменений компоновки поверхностей: упругие деформации поверхности тела животного, разбрызгивание и проливание воды, эластичные и пластичные изменения резины и глины...В них нет изящной простоты динамики небесных тел под действием силы тяготения, однако. они законны и на соответствующем уровне анализа обладают определенной простотой более высокого порядка.» (37, с..146)

Данность перемещений предмета в пространстве.

Восприятие движения своей продуктивной стороной имеет динамический интегральный полимодальный образ изменений пространственной локализации предмета. В структурной организации динамического образа даются переходы предмета из одного положения в другое или из одной фазы в другую. Даются смещения, течения, передвижения предмета, их направления (удаление, приближение, движение вправо или влево, вперед или назад, падения, подъемы), повороты, остановки, изменения направлений.

Воспринимаются повторяющиеся и необратимые движения, мерцающие, дискретные и непрерывные движения, ускоряющиеся, замедляющиеся и угасающие движения, а также движения предмета внешнего, более или менее удаленного от наблюдателя, и движения самого наблюдателя и его моторных органов. Образ включает данные об особенностях вызванных, индуцированных, произвольных и спонтанных движений. Перцептивно различаются движения во фронтальной плоскости, движения по горизонтали и движения в глубину. Перцептом схватываются и удерживаются реальные движения предмета, искусственно созданные, кажущиеся и иллюзорные движения.

Симуляция оптических предметных перемещений посредством кино или компьютерного видео дает великолепную информацию о закономерностях образов движения и их формирования. Так изменяющаяся картина кино представляет собой источник относительно непрерывных преобразований воспринимаемого, выглядящих как предметные движения.

«Эта картина создает в точке наблюдения изменяющийся оптический строй..., который аналогичен пространственно - временному полю зрения наблюдателя в его естественном окружении. Имеющаяся в киноизображении информация может задавать поворот головы, процесс приближения или удаления, переход в новую точку наблюдения, хотя зритель всегда осознает при этом, что он находится в помещении и смотрит на экран с определенной позиции.... Инварианты, задающие места, объекты и людей, в преобразующемся строе возникают более отчетливо, чем в застывшем.» (Там же, с. 423)

Модальные характеристики перцепта.

Модальность восприятия указывает на особый «вид», систему эмпирических качеств относительно чистых зрительного, акустического, осязательного и других образов, определяемых специфической природой воспринимаемых

объектов, и вместе с тем подчеркивает смешанный, полимодальный характер данности в перцепте сложных по природе объектов.

Наглядный образ предмета посредством деятельности зрительной перцептивной системы приобретает **структурные качества** основных цветов и цветовых оттенков, светлоты, прозрачности, свето-теневых соотношений, текстуры (зернистости, гладкости, волнистости, слоистости, шероховатости), контура поверхности, формы целого предмета и его частей, предметной эластичности и жесткости - подвижности соединения деталей предметной структуры и т. д.

Другими модальностями, которые могут конкурировать со зрительной по степени сложности предметных впечатлений, являются осязание и кинестезия. Они передают такие структурные качества предмета, как включение элементов, перекрытие и заслонение, параллелизм, симметрию, размер. В сравнении с возможностями зрительной перцепции они ограничены по параметрам дистантности, диапазона, симультанности. (7)

Акустический образ, ориентирующий человека и служащий его самовыражению в мире речи, музыки, природных звуков, улавливает мелодию или высказывание в их пространственном положении, последовательности звучания, слиянии элементов в звуковое целое, а также в ритмических сменах, тембровой динамике, в колебаниях громкости и тональных отношениях..

Современная психология восприятия превращает в утонченные аналитические концепции то, что философы издавна выражали во всеобъемлющих синтетических суждениях. Это касается и проблемы перцептивных впечатлений об «объективных», «внешних» или «первичных» качествах предметов. Обратимся к Шопенгауэру, у которого в кратких текстовых фрагментах заключены все основания научной теории восприятия.

«Как осязание, так и зрение, обладают своими преимуществами, вследствие чего они поддерживают друг друга. Зрение не нуждается в

прикосновении, даже в близости; его горизонт неизмерим, оно достигает звезд. Зрение ощущает также тончайшие нюансы света, тени, цвета, прозрачности: следовательно, дает рассудку множество тонко определенных данных, из которых тот, достигнув известного навыка, конструирует форму, величину, отдаленность и свойство тел и сразу же представляет их созерцанию. Осязание же, хотя оно и связано с прикосновением, дает также безошибочные и многосторонние данные, что являет собой самое надежное чувство. Восприятия зрения в конечном счете также относятся к осязанию; более того, зрение можно рассматривать как несовершенное, но уходящее вдаль осязание, которое пользуется лучами света как длинными щупальцами; поэтому-то оно и подвержено обманам, ибо оно всецело ограничено свойствами, опосредствуемыми светом, т. е. односторонне; тогда как осязание совершенно непосредственно доставляет данные для постижения величины, формы, твердости, мягкости, сухости, влажности, гладкости, температуры и т. д. и при этом поддерживается отчасти формой и подвижностью рук, кистей и пальцев, из положения которых при ощупывании рассудок извлекает данные для пространственной конструкции тел, отчасти мускульной силой, посредством которой рассудок познает вес, твердость, прочность или хрупкость тел; все это с минимальной возможностью ошибки.» (147, с. 45)

В современных научных концепциях перцептивная данность качественных характеристик отдельного, изолированного объекта объясняется действием «законов» полимодального восприятия, связывающих его с особенностями устройства предметного мира. В формулировках, соответствующих стилю моделирования, эти законы звучат так:

- любой объект обладает структурированной поверхностью, которая воспринимается как его очертания или контур;

- объект обладает определенным сопротивлением деформации, воспринимаемом как вязкость, твердость, текучесть, летучесть, жесткость, пластичность, упругость его вещества;
- объект обладает сопротивлением разрушению, которое в восприятии дается в форме связности, эластичности, хрупкости;
- объекту свойственен определенный состав образующих его веществ, воспринимаемый как текстура, ее однородность, аморфность, рельеф, пигментация, гладкость, тонкость или грубость;
- поверхность объекта воспринимается в своих общих очертаниях или крупномасштабной компоновке в качественных характеристиках формы, например, граней, ребер, вершин, выпуклых и вогнутых углов, а также величины, размеров деталей, способов соединения компоновочных элементов в целое;
- объект может быть освещен или может находиться в тени, что воспринимается как светлота, яркость, сияние, тусклота, темнота;
- объекты характеризуются определенной степенью поглощения света и специфическими распределениями коэффициента отражения для различных длин волн падающего света, что воспринимается в качествах светонепроницаемости, прозрачности, зеркальности, светорассеяния, цветовых тонов, бесцветности (черноты, белизны, серости), одноцветности, разноцветности.

Из всех перечисленных качеств образа восприятия особой сложностью отличается **форма объекта**. Ее данность во многом зависит от предварительного определения положения и удаленности объекта, выделения его из предметной обстановки, различения параметров текстуры, восприятия особенностей поглощения и отражения света, актуализации сформировавшихся инвариант подобных форм, обобщивших опыт прежнего «зоркого осязания». Перцепция целостных предметных форм порождает образы невероятного множества вещей человеческого мира. Это то, что

служит человеку **укрытием**, то, что является для него **сосудом**. или то, что образует для него тонкие плоские слои вещества - **листы**, или **шары**, или **продолговатые** предметы, или **прямоугольные** предметы, или предметы **пирамидальной формы** или вещи **смешанных форм**, или **нити - волокна** и т. д.

Значение форм, соотносимых с единичными предметами, предметными группировками, и обозримыми пространствами, столь жизненно велико, что человек издавна искал соответствия организации материального пространства и «пространства» идеального. духовного, душевного. На установление этого соответствия ориентирована **символика формы**. Одну из ее интереснейших версий предложил Освальд Шпенглер. (149)

Согласно его гипотезе, любому типу культуры присущ определенный «дух», который в индивидуальных носителях и выразителях культуры становится «душой».. Данная связь порождает «аполлоническую душу», свойственную человеку античного мира, «магическую душу», характерную для человека Востока, «фаустовскую душу», определившую специфику западного человека. В воспринимающем отношении к миру каждого типа души господствует **основная форма**, которая является одновременно духовным прасимволом соответствующей культуры. Культурное творчество людей, например, искусство, воплощает символические образы основных форм и тем самым длительно воссоздает предметные доминанты восприятия. Так символом античной души является единичная изолированная форма - тело в ограниченном пространстве, а воплощением ее выступают античная скульптура и античный храм. Символом магической души является форма укрытия или пещеры, низких сводов, уходящих в глубину. Ее воплощение - гробницы, подземные храмы, катакомбы. Фаустовская душа устремляется в бесконечное пространство, вдаль и ввысь, где единичное тело воспринимается одиноким, случайным, затерянным. Воплощениями являются

живопись сходящейся перспективы и светотени, готический храм, инструментальная музыка.

«В ней, в противовес изваяниям античных храмовых топосов и рыночным площадям, простирается бестелесное царство звуков, звуковых пространств, звуковых морей, оркестр бушует, вздымает волны, убывает в отлив, он живописует дали, огни. тени, бури. тянущиеся облака, молнии. цвета совершенной потусторонности...» (149, с. 341)

Здесь музыкальные формы предметного пространства превращаются в идеальные формы пространства мыслимого.

Символическое понимание формы предполагает усмотрение в ней динамических сил, действующих на воспринимающего как модели глобальных жизненных процессов. Отсюда использование различных форм и их элементов в качестве символов различных направлений жизненного движения, становления, эволюции, жизненного пути, судьбы. Форма шпиля символизирует, к примеру, рост, восхождение, движение вверх. Форма спирали - преемственность стадийного становления. Крест обозначает четыре основные направления земного мира, а также пересечение миров высшего, потустороннего и человеческого, в котором у индивида два основных пути - к страданию и счастью. Сосуд, чаша являются символом средоточия жизни, женского типа судьбы, хранилищем потенций и начал индивидуального становления. Еще один вариант символического толкования форм устанавливает их соответствие разным душевным проявлениям. Сферическое соответствует интеллектуальной жизни, чистой мысли, духовному совершенству. Конус - синтез всех душевных элементов, символ психической полноты. Цилиндр - заботы плоти, обыденность, рассудочность. (69, с 379)

Мир предметного пространства может быть дан созерцающему и исследующему человеку опосредованно, через **изображения**. Здесь формы

становится «фигурами», а пространство, где помещена фигура - плоским или данным в перспективе «фоном». Мир в изображениях может предстать буквально, реалистично, подобно созданию Пигмалиона, однако, чаще всего зритель встречает существенные трансформации изображенных предметов и предметных отношений. Наибольшие метаморфозы реальных форм свойственны схематическим фигурам: идеограммам, пиктограммам, татуировкам, графическим рисункам, абстрактной и сюрреалистической живописи.

Как изменяются модальные характеристики перцепта при переносе предмета из естественного плана существования в изобразительный план? Идеализируется симметрия форм. Берутся необычные для реальности соотношения размеров фигур: приближенное дается уменьшенным, удаленное - увеличенным. Естественная перспектива изменяется на подчеркнуто сходящуюся или расходящуюся. Невидимое, заслоненное показывается открытым. Целостное разлагается на элементы. Нарушаются обычные пропорции, например тела изображаются удлинёнными. Произвольно укрупняются центральные фигуры изображения. Тела и вещи схватываются в незримой динамике и застывают в таких положениях, которые недоступны естественному наблюдению. Фигуры создаются из материалов, не характерных для естественного бытия изображаемого, то есть предмет приобретает чуждую себе текстуру. Теряется естественное богатство цвета; изображения могут быть монохромными или обнаруживать попытки создателя добиться чистоты цвета, или могут приобретать цветовые тона, неадекватные реальности.

Перцептивная данность времени.

Кроме множественных образов пространства, восприятие порождает и оперирует образами **временных объектов**. В качестве последних выступают: любой трехмерный предмет, взятый в модусе протекания (времени покоя, времени движения, времени роста, времени изменения,

времени существования); любой естественно длящийся объект (речь, мелодия, текущие воды, потоки воздуха, динамика естественного света); любой процесс активности, становления, преобразования, осуществления.

«Мы имеем аналогии: для пространственной вещи - включение в окружающее пространство и пространственный мир, а с другой стороны, сама пространственная вещь с ее передним и задним планом. Для временной вещи - включение во временную форму и временной мир, а с другой стороны, сама временная вещь и ее изменяющаяся ориентация по отношению к живущему Теперь.» (44, с. 58)

Образ времени выступает психическим синтезом перемен в состояниях объекта, когда в нем что-то становится качественно иным для субъекта. Причем, этот образ утрачивает непосредственную предметность, свойственную другим перцептам, и оформляется скорее как абстрактный, духовный, идеальный, но особым способом чувственно проживаемый **план действия** объекта.

Перцепты времени имеют многообразные динамические включения, позволяющие удержать длительность объекта и ее фазы. Опыт анализа времени Августина открывает следующие основные «составляющие» образа времени: побуждение-ожидание действия, внимание к действию, память о действии. Богатство психических включений во временной образ беспредельно расширяет спектр временных объектов, непосредственно схватываемых субъектом.

«Я собираюсь пропеть знакомую песню; пока я не начал, ожидание мое устремлено на нее в целом; когда я начну, то по мере того, как это ожидание обрывается и уходит в прошлое, туда устремляется и память моя. Сила, вложенная в мое действие, рассеяна между памятью о том, что я сказал, и ожиданием того, что я скажу. Внимание же мое сосредоточено на настоящем, через которое переправляется будущее, чтобы стать прошлым. Чем дальше и дальше движется действие, тем

короче становится ожидание и длительнее воспоминание, пока, наконец, ожидание не исчезнет вовсе: действие закончено, оно теперь все в памяти. То, что происходит с целой песней, то происходит с каждой ее частицей и с каждым слогом; то же происходит и с длительным действием, частицей которого является, может быть, эта песня; то же и со всей человеческой жизнью, которая складывается, как из частей, из человеческих действий; то же со всеми веками, прожитыми «сынами человеческими», которые складываются, как из частей, из всех человеческих жизней.» (3, с 307)

Образы времени или «чувство времени», или «интуиция времени» относятся к внешним предметам и объективным процессам, а также к внутренним психическим структурам и субъективным процессам. В первом случае говорят о восприятии объективного времени, во втором - о данности субъективного, индивидуального времени. Образ объективного времени сознателен, осмыслен, расчленен, аналогичен пространственным различиям. Это свойственно, например, непосредственному проживанию физического времени (секунд, минут, часов, суток, недель, месяцев, лет и т. д.), исторического времени (социально- культурных событий, периодов, эпох), биологического времени (ритмов, фаз, стадий жизни тела).

Образ субъективного или внутреннего времени может существовать как подобный образу «внешнего» времени, то есть также разделенный на общепринятые единицы протекания и наполненный конкретным предметным содержанием. Таково, например, актуальное прочувствование последовательности когда-то протекших событий собственной жизни, выраженное в автобиографическом описании. Однако, чистая перцепция субъективного времени улавливает нерасчлененную длительность реальных взаимопроникающих психических состояний, в которой идеи, образы, переживания индивидуальной жизни слиты в непрерывном процессе. Эта

двойственность внутреннего времени человеческой жизни обосновывается А. Бергсоном:

«Наши восприятия, ощущения, эмоции, идеи предстают нам в двойной (временной - авт.) форме: в ясной, точной, но безличной - и в смутной, бесконечно подвижной и невыразимой, ибо язык не в состоянии ее охватить, не остановив ее, не приспособив к обычной сфере и привычным формам.» (16, с. 105) При этом, реальная внесознательная, слитная длительность может в каждом своем моменте быть *«сближена с одновременным состоянием внешнего мира и тем самым отделена от других моментов. Из сравнения этих двух реальностей возникает символическое представление о длительности, извлеченное из пространства.»* (Там же, с. 97)

Взаимопереходы двух форм внутренней длительности порождают сложные интуиции непрерывности душевной жизни, необратимости индивидуального бытия, «океанического времени», конечности своей жизни, разрыва связи времен, безвременья, вечности.

Перцептивные временные образы, как правило, заключают в себе чувственно-символические данности внешнего времени-для-всех, и чувственно-символические данности времени-я. Однако, объективно-субъективные временные соотношения в образах могут быть ситуативно различны, что во многом определяется разными установками на восприятие времени.

Так для меня может быть важно вовремя прибыть в аэропорт, и я напряженно слежу по своим часам за временем своих внешних действий, временем перемещений такси, которым воспользовалась, временем своего попадания в те или иные места совершаемого пути. Мой образ времени строится здесь преимущественно на интуиции и точном знании объективной длительности внешних событий. Напротив, задумав написать книгу, я могу встать вне всяких привычных временных регламентов и придавать значение

только проживанию динамики идей и представлений, устанавливая свои меры «длительных» и «мгновенных» мыслей, «давних» и «недавних» фантазий, внутренней работы «долгой, как целая жизнь». Или, возможно, полная захваченность чем-то лишит меня всякой «данности времени», и привычная жизнь приостановит свое течение, чтобы стать «вне времени».

Универсальными в человеческой жизни временными образами являются образ объекта-в-настоящем, образ объекта-в-прошлом, образ объекта-в-будущем или «чувство» прошлого, настоящего и будущего. Наиболее адекватен чувственной, непосредственно опытной природе восприятия **образ длящегося настоящего**. Это текущее или теперь протекающее время, ощущаемое и сознаваемое, не отделено в проживании от ожидаемого и уже-протекшего времен, то есть длящееся с его «теперь» нераздельно с его «прежде» и «после». В «Феноменологии внутреннего сознания времени» Э. Гуссерль так определяет роль первичной интуиции прошлого или «ретенции» в восприятии настоящего:

«К сущности интуитивного опыта времени принадлежит то, что в каждой точке своей длительности это есть сознание только что бывшего, а не только сознание Теперь-точки предметности, являющейся в качестве длящейся... Ретенциальное сознание (тона мелодии) реально содержит сознание прошлых тонов, но его нельзя разлагать на ощущаемый тон и схватывание в качестве памяти.» (44, с. 33)

Перцептивная интуиция ближайшего будущего совершается как подхватывание наплывающих временных впечатлений, угасающих в восприятии настоящего, но при этом впускающих новое ожидание. Временное новое приходит, актуально определяет себя и указывает на другое новое.

Проживаемое настоящее дается во временном образе в виде сложного многомерного **события**, включенного в непрерывный жизненно-временной поток. Событийность как принцип выделения временного плана жизни,

позволяет допустить, что наше актуальное действие, или процессы, в которые мы включены, или наши состояния даются в зрелом временном «образе настоящего» в качестве наступающего - наступившего - осуществляющегося - уже совершившегося - сменившегося момента бытия. Эта протяженность-длительность воспринимаемого события существенно задается развернутым процессом восприятия, а следовательно. собственной длительностью восприятия, и при этом является его эффектом - образом времени события. В формулировке Гуссерля данный **феноменологический закон восприятия времени** звучит следующим образом:

«Восприятие временного объекта само обладает временностью; восприятие самой длительности предполагает длительность восприятия; восприятие любой временной формы само обладает своей временной формой.» (Там же, с. 25)

Восприятие времени неразрывно связано с **актуальным сознанием времени**, и эта связь придает временному событию качество я-присутствия внутри события. Сознательное восприятие времени события может быть субъективно продлено или прервано, или переведено в форму опосредованного, «абстрактного» временного слежения. В последнем случае сознание отнимает у субъекта ощущение реальности, непосредственность проживания, чувство сейчас-течения события. Отвлеченное уловление времени нарушает, по М. Хайдеггеру, единство трех мер временного присутствия субъекта в текущей жизни и, как следствие, репрезентирует жизнь не в ее непрерывном протяжении, а, например, в жестком рефлексивном расчленении на «теперь», «было» и «будет».

«Как в наступлении еще-не настоящего, так и в осуществленности уже-не настоящего, и даже в самом настоящем разыгрывается каждый раз свой род присутствия. ..Единство трех измерений времени покоится на игре каждого в пользу другого. Эта взаимная игра оказывается

особенным, в собственном времени разыгрывающимся протяжением, то есть как бы четвертым (временным - авт.) измерением.» (140, с. 400)

К числу закономерностей восприятия настоящего относят возможность «растягивать» воспринимаемое время за счет продления сознательной фиксации актуального события, продления активного взаимодействия субъекта с ситуацией, вовлечения массивов прошлого опыта и увеличения на этой основе временной перспективы осуществляющегося здесь-и-сейчас. В противоположность этой характеристике интуиции настоящего, **восприятие прошлого** обладает свойством воссоздания сжатости, слитости, концентрированности, сгущенности, которые приобретает временной объект при ускользании, погружении и уходе из состояния актуальности- для- субъекта.

«Когда временной объект движется в прошлое, он сжимается и становится одновременно смутным.» (44, с. 29)

Воспринимающий прошлое должен преодолеть сопротивление свертывания и угасания временных впечатлений, оставленных ушедшими событиями. Возможность изменения направления субъективного времени - превращения бывшей длительности в настоящую - свидетельствует о несравнимом ни с чем свойстве обратимости человеческого внутреннего времени. Обращение к прошлому требует особого опыта сознания и проживания, который может вывести субъекта за рамки схватывания только текущей длительности. Обычные формы сознания, соотнесенные в основном с наличной ситуацией, обнаруживают свою беспомощность, пытаются установить связь «я» сразу с несколькими временными направлениями.

«Цепь минувших дней бежит мимо сознания, и оно цепляется уже за конец цепи, а конец цепи часто бывает не из того же металла, что и звенья, исчезающие в ночи, а в нашем странствии по жизни оно признает действительно существующим только тот край, где мы находимся в настоящее время.» (105, с. 439)

Как крайнее выражение развитой перцепции прошедшего известна та ее форма, которая наблюдается при неординарных состояниях сознания, подобных напряженным «прорывам» в прошлое или «расширениям его горизонтов». Трансцендентальная психология связывает доступность этих состояний со способностью субъекта жить в настоящем, непрерывно «вспоминая себя». (127)

Восприятие будущего, отличающееся от «ожидания» как момента перцепции настоящего, также полагает особенное, специфическое время. Вновь прибегая к пространственным аналогиям, можно сказать, что перцептивное отношение к будущему состоит в постижении разноудаленных в направлении «вперед» временных «горизонтов», открывающихся «расширений», «перспектив» или, напротив, «схождений» и «обрывов», а также в чувствовании стремительных или замедленных «приближений» и «наступлений» грядущего. Интуицию отдаленной временной перспективы традиционно связывают с феноменами предвидения, предугадывания, прозрения, предсказания, прорицания. По-видимому, в этих сложных духовных состояниях перцепция временного предстояния, условно отделенная от постигаемого **содержания** ожидаемых событий, имеет первичное, устанавливающее и направляющее субъекта в «чистом времени» назначение.

Первичный образ временного объекта - события имеет **эмпирические характеристики**, которые частью соотносятся с внешне-предметным, а частью - с внутри-психическим планом индивидуальной жизни, выражены в параметрах объективного или субъективного времени, присущи преимущественно восприятию настоящего, или прошлого, или будущего. В философско - психологических исследованиях по проблеме времени упоминаются следующие из них:

1. локализация объекта во времени;
2. различенность элементов временного объекта;

3. последовательность действия элементов объекта;
4. одновременность действия элементов объекта;
5. слияние в единство нескольких временных объектов или событий;
6. встроенность событий;
7. наполненность события временными элементами;
8. временная близость - дальность соотношения элементов события;
9. быстрота течения события и его временных составляющих;
10. длительность или протяжение события во времени;
11. направленность восприятия события: как захватывающего будущее или уходящего в него; как теперь-происходящего; как погружающегося или углубляющегося в прошлое; как всплывающего из прошлого и проступающего в настоящее и т. д.

Рационально и интуитивно уловленные, эти характеристики издавна находили в сознании и творчестве людей метафорические выражения, неизменно сближающие время с пространством. Безусловно, метафорические формы представлений о времени, даже в их укорененности в «объективном», рождаются прежде всего как символы качеств воспринятого **субъективного времени**. Общеизвестны поэтические образы мелькнувшего события или промелькнувшей жизни; дольше века длящегося дня; недавнего, но далеко ушедшего; бывшего, будто вчера; забвенья времени; томительно тянущегося времени; жизни-в-ожидании; растворения во времени; стремительно убегającego времени; сплошного потока времени; растяжимого времени; текучего времени; просачивающегося времени; времени «моего» и времени «чужого»; времени, уносящего жизнь; густого, полного времени и т. д.

Особо значима символика «застывшего времени». Она связана с распространенным в европейской культуре представлением о существовании времени в форме свойства, скрытого в созданных человеком вещах, то есть о времени, как бы ставшем пространством. Отсюда символический ряд: остановленное время, отвердевшее время, окаменевшее время,

овеществленное время. Дворцы, храмы, остатки городов, старинные рукописи, древние одежды и украшения являются в нашем понимании хранителями тайны длившихся и протекших когда-то событий творения и использования этих вещей. Мы знаем, что возможно и развоплощение скрытого времени, и вновь возвращаем ему длительность, воображая себя создателями или причастными к созданию старинной вещи, реально реконструируя ее или проживая ее возникновение в сновидениях. Иными словами, наше восприятие прошлого возможно и как интуиция чистого времени прошедшего, и как активный процесс извлечения временного плана рождения и существования предметов, метафорически указывающих на заключенное в них время.

Субъективное начало захватывает не только то, что метафорически воспринимается, но и сам процесс этого восприятия, в том его моменте, когда субъект пытается влиять на собственное время. Он стремится организовать, спланировать свое время, придать его восприятию то направление, которое в наибольшей степени отвечает его жизненным задачам: извлечению опыта прошлого, интенсивному проживанию настоящего, прогнозированию будущего.

Иногда субъектная активность осуществляется в форме напряженной рефлексии воспринимаемого и проживаемого времени. Узнав «свое время», мы надеемся упорядочить темпоральный строй нашей жизни, представить его как гармоничный, ритмичный, равномерный, событийно плотный и разнообразный, подобный великолепному музыкальному произведению в хорошем авторском исполнении.

Рефлексии жизни в литературном наследии великих (3; 17; 45;152) полны обращений к теме времени. Самосознание времени жизни воплощается в абстрактных идеях времени, как у Августина, в описаниях трансцендентных видений, как у К. Юнга, или в психологических самоотчетах, как у С. Дали. Появляются интимно звучащие выражения субъективных отношений ко

времени: непостижимое для меня время; ускользающее от меня время; враждебное мне время; неподвластное мне время; я - неподвластный времени; преодоление мной времени; несущее меня время; время, грозящее мне концом; творимое мной время; утраченное мной время и т. д.

В попытках **осознать субъективный временной план жизни**, мы стараемся проникнуть мыслью в воспринимаемое бессознательное время. Эффекты осознания существенно определяются способностью мышления различать, измерять временные единицы, силой рефлексивной настройки субъекта на «работу» со временем, массивом событий, активно проживаемых субъектом и выделяемых им как относительно самостоятельные моменты жизни. Кроме этих факторов, психологи отмечают влияние на сознательную перцепцию времени и ее характеристики эмоционального тона проживания событий, разнообразия событий, интенсивности действий субъекта внутри события, объективного масштаба и личной значимости происходящего в жизни субъекта.

Сложный ансамбль выделенных условий осознания восприятия внутреннего времени задает **эмпирические закономерности** этого восприятия. С. Л. Рубинштейн обозначает их как «законы отклонения психологического времени от объективного». (114, с. 294)

Так, **сознанию воспринимаемого настоящего** присущи следующие закономерности:

- чем беднее событиями текущая длительность, чем однообразнее ее событийное наполнение, чем тусклее и неприятнее она переживается, тем более тягучей и растянутой она осознается;
- чем богаче, содержательнее, разнообразнее событийное наполнение настоящего, чем приятнее оно переживается, тем меньшей кажется его длительность, тем сильнее порыв продлить его;
- чем менее сознательно различено текущее время, но чем больше оно при этом заполнено внешними действиями субъекта и извне привнесенными

событиями, тем более длительным оно кажется; возникает эффект «детского растянутого настоящего»;

- чем более интенсивным и напряженным является внутреннее психическое реагирование на настоящее с установкой избегать грозящего истощения, тем вероятнее феномен сведения текущего времени в «точку», в мгновение, когда внимание смещается на «убегание» времени в прошлое;

- настоящее воспринимается как особенно долго длящееся, когда присутствие в нем проникнуто для нас сильным и нетерпеливым ожиданием приятного предстоящего или когда мы погружены в проживание удовольствия при сниженном контроле сознания.

Осознанная перцепция прошлого улавливает бессознательное внутреннее время иначе:

- чем более заполненным событиями являлся некий период жизни, тем более длительным он выступает в перцептивном погружении в прошлое;

- чем беднее событийно, чем однообразнее прожитое, чем менее протекшие события сопровождалось эмоциональными подъемами, самостоятельными действиями и личными достижениями, тем более свернут в осознанном восприятии временной план ушедшего;

- прошедшая жизнь в целом, даже если она была интенсивной и разнообразной, при осознании неисполненных намерений воспринимается быстротечной, унесшей многие возможности;

- чем больше творчества, фантазии, рефлексивных усилий вовлечено в восприятие прошлого, чем больше мы захвачены «поиском утраченного времени», тем длительнее становится для нас ушедшее, тем длиннее ретенциальный след в настоящем.

Но *«по мере того, как в переживаемом (воспринимаемом - авт.) времени выступает на первый план установка на будущее, снова видоизменяются закономерности, определяющие переживаемую длительность.»* (Там же, с. 295)

В перцептивном отношении к будущему отмечены следующие закономерные особенности:

- будущее воспринимается в зависимости от «знака» переживаний, наполняющих его ожидание: время ожидания желательного события кажется наступающим слишком медленно, а наступление нежелательного события проживается как ускоренное;

- если мы в настоящем тщательно строим планы на предстоящее, мысленно наполняем его событиями, связанными причинными или иными зависимостями, будущее воспринимается нами как длительное, наступающее замедленно, издалека, и иногда в нетерпении мы торопим его;

- если в своем отношении к будущему мы испытываем чувство зависимости от извне приходящих событий, которые растворят и подхватят нас, будущее воспринимается как близкое, надвигающееся и способное катастрофически оборваться для нас;

- если отношение к предстоящему выходит на уровень предвидения или прорицания конкретных событий, непосредственное восприятие будущего приобретает характер трансцендирования, преодолевающего временное деление на «сейчас», «до» и «после»

В итоге рассмотрения пространственно - временных характеристик перцепта видим, что эффектом восприятия обычно выступает сложный динамичный образ пространственного объекта, имеющего объективное и субъективное время, меняющего свои положения и свои состояния, приобретающего и утрачивающего эмпирические качества, претерпевающего внешние метаморфозы, изменяющего свое место в наблюдаемой предметной обстановке и непосредственно проживаемом событии. Помним, что перцепт соотносится с особенностями или единичного изолированного предмета, или предметной группировки, или непосредственно доступного предметного пространства, или отдельного события, или встроенных, последовательных событий и т. д.

Репрезентативной моделью многообразия воспринимаемого служат результаты наблюдения за происходящим на театральной сцене. Видимая сцена с элементами ее декорации и пустотами между ними образуют воспринимаемое внутреннее пространство того, что происходит перед нами и для нас. Взаимное расположение предметов, их соответствие и притяжение или рассогласование и отталкивание, их действие друг на друга образуют сферу воспринимаемых предметных отношений во внутреннем пространстве. Действующие лица во всех деталях их облика и внешних взаимодействий дополняют и интегрируют воспринимаемое внутреннее пространство. Сценическая ситуация, кроме того, дается нам в своем временном срезе: в одновременности, последовательности и длительности того, что сливается для нас в образы «моментов» происходящего, например появления героя, его приближения к героине, ее движения навстречу и внезапного замирания лицом к лицу. На чувственно-перцептивном или первичном интуитивном уровне нами улавливаются нюансы незримых психических событий, разыгрывающихся на «сцене» душевных взаимодействий героев. В качественный контекст воспринимаемого включаются и черты динамического я-образа зрителя. Это его место по отношению к сцене, параметры субъективного времени проживания и понимания спектакля, выражения в жестах, позах, словах я-отношения к нему.

Но как бы ни были полно представлены качества, моменты, фрагменты, отдельные события пространственно-временной развертки спектакля, основная тенденция нашего восприятия - не различение, дробление, разделение воспринимаемого, а его организация, объединение в целое. Целостные образы или «структуры» предметного пространства сцены, внешних межпредметных и межперсональных отношений, завершеного рисунка видимых событий, связи «я» со сценическим целым образуют основные феноменальные результаты зрительского восприятия.

«Восприятие не желает, да и не может, анализировать, разграничивая четыре измерения. Вспомним о мученических усилиях при попытках ликвидировать цельность и единство движений актрисы, исполняющей на сцене свой танец. Во время непосредственного исполнения сделать это невозможно, оно не допускает никакой редукции. Вместо этого танцовщица стоит вертикально или наклонившись, она поворачивается налево или направо, нагибается и выпрямляется, двигается и останавливается в едином, нерасчлененном действии.» (7, с 96)

Целостность, структурность образа восприятия являются важнейшими из его общих свойств, к рассмотрению которых мы переходим.

3.5. Общие свойства перцепта.

Целостность образа восприятия.

В обосновании указанного свойства уместнее всего обратиться к гештальт-психологии.(27; 28; 36) Согласно предлагаемой ею теории восприятия, образ-структура или образ-гештальт порождается воспринимающей активностью, объединяющей, упорядочивающей чувственные впечатления о предметных структурах внешнего мира. Причем, структуропорождающая перцептивная деятельность может стать столь совершенной, что привносит в эффекты восприятия синтеза, изменяющие для созерцателя привычное видимое пространство и проживаемое время: разделенное вдруг становится единым; бессвязные последовательности внезапно оказываются текущими в общем ритме; в новом целом совершенно преобразуются хорошо знакомые вещи. Но и не достигая такой силы наступления на реальность, восприятие неизменно, повинувшись присущей нам способности воссоздавать изоморфные отношения между упорядоченной предметной действительностью и психической реальностью, ставит нас перед фактом относительной устойчивости, строгой оформленности окружающего.

Расположение субъекта к психическому структурированию действует в текущей жизни естественно и бессознательно как врожденная перцептивная установка, может развиваться как фиксированная установка, может, наконец, достичь уровня дарования великого художника или исследователя, которые везде находят элементы для установления новых зависимостей.

«Целое» - основной атрибут, сущность перцепта. Составляющие его детали, как **однородные**, так и **разнородные**, со всеми их сенсорными признаками выступают внутри целого взаимодействующими элементами, преобразуясь под влиянием структурных связей. Перцептивная структура дана индивиду отдельно от всего иного, непосредственно присутствующего в его жизненной ситуации. Эта отделенность и изолированность перцепта объясняется структурной психологией наличием контура, или границы, или граней у воспринимаемого объекта, превращающими его в «фигуру» на слабо расчлененном перцептивном «фоне». Признаками данности автономной фигуры являются четкость, резкость, интенсивность проступания из фона, замкнутость - незамкнутость контура, слияние и соотносительная стабильность ее деталей.

Принцип границы, изоляции объединяет в класс перцептивных структур множество различных феноменов. К ним относятся образы единичной вещи или живого существа, группировок внешне подобных предметов, того, что вместе и одновременно оказалось выхваченным светом из окружающей тьмы или тени, сочлененных или прикрепленных друг к другу предметов, наконец, того, что оказалось в предельно раздвинутом поле восприятия человека, стремящегося свести воедино все присутствующее. Возможно, увлеченность идеями структурной психологии побудила Марселя Пруста многократно описывать опыты своего видения текущей жизни, внезапно рождающего необычные визуальные гештальты.

«Часто освещенные окна какого-нибудь дома надолго останавливали меня в темноте, являя моим глазам правдивые и таинственные черты

недоступной мне жизни. Вот здесь гений огня показывал мне на картине в пурпурных тонах кабачок торговца капитанами, где два унтер-офицера, положив портупеи на стулья, играли в карты, не подозревая, что некий волшебник выхватывает их из темноты, как на сцене, и представляет такими, каковы они сейчас на самом деле, глазам остановившегося прохожего, который им не виден.» (107, с. 84)

Перцептивные структуры в их отношении к подвижным - неподвижным и устойчивым - изменчивым образованиям предметного мира имеют следующие формы:

- постоянные, с одним и тем же набором стационарных элементов;
- находящиеся в неустойчивом «равновесии», то есть изменяющиеся и возвращающиеся в прежнее состояние;
- испытывающие постепенные необратимые качественные трансформации;
- динамические, формирующиеся при регулярных изменениях и сменах их частей;
- относительно устойчивые, допускающие перемены положений и ограниченные движения своих элементов.

Так **старинные дома** на набережной знаменитого города выглядят вечными и незыблемыми. Но их **отражения в воде** колеблются, меняя очертания при самом **осторожном движении умелого гребца**. Как музыка звучит оброненная кем-то **фраза** о «дворцах, распластавших свои черные бархатные силуэты на по- вечернему серой воде». Уходит невозвратный свет дня, и навсегда **исчезают сегодняшние очертания города** в спокойных водах. Появляется новое видение - **картина отраженных городских огней**.

Перцептивная структура способна поглощать, нивелировать индивидуальность своих элементов; она выявляет прежде всего то, что их объединяет и длительно удерживает это единство. Элементы как бы растворяются во взаимодействии друг с другом, и на первом плане в перцепте оказываются не их качества, а характер установившихся

внутриструктурных отношений. В этой связи родилось понимание структуры как чего-то принципиально иного, чем ее компоненты, взятые изолированно, и допущение разнообразия структурных объединений на основе одних и тех же элементов, но в различных ситуациях и при различных установках наблюдателя.

Роль структурных связей перцепта столь велика, что гештальт-психологи находят здесь влияние особых «сил», рождающихся при восприятии предметного целого. Возникают силы упорядочения и разрушения порядка, отталкивания и притяжения элементов, силы их совместного развития и регресса, силы стремления элементов к центру образа и силы обратной устремленности, силы пространственных и временных направлений взаимных изменений (увеличение - уменьшение, возрастание - убывание, направленность вверх - вниз, развертывание - сокращение и т. д.) Как правило, перцептивный гештальт имеет тенденцию к установлению и сохранению тех силовых отношений, которые **совершенствуют** впечатление об объекте. Тогда противоположно направленные силы уравниваются, однонаправленность преобладает над разнодействием, силы уподобления элементов подавляют силы их рассогласований, силы слияния одолевают силы разрывов внутри структуры. М. Вертгеймер полагал, что отвечая порядку предметного мира, наблюдатель сознательно и бессознательно вовлечен в «борьбу за хороший гештальт», то есть такой перцептивный образ, где все находится в равновесии, все соразмерно, симметрично, гармонично, ритмично и регулярно.

В реальных структурах даны, однако, предельно разнообразные по качеству предметы и предметные отношения - от изысканных до безобразных. Мир может быть так дан в восприятии, что перцептивная структура становится, к примеру, хуже или лучше своих составляющих, выступает организацией более низкого или более высокого уровня, чем каждый ее элемент в отдельности. Конечно, понятия ценности или уровня структуры отсылают

нас к ее содержанию и смыслу, но в человеческом мире созерцание и наблюдение всегда направляются оценивающей мыслью.

Так создатели популярной сейчас «психологии толп», рассматривают толпу как динамическую, изменчивую структуру, образ словесных и эмоциональных выражений, действий и реакций которой отличается несравненно более примитивным рисунком, чем это может позволить себе любой человек, когда он не поглощен ею. В целом, толпа выражает готовность к эмоциональным всплескам, слепой агрессивности, распаду и хаосу.

«Всякий раз, когда люди собираются вместе, в них скоро начинает обрисовываться и просматриваться толпа. Они перемешиваются между собой, преображаются. Они приобретают некую общую сущность, которая подавляет их собственную...» (96, с. 40)

И напротив, есть превосходные структуры общностей, которые собирают и подчеркивают то, что едва намечено в индивидах или рассеяно в них и что выступает в отдельно взятом человеке скорее потенцией, чем действительным высшим свойством. Реальность таких структур и незабываемость впечатлений о них может быть вновь подтверждена текстом Марселя Пруста.

Его герой во время прогулки по набережной видит: каким-то «странным движущимся пятном», «стайкой», «светоносной кометой» к нему приближаются не то пять, не то шесть девушек, разительно отличающихся от примелькавшейся толпы. Из-за удаленности он не может уловить своеобразия каждой из них, но зато ему отчетливо открывается их внешнее единство. Рефлексия впечатления поражает:

«В той последовательности, в которой развертывалось передо мною это дивное целое, соседствовали самые разные облики, сосуществовали всевозможные краски, что не мешало ему быть недробимым, как музыка... Передо мной всплывал белый овал лица, глаза черные, глаза

зеленые, но я не мог придать эти черты девушке, которую я отличил от других. И вот от этого отсутствия в моем восприятии граней, которые мне надлежало в недалеком будущем провести, в группе девушек наблюдалось мерное колыхание, непрерывное излучение текучей, собирательной, движущейся красоты.» (105, с. 309)

В восприятии, подобно прустовскому герою, мы можем переходить от крупных диффузных целостностей, объединяющих множество элементов, к уловлению структурной сложности отдельного элемента, к попеременному структурному видению нескольких элементов, к сосредоточению на внешних связях элементов - структур и к внезапному открытию в ранее поверхностно знакомой большой структуре новых **гештальткачеств** (Хр. Эренфельс). Последние возникают как перцептивные новообразования, отличающие структуру от ее составляющих, и при этом необходимо обусловленные их взаимовлияниями. Угроза хаоса и гармония красоты - гештальткачества упомянутых структур: толпы и дружеской компании девушек. Особенностью указанных качеств является их относительная универсальность, возможная принадлежность различным структурам из разных сфер жизни. Например, перцептивно - символическое качество «направленности ввысь» свойственно и восходящему солнцу, и готическому храму, и музыкальному высокому crescendo, и переживанию нарастающего ожидания, и стройному телу гимнаста или танцовщицы.. (73, с. 103)

Структура образа восприятия может быть устроена, упорядочена по нескольким основным принципам, связанным как с законами организации объективного мира, так и с сущностью субъективной способности наблюдателя интуитивно следовать этим законам.

1.Элементы структуры могут соотноситься по принципу центра и периферии. Такова например структура образа усадьбы или - совсем из иной области - образ митинга с оратором, возвышающимся над слушателями.

2. Структура также может иметь несколько центров, тяготеющих, однако, к одному главному; вокруг каждого центра группируются элементы, взаимодействующие с другими центрами и их перифериями. Примером служит образ паркового ансамбля с беседками, фонтанами, цветниками и клумбами, выступающими центрами «зон», «уголков», «мест» парка и способными подчеркнуть красоту основного сооружения - большого фонтана, павильона или скульптуры.

3. Структура может не обладать отчетливо выраженным центром или центрами и дается как совокупность более или менее важных для ее сохранности элементов. Так выглядит для преподавателя новая аудитория студентов. Так первоначально дана зрителю стена музейного зала, увешанная незнакомыми картинами. Так звучит музыкальное произведение из нескольких частей или смотрится гавань, полная кораблей.

4. Одна из разновидностей перцептивных структур характеризуется связью нескольких или множества сложных подструктур, одинаково важных для основной структуры. Такова видимая связь созвездий, образующая едва ли не самое лучшее, что есть у человека - звездное ночное небо. Этот же принцип организации присущ изображениям земных объектов на самых разнообразных картах. Монолитность целого на этих картах должна быть столь же нерушима, как постоянен земной ландшафт, и нарушение этого соответствия может вызвать настоящую когнитивную катастрофу. Вспомним чеховского героя - учителя географии - помешавшегося оттого, что не нашел на карте Берингова пролива.

Придавая особое значение соотношению в структуре перцептивного образа частей и целого, гештальт-психология осуществила серьезные исследования по этой проблеме, открыв закономерные влияния структуры на восприятие элементов и обратные зависимости восприятия структуры от взаимодействия ее элементов. Приведем эти соотношения так, как они описаны Л. М. Веккером (27), с некоторыми пояснениями и дополнениями.

Влияния первого типа, то есть **доминирование целого над частями**, имеют следующие эмпирические проявления.

- Одни и те же элементы, включенные в разные перцептивные целостности, воспринимаются как различающиеся по модальным характеристикам, значениям и смыслам. Хрестоматийными примерами указанного феномена являются двойственные изображения (девушка - старуха, профили - ваза и т. д.), а также рисунки, моделирующие оптические иллюзии Эббингауза, Мюллера - Лайера и др. Кроме того, из опыта жизненных наблюдений нам известно, что одна и та же деталь одежды, положим шляпа, выглядит большей или меньшей, ярче или тусклее, изящнее или грубее и даже изменяет цветовые оттенки в зависимости от того, в структуре какого наряда мы воспринимаем ее. Драгоценный камень среди подобных камней в составе ожерелья воспринимается не таким крупным, сияющим в полной чистоте своего цвета, как тот же камень в перстне. По аналогии, человек в однородной общности выступает для наблюдателя прежде всего в своей внешней похожести на остальных и лишь выделившись в автономную структуру, обнаруживает индивидуальность деталей внешности.

- Если в перцептивной структуре произошла замена элементов при сохранении их соотношений, целостность перцепта сохраняется. Так мы легко узнаем мелодию, независимо от того, на каком инструменте нам ее наиграли. Уютная обстановка комнаты остается прежней для нас, если на привычных местах появились новые вещи, функционально и эстетически близкие тем, которые они заменили. Усовершенствования машины любимой марки могут коснуться всех ее деталей, и тем не менее своеобразие ее целого остается неприкосновенным..

- Если внутри воспринимаемого целого утрачиваются некоторые не самые важные его элементы, структура не разрушается. Например, образ человеческого лица столь устойчив к выпадению деталей, что сохраняется при существенных лицевых травмах, узнаваем в самых упрощенных масках,

идентифицируется в любых изображениях. Многие близкие нам по-житейски структуры при самых значительных сокращениях состава продолжают существовать для нас как целое. Деревья с опавшими листьями и обломанными ветром ветвями, полуразрушенные и строящиеся дома, поломанная игрушка из детства, платье, у которого мы убрали раздражающие нас детали и т. д.

- Доминирование целого над элементами действует в восприятии почти магически, когда хорошо знакомый и ожидаемый во всей полноте своих деталей объект вдруг является наблюдателю в обедненном или несколько измененном виде и тот иллюзорно и убежденно находит в образе недостающее и несуществующее. Так при беглом увлеченном чтении не замечаются пропуски в словах и опечатки. Знакомый кажется нам «выглядящим как всегда», несмотря на некоторые перемены в его внешности. Нам кажется, что нравящиеся нам люди неизменно носят и пользуются только красивыми вещами.

Обратная зависимость: **определяемость целого элементами и их соотношениями** - имеет следующие основные выражения.

- К объединению в перцептивное целое расположены объекты, находящиеся в пространственной близости друг к другу и отличные этим от прочих составляющих воспринимаемой предметной обстановки. Группа девушек, поразившая героя Пруста, всадник на пустынной дороге, селенье на равнине выступают единичными примерами бесчисленного множества структур, организованных по этому принципу.

- Фактор близости часто определяет перцептивное целое в сочетании с фактором однородности, или похожести, или внешнего подобия элементов. В структуру объединяются объекты, сходные по модальным характеристикам: форме, цвету, величине и т. д.

- Пространственно - модальное сродство элементов как задающее их перцептивное объединение сочетается в сложной динамичной структуре с их

временным подобием: одновременностью возникновения и действия, непосредственным равномерным и ритмическим следованием друг за другом, их захватом общей длительностью какого-то события. Благодаря данной закономерности мы наслаждаемся хоровым пением, его разноголосьем и слиянием голосов, тем, что голоса солистов, звуча в разное время, образуют единое созвучие общего строя песни.

- Динамические перцептивные структуры возникают, благодаря общим изменениям, которые происходят в нескольких или множестве объектов, благодаря сходным и согласованным действиям, совершаемым различными воспринимаемыми объектами а также вследствие совместного движения, перемещения объектов перцепции. Общеизвестными фактами формирования таких структур являются образ взрыва как рассеивания в воздухе земли, камней, песка, обломков строений или образ игры как согласных действий игроков, или образ полета птичьей стаи.

- Особенно «сильным» структурообразующим фактором выступает объединение элементов в замкнутый контур, чему способствуют и их пространственно-временная близость, и коллективная активность, и модальное сходство. Исчерпывающими выражениями данной зависимости выступает любая вещь, изолированный предмет, группировки объектов, отграниченные своими собственными поверхностями от других предметных структур, а также совокупности объектов, заключенные внутри неких самостоятельных предметных границ, ограждений, ограничений, пределов. Так, переместившись в уже упомянутую обстановку, воссозданную Веласкесом на картине «Менины», мы нашли бы идеальные образцы перечисленных структур. Структурное целое всего находящегося и происходящего в стенах комнаты дворца, «целое» королевской четы, неразрывная связь художника, кисти, мольберта и холста, старинные картины в рамках и отражения лиц в зеркальной раме - все отвечает закону структурирования «контуром».

- Еще одна зависимость целого от его элементов обнаруживается на примере объединений объектов, обладающих «хорошей формой». Речь идет о структурах, детали которых отличаются симметрией, модальной согласованностью, соразмерностью, соответствием, равенством, равновесием, периодичностью, правильностью. Эти структуры особо притягивают наблюдателя, подтверждая его естественные ожидания меры, гармонии, красоты в предметном мире. «Идеальные» природные объекты (пропорциональное человеческое тело, тело животного и птицы, прекрасные цветы, растения, ландшафты), а также классические произведения архитектуры, живописи, музыки воплощают для созерцателя закон хороших форм. Всюду в предметах мы ищем правильные очертания овалов, кругов, треугольников, цилиндров и т. д., ищем чистоту цветов, ровность поверхностей, ритмичность звучания.

В символизме «человек» считается образцом совершенной целостности частей, выражающим своим телом принцип организации «микрокосма» и «универсума». Из древних текстов пришла в современную культуру идея, что соразмерность, симметрия и соответствие деталей человеческого тела такое же, как в пентаграмме.

«Человек составлен в соответствии с числом пять: он состоит из пяти равных частей в высоту и из пяти - в окружности; у него пять чувств и пять частей, отразившихся на руке пятью пальцами.... Каждая часть тела соотносится с соответствующей частью универсума: голова - небо, дыхание - воздух, живот - океан, нижние конечности - земля, телесное тепло - огонь...» (69, с. 567)

Две рассмотренные как противоположные зависимости частей и целого в действительности являются лишь абстрактно различенными двумя правилами достижения перцептивной структурой максимальной устойчивости при минимальных степенях свободы ее элементов. В любом образе восприятия

при его внимательном анализе можно найти проявление каждой из рассмотренных зависимостей универсального отношения «целое - части».

Эффект данности целостного образа восприятия **достигается в процессе перцептивной активности**, которая, осуществив образное построение, затем воссоздает постоянство воспринимаемой структуры, отвечает корректировками на изменения в структуре, устраняет мешающие лишние элементы, в мерцаниях структуры находит новые подтверждения ее постоянства, сама стремится привнести в структуру то многообразие, которое подчеркивает ее общие достоинства. То есть, чтобы быть сохраненными, отношения частей и целого должны непрерывно исследоваться и испытываться субъектом в соответствии с правилом: «чем больше изменяется, тем больше остается тем же самым».

Особенно это касается живых, действующих, разнообразно проявляющих себя структур. Так образ целостного выражения «души» дружеской компании, по описанию Августина, складывается у ее члена в длительном времени восприятия, при полном вовлечении и наблюдении за тем, как «множественные проявления любви в лице, словах, глазах и тысяче выражений сплавляют между собой души, образуя из многих одну». (3, с. 111)

Постепенное рождение структуры образа внутри перцептивного процесса, отчетливо демонстрирующее роль воспринимающей активности, часто связано с феноменом последовательного «исчезновения» частей в целом, когда данность каждого сменяющего друг друга элемента становится меткой, событием какого-то истекшего этапа образного структурирования. Например, музыкальная фраза не станет перцептивной структурой, если каждая нота, отзвучав, не покинет динамического поля направленного восприятия, чтобы уступить в нем место другой. Здесь происходит парадоксальное удержание отношений элементов без самих элементов; явной оказывается скорее перцептивная активность, чем застывшее конечное целое. И об этом у

Августина есть исчерпывающее суждение: «Части, составляющие нечто единое, не возникают одновременно в том, что они составляют».

Воспринимая, мы можем совершать структурные преобразования ради сохранения разрушающейся перцептивной структуры. В изменяющуюся обстановку фантазийно подставляем привычные элементы с такой силой убедительности, что не сомневаемся: «это есть». При вторжении в структуру новых элементов минимизируем степени их свободы и интенсивности влияний внутри нее. Перцептивно исключаем инородные элементы, не согласующиеся для нас с общим строем структуры, заполняем образовавшиеся в перцепте пустоты.

И самой очевидной зависимостью от воспринимающей активности обладает целостное впечатление от совместных, согласованных действий множества объектов или структура, образованная восприятием не самих объектов, а их реализующихся функций. К этому типу впечатлений относятся разнородные образы работы сложного станка, образы движения людских потоков по городским улицам, наблюдаемого с высоты, образы действия строителей дома, инстинктивной активности пчел в улье, сложной динамики балетного танца.

Образы целостного предметного функционирования, являясь процессуальной, а не одномоментной репрезентацией реальности, выступают в своей зрелой форме результатом поэтапного построения «динамического целого». В качестве этапов выделяются: первоначальная данность диффузного предметного целого с общей недифференцированной активностью (1), дифференциация частей целого, каждая из которых выступает функционирующей относительно автономно (2), данность интегрированного целого, где действия частей, вступая в многообразные взаимодействия друг с другом, образуют единый стабильный порядок системного функционирования (3). (141, с. 125)

Если вновь вернуться к ситуации встречи прустовского героя с компанией девушек и осмыслить ее не в символе «движущейся красоты», а как «прекрасное, подобно греческому танцу, общее движение», сможем обнаружить полное феноменальное подтверждение приведенных теоретических положений.

Свойством целостности не исчерпываются общие характеристики перцепта. В значительной степени она сама детерминируется другими свойствами образа восприятия, в частности, способом его организации. Организованность по определенному принципу указывает на тот основной путь, которым достигается и поддерживается целостность и устойчивость перцепта.

Способы организации перцепта.

В понятии «организация образа восприятия» подчеркивается момент упорядоченности внешних и внутренних связей перцептивной структуры, иерархичность отношений ее элементов, стабильность межэлементных влияний, момент завершенности оформления структурных взаимодействий. Акцентируется также разнообразие **причин** организованности любого зрелого перцепта и существование среди них основной, ведущей. Поиск свойств образа ведется здесь не в плане решения проблемы «что составляет образ?», а в плане проблемного рассмотрения того, «как образ возник и благодаря чему существует?».

Вопрос о **способах** перцептивной организации ведет к отысканию тех событий, сил, активностей, состояний, связывающих объект и субъекта, которые определили факт возникновения перцепта, его стабильную форму и качественную специфику и которые как бы «застыли» в установившихся структурных отношениях образа. Наметим континуум данных факторов, учитывая, что чаще всего они действуют совместно.

1. Ту или иную организацию перцепта может навязывать нам предметная обстановка или объект, или ситуация, обладающие слишком выразительными

для наблюдателей положениями, проявлениями, взаимодействиями. Эта зависимость особенно заметна при появлении в поле восприятия чего-то необычного, нового, неординарного, вроде группы буддийских монахов на улице одного из наших провинциальных городов.

2. Перцепт может быть оформлен как цельная картина ситуации, если все в ней оказывается для наблюдателя связанным значимым действием, поведением, проявлением кого-то или чего-то из окружающего. Игровые движения ребенка по поляне причудливо объединяют во впечатлении внимательной матери цветы, кусты, камушки и щепки, взлетающих птиц и резвящуюся собаку.

3. Если объектом нашего восприятия выступает созданное художником изображение, то первым основанием, организующим перцепцию, становится образный замысел творца. Он, законодатель зрительского созерцания, заставляет нас ввести в свой перцептивный мир структуры с новыми, даже ирреальными или эмпирически невозможными отношениями элементов. Этим, в частности, влекут нас запечатленные образы далианских сновидений.

4. В потоке восприятия возникают феномены бессознательной архетипической организации впечатлений. Так, глубинная символизация лежит, по-видимому, в основе одновременного видения нескольких лиц в облике одного человека, с которым общается наблюдатель. В лице юноши он находит проступающие черты стареющего человека, в лице девушки - черты матерей ее рода, в лице ребенка - черты его далекого ровесника, изображенного на старинной картине. В юнгианской интерпретации подобное восприятие ближнего указывает на интуитивное усмотрение его личностных трансформаций.

5. Существенным условием организации перцептивного впечатления является также наша предметная деятельность: манипулятивная, исследовательская, конструктивная. Мы объединяем в гештальты объекты, которые используем или собираемся задействовать при решении какой-либо

практической задачи. Например, организуем свои рабочие места, соединяя на них множество функционально необходимых вещей; украшаем и делаем перестановки в доме к приему гостей; собираем своих друзей в кружок, чтобы поделиться последними новостями и т. д.

6. Организация перцепта может быть обусловлена и нашим воображением, фантазией, внутренним образотворчеством. Это характерно для ситуаций, когда мы воплощаем в вещах, знаках, изображениях наши художественные открытия и созерцаем сделанное. Наш собственный образный замысел придает целостность и завершенность восприятию, которое мы надеемся разделить с другими.

7. Важнейшим и тщательно изучаемым в психологии способом перцептивной организации выступает мысленное обобщение воспринимаемого объекта. Выделяются его различные формы: 1) объединение в одном впечатлении элементов по принципу абстрактных связей и зависимостей; 2) удержание в перцепте ключевых качеств и составных частей, относящих объект восприятия к отвлеченным категориям; 3) понимание данного объекта как конкретного представителя класса или типа сходных объектов; 4) создание, конструирование объекта восприятия в качестве «критического» выразителя всей полноты существенных иерархических признаков определенной объектной категории.

Мысленное вербально -логическое обобщение предполагает **сознательное** нахождение субъектом общих объективных предметных значений, которые представлены и противопоставлены его «я» в перцептивных формах. Благодаря сознанию как «двойному мысленному обобщению» - мира и «я» - субъект достигает максимального правдоподобия и активности восприятия, его соответствия законам и нормам человеческого существования. В единстве мышления и восприятия нами достигается интеллектуальная уверенность в упорядоченности и относительной стабильности мира.

Эффектами обобщенной перцепции являются, например, понимающее восприятие исследователем нового прибора, воплотившего оригинальную идею изобретателя; направленный поиск человеком, испытывающим жажду и попавшим в необычную предметную обстановку, вещи, которую можно использовать в качестве сосуда для питья; открытие нами в незнакомом неординарном объекте его принадлежности к «домам» или «жилищам»; нахождение врачом при исследовании больного полной картины внешней симптоматики известной болезни и т. д.

8. Фактором, уловимым скорее умозрительно, чем аналитически, скорее поэтически, чем научно, является эмоциональная фиксация и сохранность образа восприятия. Мимолетные переживания, длительные настроения и стойкие чувства объединяют в перцептивные впечатления то, что по другим законам восприятия должно было остаться разделенным, формируют некие эмоционально агглютинированные картины со множеством случайно вовлеченных элементов. Так переживание поражения для самолюбивого человека сольет в единый образ всех «свидетелей» унижительного события: его непосредственных участников, присутствующие вещи, объективно незадействованных и даже воображаемых лиц, сопутствующие состояния природы и собственные реакции на происходящее. Все вместе станет ужасным, гнетущим впечатлением. Фактор переживания может также придать иллюзорную устойчивость тем качествам образа, которые реально изменяются.. К примеру, изменившееся к лучшему сохраняет для воспринимающего негативные черты, ранее выделяемые и обобщаемые его дурным настроением или неприязненным чувством.. И напротив то, что в действительности объективно ухудшается, продолжает, вплоть до какого-нибудь разоблачающего момента, подтверждаться чувством как приятное, любимое, красивое целое.

«Мы всегда видим дорогих нам людей в их одушевленной целокупности, в непрерывном движении нашей неубывающей любви к ним, которая,

прежде чем дать возможность образам, какие создает внешний их облик, дойти до нас, втягивает их в свой водоворот, накладывает их на представление, с давних пор сложившееся у нас, объединяет и сращивает...Когда же жестокая игра случая препятствует нашей мудрой и благоговейной любви подоспеть вовремя, чтобы утаить от нашего взора то, что он ни в коем случае не должен видеть, он показывает нам вместо любимого человека, которого давно уже нет на свете, другого человека...Так я, для кого бабушка была мною самим, а ее щеки и лоб были для моего мысленного взора самым нежным и неизменным,...однажды впервые и лишь на мгновение увидел на диване красную при свете лампы, рыхлую, ничем не примечательную, больную, задумавшуюся, бродившую поверх книги слегка безумными глазами, удрученную, незнакомую мне старуху.» (107, с. 122)

9. Многие из отмеченных выше способов перцептивной организации носят подчеркнуто индивидуальный характер. Это прежде всего касается представлений, фантазии, переживаний, креативной мысли. Когда основанное на них восприятие осознается, рефлексивируется, в нем появляется новый организующий момент - осмысленность или придание воспринимаемому личного смысла. Перцепт становится феноменом, отнесенным и определяемым целостным «я». Осмысленность вызывает частые ситуации активно проживаемой, пристрастной, избирательной, сознательно продлеваемой, символической и даже искажаемой субъективным отношением перцепции. Смысл или я-присутствие синтезирует другие способы организации восприятия, формируется как его сложное побудительно - когнитивно - эмоционально - преобразующее основание. Первичные образы вещей, событий, явлений строятся здесь путем, который можно назвать «субъектным». Он характерен для людей, ориентирующихся в жизни на предметное творчество, утонченное предметное потребление, на научное

наблюдение, философское созерцание и на художественное изображение воспринятого.

Константность восприятия.

Целостность, те или иные способы организации, пространственно – временные и модальные характеристики перцепта поддерживаются и развиваются, благодаря присущей ему общей устойчивости, константности. (27;. 37; 114) Этому свойству образа сопутствуют сформированность качественных инвариант перцепта, относительное постоянство соотношений инвариант и вариант в перцептивной структуре, внутреннее сопротивление структуры внешним и внутренним возмущениям, данность в перцепте предмета как «того же самого, что и обычно», сохранение образа в условиях существенного изменения его собственных характеристик, противостояние переструктурированию при переменах положения наблюдателя относительно объекта, подмена разрушающейся перцепции стабилизирующим представлением или понятийной мыслью.

Константность выражается в отсутствии серьезных ошибок восприятия, удержании чувства реальности и привычности воспринимаемого и в перцептивном отвлечении от многообразных колебаний в связях наблюдателя с источниками.

Несмотря на эмпирическую очевидность данного свойств и принадлежность его к числу первых отличительных характеристик восприятия в сравнении с представлением и воображением, нельзя не отметить, что в жизненном потоке оно постоянно подвергается испытаниям изменчивостью среды и состояний субъекта и должно быть связано поэтому с динамической адаптацией и самонастройкой восприятия к указанной изменчивости.

«Структура как таковая, застывшая структура есть миф или по крайней мере предельный случай. Инварианты структуры не существуют иначе, как в неразрывной связи с ее вариантами.» (37, с 136)

Повышенная или избыточная вариативность перцептивных впечатлений и ошибочность, грозящая их константности, возникают, например, в условиях слишком короткого времени восприятия, или при большой перегруженности времени восприятия последовательными событиями, или когда за давностью восприятия сложного объекта, он не опознается как знакомый. Перечисленные условия выступают **временными возмущениями** перцептивной стабильности. Можно говорить также о ее **пространственных возмущениях**: большом удалении воспринимаемого объекта, его поворотах, заслонениях, добавлениях и утратах деталей, растворении объекта в массе слишком разнородных или, напротив, чересчур сходных с ним объектов, слишком динамичном изменении взаиморасположения субъекта и объекта и т.д. Условиями, искажающими или разрушающими образ, могут быть различные формы отношения субъекта к восприятию, иначе, **субъективные возмущения**. К ним относятся, например, состояния невнимания, рассеянности, эмоциональной поглощенности тем, что находится вне поля восприятия; аффективное реагирование на воспринимаемый объект; интеллектуальное утомление, нарушающее закон, в соответствии с которым мы «воспринимаем мысль»; активное вмешательство в содержание воспринимаемой ситуации живого воображения или смелой художественной идеи типа «импрессионального видения».

В перцептивной жизни могут действовать **патологические возмущения**. Ими становятся длительные воздействия на организм наркотиков и алкоголя, интоксикации при тяжелых болезнях, поражения отравляющими веществами. В этих условиях перцепция трансформируется в визуальные обманы, «кажимости», иллюзии, галлюцинации, преобразующие до неузнаваемости привычный мир. Подобные метаморфозы восприятия имеют и психопатологическое происхождение. Среди них Карл Ясперс выделяет невротические иллюзии, обусловленные сильным аффектом, парейдолии, истинные галлюцинации в формах фантастических визуальных явлений и

субъективных эйдетических образов. (160) В его описаниях индивидуальных случаев особый интерес представляют парейдолии.

«Одна из пациенток гейдельбергской клиники, находясь в спокойном, сосредоточенном состоянии, видела головы людей и животных, словно вышитыми» на одеяле, а также на стене. Кроме того, она видела гримасничающие лица в пятнах солнечного света на стенах. Она знала, что это обман, и говорила: «Мой взгляд извлекает лица из неровностей стены». Другая пациентка удивленно сообщала: «Вещи сами обретают форму; круглые дыры в оконных рамах (отверстия для задвижек) превращаются в головы и мне кажется, что они собираются укусить меня.» (160, с. 99)

Самопроизвольно творящееся или наоборот распадающееся восприятие имеет место не только при неординарных условиях взаимодействия индивида со средой. По-видимому, любой нормальный переход от одного перцептивного впечатления к другому, от менее совершенной перцептивной структуры к более совершенной, от образа с меньшим количеством элементов к более сложному образу и т. д. означают неосознаваемые мимолетные или длящиеся взрывы, флуктуации, вибрации в стабильном восприятии. Установившийся и воссоздаваемый первичный образ приобретает постоянство через множественные события своих изменений.

Константности, естественной в условиях нормального восприятия, существенно способствуют его связи с различными формами душевной и практической активности субъекта. Эффективно удерживает образ сосредоточение и работа сознания с объектом восприятия и с субъективным отношением к нему. Образ стабилизируется при совершенных с объектом множественных однородных практических действиях. Фиксация перцептивного впечатления достигается также при соответствии объекта восприятия сложившимся у субъекта абстрактным понятиям о пространственных, временных и качественных свойствах, отношениях,

порядках и нормах предметного мира. Константность может быть обеспечена длительно действующим и качественно постоянным эмоциональным проживанием связи с объектом, ставящим его в ряд положительных значимостей субъекта. Особой стабильностью обладают образы существующих эстетических объектов и те, которые появились у субъекта в собственной художественной деятельности..

Интенсивность перцептивного впечатления.

Благодаря нормальной выраженности данного свойства, воспринимаемое становится для субъекта достоверным свидетельством **реальности и самоценности** предметного мира. Аналогично интенсивности ощущений, оно соотносится не только с силовыми характеристиками действия источников на перцептивные системы, но и с функциональным состоянием задействованных анализаторов, параметрами воспринимающей активности, включая двигательную, с особенностями осознания и переживания факта восприятия. Подчеркивая сложность феномена интенсивности, лучше говорить о нем как свойстве перцептивного впечатления или события, а не просто предметного образа.

В нашей речи это свойство выражается понятиями яркости, свежести, силы, резкости, отчетливости, живости, приглушенности, смутности и т. д. объекта. По отношению к **зрительным** перцептам, кроме перечисленных, используются специфические характеристики светлоты, сияния, ослепительности, чистоты, насыщенности, контрастности. В отношении **слуховых** впечатлений - громкости, оглушительности, высоты, звонкости, пронзительности; в отношении **кожной, осязательной** перцепции - сопротивления, стесненности, жесткости, давления, тяжести, болезненности, жжения, замерзания, омертвления. Перечисленные оттенки проживания интенсивности подчеркиваются сопровождающими эмоциями и аффектами.: удовольствием, наслаждением, упоением, неудовольствием, отвращением, страхом, ужасом.

Нормальные формы проживания интенсивности восприятия сменяются иногда аномальными, патологическими. Свойство превращается в симптом болезней и болезненных состояний: психозов, неврозов, отравлений, общего снижения сознания. Возможны, например, сверхчувствительность к боли или болевая бесчувственность. Привычные запахи могут внушать острое отвращение или не восприниматься вовсе. Обычные звуки и шумы могут стать до жути громкими; цвета кажутся такими яркими, что, например, красные предметы видятся охваченными пламенем. Или, наоборот, интенсивность слуховых и зрительных впечатлений ослабляется. Солнечный свет тускнеет, все становится словно затянутым дымкой, призрачным, смутным; голоса и звуки слышатся будто сквозь стену, приглушенно, неотчетливо. Иногда в случаях серьезных психических расстройств интенсивность восприятия изменяется вместе с его существенными модальными трансформациями. Например, все в мире становится для больного поразительно обновленным и посвежевшим, цвета блестят и переливаются, предметы заново открываются в волшебном сказочном сиянии. Или, как следствие состояний крайней подавленности и отчуждения, возникает впечатление, что все поглощено густой и «яркой» чернотой; даже солнце представляется черным. (Там же, с. 96)

Норма интенсивности восприятия имеет очень широкие границы, позволяющие чувствовать себя комфортно даже при значительных изменениях обычных отношений индивида со средой. Мы воспринимаем среду с приятной для себя живостью, четкостью и тогда, когда утренний туман укрывает знакомую местность, или первый снег набросит белую пелену на все видимое, или прозрачный воздух открывает обычно скрытые дали, или когда вдохновение умножает силы нашего восприятия так, что мы переживаем настоящий праздник красоты привычного и близкого мира.

3.6. Становление восприятия в индивидуальной жизни.

Рассмотренные выше закономерности и особенности перцепции характеризуют ее в основном как сложившуюся, **зрелую функцию** с полной реализацией всех возможностей онтогенеза. Но обретение перцептивной зрелости - длительный процесс, идущий в разных направлениях, имеющий разные цели и различные по психологическому масштабу эффекты. Можно по традиции говорить о становлении воспринимающей функции в числе других функций на разных этапах общего психогенеза индивида, выделив в этом становлении преходящие и сквозные тенденции. Или можно проанализировать перцептивный онтогенез как самостоятельное целое с различием в нем, по аналогии с ощущениями, **ключевых линий или тенденций**, сосуществующих и взаимодействующих в течение всей жизни, относительно гетерохронных, по-разному активных и содержательных на различных возрастных стадиях. Выберем последний способ моделирования.

Первая тенденция перцептогенеза - развитие восприятия **устойчивых предметных целостностей**.

Во впечатлениях младенца предметный мир выступает диффузным целым, в котором и стремительно, и постепенно проступают множественные отдельные, слабо дифференцированные и изменчивые предметные образования, сливающиеся в первичные перцептивные группировки - синкреты. Эти моменты, характеризующие раннюю целостность восприятия, к трем годам уступают первенство категориальной организации перцептивного целого. В предметных целостностях, благодаря практическим обобщениям, появляются инварианты, отличающие предметы и предметные связи одних эмпирических категорий от других. «Мерцающие формы» становятся устойчивыми; восприятие метрических параметров объекта становится все более точным; определяются модальные константы объектов, особо тонко отличающие конкретные предметные структуры друг от друга. Предметная целостность мира при переходе от одной фазы перцептогенеза к

другой удерживается посредством все более сложных форм категоризации: апперцептивной, символической, логической, интуитивной.

Линия целостности в возрастном становлении ориентирована на развитие восприятия-в-гештальтах. Характерным для него является то, что постоянно актуализирующиеся образы предметов, богатые информативными признаками, вступая в вариативные осмысленные связи друг с другом, соединяются в динамичные структуры «воспринимаемых ситуаций», где субъекту непосредственно даны реальные условия его текущих деятельности и поведения. Перцепты ситуаций приобретают в жизненной эволюции индивидуальные особенности, психологически оцениваемые в параметрах богатства - бедности элементов, полноты - неполноты образа, скорости его построения, проницаемости - непроницаемости для новых элементов, трудности - легкости переструктурирования, своевременности - несвоевременности ответа на изменения ситуации, удержания - неудержания ключевых элементов и свойств, гибкости переходов от расширенного к концентрированному охвату ситуации, худшей - лучшей способности превратить перцептивную репрезентацию ситуации в перцептивный образ совершающегося в ней действия.

Образы объектов, событий и ситуаций, устойчиво попадающих в поле предметного опыта субъекта, постепенно соединяются, свертываются. интегрируются в глобальный **перцепт мира**, который, хотя и не может быть дан в одном событии восприятия, тем не менее всегда составляет живой, легко развертывающийся и проявляющийся целостный контекст для воспринимающего. Этот перцептивный контекст направляет субъекта к установлению новых гештальт-образующих отношений, к заполнению пустот в предметных впечатлениях, к поиску и созданию новых образов, в которых знакомые предметы появляются в неожиданном единстве символических значений.

Так, почувствовав за собой целый мир, мы с юности ищем, путешествуя, те места, города и страны, где, как нам кажется, соединится все, чем хочется быть окруженным, с чем хочется слиться, где наше присутствие всегда уместно и никем не заменимо.. Мы надеемся на встречу с «местами своей жизни».

Вторая тенденция возрастных изменений восприятия связано с формированием **перцептивных дифференцировок**.

Речь идет о хорошем различении модальных качеств объектов, о приобретении возможностей многокачественного, детального сравнения разных объектов по форме и размерам, о сведении и разделении в практике манипулирования, конструирования и изображения многих перцептивных элементов. Процессы обусловлены онтогенетическим развитием сенсорных функций, развитием речи и различающей интеллектуальной способности. Во многом им способствует игровая и художественная активность в детском и подростковом возрасте, эстетическое созерцание и творчество в юности, постоянное обновление образов природы, искусства, общения и развлечений в зрелые годы. Перцептивные дифференцировки могут быть основным мотивом и целью профессиональной деятельности, как например, у дегустатора, дизайнера, модельера, врача, художника, музыканта и т. д. В профессиональной сфере перцептивные различения становятся иногда настоящим талантом Мастера. Дифференцировки в ранге мастерства противостоят старению, постоянно компенсируясь совершенствующимся операциональным составом восприятия. (5, с. 19)

Третья тенденция состоит в постепенном выделении в формирующемся глобальном перцепте мира образов ведущих модальностей и интеграции этих образов в обобщенные разнокачественные **перцептивные модели мира**.

Процесс характеризуется построением зрительной модели как основной, а также осязательной и речевой моделей, подкрепляющих зрительную и в определенных пределах самодостаточных. Переход к зрительной доминанте

восприятия - онтогенетически довольно позднее событие и соотносится с возрастным периодом от 2 до 6 лет. Осязательное восприятие стремится к перцептивному доминированию с момента первого контакта руки ребенка с предметом, то есть с первых недель жизни. Речевая перцепция, включающая в качестве активных начал слуховые и артикуляционно - двигательные образы, существенно определяет развитие воспринимающей функции с 3 - 5 лет. Устная и затем письменная речь формируются в зависимости от богатства предметных отношений, наполняющих жизнь ребенка и обуславливающих объем и структурность зрительных и осязательных включений в эмпирические значения слов. Имеют место и обратные развивающие влияния речевых структур на зрительную и осязательную интеграцию предметного опыта. В целом, процессы становления этих одновременно и моно- и полимодальных перцептивных моделей мира охватывают все периоды интеллектуально, профессионально, коммуникативно и эстетически активной жизни индивида.

Четвертая тенденция выражается в совершенствовании **операционального состава воспринимающей активности** и смене ведущих форм операций на разных этапах онтогенеза.

В зависимости от проявления на более ранних или более поздних возрастных стадиях, выстраивается поступательный континуум взаиморазвивающих и взаимовключенных форм перцептивной активности:

- 1) перцептивная реактивность как ответ на значимые для организм сигналы и стимулы;
- 2) двигательный поиск перцептивных предметных «знаков» будущих жизненно важных событий;
- 3) ознакомление, перцептивная категоризация и опознание инвариантных объектов среды и окружения;
- 4) наблюдение за перцептивными событиями с целью управления объектами и операциями с ними;

- 5) создание перцептивных схем будущих объектов или действий, моделирование в устной и письменной речи, в графических изображениях, в вещах-копиях и т. д.
- 6) изображение как порождение новых объектов созерцания;
- 7) зрительская активность как перцептивно - смысловое развоплощение изображений;
- 8) чтение как переход от воспринимаемых словесных знаков к апперципируемым и абстрактно понимаемым значениям;
- 9) создание предметных структур как новых полифункциональных элементов воспринимаемой среды.

Первые четыре формы определяют перцептивную активность ребенка в первые 5 - 6 лет жизни. Затем, в дальнейшем возрастном движении, изобразительная, игровая и речевая деятельности обогащают операциональный состав восприятия подростка за счет действий в качестве «художника», «чтеца», «говорящего» и «пишущего». Юность приносит в воспринимающую деятельность творчество «зрителя», «поэта», «влюбленного», «изобретателя». Зрелый возраст избирательно оттачивает умение и творчество в профессионально важной перцепции.

Пятая тенденция заключается в развитии самовосприятия или формировании **перцептивного образа я**. Поскольку ранее этот феномен не был предметом специального рассмотрения, сделаем несколько уточняющих замечаний.

Для определения сложного по содержанию перцепта «я» психологами предложен ряд терминов, подчеркивающих тот или иной его аспект: «схема тела», «сознание телесности», «восприятие я-внешнего», «восприятие себя» и т. д. Ведущим в самовосприятии является образ собственного тела. В его симультанном формировании участвуют все ощущения, но при этом роль зрения и слуха наименее существенна, исключая эстетическое видение себя и восприятие своей речи и пения. Вкус и обоняние имеют большее значение.

Еще важнее роль «физических» ощущений: поверхностных (тактильных, болевых, ощущений влажности, температуры); относящихся к движению и положению тела в пространстве (кинестетических, вестибулярных); относящихся к внутренним органам.

Динамический образ тела формируется как «образ телесного существования», посредством которого поддерживается пространственная и временная я-идентичность. В нем сливаются впечатления, проистекающие из изменений на поверхности тела, из перемещений тела, из изменений позы и осанки; впечатления, определяемые чувством легкости и изящества или тяжеловесности и неуклюжести наших движений, осознанием влияний нашего присутствия на окружающих, сознанием нашей общей телесной силы или слабости. Кроме того, мы воспринимаем свое тело в его защищенности и усовершенствовании одеждой и украшениями, в его пространственном «расширении» и «продлении» орудиями и транспортными средствами, которыми пользуемся для увеличения своих телесных возможностей.

В отношении самовосприятия, как и других аспектов перцепции, можно говорить о едином процессе развития, определенные моменты которого преобладают в том или ином возрасте. Во-первых, от смутных самоощущений и начального удержания «схемы тела» в младенчестве ребенок быстро переходит к перцепции своего тела как целого, внешне разделенного на органы, повинующиеся его воле. Во-вторых, при овладении ходьбой, тонкими ручными движениями, речью, игровыми действиями ребенок бессознательно открывает множество способностей себя-телесного и выражает восприятие своей полифункциональности в изменчивых интенциях: «могу», «хочу», «буду». В-третьих, детские, подростковые и юношеские упражнения в спорте, танцах, пластических искусствах, практике повседневной жизни вызывают тонкие дифференцировки в восприятии самых сложных движений своего тела, непрерывно совершенствуют динамический образ-я в контексте разнообразных ситуаций и обстановок, ведут к

перцептивной уверенности в своих телесных возможностях и дарованиях. Четвертое, активность самосознания в фазе зрелого детства и подростковом возрасте становится условием восприятия себя как телесно изменяющегося, растущего, становящегося все более подобным взрослому. Образ-я дается в своих быстрых отрадных или огорчительных метаморфозах. Пятое, самовосприятие еще в «возрасте кукол» может стать важнейшим элементом отношения к себе как эстетическому объекту. В образ-я по мере взросления необходимо включаются и оказывают на него влияние оценка собственной привлекательности, близости к своему идеалу внешности, озабоченность своим соответствием модному стилю поведения, престижному имиджу, страсть к присутствию в неординарных компаниях, пользованию экстравагантными вещами и т. д.

Еще одна тенденция перцептогенеза связана с приобретением восприятием определенного **статуса** в структуре индивидуальных функций, свойств, активностей и жизнеотношений личности.

Высокий статус восприятия, сохраняющийся в течение всей жизни, характеризует личность определенного типа, близкого юнгианскому «сенсорному типу». В этом случае, подобно сенсорике и в единстве с ней, перцепция может эволюционировать от положения ведущей развивающейся психической функции в раннем периоде индивидуального развития - к положению одного из важнейших факторов наступающей психической зрелости - к положению основного способа интеллектуальной, профессиональной или творческой связи индивида с жизнью - к роли свойства, задающего личностный тип индивида - к статусу той особенности психической жизни, которая в фазе старения становится основным условием устойчивости личности к инволюционным процессам.

Значительная личностная роль зрелого восприятия проявляется и формируется через его **мотивацию**. Устойчивые побуждения к восприятию определенного круга объектов, постоянные склонности к тем или иным

способам воспринимающей активности, часто актуализирующиеся потребности в удовольствии, доставляемом воспринятым, стремление к успехам, имеющим перцептивную форму выражения, указывают на то, что восприятие заняло определяющее место в структуре свойств личности. Например, постоянно актуализирующиеся побуждения к точной и полной перцепции других людей в динамике их поведения могут быть характерны для личности, обладающей свойствами социальной наблюдательности, развитого социального интеллекта, способности к эффективной коммуникации и эмпатии, составляющими ядро ее писательского, актерского или организаторского дарования. Или мотивация к совершенному самовосприятию (пластическому, рече -слуховому, визуальному и т. д.) необходимо направляет талантливых танцовщика, музыканта, певца, топ - модель к их лучшим достижениям.

Возвращаясь к общему становлению индивидуального восприятия, отметим, что все отдельные тенденции перцептогенеза соединяются в едином процессе детерминации внутренних или «ментальных» образов, составляющих сложную систему представлений и воображения.

4. ЖИЗНЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ

4.1. Сравнительное определение представления и восприятия.

При обосновании специфики представлений сначала воспользуемся феноменологическим приемом различения «внутренних образов», предложенным Ж. - П. Сартром. (115) Выделим те феномены, которые относятся к собственно представлениям и те, которые выступают пограничными с явлениями сенсорно - перцептивного диапазона. Близость представления восприятию как «первичному» образу позволяет рассматривать его в качестве «вторичного»..

Первый феномен, относящийся к представлениям, возникает в нашем опыте направленного или спонтанного вспоминания единичных предметов,

событий, ситуаций, бывших в недавнем прошлом объектами нашей перцепции. Например, всплывающий образ только что прошедшего мимо человека, заинтересовавшего нас.

Второй феномен рождается при воссоздании конкретного объекта, расширенного, углубленного, обобщенного опытом наших многих встреч и взаимодействий с ним. Например, я вновь и вновь возвращаюсь к образу моей живущей в другой стране подруги, образу, который всегда многолик, и всегда один и тот же для меня.

Третий феномен не срощен с конкретным предметом; он является образной репрезентацией нашей идеи об общих свойствах класса сходных предметов, включая признаки их внешности. Так мы извлекаем внутренним взором «цветущее дерево», «осенний пейзаж», «город», «животное» и т. д.

Четвертый феномен связан с мифом, легендой, сказкой. Его происхождение таинственно: из реального и возможного силой внутреннего духовного действия порождается нечто, не доступное в обычном предметном опыте, но при этом символически соотносящееся с ним. Для Сартра наилучшим примером феномена стал «кентавр», а у множества других исследователей ментальных образов круг подобных примеров расширяется, наверное, до всего «населения» известных мифических миров.

Пятый феномен заключается в образном восстановлении предметной целостности и модального многообразия при условии неопределенности, проблемности, существенных выпадений элементов в воспринимаемой ситуации. Характерный пример - наша встреча с условными изображениями. Репрезентация обедненного объекта, или, возможно, незавершенного действия, или неполной предметной обстановки состоит в создании новой, детальной и иногда даже избыточной структуры. Так в знаменитом рисунке Экзюпери читающее человечество свободно узнает «удава, который проглотил слона».

Шестой феномен: образы, возникающие во сне, отличающиеся бессознательностью, спонтанными символическими агглютинациями, отсутствием прямых источников в реальном жизненном мире субъекта.

Седьмой феномен выступает эффектом свободного творения образов будущей реальности: замыслов «изображений невозможного», моделей уникальных, никогда не бывших вещей, стратегий неординарных действий и поступков, образов игры, драматизации и т. д. Далианское творчество является чистым выражением данного феномена.

Восьмой - образные впечатления, рождающиеся при измененных состояниях сознания: при наркотических отравлениях, острых психозах, сильном переутомлении. Это своеобразные «внутренние галлюцинации», яркие, внешне не проецированные видения конкретных объектов или ситуаций, приходящие с разных глубин прошлого, развертывающиеся вне всяких реалистичных связей.

Девятый феномен чрезвычайно близок восприятию по степени соответствия реальным предметам и достоверности психической передачи их объективных качеств. Он свойственен типу людей, называемых «эйдетиками»; благодаря ему во внутреннем видении возникают впечатления о действительно бывшем с точностью, которая достижима только в условиях перцепции. Близки данной разновидности образов известные каждому произвольные воспоминания объектов, многократно и концентрированно воздействовавших на органы чувств в недавнем прошлом. Таковы, например, визуальные последствия целодневного сбора грибов или ягод, кропотливого рукоделия или напряженного чтения.

Все перечисленные феномены обладают общими признаками, которые хотя и указывают на сродство представлений и восприятия, все же в первую очередь подчеркивают их **существенные различия**. Рассмотрим эти отличительные признаки, с особенной полнотой присущие **визуальным образным формам**. Воспользуемся традиционной моделью сопоставления с

привлечением элементов объективного (26) и феноменологического (160) подходов.

1. **Восприятие:** объективно вызвано и ориентировано; спроецировано вовне; осознается в неразрывной связи с конкретным объектом, воздействующим на субъекта в целом, на его тело, на его органы чувств; находит свои объекты и приобретает качества в объективном времени и пространстве; выступает «живой чувственностью».

Представление: обладая, подобно восприятию, сложной, совершенной по организации анализаторной основой, оно субъективно по происхождению, обращено к «я» и лишь опосредованно - к внешнему миру, возникает в отсутствие прямого чувственного контакта с объектом, хотя в тенденции стремится к опредмечиванию; выступает «превращенной» чувственностью, принадлежит субъективному ментальному пространству и внутреннему времени. Между объективным пространством восприятия и субъективным пространством представлений существует пропасть, для преодоления которой необходим каждый раз делать скачок.

2. **Восприятие:** является такой данностью объекта, которая отличается четкостью очертаний, яркостью, живостью, детальностью, полнотой, цветностью.

Представление: репрезентирует объект несколько смутно, расплывчато, призрачно, неполно, с изменениями деталей, цветности, формы, величины.

3. **Восприятие:** постоянно, устойчиво, удерживается и возвращается без изменений, пассивно в себе; перцепт тождественен самому себе в отношении к одному и тому же эмпирическому объекту.

Представление: неустойчиво, легко рассеивается, каждый раз воссоздается заново, активно в себе; представляемое не может быть при повторях таким, как раньше, соотносясь с динамичными, обобщенными, множественными в своих реальных метаморфозах объектами.

4. **Восприятие:** хотя и может направляться и контролироваться сознанием, все же достаточно реактивно, пассивно, инертно, сопротивляется субъективным изменениям; проживается как внешне детерминированное состояние, как непроизвольное отношение к объекту.

Представление: возникает как форма душевной активности в состоянии сознательности, произвольности или оживления бессознательной деятельности; может быть вызвано внутренне направленными усилиями «я», изменено, преобразовано, создано как нечто субъективно новое.

5. **Восприятие:** имеет временную ориентацию, где доминирует направленность на настоящее и на только-что-бывшее; в динамической форме приобретает направленность на уже-наступающее.

Представление: временная ориентация с преобладанием направленности на близкое и давнее прошлое; при образной регуляции деятельности и воплощении образа в реальном объекте усиливается направленность на будущее.

6. **Восприятие:** возможно при достаточно простых формах интеллектуальной организации, структурирования, категоризации; по философской формуле – «возможно до всякой абстрактной мысли об объекте».

Представление: интеллектуализировано, осмыслено, иерархически категориально организовано; по философской формуле – «является мыслеобразом».

7. **Восприятие:** предполагает участие, включенность, оценку со стороны актуальных эмоциональных переживаний; часто, однако, осуществляется как аффективно нейтральное.

Представление: проникнуто эмоциональным отношением, сопровождается «аффективным шлейфом», собравшим множественные следы переживаний от прошлых действительных и воображаемых встреч с

объектом образной активности; иногда впитывает напряженные эмоциональные ожидания будущих событий.

8. **Восприятие:** имеет горизонт, ограниченный актуальной предметной ситуацией; расширенный перцептивный контекст составляет обобщенный образ - эталон устойчивого, хорошо знакомого по прежнему восприятию предметного мира.

Представление: имеет обширный горизонт структурированного прошлого опыта проживания и познания; наличная ситуация задает внешние условия и координаты внутреннего вовлечения «я» в образную деятельность, но затем может быть произвольно расширена и улучшена субъектом, превращена в выигрышную ситуацию репродуцирования, воображения, апперцепции; пределы живого фона рождения образов увеличиваются и за счет пролонгированного субъективного планирования, моделирования будущей жизни.

Дополнением сравнительного анализа восприятия и представления позднее станет описание эмпирических характеристик вторичных образов, которые выделяются по аналогии с характеристиками перцептивных образов. Здесь же подчеркнем, что несмотря на существенные различия генеза и качеств живых и превращенных образов, в естественном психическом потоке они находятся в отношениях взаимной детерминации, взаимопереходов.

Возьмем, к примеру, символический образ «волос Боттичелли».

Встречающиеся так часто у великого итальянца **изображения** золотистых, густых, тяжелых, вьющихся, блестящих, длинных, причудливо убранных волос, принадлежащих девушкам, юношам, детям, несомненно воплощают опыт его восхищенного **созерцания** близких людей. Восприятие дивных волос находит у художника обобщение в их **внутреннем образе** - **символе** юной женственности. Этот символ во многих фантазийных формах мастер **выражает на своих картинах**, передавая красоту Венеры, Весны, Граций, Святых, Мадонн, чарующих Итальянок. Современная женщина **при**

восприятию его полотен, как и все, кто мог видеть их до нее, оказывается **захваченной образом** «боттичеллиевых волос» и вольно - невольно желает обладать ими. Наш век не однажды знал возвращение **моды** на этот тип волос, когда, следуя **идеальному я -имиджу** множество девушек в результате непреходящих ухищрений могли **реально покорить** нынешнего **ценителя**, как покоряли Боттичелли его современницы.

Здесь предметы и предметные отношения (люди, картины, мода) переходят у воспринимающих (у художника, зрителей, ценителей, модных женщин) в живые зрительные образы, непрерывно превращающиеся в различные формы представлений (символы, идеалы, модели действий, творящих красоту реальных волос и их изображений).

4.2. Основные формы представлений.

Мир представлений по разнообразию форм, зависящих от степени и активности преобразований перцептивных впечатлений, потенциально может быть богаче опыта восприятия. Формы представлений **отличаются друг от друга по следующим признакам:** 1) существованию конкретных перцептивных аналогов; 2) сходству, близости к перцептивным аналогам; 3) отношению к прошлому опыту, а также весу, эффектам, глубине мнемических влияний и преобразований; 4) уровню мыслительной обобщенности и абстрактности; обладанию прямым или переносным, символическим смыслом; 5) богатству одновременно или последовательно воссоздаваемых в образе предметных содержаний; 6) участием сознания в порождении образа; 7) характеру и структуре образной активности; 8) специфическими особенностями эмпирических характеристик образных эффектов, присущих каждой форме; 9) уровню творческих, авторских, индивидуальных влияний на образный эффект; 10) соотношению в образных содержаниях бывшего – небывшего, возможного - невозможного, вымышленного - реального; 11) связи и определяющему влиянию на

прошлую, настоящую или будущую жизнь; 12) соотношению тенденций к постоянству, устойчивости образной структуры и к ее изменениям под влиянием времени, ситуаций, смысловых переакцентировок в душевном мире личности; 13) отнесенности к психической норме или патологии; 14) типу причинности: стимулированию предметом, предметным действием, изображением, схемой, речью, образным рядом, мыслью, чувством; 15) наиболее характерным способам воплощения или опредмечивания.

В сознательном проживании различия форм представлений даны достаточно отчетливо. Однако, верно и то, что представления разных видов в непрерывной психической жизни трудно делимы и перетекают друг в друга. Поэтому лучше говорить не о классификации или типологии представлений, а об их континууме, проницаемом для множества еще не изученных феноменов.

Представления - репродукции. Имеют конкретные перцептивные аналоги; относительно полно воссоздают качества предметного оригинала и проецируются в его предполагаемое пространственно - временное место. Могут утрачивать отдельные доступные восприятию детали, однако удерживают инварианты, позволяющие им выступать образами - эталонами для опознания вещей. Часто производят впечатление не направленного производства, а спонтанного возникновения; во множестве случаев подсознательны.

Репродуцируется с буквальной точностью не только бывшее в нашем перцептивном опыте, но и созданное нашей фантазией, воображением. И в первом, и во втором случае субъективные преобразования воссоздаваемого минимальны.

Представления - схемы. Существуют как образные аналоги идей или абстрактных понятий о предметах и предметных отношениях. Воссоздают общие перцептивные контуры и ключевые элементы предметных структур и структурных связей. В интеллектуальном процессе участвуют как феномены

«визуального мышления». Актуализируются в контексте быстрых бессознательных ментальных действий, но могут и произвольно строиться субъектом в ходе конкретизации, моделирования, иллюстрирования идей. Они относительно устойчивы. Им свойственна значительная обобщенность, и вместе с тем они отличаются легкостью развертки в более детальную репрезентацию объектов, входящих в схематизированные категории. Они позволяют самым отвлеченным процессам мышления протекать в модусе реальности и трансформироваться в модели ее практического освоения. Они в своем становлении не только зависят от мысли, но и сами способствуют ее развитию: образные схемы переводятся в план почти «безобразных» значений слов как самой свернутой и быстрой формы *ratio*.

Они в значительной степени универсальны для людей однородных культур, но допускают и индивидуальные вариации, особенно, если дело касается формирования новых научных понятий или совершенствования знаний о каких-то аспектах реальности. Так представление о «человеке вообще» может сложиться у творческого психолога либо в оригинальную систему физиогномики, как у Лафатера, либо в ансамбль зримых психологических типов, как у К. Юнга, либо в топографическую модель личности, как у З. Фрейда.

Воображение и фантазия. Их существование доказывает мощь образной генеративности психики, обнаруживает возможность вовлечения в строй предметно опосредованных душевных содержаний тех элементов, которые не характерны для обычного порядка индивидуальной жизни. Они выделяются среди других образных явлений своей живостью, детальностью, эмоциональной насыщенностью, тенденцией к последовательной картинной развернутости, присутствием единого смыслового стержня или сюжетностью. Их отличает такая высокая активность проживания субъектом, что состояние представления становится существенным жизненным событием, своеобразным освобождением от действительности ради обновлений в ней.

Условное различие феноменов воображения и фантазии основывается на специфике их направленности.

Первые ориентированы в основном на реалистичные, устойчивые, понятные и принятые другими преобразования в вещной, социальной, культурной среде, причем эти преобразования должны обусловить и подчеркнуть высокий личный статус субъекта воображения. Активность воображения направляется и на самого субъекта в целях действительных самоизменений.

Феномены фантазии служат достижению индивидом таких внутренних состояний, которые защищают его от тягот обыденной жизни, позволяют творчески осуществить себя, отреагировать на свои желания, подавляемые окружением, сохранять высокие ожидания к своему будущему, открывать в своей жизненной ситуации, какой бы скромной она ни была, соответствие субъективным идеальным образцам

Воображение соотносится с новаторской и изобретательской деятельностью, с научным творчеством, с философствованием. с сочинительством, режиссурой, всеми видами игр, архитектурой, живописью. Оно разворачивается в модусах «еще не бывшего, но возможного», «ожидаемой действительности», «идеальной возможности», «как будто бы существующего», «как если бы бывшего», «утраченного и возвращаемого былого», «образной модели будущего». Его характерная черта - выражение, воплощение, овеществление, конечный переход в предметный план, даже если это мимолетно реализованный образ развлечения с друзьями или однажды рассказанная ребенку сказка.

Воображение творит образы единичных объектов, их отношений, их временных взаимодействий и пространственных перемещений. Объектам придаются не свойственные им черты, они усовершенствуются или у них отнимаются их позитивные свойства; разные объекты комбинируются в новые структуры, начинающие существовать самостоятельно. Объекты в образном плане ставятся в соотношения, которые выявляют их ранее не

замеченные качества; новые объектные ситуации трансформируются в ситуационные ряды, находящие желаемые субъектом завершения.

В воображении мы порождаем образы невиданных технических новшеств и оживляем мифы, стараясь понять сверхсложные процессы современного мира. Мы создаем образы идеального общества, замысловатого литературного сюжета, своего героя или возлюбленной, развертки собственного поведения в значимой ситуации, возможных приключений и происшествий в будущем путешествии, своих жизненных достижений и достояний, собственного «я» в возрастных, ролевых, статусных, поведенческих превращениях.

Воображение заинтересовано не только в своих предметных воплощениях, но и в развоплощениях неявных образных содержаний, оставленных в предметах другими людьми. В последнем случае оно ищет в вещах необычность черт, ищет фантазийные следы, оставленные в них их создателями. Даже при относительно пассивном отношении к вещи, например, выступая зрителем художественного изображения, субъект воображения подставляет на место его перцептивного образа некую ментальную реальность; воспринимая, он одухотворяет, трансцендирует картину.

Интересный пример такого соскальзывания с наличного предмета на запечатленное в нем приводит и анализирует Гуссерль.

«Рассмотрим офорт Дюрера «Рыцарь. Смерть, Дьявол». Первоначально мы различаем здесь нормальную перцепцию, коррелятом которой является выгравированная вещь, этот лист из альбома.

Затем мы обнаруживаем перцептивное сознание, в котором через черные линии маленьких бесцветных фигур нам предстает «Рыцарь на коне», «Смерть», «Дьявол». Мы не находимся здесь в процессе эстетического созерцания, направленного на них как на объекты; отнюдь, мы нацелены на реалии, которые репрезентированы «в образе», точнее, на

«вообразившиеся» реалии, на рыцаря во плоти и крови и т. д.» (Цит. по.: 115, с. 110)

Эффект развоплощения можно найти в действиях индивида не только с произведениями искусства, но и с предметной реальностью, находящейся в его актуальном, либо оставшейся в прошедшем жизненном времени. Таким является феномен образного восполнения наличной ситуации, где скрыт от восприятия какой -то существенный элемент, задающий ее смысл и «дух». Возможно в одиноком пребывании в своей комнате нам вдруг откроется незримое присутствие дорого и необходимого человека, и, обернувшись и говоря: «Ты здесь?!», - мы как будто видим его. Другой феномен хорошо известен по лучшей детективной литературе. Мы восхищаемся расследованиями мисс Марпл или Эркюля Пуаро, воображение которых всегда живо, полностью и детально по отдельным вещественным следам прошлого воссоздают картину происшедшей трагедии.

Воображаемые содержания и способы действий возникают как в результате сознательного, субъективно организованного творческого поиска, так и при спонтанном погружении в нерелексируемый поток образотворчества. Но и в последнем случае, хотя бы в форме уже готового образного продукта, воображение проникает в сознание. Осознание процессов и эффектов воображения определяет и обеспечивает их значение, ценность для других людей. Воображение в его связи с сознанием стремится одновременно быть - для -я и быть -для- других.

Фантазия в ее всегда интимных индивидуальных формах протекает в модусах «небывшего, невозможного, неосуществимого для меня», «тайного, недоступного», «желаемого, вопреки несбыточности», «захватывающего со сверх- жизненной силой», «не бывшего в моей жизни, но происшедшего в других». Фантазийные образы имеют архетипические источники, сплетаются в мифологические сюжеты, наполняют картины индивидуальной жизни темами, укорененными в коллективном бессознательном. Фантазия

направляет нас в поисках соответствий **личного пути** сказочным и легендарным событиям, нашего сродства символическим персонажам, доказательств наших исключительных сил, дарований, мистических способностей, подтверждений наших высших достоинств, принадлежности к среде избранных. Фантазии могут превратиться в тонко и сложно устроенный образно - смысловой мир, хорошо, впрочем, отличаемый субъектом от мира реалистичных представлений. В этом случае фантазия может плодотворно питать модели и замыслы его текущей жизни.

Однако, возможно и отщепление фантазийного плана от интегрального образа реальности, и тогда вероятно бессознательное поглощение им личности. Выразительным примером образного отщепления являются описанные Юнгом фантазии его юной пациентки, «жившей» на Луне в качестве «лунной принцессы». (152)

Фантазии интимны, мы относимся к ним как своей тайне, скрываем их, проживаем в уединении, иногда стесняемся и стыдимся их, потому что они прямо указывают на недостающее нам в жизни, на желания, которые мы хотели бы оставить в тени нашего «я».

Фантазия может порождаться влечением к самому состоянию образного продуцирования в связи с достигаемыми в его процессе переживаниями удовольствия, возбуждения, вдохновения или, как в случае невротических ориентаций, переживаниями тревоги, страха, напряжения. Фантазия может также выступать способом избыточного позитивного наполнения и толкования реальных событий, когда они не отвечают сокровенным желаниям человека. Там, где значимые события носят для нас неопределенный характер, мы образно достраиваем их незримое течение со всеми необходимыми нам деталями и результатами, невольно подставляем фантазии на место действительно бывшего или происходящего и искренне верим: это было и есть. В состоянии влюбленности человек «внутренним взором» удерживает и создает жизнь любимого существа, его поступки,

действия, окружение, слова, одежду, манеру, и все представляется посвященным и отданным ему - влюбленному.

Отмеченные особенности фантазии характеризуют ее как внутренне обращенный, самодостаточный процесс, не стремящийся к «овнешнению» и приспособлению объективности к себе, ограждающий нас от разочарований и не выходящий на уровень моделирования деятельности и поступления. Эти черты приобретают наибольшую выраженность, когда фантазирование протекает в форме **грез**.

Данной разновидности представлений, кроме типичных качеств фантазии, присуща полная спонтанность, значительная приглушенность сознательного плана, подчеркнутая возвышенность образно вымышленных я-ролей, захватывающий отлет от наличной ситуации, неординарное чувство удовольствия, яркость центрированных на «я» фантастических картин, ощущаемая зависимость от другой, неизвестной реальности. Поражает легкость и естественность, с которой человек, погрузившись в грезы, проживает жизнь Рыцаря, Жертвы, Властителя, Мудреца, Любовника, не смущаясь последующим возвратом к привычному порядку существования.

Значительно больше, чем все другие формы фантазии, считается с реальностью **мечта**. Отправляясь от «я» и его осознанных желаний, мечта как чистый прообраз будущего творит разнообразные интригующие пути их достижения или образные эффекты их блестящей реализации. Сохраняя дистанцию между наличным и воображаемым, зная гипотетический характер ожидаемого, мечтатель тем не менее надеется, что реальность совпадет с его субъективным видением, подтвердив таким образом его способность овладеть будущим. Мечта во многом мистична, так как не включает интенции к последовательному рациональному выстраиванию реализующих действий; человек улавливает нечто таинственное между нею и ее осуществлением; само осуществление выглядит не приходом к конкретной цели, а чем-то скорее легендарным, выводящим за пределы мира -для- всех.

Главное назначение мечты - дать индивиду сознательную опору в процессах я - идеализации, я - совершенствования, определения я - перспективы.

В этой форме фантазии заключена и опасность ее превращения в неподвижные **образы - фикции**, обладающие мощной требовательной силой, подменяющие собой смысл противоречащего им восприятия, постепенно уводящие от любого реалистичного понимания и толкования происходящего. Это случается, когда человеком овладевает слепая страсть к предмету, всегда отдаленному, но завораживающему своим обликом, красотой, обаянием проявлений, магией выражений: к женщине или мужчине, к золоту, драгоценностям, древностям, атрибутам власти, наградам, поклонению толпы.

И все же основные черты фантазии и ее форм составляют вариативность, изменчивость, зависимость от событийного наполнения внешнего и внутреннего времени жизни.

«Продукты фантазирующей деятельности, отдельные фантазии, воздушные замки или дневные грезы мы не вправе представлять себе заостренными и неизменными. Напротив, они приноравливаются к переменчивым житейским потрясениям, меняются с каждой сменой жизненных обстоятельств, воспринимают от каждого действующего по-новому впечатления «печать времени». Вообще связь фантазии с временем очень значительна. Позволительно сказать: фантазия как бы витает между тремя временами, тремя временными моментами нашего представления...» (135, с. 132)

Различение воображения и форм фантазии при индивидуальном анализе образной жизни всегда будет носить условный, абстрактный характер, так как несомненными являются их взаимопереходы и взаимопорождения, связанные с вовлеченностью свободных представлений в общий процесс преобразующего отношения субъекта к действительности. В данном процессе внешняя направленность творческого воображения неизменно становится

направленностью субъекта на самого себя, на новое видение и переоценку «я», на присвоение себе новых ролей, на поиск состояний, сопряженных с успехом и удачей, то есть воображение становится проницаемо для фантазии и мечты.

Отмеченные закономерности характерны и для индивидуальной творческой жизни, и для общего бытия культуры с ее вечным творением образов-символов, с ее постоянной переориентацией с «создаваемого» на «человека – создателя».

Так, **объективный и обобщенный образ крыльев** издавна связан для человека с идеей парения над землей и, прежде чем превратиться в **воображаемый летательный аппарат**, должен был стать **мечтой о личном овладении крыльями и личном возвышении над всем**. Мифологический образ Икара, грезы верующего о высокой заботе крылатых ангелов о простых смертных, образы приспособлений для полетов в чертежах великого Леонардо да Винчи, попытки древнего мужика - умельца воплотить образ самовознесения на самодельных крыльях, присущая юности во все времена мечта, чтобы утратив вес тела, стать только «парящим, как на крыльях, желанием счастья», увлекающий сегодня массы людей образ крылатого сверхчеловека с фантастическими потенциями как добра, так и зла, - все это феномены бесконечного ряда жизненных метаморфоз одного образа представления.

Образная символизация. Является разновидностью воображения и фантазии с активным присутствием сравнивающей, отождествляющей и противопоставляющей мысли. Отличается как универсальностью, так и богатством возможностей персональных интерпретаций.

Образы-символы в их влиянии на различные культуры, разнообразные искусства, бессознательную и сознательную жизнь народов и конкретных людей могут быть сравнимы только с научными и философскими идеями - абстракциями. Эти два типа культурно - психологических феноменов имеют

глубокое родство, выступая формами наиболее сложных обобщений опыта человеческого познания и проживания, творческого духовного синтеза разнородных индивидуальных впечатлений, формами, получающими действительную жизнь в словах- понятиях, в одном случае, и в символических изображениях, вещах и действиях - в другом.

Образы - символы осваиваются нами через сказки, мифы, религиозные и магические ритуалы, детские игры. Символы служат в них основными действующими элементами, замещающими реальность, не похожими на нее, и тем не менее внутренне подобными ей. Так, воображаемое или игровое странствие «неведомо куда», поиск «мудрости» или «подвигов», завоевание в «сражениях» и «состязаниях» любви «принцессы», вознаграждение «коронай» и «королевской властью» составляют для детей и подростков разных народов сокровенный опыт раннего овладения жизнью. Символически персонифицируется и проживается вечный крест - культурный «Путь Героя».

Индивидуальный, более или менее богатый опыт символизации жизни приобретает в основном нерелексивным, частью внесознательным путем, и роль, сущность символических образов не осмысливается современным человеком вне профессиональных сфер: философии, культурологии, искусствоведения или психологии. Большинство людей не нуждается в объяснения природы столь естественных явлений душевного мира, считает их признаками примитивного, непросвещенного ума. Тем не менее научные интерпретации процессов рождения и оперирования образными символами раскрывают такие перспективы углубления и расширения нашей символической деятельности, которые могли бы сделать ее и в сегодняшнем рациональном существовании осознанно нужной и желанной для каждого. Несмотря на распространенные упрощения, наивные толкования и откровенное осмеяние, жизнеутверждающие образы-символы при реализации

своих теоретически эксплицированных потенций могут занять в ментальной структуре современного человека ключевые места.

В чем состоят психологически значимые особенности образной символизации?

1. Содержанием символического образа является то, что может быть хорошо известно в повседневной жизни, и вместе с тем в нем есть и неявное, смутное, специфическое смысловое добавление, трудно объяснимое с помощью обычных понятий. У символов есть богатый бессознательный аспект, который с интуитивной быстротой проступает в сознание, когда мы пытаемся исследовать наши символические представления.

«Когда мы исследуем символ, он ведет нас в области, лежащие за пределами здравого рассудка. Колесо может привести нас к концепции «божественного солнца», но здесь рассудок должен допустить свою некомпетентность: человек не способен определить «божественное» бытие. Когда со всей нашей интеллектуальной ограниченностью мы называем что - либо «божественным», мы всегда лишь даем ему имя, которое основывается на вере, а не на фактическом свидетельстве.»
(151, с. 26)

2. Образы - символы явственны, детальны, чувственны, так что при своих буквальных вещных или поведенческих воплощениях они могут вполне заместить собой обычную реальность. Это будет реальность наших переживаний, спонтанных ассоциативных впечатлений, интуитивных открытий и фантазий. Талантливая театральная или кинематографическая драматизация символических тем и сюжетов дает человеку возможность пережить катарктические состояния, соединяющие его с жизнью так, как никакие обыденные события.

3.. Образная символизация, согласно Юнгу, имеет архетипические корни, и поэтому у символа, родившегося в конкретной культуре можно усмотреть сходство с символами других культур, и все они восходят к единому

праобразу. То же можно сказать о символических образах, которые оживляются, персонифицируются конкретными людьми. Например, архетип женского интеллектуального начала представлен рядом символов, появившихся в определенных временных ритмах у разных народов. В этом ряду мы видим Изиду - Афину - Софию - волшебницу - ведунью - мудрую женщину - ученую женщину - интеллектуалку. Авторы «Энциклопедии символов» (1995) включают сюда в качестве «символической личности» Елену Блаватскую. (13)

4. Образы - символы служат выражениями и носителями **единства** многих несравнимых и несоединимых для современного интеллекта вещей. Они в неординарной чувственной форме сводят **по аналогии** явления, отнесенные символизмом к разным «мировым порядкам»: духовному, космическому, природному, человеческому, сексуальному, психическому. Считается, что любой символический образ, отнесенный к одному порядку, находит наглядное, функциональное или генетическое **соответствие** с символами других порядков. Так символический образ «дерева» входит в системы символов божественного бессмертия - космической оси - центра мира - мира феноменов - жизни - роста - расцвета - бисексуальности - связи сознания и бессознательного - знания - мудрости - пути духовного восхождения.

5. Символические образы, в зависимости от того, какие **скрытые связи** они репрезентируют и какие **образные операции** при этом совершаются, имеют различные **типы**.

Во-первых, это может быть образ, сводящий контрасты, синтезирующий противоположности, указывающий на двойственность какого-то явления. Двуликий Янус, Дионис, кентавр, сфинкс указывают на дуальность человеческой природы, соединяющей возвышенное и низменное, умирающее и возрождающееся, рациональное и иррациональное и т. д. «Вода» символизирует одновременность существования вещей в качестве подвижных, изменчивых и в качестве спокойных, постоянных.

Во-вторых, символический образ может выражать собой различную стадильность развития какого-то явления. Это характерно, например, для сложного символа «младенец», включающего ипостаси «необыкновенного ребенка» - «страдающего юноши» - «богатыря – молодца».

В-третьих, символический образ в силу обладания его референтом множеством чувственных свойств (цвета, блеска, твердости, прозрачности, формы и т.д.) может обобщить и связать собою различные уровни реальности. Так символ «сапфир» означает сродство и тождество небесного вознаграждения - чистоты неба и вод - мужского духа - созерцательности - радости, обнаруживая при этом, как трансцендентное, природное, человеческое и душевное пребывают друг в друге.

Четвертое. Есть образы в форме выстроенных символических рядов, объединяющих элементы, которые обладают одним или несколькими общими свойствами. Например, ряд «бог Марс - меч - железо - огонь – красный» подчеркивает символические явления, через которые выражает себя свойство «духовной определенности» в сочетании со «способностью к уничтожению».

Пятое. Образы объединяются в символические ряды и по принципу функционального соответствия. Так «Зевс - бык - либидо» представляют континуум символов, тождественных в следующих действиях: производящих, создающих опасность, обладающих сверхъестественной мощью.

Шестое. Символические последовательности образов бывают упорядочены также по закону каузальности, когда каждый элемент ряда выступает причиной последующего. В юнгианской символике, например, такой порядок составляют Мать - Дева – Младенец.

Седьмое. Некоторые образные сюжетные картины на своем ярком, живом языке сообщают о тайных событиях человеческой души, и интерпретация этих символов бывает неоценима в самопознании.

«Потайная комната Синей Бороды, куда он запрещает ходить своей жене, есть его душа. Мертвые жены, на которых она натывается, нарушив его приказания, суть женщины, которых он любил когда-то и которые теперь мертвы для его любви.» (69, с. 56)

Восьмое. Чарующие образы избираются человеком для прояснения и целостного описания своих лучших душевных состояний; здесь качества красивого символа переносятся на характеристику испытываемого и переживаемого.

«Возьмем символ, связанный с огнем. Мы зачарованно смотрим на горящий очаг, и на нас производят впечатление определенные качества огня. Прежде всего, это его подвижность. Он все время меняется, все время находится в движении, и тем не менее в нем есть постоянство. Он остается неизменным, все время меняясь. Он производит впечатление силы, энергичности, изящества и легкости. Он как бы танцует, и источник его энергии неисчерпаем. Когда мы используем огонь в качестве символа, мы описываем внутреннее состояние, характеризующееся теми же элементами, которые составляют чувства, испытываемые при виде огня: состояние энергичности, легкости, движения, изящества, радости.» (137, с. 187)

Образные аналоги используются и для выражения сложной сущности деструктивных душевных состояний. Одним из таких символов стала «тошнота», открытая Сартром как чувственное концентрированное выражение всех симптомов невротического отчуждения и самоотчуждения человека.

Девятое. В качестве символов выступают образные последовательности событий, проживаемых легендарными, мифологическими или гениально воссозданными литературными героями. Жизнь Христа и Будды, связь жизненных событий и испытаний Эдипа и Электры, событийный ряд трагедии Гамлета, стремительная смена жизненных положений и состояний

князя Мышкина - коренные символы современной веры, культуры, философии и психологии.

Десятое. Символом может быть сложно структурированный образ исторического «места», связанного с критическими - как высшими, так и низшими - проявлениями человеческого духа, отмеченного выдающимися достижениями творцов, деяниями монархов и вождей. Для множества людей такое «место» скрывает некое мистическое назначение, осуществляет непостижимый трансцендентный смысл. В Европе одним из подобных символов является Санкт - Петербург.

6. Рассмотренные типы символических образов указывают на явления, не поддающиеся прозрачным рациональным определениям. Символы настойчиво напоминают об их загадочном существовании, вовлекая людей в **символическую деятельность**, заставляя их поклоняться приоткрытой тайне, усиливая ее действие на чувства и умы через свои конкретно - исторические трансформации

Конец нашего века отмечен необычайной активностью символического, изощренного, как никогда, трансцендирования. Древние символы в последние десятилетия вобрали новые содержания и смыслы, которые не только не проясняют истин общезначимых вещей, но указывают на все большие глубины погружения и сокрытия этих истин. Ускользает от рационализации как раз то, что недавно казалось вполне освещенным наукой и управляемым технологически совершенными средствами. В рациональном мире с поразительной воображением силой ожили мифические темы и персонажи. В ранге тайны живут в представлении масс образы современных «несметных богатств», «обладателей сокровищ», «элиты как расширенной власти», «идеальной вещи», «жизни - вызова смерти», «океанической любви», «звезды развлечений», «делового успеха», «клановой идентичности» и т. д.

Сновидения. Данная разновидность представлений отличается большой трудностью непосредственного осознания и малой доступностью для

включенной аналитической рефлексии. Сны даются нам в сознательном воспоминании, то есть как вторичная репрезентация, как более или менее структурированный образ «образа сновидения». Тем не менее, при хорошей технике воссоздания снов два отмеченных образа оказываются идентичными, и сновидец может относительно полно отрефлексировать собственные «ночные грезы».

В момент своего первичного возникновения сны выступают эффектами бессознательного образного генерирования. Они спонтанны, подчинены иррациональному принципу, через свои содержания косвенно проявляют закрытые для дневного сознания внутренние влечения, мотивы, желания, отношения, тревоги, ожидания сновидца. Картины снов символичны; будучи знаками неявных психических событий и по форме являясь чем-то качественно иным в сравнении с тем, на что они указывают, сны могут быть истолкованы, если найдены ключи к их пониманию.

В сновидениях обнаруживает себя непрерывная душевная деятельность, совершающаяся относительно независимо от нашего сознательного восприятия, внешних событий и действий. Эта деятельность сконцентрирована на «самости» или глубинном центре личности. Человек во сне занят исключительно собой, поглощен необычными самоощущениями, самовосприятием, образными картинками своей неявной жизни, скрытыми идеями о себе, самооценками и самопереживаниями, отесненными дневными событиями. Впечатление такое, что из глубин нашего существа незнакомое «я» загадочно подсказывает истину нашего обращения с собой в действительной жизни. И от того, насколько мы способны воспринять и осмыслить эти подсказки после пробуждения, может существенно зависеть наше самопознание и самоотношение во внешнем мире.

Понимание снов как загадок о самом себе, которые с помощью аналитика или самостоятельно можно разгадать, основывается на психологических системах символического толкования сновидений, созданных З. Фрейдом, К.

Юнгом, Э. Фроммом, А. Адлером. Независимо от выделяемых каждым из них специфических символов снов, во всех системах есть сходные описания **общих свойств образов сновидений**. (134; 135; 137; 151; 155) В контексте нашего рассмотрения данные свойства могут быть определены и структурированы так.

1. При сохранении общности содержаний сна с бодрственной сознательной жизнью, сновидения кажутся чем - то чуждым «я», тем, по отношению к чему «я» пассивно, несамостоятельно, «неповинно».
2. Сон лишает человека власти над собой и проявляет те его внутренние свойства, от которых отстраняется сознание. Сон кажется высвобождением из рамок привычной сознательной активности, и вместе с тем он детерминирован теми качествами «я», которые развились в закономерном течении повседневной жизни. Во сне мы находим свободу самовыражения, от которой отказываемся днем: ночная иллюзия замещает реальное действие.
3. Сны могут быть схожи с дневной активностью души по признаку достоверности, явственности, «объективности» проживания. При этом во сне исчезает мир, на который обычно направлено наше сознание. В ситуации, когда «мира нет», сновидец встречается с ирреальностью и так сливается с событиями сна, как будто это и есть настоящая жизнь. По пробуждении же он кажется себе актером, поучаствовавшем в воображаемом спектакле.
4. Рефлексивно сны кажутся абсурдными, бессмысленными, ложными, даже глупостью или безумием. Это говорит об извращениях нормальной логики в сюжетах снов. В снах, по выражению Ясперса, отсутствуют понятные связи между явлениями.
5. В снах «я» обнаруживает безволие, сниженный контроль, существенное изменение нравственных и эстетических оценок и самооценок, способность к такому видению и пониманию вещей, которые не

свойственны ему в реальной жизни. Дистанцируясь в бодрствовании от «невозможных» образов сна, мы считаем их драматизациями неизвестной жизни, ошибочно соотнесенной с нами.

6. И все же сны можно рассматривать как продолжение дневной интеллектуальной и образной жизни сновидца. В них находят отражение фрагменты нашего сознательного мышления, осознанные проблемы, подсознательные и бессознательные мысли, иногда, интуитивные разрешения сложных мыслительных задач. Представленность мысли во сне осуществляется, по разным определениям, в виде «мыслеформ» или «послемыслей» или бессознательных «мыслеобразов». В образно - понятийных элементах сна личные смыслы доминируют над общепринятыми значениями.
7. Сны как имеющие понятийную основу выступают своеобразным переводом дневных словесных идей в символические образные картины, сменяющие друг друга с такой скоростью, какую можно сравнить лишь со скоростью абстрактной мысли.
8. Сновидный образ - мысль может быть сверхъестественно обогащен за счет гиперактивной памяти, творческого воображения, сгущенного чувства. Присутствие сильного переживания во сне столь естественно, что образы сновидений называют «визуализацией чувства».
9. От дневного образного и символического мышления процессы и содержания сна отличаются текучестью, редкой возобновляемостью, избыточностью, прерывностью. Сон можно сравнить с «психическими конвульсиями» или состояниями, которыми человек «одержим».
10. Иногда сны обнаруживают сходство с игрой словесных ассоциаций. За мельканиями беспорядочных образов со странными смыслами проступают слова - носители этих образных смыслов, взятые в случайных сочетаниях, замещающие друг друга по признаку созвучия или близости и пересечения

значений. В снах можно найти прихотливые переводы в визуальные картины и сцены словесных метафор, аллегорий, двусмысленностей.

11. Подобно бодрственной жизни, сны обладают направленностью, неким назначением. Сновидец, по мысли Фрейда, движим скрытыми мотивами, желаниями, и сон выступает символическим исполнением этих желаний. Предметами направляющих бессознательных побуждений может стать все, чему не находится места в нашей дневной жизни, но что должно восполнять ее: правда о себе и о других; наша любовь или равнодушие и агрессия к другим и к себе; возвышение или низведение себя и других; обладание властью; наши нереализованные потенции и дарования; наши древние духовные истоки, вера и т. д. Картины и сценарии сна касаются при этом вытесненных травмирующих переживаний, самозапретов, особо чувствительных зон психики, нежелательных жизненных тем, стойких бессознательных идей, жизненных кризисов, идеальных жизненных целей и надежд.

12. В компенсирующей, восполняющей и творческой активности сна символическая мысль и воображение сновидца отклоняются от своих обычных форм и течений. Распространенные **типы этих отклонений**: слияние реальных лиц или замена одного реального лица другим; действие других лиц от имени сновидца; придание вещам не свойственных им реально качеств и свойств; выпячивание того, что противоположно и противоречит обычному порядку существования и устройству вещей и лиц, в том числе, самого сновидца; появление совершенно незнакомых или умерших лиц; видение сновидцем себя либо моложе, либо старше реального возраста; изменение привычных размеров вещей, лиц, самого сновидца в сторону комического уменьшения или чрезмерного увеличения; смешение впечатлений из дальнего и ближнего прошлого, настоящего и ожидаемого будущего; нарушение обычных пространственных отношений; нарушение причинных и прочих зависимостей действительной жизни. В

перечисленных отклонениях сны выступают «ловушками» и «маскировками» для дневного сознания.

13. Э. Фромм подчеркнул диалектическую природу сновидений и показал, как наши сны играют на противоречиях «я». В сравнении образов наших отношений и действий наяву и во сне, он обнаружил их антагонизмы, придающие сновидениям особо напряженный, аффективный характер:

ЯВЬ	СОН
мы любим кого - то	ненавидим его;
не интересуемся кем - то	проявляем к нему интерес;
уверены в своей скромности	полны амбиций;
держимся независимо и гордо	подчиняемся, зависимы;
приличны, сдержанны	аморальны, распущенны;
не блещем умом	умны, интеллектуальны;
скованны, боязливы,	храбры, отважны;
не любимы кем - то	нас любят;
не знаем правды	узнаем правду;
несчастливы	счастливы. (137)

14. В юнгианском понимании, сны могут погрузить нас в древнюю жизнь духа, в сюжетной канве которой мы утрачиваем свое «я», идентифицируемся с природными объектами, прибегаем к сверхсильным проекциям и интроекциям, претерпеваем расщепление на множественные «я», собираем себя, отделяясь от общности в качестве самостоятельного существа. О таком погружении свидетельствуют архетипические содержания образов сновидений, связанные с идеями рождения – смерти - возрождения, а также женского - мужского, доброго - злого, разумного - иррационального, героического - боязливого, властного - жертвенного, созидательного - разрушительного начал в человеке.

15. В содержаниях картин сна соотносятся элементы различных видов: элементы, тождественные или аналогичные впечатлениям дневной

индивидуальной жизни, элементы, новые для личности и полезные для ее сознательного существования, элементы, чуждые и непонятные для сновидца, но явно связанные с его личной жизнью, элементы, наводящие индивида на творческие решения в жизни, элементы, которые кажутся архаизмами, анахронизмами, чем-то противоестественным для души современного человека.

16. В содержаниях самых нелепых и отвлеченных от действительности снов можно обнаружить их смысловую связь с ней. Самый ценный для сновидца смысл заключен в способности сна определять его реальную деятельность и поведение. Часть сновидений кажутся изолированными от наших действий и демонстрируют активность, противоречащую им, как бы предостерегая: «и это есть в тебе». Другие могут косвенно влиять на наши сознательные действия, давая подсказки и указывая на ошибки в бодрственной жизни. Третьи опосредованно задают образы действий, разрушающих комплексы, разрешающих бессознательный конфликт или кризис. И лишь редкие сновидения можно рассматривать как прямой прогноз событий и действий субъекта.
17. Есть в темах сновидений те, которые отличаются универсальностью, сравнимой в сознательном образном мире лишь с общечеловеческими образами - символами. Эти темы связываются глубинной психологией с коренными конфликтами индивидуального бытия и могут быть названы «экзистенциальной символикой сновидений». Юнг включает в ее систему образы полета, падения, преследования, изматывающего убегания, спешки и потерянного блуждания в толпе, публичного раздевания, публичного обнаружения своего неумения, странствия в незнакомом городе или доме.
18. Образы сновидений обладают иногда требовательной интенцией к запечатлению, что выражается во множестве опытов их литературных, поэтических и философских описаний, а также графических и живописных изображений. Их ценность, не очевидная для неискушенного читателя и

зрителя, получила полное признание в среде психоаналитиков. Здесь сыграл свою роль авторитет Фрейда, предложившего, к примеру, блестящую интерпретацию сновидений героя известного произведения В. Иенсена. (135) Побуждение клиента к художественной репрезентации своих сновидений, их толкование аналитиком рассматриваются как эффективные приемы психотерапии и психологической помощи.

Сделанное различие основных форм представлений не означает ухода от идеи **целостности индивидуального образного строя**. По разным определениям, эта целостность является «образным планом интеллекта», или «образной ментальностью», или «образной моделью мира», или «единством образной жизни» индивида. Реконструкция индивидуального образного целого выступает основной задачей практической психологии представлений.

К **интегральной характеристике образной сферы** ведет, во-первых, выявление доминирующих форм представлений, во-вторых, исследование влияний различных форм друг на друга, в-третьих, изучение процессуального и продуктивного аспектов преобладающих представлений, в-четвертых, выделение основных типов, качеств, структурных особенностей процессов и продуктов индивидуальных представлений, в-пятых, нахождение наиболее зрелых, продвинутых, совершенных опытов представлений данного индивида, выразивших все ключевые черты его образных процессов и продуктов. Сделав все перечисленные шаги, можно восстановить устойчивую систему констант индивидуальной образной жизни.

Такую систему могут, к примеру, составить свойства, определяющие «художественную натуру»: доминирование воображения и образной символизации - активность фантазии, мечты и грезы - субъективная ценность сновидений - глубина зависимости от трех времен жизни - живость, быстрота, операциональная сложность образного генерирования - сила бессознательного плана образного процесса - интуитивность и одновременно рефлексивность образного творчества – высокая образная продуктивность -

сложность и оригинальность образного продукта - ценность авторского начала в образном продукте - поиск совершенного воплощения - поиск понимания ценителей и т.д.

Очевидно, что в индивидуально-психологическом анализе **различение процессуального и продуктивного** планов представлений дает возможность существенной конкретизации данных об их отдельных формах. В этой связи предложим модели образной активности и образных эффектов или собственно образов. В моделях будет отражен общетеоретический подход к представлениям как сложной субъективной деятельности индивида. (С. Л. Рубинштейн, В. П. Зинченко, Гостев А. А. и др.)

4.3. Образная активность и образный эффект.

Сначала остановимся на основных определениях образной активности.

1. С различными формами представлений соотносятся в качестве ведущих следующие **типы образной активности**:

- а) репродуцирование - процесс, обеспечивающий буквальное воспроизведение образов;
- б) образная категоризация - процесс, участвующий в порождения обобщенных образов, образных понятий, образных схем, абстрактных символов;
- в) преобразование - процесс, определяющий динамику воображения, фантазии, сновидений, развития образных понятий;
- г) образное творчество - процесс воображения, производства символов, сознательного и бессознательного рождения новых образных идей;
- д) моделирование - деятельность конструктивного воображения, создание реалистичных образных картин и проектов будущего;
- е) символическая генерализация - процессуальный план символических образных обобщений в сознательной и бессознательной жизни;

ж) спонтанное генерирование образов - активность сновидений, грез и фантазии, проявление психопатологических состояний;

з) образное трансцендирование - процесс, характерный для измененных состояний сознания и выражающийся в «провидениях», «прозрениях», «предвидениях» и т. д.

2. Как и в перцепции, специфика того или иного типа активности задается характером **динамических включений** в процесс создания образа. К наиболее существенным включениям относятся **мнемические, мыслительные, вербальные, эмоциональные**. Кроме того, интенсивность, потенциал длительности и результативность образного процесса обусловлены его **мотивацией**. По выражению Фрейда, наши представления и фантазии «словно нанизаны на нить продвигающегося желания». В мотивационной динамике, в свою очередь, проявляются сложившиеся у данной личности **установки** на производство той или иной разновидности образов и возникают **цели** образного продуцирования в данной жизненной ситуации. Важным признаком различения типов образного процесса выступает и сравнительный вес его **сознательного и бессознательного планов**.

В сознательных процессах представления может участвовать **рефлексивная деятельность**, проясняющая для индивида суть, значение, смысл его образного продуцирования и соотносящая эти данные с его «я». Рефлексируя образный процесс, я отмечаю, что нахожусь в состоянии представления, узнаю, что именно я представляю, понимаю способы, которыми порождаю образы, намечаю свои оригинальные привнесения в известные образные картины, фиксирую свои авторские вклады в изобразительную деятельность, нахожу в себе личностные качества, характеризующие меня как более или менее искусленного субъекта образной активности.

3. В порождении любого образа можно обнаружить присутствие нескольких типов активности и сложной системы конкретных **репрезентативных действий или актов**, составляющих микроструктуру образного

продуцирования. В частности, реализуются действия по воспроизведению перцептивных структур, разделению образных элементов, их сравнению, соединению, сгущению, вложению, растворению друг в друге, взаимному замещению, присоединению, объединению и разведению- сведению противоположностей. В зависимости от общего характера образной активности, в ней из числа приведенных преобладают аналитические, синтетические, обобщающие, «коллекционирующие» или «агглютинирующие» действия.

Репрезентативные действия в общем образном процессе могут протекать у конкретных людей с разной частотой повторяемости, с различной скоростью, в различных вариациях, с легкостью или трудностью взаимопереходов и, в целом, на разном уровне сформированности, развития, зрелости.

4.. Конечными результатами совершившихся образных действий могут быть точные и полные воссоздания перцептивных впечатлений, упрощение или схематизация элементов образного опыта, появление в ментальном пространстве новых образных структур, возникновение легко распадающихся ассоциативных образных рядов или констелляций, принципиальная перестройка отношений и элементов интегральных «образа мира», «образа жизни», «образа я» индивида.

5. В общем течении образного процесса любого типа выделяется несколько основных **этапов**.

1-й этап. Актуализация мотива порождения образа в контексте общей душевно - практической деятельности в данный момент жизни.

2-й этап. Формирование на бессознательном и сознательном уровнях готовности субъекта осуществить образную активность. Различают психофизиологическую, психофункциональную и личностную формы готовности. Задача на построение образа, которую готов решать субъект, становится целью образного продуцирования.

3-й этап. Сознательное и бессознательное извлечение из прошлого и наличного опыта жизни «материалов» будущего образного процесса. Масштаб предварительной организации формирования образа может быть различен: от вовлечения в процесс всей тотальности опыта до обращения к фрагментарным, случайным, ситуативным впечатлениям.

4-й этап. Собственно образное продуцирование, состоящее из множества производящих осознанных и внесознательных актов, ведущих к результату, адекватному целям буквального копирования бывших впечатлений, или направленного построения модели несуществующего объекта и будущего предметного действия, или свободного творения образов искусства, или поэтической и философской символизации.

5-й этап. Момент рождения ментального образа, с разной степенью четкости проступающий в сознании. Уровни осознания образа колеблются от мимолетной фиксации или скользящего внимания до сосредоточенности, прояснения и достижения полной ясности.

6-й этап. Появление интенции воплотить образный результат в технику или продукт внешне - практической деятельности: в завораживающий способ детской игры, в художественное произведение, в зрелище, в драматическое или комедийное действо, в ситуацию значимого общения, в самопрезентацию.

6. В реальном образном процессе перечисленные этапы, как правило, существенно свернуты, и их следы отыскиваются лишь в сложных внутрискруктурных отношениях сформированного образа. То же касается и тонкой операциональной структуры образной активности. Поэтому любое описание процесса представления стремится найти опору в его «критическом», то есть наилучшем, совершенном, самом характерном результате.

В психологии представлений демонстрация возможностей того или иного типа образной активности на примере критического образного эффекта так

же ценна, как теоретические определения. Мы это видели при анализе образов - символов. Снова воспользуемся этим приемом, привлекая художественные тексты, рассматривая с их помощью процессы образного репродуцирования, преобразования, моделирования, а также процессы, характерные для сновидений.

Процесс репродуцирования. Является внутренним воссозданием объекта, бывшего когда - то в опыте восприятия, но отсутствующего в наличной ситуации. Часто находит форму репрезентации, замещающую исходный объект, например, форму словесного выражения. Ориентирован на сохранение объекта во всей полноте его индивидуальных эмпирических признаков, ранее тщательно перцептивно структурированных. Имеет в своем операциональном составе акты быстрого извлечения из прошлого опыта структурных инвариант, акты детализации, синтеза, многоступенчатой категоризации, вербализации, уточняющего структурного анализа. Объектом репродуцирования может быть единичный предмет, предметная обстановка, временное событие. Идеальным результатом процесса выступает представление сложных объектов не только в богатстве и единстве их внешних качеств, но и с теми оценочно - смысловыми и эмоциональными оттенками, которыми окрашивалось когда-то их реальное освоение. Особенно это касается объектов высокой положительной субъективной значимости.

Трудно найти лучшую литературную иллюстрацию подобного репродуцирования, чем образы «Мемуаров» Казановы. К примеру, образ госпожи М.М., прибывшей когда-то на свидание с автором в мужском костюме.

«Бархатный розовый плащ, вышитый золотом, такой же камзол, черные шелковые панталоны, бриллиантовые серьги, солитер большой цены на мизинце и на другой руке перстень, украшенный только хрусталем, положенным на белый шелк. Ее маска была из черных кружев, поразительных по тонкости работы и красоте рисунка. Я осмотрел ее

карманы. Я нашел в них золотую табакерку, бонбоньерку, оправленную крупным жемчугом, золотой игольник, великолепный лорнет, платки из тончайшего батиста, напитанные драгоценными духами. Я со вниманием разглядывал богатую отделку ее двух часов, ее цепочек и брелков, сверкавших мелкими бриллиантами. И, наконец, я нашел пистолет. Это был английский пистолет чистой стали и мастерской работы.» (Цит. по: 98, с. 44)

Здесь фотографичность воссозданного образа менее всего похожа на внутреннее копирование оригинала и словесную передачу копии. Этот образ - великолепный ключ к таинственной жизни женщины, проявившей себя в ее утонченном облике, к жизни самого Казановы, на мгновение совпавшей с нею. От таких образов охотно отправляется в путь наше воображение, бесконечно расширяющее горизонт конкретной подаренной нам «духовной картины».

Образное преобразование как процесс воображения и фантазирования заключают многие возможности создания новых образов. Они, в частности, разворачиваются тогда, когда исходный воспринимаемый или репродуцируемый объект является незавершенной структурой и заключает для субъекта задачу, которая решается восполнением структуры, введением в нее недостающего элемента, изменяющего все основные соотношения ее других составляющих. Здесь образная деятельность разрешает «образную проблему», слита с мыслительной и символической активностью, становится образотворчеством с особо сложным операциональным составом. Операциями и действиями воображения выступают анализ проблемного целого, разнообразное комбинирование его компонентов, исследование составных частей самих компонентов, постановка частей в новые связи и зависимости, вариативное введение новых компонентов, исключение лишних, пробные синтезы измененных элементов и т. д.

В сказочном и легендарном мирах чистого воображения образная проблема часто бывает тайной, которую должен раскрыть герой, представив, например, целостный, без пустот сценарий собственной судьбы. Такова знаменитая «загадка Макбета».

«И вот Макбет решил снова отправиться к ведуньям. Разве не они заронили в нем мечту стать королем Шотландии! Ему не терпелось узнать свою судьбу и дальше.

- Ты непобедим и не отдашь корону, пока зеленый Бирнамский лес не придет сам в твой неприступный замок, - поведали вещуньи.

- Сказки, бред. Деревья сами по себе не ходят, - успокаивал себя Макбет. Я в замке в полной безопасности.

И все-таки после встречи с колдуньями Макбет велел укрепить свой замок на холме. В числе тех, кто доставлял камни и бревна, был благородный Макдуф, которого боялся и ненавидел Макбет... .

И случилось так, что король английский собрал армию отважных воинов, и к ней присоединился Макдуф. Армия вступила в Бирнамский лес, и по велению Макдуфа каждый воин отломил себе большую ветку дерева и под ее прикрытием двинулся к замку.

Ближе к полудню часовой, стоявший на крепостной стене, заметил, что на замок не спеша идет сам Бирнамский лес. Он бросился с известием к королю, но тот не хотел этому верить и сам поднялся на крепостной вал... и понял, что пробил его час... Он погиб в сражении, скрестив мечи с самим Макдуфом.» (148, с.124)

Картина судьбы оказалась неясной для героя, так как не был найден образ «живого леса», завершивший гештальт ситуации, изображенной в предсказании.

Указанный тип активности воображения относится к числу наиболее сложных и при этом наименее спонтанных. В других случаях деятельность воображения, хотя и не столь интеллектуальная, кажется выразительнее,

богаче, свободнее. Она может, к примеру, состоять в избыточном, безудержном продуцировании множества элементов, до комизма перегружающих исходный образ ситуации. Этот прием воображения также можно найти в сказочных повествованиях. К его известным эффектам относятся нелепые царские фантазии из русской народной сказки «Волшебное кольцо» в пересказе А.Н. Афанасьева.

Царь, не отказывая Ивану - дураку в просьбе отдать за него дочь, приказывает сначала сослужить ему службу. «Дочь моя роду не простого, и потому венчаться ей надо как ни на есть лучше во всем народе. Сделай ты мне, чтобы от твоего дворца до моего дворца золотая дорога легла; а через реку чтобы был у меня мост, да не простой, а такой, чтобы одна сторона была золотая полоса, а другая сторона - серебряная полоса; а на реке чтобы плавали всякие птицы редкие, а по ту сторону реки пускай церковь стоит, да не простая, а вся восковая, а вокруг нее пускай зацветают восковые яблони, да спелые яблоки родят.» (99, с.254.)

В мифических и сказочных сюжетах обнаруживается и другой интересный опыт «абсурдного» воображения. Он состоит в преувеличении роли, размера, активности какой-то детали образной структуры вплоть до придания ей значения самостоятельного объекта, даже за счет разрушения исходного целого.

В разных вариантах европейских сказок, оказывая покровительство нежной девушке, которую будущий муж - король подвергает испытанию тяжелым трудом швеи, пряжи и ткачихи, три волшебницы принимают образы женщин - страшилищ с уродливо увеличенными глазами (чтобы шить в темноте), огромными распухшими руками (чтобы быстро прясть), громадной ногой (чтобы ткать сутки напролет).

В фантастических произведениях великих мастеров вымысла встречается прием отделения и «одушевления» какой-то части человеческого тела. У Андерсена - пляшущие ноги в красных башмаках в сказке о тщеславной

Карен; у Гофмана - человеческие глаза, оживленные колдовством Песочного человека; у Гоголя - Нос, разгуливающий по Петербургу, у Булгакова - приключения головы редактора Берлиоза.

В приведенных случаях «заполнения», «перегрузки», «частичной гипертрофии» и «изоляции элементов» образных структур воображение в целом придерживается обычных предметных координат. Иное дело, когда воображение - мечта, оттолкнувшись от ложной идеи, создает новую образную структуру с многими разумно соотносящимися компонентами, лишенными, однако, надежных корней в фактическом мире субъекта. Достигается недолгое приятное состояние подмены и подстановки образа бывшей или возможной чужой жизни на место образа собственной. В этом опыте «беспочвенного мечтания», перевоплощения, отчуждающей идентификации мечтатель может изошренно идеализировать и защищать свое «я», испытывая настоящий творческий подъем, будто и в самом деле образные действия прямо создают реальность.

Сошлемся на двух выдающихся исследователей человеческого воображения.

3. Фрейд: «Вообразите случай с бедным и осиротевшим юношей, которому вы сообщили адрес работодателя, у которого он скорее всего сможет получить должность. По дороге туда он скорее всего погрузится в грезы соответственно своему положению. Содержание этой фантазии выглядит примерно так: он получает должность, приходится по душе своему новому начальнику, становится необходимым для дела, входит в семью хозяина, женится на его пленительной дочке, а потом сам становится во главе как совладелец, а потом и как наследник дела.» (135, с. 132)

Наверное, этот эскиз полон у юноши самых живых подробностей его пути вверх. Феноменально близкое описание находим у Марселя Пруста.

Его юный герой влюбляется в женщину из высшего света. «Я действительно любил герцогиню Г. Величайшим счастьем было бы для меня, если бы я мог умолить бога наслать на нее все напасти и если б она, нищая, отверженная, лишенная всех привилегий, которые прежде нас с ней разделяли, оставшаяся без крова, ни от кого не получающая ответа на поклоны, пришла ко мне просить пристанища. Я представлял себе, как это произойдет...Но на самом деле - увы! - я сделал своей избранницей женщину, у которой было столько всевозможных преимуществ, и для которой я вследствие этого ровно ничего не значил.» (107, с.. 60)

Творцы всех приведенных вымышленных картин - сказочники, фантасты, писатели, их герои - придерживаются, как правило, границы, разделяющей их образную активность и реально преобразующие действия в предметном мире; образные структуры не находят своего «действующего субъекта», непосредственно не руководят изменениями действительных отношений вещей. Этим целям служат другие типы образного продуцирования, например, моделирование. Но в мифах и сказочных историях есть **подобия** таких конструктивных образных форм, программирующие множество действий и поступков героя и выстраивающие строгие прогнозы тех ситуаций и условий, в которых он окажется в процессе действия.

Фантазийное проектирование деятельности и создание сценариев будущих событий. «Метаморфозы» Апулея в той части, где повествуется о скитаниях и испытаниях влюбленной Психеи, полны образных руководств ее деятельности. Задания Венеры являются детальными картинами действий, которые должна исполнить провинившаяся перед богиней девушка. Ряд проблемных для Психеи образных проектов выглядит так.

- «Она (Венера) берет рожь, ячмень, просо, чечевицу, бобы, - все это перемешивает и, насыпав в одну большую кучу, говорит: - Разбери эту кучу смешанного зерна и, разложив все, как следует, зерно к зерну

отдельно, до наступления вечера, представь мне свою работу на одобрение.»

- «Венера позвала Психею и обратилась к ней с такими словами: - Видишь рошу, что тянется вдоль берега текущей мимо речки? Кусты на краю ее расположены над соседним источником. Там, пасясь без надзора, бродят овцы, покрытые золотым руном. Принеси мне клочок этой драгоценной шерсти.»

- «Видишь высящуюся над скалой вершину крутой горы, где из сумрачного источника истекают темные воды? Они орошают стигийские болота и рокочущие волны Коцита питают. Оттуда, из самого истока глубокого родника, зачерпнув ледяной воды, немедленно принесешь ты ее мне в этой скляночке.»

- «Скорее отправляйся в преисподнюю, в загробное царство самого Орка. Там отдашь эту баночку Прозерпине и скажешь: - Венера просит тебя прислать ей немножечко твоей красоты, хотя бы на один денек, так как собственную она всю извела, покуда ухаживала за больным сыном.»

При выполнении каждого задания Психея получала помощь от различных волшебных существ: муравья, тростинки, орла, наконец, башни. По очереди разворачивали они перед ней живые сцены ожидавших ее встреч, трудностей, опасностей и преодолений возникающих препятствий. Вот, например, образ будущего, нарисованный Психее говорящей башней перед путешествием девушки в царство мертвых.

«Вступить на смертоносную дорогу должна ты не с пустыми руками; в каждой держи по ячменной лепешке, замешанной на меду с вином, а во рту держи две монеты...»

Пройдя часть дороги, встретишь ты хромого осла, нагруженного дровами, а при нем хромого погонщика: он обратится к тебе с просьбой поднять поленья, выпавшие из вязанки, но ты не скажешь ни слова и молча пойдешь дальше...

Дойдешь ты до реки мертвых, над которой начальником поставлен Харон, требующий пошлины и тогда перевозящий путников на другой берег в утлом челне. Этому старику ты дашь за перевоз один из медяков, который он вынет у тебя изо рта...

Когда будешь переправляться через медлительный поток, выплывет мертвый старик и будет просить, чтобы ты втащила его в лодку, но ты не поддашься жалости...

Переправившись через реку, ты увидишь старых ткачих, занятых тканьем, они попросят тебя помочь, но это не должно тебя касаться...

Огромный пес лежит у самого порога черных чертогов Прозерпины. Дав ему в добычу одну из двух лепешек, ты достигнешь самой Прозерпины, которая примет тебя милостиво и попросит отведать пышной трапезы. Но ты сядешь на землю и возьмешь простого хлеба. Приняв то, что тебе дадут, отправишься обратно...

Дав псу оставшуюся лепешку, а лодочнику - монетку, вступишь на прежнюю дорогу и увидишь хоровод небесных светил...Но не вздумай открывать баночку с сокровищами божественной красоты...» (6, с.с. 195 - 200)

«Задания Венеры» в воссоздающем воображении Психеи выступают операциональными структурами, которые синтезируют образы конкретных предметов, в состоянии которых девушка должна произвести заданные изменения, образы ее строго определенных будущих действий и образы ожидаемых однозначных результатов. Спецификой проектируемой активности, наряду с жесткой персональной и предметной детерминированностью, является ее сверхъестественный характер, предполагающий включение в образные модели - по ходу деятельности - новых воспринимаемых объектов с мистическими свойствами.

Сценарий визита Психеи к Прозерпине связывает в динамичный гештальт предметы и существа, которые создадут трудности или станут условиями

успеха девушки, способы ожидаемых от нее рискованных поступков, запреты на действия и конечное событие достижения Психеей нечеловечески сложной цели.

И в том, и в другом случае образное продуцирование основано на фантазийном сведении, комбинировании, синтезе, разведении, устранении, замещении разнородных предметно - действенных компонентов. Так, в последнем отрывке находим загадочное последовательное соединение Психеи - двух медовых лепешек - двух монеток - осла - хромого погонщика - Харона - мертвеца - ткачих - свирепого пса - Прозерпины - роскошной трапезы - простого хлеба - божественной красоты.

Следующая форма образной активности уводит нас из области волшебного вымысла и возвращает к действительной жизни.

Процесс образного моделирования предполагает формирование реалистичных структур, где основными элементами выступают образы последовательных актов какой-либо практической деятельности, а также их промежуточных и конечных результатов. Речь идет о художественной, профессиональной, коммуникативной, бытовой, игровой сферах жизнедеятельности индивида.

Во внутреннем моделировании будущих событий образная активность протекает в существенной зависимости от активности мысли: образы вещей и действий служат идее или идеальному плану создания новой предметной реальности. Соответственно образные операции встроены в мыслительные действия и приобретают характерные для них уровни сложности, типологические особенности, такую же, как у мысли, доступность для рефлексии.

В процессах построения моделей участвуют понятийно - образные акты поиска возможных аналогов, сравнения, идентификации, сведения существенных элементов и установления ключевых пространственно - временных отношений структуры, привлечения вариативных компонентов,

нахождения проблемных связей, решения проблем, фиксации инвариант модели, установления соответствия замысла объективным возможностям его осуществления, удержания модели как целого в процессах ее опредмечивания. Образное моделирование непосредственно переходит в план предметных действий, так, что их тоже можно рассматривать как создающие «образ».

Следуя правилу критического примера, снова обратимся к литературному памятнику.

Перечисленные моменты «мыслеобразного» моделирования можно легко эксплицировать из ситуаций творчества Бенвенуто Челлини, запечатленных им в собственном жизнеописании. (144) В частности, он вспоминает, как делал заказанную тогдашним Папой модель золотой застёжки для ризы - вещи, ставшей впоследствии известным произведением искусства.

« Я пошел представиться папе; он же, обласкав меня, сказал мне: «Я тебя займу работой величайшей ценности, где ты сможешь показать, что ты умеешь делать; это застёжка для ризы, каковая делается круглой, в виде блюда, и величиной с блюдечко в треть локтя; на ней я хочу, чтобы был сделан бог - отец полурельефом, а посередине ее я хочу приладить красивую грань большого алмаза со множеством других камней величайшей ценности...Иди же и сделай красивую модельку. «...

В несколько дней я кончил модель и однажды утром понес ее к папе...Когда я раскрыл круглую шкатулочку с ней, словно блеск ударил папе в глаза и он сказал громким голосом: «Если бы ты сидел у меня в теле, ты бы сделал это как раз так, как я вижу.»... Потом папа рассматривал, каким красивым способом я сочетал алмаз с богом - отцом.

Этот алмаз я поместил по самой середине вещи, а над этим алмазом я расположил сидящим бога - отца, в красивом повороте, что давало прекраснейшее сочетание и нисколько не мешало камню; подняв правую

руку, он давал благословение. Под этим алмазом я поместил трех младенцев, которые поднятыми кверху руками поддерживали сказанный алмаз. Один из этих младенцев был в полный рельеф; остальные двое - в половинный. Сзади у бога - отца была мантия, которая развевалась, из какой-то появлялось множество младенцев; со многими другими прекрасными украшениями...Вещь эта была сделана из белого гипса по черному камню.» (144, с.с.109 - 112)

Трудно совместить в едином потоке образного генерирования упомянутое рациональное и упорядоченное формирование ментальных моделей, субъективно руководящих нашей жизнью, со многими другими способами порождения образов. Особенно это касается спонтанных, подчиненных бессознательному принципу процессов сновидений. Их эффекты отличны от обычной реальности и даже не выглядят ее новыми творческими фрагментами. Это, скорее, производство иной реальности.

Возникновение и течение сновидений в их ретроспективе выступает активностью, в структуре которой, наряду с характерными для дневной жизни образными операциями, присутствуют акты замещения действительного недействительным, вытеснения бывшего никогда не бывшим, постановки явлений в невозможные пространственные отношения, сведения вещей в немыслимые комбинации и группировки, установления необычных временных отношений между событиями, придания неопределенности и противоречивости связям элементов сна, разрешения проблем сновидений совершенно неординарными путями, синтеза элементов снов в целое, подчиненное неизвестной субъекту идее или тайным желаниям и намерениям. Заметно, что ретроспектива картин сновидений в своем операциональном плане напоминает процессы фантазирования, правда, чересчур капризного и прихотливого, часто превышающего по интеллектуальному уровню индивидуальную норму, приобретенную в бодрственной жизни.

Бессознательность процессов сновидений не является их безусловной характеристикой. Развертывание образов сна может сопровождаться частичным контролем сознания: «я сплю, и это мой сон». Сознание осуществляет цензуру сновидений, защищая «я» от деструктивных влияний «изнанки» нашей личности, способной прорваться в сновидения. Мы можем засыпать с сознательной установкой быть внимательным к своим снам и запомнить их; мы можем направить сознание на полную реконструкцию сновидений сразу после пробуждения с тем, чтобы расширить и обогатить мир наших представлений образами осознанных сновидений.

Не соблазняясь богатством опубликованного психоаналитического материала о болезненных сновидениях реальных клиентов, возьмем очень характерный пример из гофмановских «Эликсиров сатаны». Произведение это, впрочем, неоднократно упоминалось известными аналитиками как оригинальное литературное выражение бессознательной жизни души.

«Изнемогая от усталости, я бросился в постель и сразу же уснул, но меня стало мучить ужасное сновидение. Удивительным образом сон мой в самом начале сопровождался сознанием, что я сплю, и я даже говорил самому себе: «Как это хорошо, что я тотчас же уснул и сплю так крепко и покойно, вот только не следует открывать глаз.» И все же я не мог удержаться от этого, но сон мой, как ни странно, не прерывался. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату проскользнула какая-то темная фигура, в которой я, к своему ужасу, узнал самого себя, но в одеянии капуцина, с бородой и тонзурой. Фигура подбиралась к моей кровати все ближе и ближе, я не шевелился, и крик замер на устах от сдавившей меня судороги. Но вот монах присел ко мне на кровать и сказал, язвительно ухмыляясь:

- Пойдем-ка со мной да заберемся на крышу под самый флюгер - он сейчас наигрывает веселую свадебную песнь, ведь филин-то женится! Давай-ка

поборемся там с тобой, и тот, кто столкнет другого вниз, выйдет в короли и вдоволь напьется крови.

Я почувствовал, что монах вцепился в меня, стараясь приподнять. Отчаяние умножило мои силы.

- Ты вовсе не я, ты черт! - завопил я громко и впился пальцами в лицо призрака, но они ушли, словно в глубокие впадины, а призрак разразился пронзительным хохотом. В ту же минуту я проснулся...и увидел, что возле стола стоит некто в одеянии капуцина.» (41, с .83)

Сновидная активность порождает здесь феномены, находящиеся в странных и жутких отношениях. Раздваивается «я», показываются двойники, действующие друг по отношению к другу. Существу, воплощающему зло, сообщается облик служителя бога. То, что кажется живым и телесным, вдруг оборачивается призраком. Звучит веселая мелодия как предвестник трагической неудачи в любви. Сновидец в своем представлении борется с собственным «я», как будто это реальный другой человек. Одно «я» сновидца демонстрирует жажду власти, сопряженную с преступлением, другое «я» защищается от этих зловещих желаний.

Данные образные действия, с одной стороны, прерывают собой непрерывность дневных представлений, становятся их своеобразной инверсией, а с другой, продолжают их, открывая и создавая то, что им недоступно и что настойчиво вмешивается, влияет на них. Кроме того, сон является предвидением наступающих событий и непосредственно переходит в них. В ночном образотворчестве сновидец приближается к решению неразрешимых дневных проблем.

Отметив, что взятые из художественных текстов примеры образных процессов отвечают не только требованиям подтверждения и иллюстрирования теории представлений, но и литературным предпочтениям автора, продолжим анализ, сосредоточившись на **феноменологических и эмпирических характеристиках образа.**

Рассматривая представления с точки зрения образных эффектов, обобщим то, что было сказано по этой проблеме выше и сделаем необходимые дополнения. Покажем, как во вторичных образах различных форм выражены черты предметности, константности, структурности, модальности, интенсивности, временной отнесенности. То есть, по аналогии с анализом ощущений и восприятия рассмотрим, **что?** и **как?** дано в представлении.

Предметность образа.

Она состоит в той или иной зависимости образного эффекта от конкретных реальных объектов, составляющих жизненную среду индивида и постоянно находящихся в опыте его восприятия и практических действий. Проблема предметности - это вопросы о том, есть ли у представления определенный вещественный источник и непосредственный объективный аналог, даны ли в нем обычные предметные элементы, возможна ли прямая проверка образа реальностью, может ли образ быть переведен в план обычных предметных форм. По перечисленным критериям можно найти существенные различия между образными эффектами.

Репродуктивные образы часто имеют источники в действительно бывших предметных событиях и почти буквально воссоздают их. Они также внутренне направляют нас в поиске своих предметных аналогов, когда мы хотим практически действовать с последними. Они выступают реалистичной моделью будущей действительности, если мы стремимся создать изобразительную или вещественную копию того конкретного объекта, который дан в образе. Об этом виде образов можно сказать, что они обладают «максимумом предметности».

Обобщенные образы или образы - схемы. Сгущают в своем чувственном содержании множество впечатлений о реальных встречах индивида с однородными предметами. Не имеют единичного вещественного аналога. С внешне - предметной деятельностью связаны опосредованно, составляя отвлеченный образно - продуктивный план интеллектуальной активности.

«Вторичную» предметность приобретают в текстах, абстрактных изображениях, искусственно созданных объектах, моделирующих существенные свойства какого-то типа реальностей. Предметность данных образов обозначим как «опосредованную и типическую».

Образы воображения и фантазии. Являются производными от репродуктивных и обобщенных образных структур и через них удерживают связи с реальными объектами. Иногда, как например, в темах детского сочинительства, или в сюжетах детской игры, или в драматургии находят опору в осязаемых и видимых предметах реального мира. Они заключают в себе необычные отношения обычных предметных элементов, выступают субъективным содержанием, не имеющим буквальных объективных аналогов.

Исключение составляют случаи, когда эти образы становятся репрезентацией прошедших, действительных, но не наблюдавшихся субъектом событий, отличающихся неопределенным ходом, загадочной логикой. Структура этих событий на основе полученной от других информации и фрагментарных предметных признаков восстанавливается индивидом в развернутой детальной картине. Например, так воссоздаются неординарный, вначале неясный поступок кого -то, или необычное стечение обстоятельств, или, возможно, сложное преступление, или «тайный ход вещей».

Продукты воображения и фантазии могут стать прообразами результатов творческих предметных действий, или причинами будущих событий, однако так же часто остаются только прекрасным или опасным достоянием субъективного душевного мира. Доступный индивиду предметный мир преобразуется в них и в своем новом образе иногда противостоит действительности. При этом элементы и отношения образов, хотя и замысловатым путем, но сохраняют в норме верность объективности. Предметность здесь может быть названа «измененной и ускользающей».

Образы сновидений. Связь многих из них с действительной жизнью индивида так смутна и отдаленна, что их можно назвать «беспредметными». В них элементы привычного мира ставятся в такие неестественные положения и связи, что резко противоречат известным порядкам и закономерностям своего существования. Ни одна сознательная фантазия не сможет догнать некоторые сновидения в их отлете от реальности. В соответствие им могут быть поставлены только произвольные абстрактные «безумные» мысли, совершающие насилие над истиной предметных отношений, искажающие и извращающие ее.

Психоанализ особо подчеркнул, что отдельные сновидения зримо, живо воплощают идею разрушения и неузнаваемой перетасовки частей вещного мира, подчиняя этот хаос исполнению бессознательных желаний сновидца. В отношении сновидений можно говорить об «исчезающей предметности».

Константность образа.

В сравнении с образами восприятия, представления характеризуются свободной сменой состояний устойчивости и изменчивости. Характерная текучесть вторичных образов объясняется их вовлеченностью в действия не с реальными, а с идеальными предметами.

В норме человеку свойственна относительно устоявшаяся внутренняя картина мира, связывающая все частные образные впечатления и противостоящая их распаду, таянию, растворению. Известно несколько факторов образной константности.

- . Постоянство вторичных образов часто находится в прямой зависимости от инвариантности перцептов и в свою очередь поддерживает эту инвариантность. Так формирование относительно константных образов - схем связано с известной закономерностью, которую можно обозначить как «фактор прототипа». Прототип бессознательно объединяет прочно коррелирующие друг с другом внешние признаки конкретного объекта, взятого в качестве представителя какой-то эмпирической предметной

категории, и стабильно предзадает восприятие всех объектов данной категории. Наличие перьев, клюва и крыльев в прототипе «птицы» безошибочно определяет нашу перцепцию и апперцепцию большинства пернатых. (71, с. 179)

- Свойство образной константности существенно зависит от активности и силы индивидуальной памяти, схватывающей, сохраняющей, интегрирующей, часто воспроизводящей перцептивные впечатления и созданные на их основе вторичные образы.

- Устойчивость сложных представлений обеспечивается стабильностью мыслительных связей между отдаленными элементами образного опыта. Сформированные интеллектуальные замыслы будущей деятельности и ее результатов, символические идеи, абстрактные теории и концепции, основываясь на образном опыте и организуя его, составляют вместе с ним единые ментальные структуры, благодаря которым мы привычно прогнозируем, понимаем и объясняем собственную жизнь.

- Постоянство представлений поддерживается и благодаря однородным повторяющимся практическим действиям с предметными источниками: хорошо представляю то, с чем часто действую. Образ такого источника, отрываясь от перцепции, позволяет затем осуществлять внутреннее моделирование и проигрывание внешних действий, определяя их коррекцию и совершенствование. Столь же константны образы, направляющие деятельность по собственному опредмечиванию: удерживаю то, что воплощаю.

- За всеми перечисленными факторами можно обнаружить стойкую мотивацию индивида к конкретной образной репрезентации в рамках сложившегося у него интегрального образа мира. Множественные желания, истощившиеся в отношении какого-либо объекта, перестают быть условием его полного и целостного образного воссоздания.

Однако, не противореча постоянству, неотъемлемой чертой представлений является живая подвижность ментальных образов, ведущая к их реконструкции, разрастаниям или редукции. Особенно заметна изменчивость образов художественного воображения, фантазии и сновидений; меньшим изменениям подвержены образные «портреты» классов предметов и «образцы» предметных свойств.

Крайние проявления изменчивости: неординарные летучесть, рассеяние и превращение дневных и ночных образных видений, необратимость мелькнувших образов, порождение знакомого образа заново, незакрепление представлений в духовном опыте - бывают связаны с избыточностью образного генерирования, переживаемой иногда как мучительное чувство невозможности реализовать и выразить все наплывающие внутренние впечатления. Обычная же подвижность представлений часто обусловлена нашими произвольными усилиями, направленными на то, чтобы вызвать образ, изменить что-то в нем, разложить на элементы или качественно преобразовать.

В целом, текучесть представлений, сопряженная с присутствием образных констант, необходимых для сохранения реалистичных репрезентаций объектов, является основанием способности индивида свободно творить субъективные миры, различно моделирующие действительность. Поэтому нам так близок и понятен смысл высказывания «мой мир изменился».

Структурность образа.

Специфическое сочетание постоянства и подвижности образа во многом обусловлено особенностями его структурной организации. Правда, в отношении воображения, фантазии, образных моделей и сценариев следовало бы говорить скорее не о «структурах», а о «синтезах».

Представления-синтезы сохраняют многие признаки, характерные для перцептивных структур: состоят из элементов, связанных взаимными соответствием, дополнением, притяжением; определяются количеством этих

элементов; зависят от величины и формы элементов; детерминируются общим способом, посредством которого элементы соотносятся друг с другом в пространственно – временном, то есть предметном, плане. Предметное происхождение целостных представлений подчеркивается понятиями «структурное образное пространство», «предметный порядок представлений», «архитектоника образов», «поле представлений» и т. д.

В актуальном поле представлений образы соотносятся как имеющие эмпирические сходства, различия, общность, противоположность, последовательность - одновременность возникновения и исчезновения. И вместе с тем, основные связи, определяющие его строение помещаются вне восприятия и самих представлений, «по ту сторону видимости, в некоем закулисном мире, который глубже и шире, чем оно само» (139, с. 264). Представляемые предметные структуры образуются и воссоединяются посредством сознательной и бессознательной мысли индивида о скрытых и абстрактных отношениях вещей, посредством мысли, следующей за сознаваемыми и внесознательными желаниями образно воссоздать значимую ситуацию.

Образная структура менее всего является внезапно возникшей и навсегда застывшей, подобно картине в художественном собрании. Если сместить фокус психологического рассмотрения с самой «фигуры» образа на его внутренние и внешние связи, на его место в игре жизни, воображения, фантазии и сновидений, то образ окажется динамичным, живым синтезом всех событий встреч индивида с первоисточником представления. Первоначальная репрезентация, отдающая исходному предмету все преимущества «реально существующего», постепенно становится самодостаточным «созданием», «существом», развившимся в познавательном и творческом опыте субъекта, являющимся для последнего не менее реальным, чем предмет - референт, а также подтверждающим для субъекта реальность его собственного «я».

Эрих Нойманн, интерпретируя **образ Фауста**, созданный Гете по впечатлениям о действительных личностных прототипах, подчеркнул его внутренние творческие трансформации в душевном мире автора и переход художественного образа в «вещественный» символ Эго автора. Предметный образ становится образом авторского воображения, а затем образом самого автора.

«Подобно всякому образу в произведении искусства, мифологический образ Эго требует двойной интерпретации, то есть интерпретации «структурной», основанной на природе самой фигуры, и того, что мы для краткости можем назвать «генетической» интерпретацией, которая рассматривает образ как выражение и представителя психики, из которой он происходит.

Так, структурная интерпретация образа Фауста должна учитывать характеристики и образ действия, присущие Фаусту в драме Гете, в то время, как генетическая интерпретация должна рассматривать Фауста как часть личности Гете, как комплекс в его психике. Две интерпретации дополняют друг друга. Структурная - объективная - интерпретация стремится охватить весь размах структуры, представляемой личностью Фауста, а затем объединить ее с генетической интерпретацией, которая полагает, что фигура Фауста символизирует всю целостность психического состояния Гете, как сознательного, так и бессознательного, а также всю историю его развития.» (101, с. 282)

Каждый значимый образ в своем целостном устойчивом контуре таит множество скрытых наслоившихся и слившихся индивидуальных впечатлений. Даже не укорененный в повседневной действительной жизни образ может длительно оживляться синтетическими усилиями человека, который создал «эпопею» своих отношений и с целостным представлением, и с его отдельными элементами.

Как, к примеру, сложилось и продолжает структурироваться наше представление о Джоконде? Воссоздавая образ женщины, вдохновившей Леонардо да Винчи, мы все, одинаково вспоминая дивное целое ее облика, вольно-невольно присоединяем и растворяем в нем то, что нам известно из опыта многих разновременных толкований сущности этого изображения. При этом универсализм образа требует символического вмешательства в живописный оригинал. То внутренний взор открывает черты Моны Лизы как прекрасной анонимной итальянки времен Возрождения, то в ней просматриваются трепетно запечатленные черты возлюбленной художника, то проступают таинственные материнские черты, то кажется, что это внутренний облик самого Леонардо, его подвижное женственное творческое начало, обозначенное глубинной психологией как Анима.

Рассмотрение внутренних образов предполагает использование сложного структурного подхода, учитывающего и законы формирования перцептов, и специфические законы целостности - нецелостности представлений, и моменты сосуществования факторов устойчивости и динамизма образа, и закономерности превращения последовательности процесса структурообразования в одновременность синтетического представления, а также единство типологического и индивидуального развития образных репрезентаций.

Такой взгляд обращается и к объективно наблюдаемым, и к феноменологическим характеристикам представлений, расширяя границы понимания образов за пределы собственно научной психологии. Заметим, однако, что даже изощренный феноменологический анализ пока не дал много существенных добавлений к исследованным «объективным» характеристикам образных структур.

Систематизируя разнородные данные о структурности представлений, получаем ряд определений.

1). Зрелые образные гештальты соотносятся не столько с четко обозначенными изолированными составляющими внешнего пространства, сколько с **пространственно - временными взаимодействиями** предметов и предметных свойств друг с другом и с субъектом. Образное целое оформляется как «конфигурация структурообразующих сил, схватывающая подвижные границы референта в пространственно - временном потоке событий».(7, с. 287) В динамическом гештальте соединяются силы внешних отношений предмета, включая действенные связи субъекта с ним, а также силы внутри - психической активности желаний, переживаний, оценок и смыслов субъекта, ориентированной на данный предмет. Прежде всего это характерно для образов воображения, для обобщенных образов личностно ценных объектов и для сновидений. Так, насыщенность значимых образов силовыми влияниями эмоций и чувств в сравнении с начальной «безличной» перцепцией была изысканно подмечена Гете при воспоминании о панораме Страсбурга, наблюдаемой с вершины собора.

«Вид новой страны, в которой нам предстоит пробыть какой-то срок, имеет ту своеобразную обнадеживающую прелесть, что вся она лежит перед нами как белая страница. Ни радости, ни горести, нам сужденные, не написаны на ней, это веселое, пестрое, оживленное пространство еще немо для нас; наш взор останавливается лишь на предметах, которые сами по себе примечательны; ни любовь, ни страсть еще не наложили своей меты на тот или иной уголок, но чаяние грядущего уже тревожит юное сердце, неутоленные чувства в тиши торопят то, что может и должно прийти и что - все равно, благо то или горе, - мало - помалу воспримет характер местности, в которой мы находимся.» (35, с. 301)

2) На формирование образных структур существенно влияет **активное отношение субъекта** к предметным источникам представления. В частности, впечатление целого сохраняется, воспроизводится и совершенствуется, если оно входит в состав деятельности с объектами, отвечающими мотивам

познания, творчества, удовольствия, увлеченности, страсти, веры, ответственности. Мотивация жизненного роста, самоактуализации и любви, поддерживаясь на разных этапах деятельности, соединяет ее предметные элементы между собой, обуславливая создание завершенных образных детерминант конструктивных действий.

Субъектные факторы появления и развития образных гештальтов больше выражены в мире представлений, чем в мире перцепции.

«Хороший перцептивный гештальт» является типичным признаком эффективной адаптации к среде и обстановке, достижения жизненного комфорта, сохранения интеллектуальной уверенности в упорядоченности предметного окружения. Подобная связь с формами **реактивной** жизни существует и у «хорошего образа – эталона», «хорошего образа – прототипа», «хорошего образа – модели».

Отличительные достоинства внутреннего образа связаны прежде всего с присущими субъекту творческой интуицией целого, напряженным индивидуальным поиском понятийных связей, бессознательной синтетической активностью, влечением к единству и сведению вещей в противоположность стремлению к их разделению и разрушению. Кроме того, структурирование представлений часто направляется к выражению, понимаемому и принимаемому другими. В этом плане «хорошее представление» означает «образную возможность» индивида выйти за рамки наличных устоявшихся жизненных условий и совершить этот выход вместе с людьми, сенситивными к обновлению художественных, символических, фантазийных и архетипических гештальтов.

Профессора, невзирая на богатый негативный опыт, собираясь на встречу с новыми студентами, неизменно надеются найти в них соответствие символическому образу «идеальной студенческой аудитории», где каждый в соотношении с другими демонстрирует все преимущества юношеской привлекательности, молодежного вкуса, духа современности,

интеллектуальной пластичности, внимательности, любознательности, доброжелательности, любви к науке и культуре.

3) Психологически описать, интерпретировать, истолковать можно только образы, являющиеся содержаниями или продуктами **образного сознания**. Даже улавливая эффекты бессознательных образных процессов, приходится довольствоваться переносом на их изучение качеств и закономерностей сознательных образов.

В отношении разных форм образных структур сознание реализует различную по сложности деятельность. Благодаря ей, скорости ее течения, множеству видов, интенциям к прерывности - непрерывности, образы - от репродукций до немислимых фантазий - демонстрируют следующие феноменологические **качества и структурные изменения**. (7; 27; 39; 114; 160)

- Образы, даже стремящиеся к буквальному воссозданию перцептивного целого, обычно отличаются слитостью элементов, размытостью очертаний, панорамностью фона, признаками растворения контура «фигуры» в образном окружении.
- Четкие образные дифференцировки внутри целого с относительно неизменным составом, отделенность от других структур в пространстве представлений характерны прежде всего для образов - схем как обобщенных эмпирических аналогов абстрактных понятий.
- В потоке сознаваемых представлений образы часто возникают как слабо дифференцированное целое с едва обозначившимися элементами и межэлементными связями. Эти смутные образы - либо свидетельства несовершенной репродукции, либо мимолетной перцепции, либо несостоявшегося понимания предмета, события, ситуации.
- Структура образов воображения, фантазии, грез, творческого моделирования обладает значительной свободой, подвижностью и открытостью для изменений. При устойчивости центральных элементов

структуры и относительной прочности их связей, остальной элементный состав подвержен множеству произвольных и произвольных изменений. Фрагменты структуры замещают, вытесняют, исключают друг друга; появляются новые и утрачиваются старые компоненты; зарождаются новые внутрискруктурные отношения и разрушаются ранее установившиеся; внутри наличной структуры намечаются контуры новых гештальтов, способных к самостоятельному существованию. В процессе актуальной образной активности свободные представления готовы для переструктурирования, реструктуризации, для распада на множество других гештальтов и объединения в крупные целостные образования.

- Образы-символы, фантазийные образы, сновидения, патологические представления допускают в свои структуры элементы, не имеющие распространенных аналогов в привычном для субъекта мире. Элементы могут обладать необычными размерами, неординарными модальностью и интенсивностью, ирреальными очертаниями. Соотношения элементов также часто выходят за пределы обычного. Устанавливаются связи, не характерные для повседневно воспринимаемых и понятийно определяемых реальностей. Например, образу может быть присуща качественная двойственность; сквозь элементы с положительными свойствами могут проступать элементы с противоположными характеристиками; противоречивые фрагменты мерцают, сменяя друг друга; общее качество образа может сменить «знак» своей ценности для личности. Обращаются нормальные временные и пространственные отношения: обычно разделенное становится единым, существующее только в составе целого превращается в автономное, объективно разнесенное во времени совершается одновременно, нарушается порядок последовательности в событийных структурах, виртуальные образы приобретают в проживании качества непространственности и вневременности.

В воссоздании Теофиля Готье («Клуб гашишистов»), мимолетные фантазийные образования, олицетворяющие при наркотическом опьянении архетип «грозного шутовства», выглядят так:

«Дальше бесновались персонажи забавных снов, уродливые создания, безобразная помесь человека, животного и домашней утвари, монахи с колесиками вместо ног и котлом вместо живота, воины в латах из посуды и с птичьими лапами, размахивающие деревянными саблями, чиновники, крутящиеся на вертеле, короли с башней в форме перечницы вместо ног, алхимики с мехами вместо головы, развратницы, сделанные из тыквы с прихотливыми выпуклостями...Все это шевелилось, ползало, бегало, прыгало, хрюкало, свистело, как в «Вальпургиевой ночи» Гете.» (40, с. 256)

- Структурность представлений детерминирована особым состоянием субъекта, которое по-разному можно определить как «ожидание целого», «установку на целое», «априорное понимание целого» и т. д. Сознательно оно дается как предпочтение целостности и завершенности рассеянию и хаосу.

Благодаря ему, мы устойчиво придерживаемся представлений, подобных нормальным перцептивным структурам и поэтому сохраняющих наше интеллектуальное равновесие с окружением и убеждение в возможности разделить знание о мире с другими. Интенция к целому позволяет, кроме того, порождать структуры еще не существующего или удерживать в составе структур необычные компоненты, так, что эти воображаемые целостности становятся при их опредмечивании. убедительными для других. Указанное свойство позволяет безошибочно различить хороший и плохой гештальт, структуру зрелую, богатую, завершенную и структуру становящуюся, с пустотами, неопределенностью динамики. Вследствие расположения к целостным представлениям, нам дано оценить элементы образной

структуры как ведущие или подчиненные, необходимые или заменяемые, закономерные или случайные, недостающие или лишние, улучшающие или ухудшающие целое, укрепляющие или расшатывающие его.

Особая ценность установки на целое проявляется в случае расцвета способности, которую Гете назвал «творящим талантом». В современном понимании, он формируется в виде гигантского индивидуального ментального образа прошлого, настоящего, возможного и трансцендентного миров, где в невероятном богатстве элементов каждый из них и каждая их связь готовы в любой момент образотворчества к спонтанному и совершенному взаимослиянию в бесконечное множество новых целых. В самонаблюдении Гете, его способность порождать образное целое актуализировалась постоянно, и на ней он основывал всю свою жизнь.

«За последние годы мой творящий талант ни на мгновение не изменил мне; впечатления дня ночью нередко превращались в стройные сновидения, а едва только я открывал глаза, как мне являлось либо новое и причудливое целое, либо часть чего-то уже существующего.» (35, с. 541)

- Эрих Нойманн, исследовавший процессы культурного и индивидуального развития архетипических образов-символов, построил примечательную структурную модель **генеза** человеческих представлений. Первоначальное состояние архетипов определяется как их неразделенное существование внутри коллективного бессознательного. Они имеют форму диффузного, рассеянного внесознательного образа мира, обладающего непрерывностью и ассимилирующего все эмоциональные влияния на человека. Затем в слиянии архетипов с неоформленным содержанием появляются признаки структуризации. Начинается процесс фрагментации архетипов, их выделения из целого, «расщепления», «отщепления», «изъятия» из

бессознательного посредством пробуждающегося сознания. Этот процесс сопровождается конкретизацией эмоциональных компонентов архетипов, и те, которые способны подавить Эго, устраниются из сознания. Дифференцированные архетипы обрастают богатым предметным содержанием с амбивалентными и тонко различенными эмоциональными наполнениями, которое постепенно обобщается в универсальные образные «системы личности». Каждая система (Отец Прародитель, Великая Мать, Эго - герой и т. д.), будучи элементом живописного мира архетипов, сама в свою очередь проходит многие стадии фрагментации. Так, на определенных стадиях сознание фиксирует двойственность архетипов и их противоречия.

«Давайте возьмем в качестве примера архетип Великой Матери. Он сочетает в себе приводящее в замешательство множество противоречивых аспектов... Развитое сознание может различать эти аспекты, но первоначально архетип действовал на Эго со всей силой своей парадоксальности... Двойственность архетипа разрывается сознанием. С левой стороны выстраивается отрицательный ряд символов: Смертоносная Мать, Великая Блудница Вавилона, Ведьма, Дракон, Молох; с правой - положительный ряд, в котором мы находим Добрую Мать, которая как София или Дева порождает и вскармливает, указывает путь к возрождению и спасению. Там - Лилит, здесь - Мария; там - жаба, здесь - богиня; там - кровавая тряпина, здесь - Вечное Женственное.»
(101, с. 337)

Фрагментация архетипов как основная закономерность их осознания идет при опосредовании абстрактными процессами, вырывающими у бессознательного сначала образный символ, затем символическую идею и символическую концепцию. И образы, и идеи, и концепции в данном случае выступают всеобщими гештальтами понимания и интерпретации

человеческой жизни, становления сознания и развития «я». Рационализация при этом не означает де - эмоционализации архетипов; открытые индивидом символы отмечены для него сложным паттерном сознаваемых переживаний - от очарованности до отвержения. Аффективно принятые абстрактные архетипы, их группы стремятся к эго- объединению в целостную строго организованную образно - рациональную картину мира.

То, что справедливо для индивидуальной эволюции структурных образов-символов, может быть распространено на другие формы представлений. Для их психогенетического анализа вполне применимы понятия бессознательного первичного рассеянного целого, фрагментации, выделения фрагментов из дифференцирующегося целого, сознательного освоения и персонализации фрагментов, различения и изоляции свойств во фрагментах, в том числе противоположных, сведения фрагментов в сложные внутренне противоречивые образные структуры, очищения этих структур от избыточных аспектов, сосредоточения на структурных отношениях, достижения равновесия, гармонии, относительной завершенности структуры, приведения состава представления в состояние обобщенности, близкое к феномену мыслеобраза. Эта модель хорошо объясняет возрастное развитие образных аналогов понятий, динамику образов творческого воображения, эволюцию юношеских фантазий, этапы создания авторских образных картин, проектов и сценариев профессиональной деятельности.

Модальность и интенсивность образа.

Они являются существенными качествами образной структуры, зависящими от внутренних отношений ее элементов и условий порождения.

При их психологическом и психопатологическом рассмотрении традиционно проводится аналогия между представлениями и яркими,

реалистичными, объективными образами восприятия. Представления характеризуются как измененные, чаще всего ухудшенные и ослабленные или субъективно искаженные перцепты. Типичным для большинства людей внутренним зрительным образам приписываются неопределенность контура и формы, тенденция к бесцветности или смещению к основным цветам спектра, стертость оттенков, бледность и приглушенность, блеклость, смутность и призрачность. В таком понимании ткань представлений человека, создающаяся в отрыве от предметных качеств объектов, выступает не столько «покрывалом обмана Майи», сколько «покровом», скрывающим действительный мир.

Однако, указанные особенности можно приписать лишь определенным формам вторичных образов, не распространяя их на все индивидуальные представления. Их носителями окажутся образы - репродукции, слабо оформившиеся образы предметных категорий, значительная часть реалистичных сновидений, примитивные фантазии. Одновременно многие из них имеют и специфические преимущества перед перцептами: объемное воссоздание большого количества предметов и устойчивость верной репрезентации их соотносительных величин, размеров, пространственной локализации.

Посмотрим, какими модальными и силовыми характеристиками обладают «нетипичные», но вполне распространенные образы представлений.

Образы воображения и сновидений художественно одаренных людей отличаются живостью, модальным богатством, тонкой оттеночностью, ясностью, отчетливостью, насыщенностью. Иногда рождение образов отмечается модальными впечатлениями, невозможными в условиях перцепции. В представлениях даются объекты, которые «лучше и совершеннее всего видимого», «немыслимо роскошны», «фантастически окрашены», «небывалых тонов», «волшебно пахнут», «обладают эфирным звучанием» и т. д. Сила захваченности ими художника столь велика, что его

неодолимо влечет к запечатлению. Так появляются произведения искусства, привилегией которых является восполнение мира новыми художественными реальностями.

Репродукции прошедшего и воображение о нем, называемые «воспоминаниями», также имеют специфические модальные и силовые характеристики. Очевидна их зависимость от эмоционального отношения субъекта к воссоздаваемому феномену в момент его непосредственного восприятия и проживания. Аффективно не отмеченные события представляются блеклыми, тусклыми, качественно опустошенными. Напротив, события, хранящие следы переживаний и сопровождавшиеся к тому же активной рефлексией, являются в образах с убедительной модальной точностью, богатством, пространственной и временной упорядоченностью, отчетливостью и красочностью.

Модальностью и интенсивностью, совершенно подобными перцептивным, обладают эйдетические образы. Отличаясь от перцептов отнесенностью к внутреннему пространству, они соперничают с ними буквальным качественным соответствием объекту. Более того, они структурируют предметную ситуацию даже в тех чертах и деталях, которые ускользнули от сознательного восприятия.

Болезненные сновидения и псевдогаллюцинации обладают рядом особенностей, далеко уводящих их от опыта нормального восприятия. Представляются предметы необычных форм и размеров; предметные контуры причудливо искажаются; меняется текстура вещей; величина их некоторых деталей становится аномальной: какие-то пугающе увеличиваются, какие - то забавно уменьшаются; раздвигается или сжимается пространство знакомых помещений; становятся прозрачными стены и потолки; предметы теряют свою обычную твердость и превращаются в проницаемые; изменяются естественные положения частей целого, что разрушает предметные формы, привычные для сознания.

К. Г. Юнг вспоминает о тяжелых видениях во время своей болезни:

«У меня были беспокойные сны, я видел вещи, которые становились то большими, то маленькими. Например, я видел крошечный шар, находящийся на большом расстоянии, постепенно он приближался, разрастаясь в чудовищный предмет и вызывая удушье. Или я видел телеграфные провода с сидящими на них птицами; провода расширялись, мой страх увеличивался, пока наконец ужас не пробуждал меня.» (152, с. 34)

Псевдогаллюцинации, согласно характеристике Ясперса, хотя и лишены «телесности», имеют четкие очертания, репрезентируют предметы во всех качественных подробностях, ярки и живы, не рассеиваются, подобно образам восприятия, однако, допускают варьирование формы, величины, интенсивности, окрашенности, количества тонов и оттенков. Иногда возникает резкое спонтанное увеличение интенсивности зрительных, слуховых, обонятельных или осязательных репрезентаций. При шизофрении часто возникают образы со сверхгромким звучанием: чуются хлопки, выстрелы, удары грома, резкие оглушительные голоса

Рассмотренные качества предметности, константности, структурности, модальности и интенсивности представлений указывают на перенесение в психологию образа критериев анализа пространственных форм. Но не менее важны для познания текучего и изменчивого мира образов критерии длительности, последовательности, одновременности, позволяющие увидеть в представленных предметах «временные объекты» или «события».

Временной аспект образов представлений.

Связь представлений и времени можно рассматривать в контексте хорошо разработанной в психологии глобальной теории восприятия времени. Приводя выше некоторые из ее положений, мы показали, что непосредственная чувственная данность времени, называемая его «восприятием», на самом деле является сложным феноменом, в котором

присутствуют и действуют как существенные и неотъемлемые многие составляющие: эмоциональные, интуитивные, символические, апперцептивные, абстрактно – логические. Так что перцепцию времени психологи уверенно называют «чувством времени», «интуицией времени», «представлением времени», «символизацией времени», «сознанием времени», «пониманием времени» и т. д. Во всех ипостасях восприятие времени сочетает данность объективной и субъективной длительности.

Проблема представления времени ставится, тогда, когда нужно подчеркнуть включение субъективно опосредованных, отвлеченных временных впечатлений, сросшихся с предметным содержанием вторичных образов, в актуальное проживание прошлого или будущего. То есть, когда нужно исследовать **«чистое» представление времени.**

Данная проблема касается также трансформаций временной перцепции в образах представлений различных форм. Тогда нужно говорить о **временном аспекте** репродуцируемых, воображаемых, моделируемых и пр. реальностей. Чтобы пояснить эти разные моменты в постановке проблемы, возьмем два высказывания по поводу одного и того же конкретного события:

- 1. Мне кажется, я тогда долго ждал проводника... Примерно через полчаса он подошел, и мы двинулись в путь.*
- 2. Я ожидал проводника, он вскоре подошел, и мы двинулись в путь..*

Первое высказывание выражает актуальное временное впечатление о длительности случившегося в прошлом. Во втором прежде всего фиксируется пространственный образ события, в котором воспринятое когда-то время дано обобщенно и свернуто и не проживается как самостоятельный феномен.

В любом опыте изучения представлений времени закономерно присутствуют оба момента. Особенно это заметно при эмпирическом различении **субъективных изменений временных объектов при порождении вторичных образов.** Назовем некоторые из них.

- Юнг в своей психологической автобиографии говорит о собственном детстве как длившемся «бесконечно».

- Время прошлой жизни, длящееся непрерывно, субъективно разделяется на значимые события, то есть из его сплошного потока извлекаются временные фрагменты.

- В образах прошедшей жизни могут ошибочно локализоваться события: более ранние подставляются на место более поздних и наоборот.

- События, представленные как краткие в образной ретроспективе, реально занимали собой длинные отрезки времени.

- В представлениях о ранее совершившемся какие - то его моменты абстрактно сближаются. Например, мы устанавливаем символическую связь между одной из сыгранных нами в детстве игр и захватившим нас в зрелом возрасте игровым увлечением. Тот и другой жизненный факт становятся в субъективной оценке чем-то единым, непосредственно продолжающим друг друга.

- В репрезентации ушедшего близкие события могут быть отвлеченно оторваны друг от друга, будто между ними существовала «временная пропасть». К примеру, момент успеха, триумфа в образе прошлого далеко отстоит от ситуаций обыденной жизни, непосредственно следовавших за ним.

- Событийное наполнение длительного времени истекшей жизни может терять в образе свою реальную осознанную множественность и составлять ограниченный ряд темпорально сближенных ключевых событий. Этой чертой обладают, к примеру, «образы существенной жизни», развернутые в художественно - психологических автобиографиях выдающихся людей.

- Последовательность осознанных временных объектов может быть выражена в представлении как одновременность; следовавшее одно за другим концентрируется в «происшедшее разом».

- «Длинное» время какого-то периода жизни мы в образной ретроспективе свертываем в «миг»; длительность символически трансформируется нами в одномоментность.

- В предметных образах будущего одновременно представлено то, что затем, возможно, развернется в различенную последовательность событий.

- Воображая, фантазируя или моделируя будущее, мы реальную ожидаемую длительность берем как одномоментность.

- Быстрота, летучесть воображаемых событий, при переходе последних в форму действительных, может превратиться в длительность, занимающую долгие периоды жизни. И т. д.

Отмеченные изменения касаются сознаваемых временных объектов. Но кроме того, следует говорить и о **бессознательном временном аспекте представлений**, который касается нашей тайной внутренней жизни.

- Так, сознательно никогда не длившееся, появляется в спонтанных образных репродукциях, сновидениях, патологических представлениях.

- Или в содержание архетипических образов вплетается смысл их вневременного существования.

- Или в символическом образе собственной жизни появляется абстракция «растворения эго в вечности».

- Иногда образы утрачивают свой сознательный темпоральный аспект, и события субъективно перемешиваются во «временном хаосе». Так происходит например, при попытках воссоздать ситуацию, пережитую в состоянии сильного аффекта.

- Понятие «потерянного представления о времени» имеет в психопатологии не только значение нарушения непосредственного проживания времени. Оно значит и отвлеченную, ирреальную образную данность неизменной, неподвижной жизни.

Здесь мы можем завершить рассмотрение проблем образной активности и образного эффекта. Остается подчеркнуть, что производство образов и сами

образы осуществляют не только когнитивную связь с представляемым объектом, но и субъективную оценку, переживание и осмысление его. То есть, **представить нечто, значит отнестись к нему**. Это позволяет определить представления как один из устойчивых способов обобщенных отношений личности к жизни. (120)

В какие жизнеотношения включены образные действия и образные продукты? Какие формы представлений оказывают наиболее заметные и самостоятельные влияния на ведущие отношения личности к жизни? На примере каких образных активностей и эффектов можно продемонстрировать конструктивную и преобразующую жизненную роль представлений? Ответам на эти вопросы служат материалы следующего небольшого раздела.

4.4. Образные феномены отношений к жизни.

Самым очевидным для психологического понимания является участие представлений в интеллектуальной жизни человека и соответственно, в **интеллектуальном жизнеотношении**. Мы видели это при рассмотрении образных прототипов абстрактных понятий, при определении образной схематизации как важнейшего условия словесно - понятийного мышления, при нахождении среди образов воображения тех, что соединившись с мыслью, выступают сложными интеллектуальными моделями новых объектов вещного или духовного мира. Наконец, на опыте символизации мы видели, как универсальный образ может заместить собой объяснение тех сущностей, перед которыми пасует мысль.

Перечисленные феномены выступают достаточно заметным звеном мыслительных преобразований. Наряду с ними есть и такие способы образного участия в интеллектуальном обеспечении жизни, которые позволяют говорить только об «образных редукциях в мысли», «образных стимулах мысли», «неопределенных образных аналогах мысли» и т. д. Они

как бы теряются в течении логических операций и неуловимо для рефлексии опосредуют процесс сложного, направленного абстрактного мышления.

Есть, однако, тип представлений, который относительно автономен от словесно- логического мышления и задает тон не в объяснительной, а в понимающей и интерпретирующей активности субъекта. В феноменологическом анализе Юнга он обозначается как «фантастическое мышление». Иначе его называют свободным фантазированием и воображением. Приведем его основные характеристики, намеченные в знаменитой юнговской работе «Либи́до, его метаморфозы и символы» (155).

1. Это тип «мышления», отличающий особые категории людей. Он присущ, как основной, индивиду в детстве (1), он заметно активизируется в подростковом и юношеском возрасте (2), составляет суть миропонимания взрослого, погруженного в среду мифов, древних традиций и ритуалов (3), он выступает ведущим в жизни творцов жизненных символов в искусстве и философии (4), он может стать автономным «комплексом» в системе личности, пережившей отщепление бессознательного плана мышления от сознательного. (5).
2. Фантастическое мышление оперирует образами, близкими представлениям людей древности. Они перекликаются с крупными историческими событиями, с народными верованиями, старинными легендами и сказаниями. Их архетипическая тематика является системой «кодов» для истолкования скрытых смыслов современной культуры.
3. Оно имеет установку на непознаваемое, утверждает правомерность сосуществования рационального и иррационального уровней в приспособительном и созидательном отношении личности к жизни.
4. В сравнении со строго целесообразным, организованным, длительно протекающим в одном направлении, ориентированным на будущее мышлением, фантазирование спонтанно, истощено и «безответственно»,

состоит из случайных эмпирических элементов, которые произвольно теснятся друг к другу и являются в настоящее из прошлого.

5. *«В то время, как определено - направленное мышление есть явление вполне сознательное, утверждать то же самое о фантастическом мышлении нельзя. Вне сомнения, большая часть содержаний последнего относимо к области сознательной, но по меньшей мере такая же часть протекает в неопределенной полутени, а многое - уже в бессознательном, и потому такие содержания не могут быть разгаданы непосредственно.»* (155, с. 43)
6. Образно опосредованные идеи абстрактного мышления следуют мотивам приближения, соединения, достижения объективных ценностей. Фантазирование служит приспособлению объективности к субъективным желаниям, неосуществимых рационально - практическим путем. Из этой формы освоения мира рождаются «невозможные», «необъяснимые» поступки людей, иногда кардинально меняющие ход их жизни.
7. Рефлексия фантазий, мечтаний и сновидений открывает их тайный смысл, умножающий наши знания о себе, о другом человеке, о человечестве. В них заключены те влечения, чувства, идеи, которые сознание отрицает как неприемлемые для нашей социальной жизни или почитает как великие сверхчеловеческие задачи. Невероятное многообразие подвигов, деяний, свершений, испытаний, злодеяний, преступлений, концентрируясь в любой мифологической или сказочной системе, указывает на предельные способы и уровни существования человека, которые означают потерю человечности или выход за ее известные границы
8. Продукты фантастического мышления, наполняя наш душевный мир избыточным напряжением, дают нам возможность творческого образного «отреагирования». Посредством их эстетического выражения мы можем реализовать художественное отношение к жизни.

Роль образов в художественной деятельности относится к важным психологическим вопросам искусства и исследуется, как правило, в области «психологии искусства». Неоценимые данные предоставляют по этой проблеме психоанализ и структурная психология. (7;. 101; 135; 139; 149; 158; 159)

1. Искусство с субъективной стороны является особой разновидностью деятельного отношения художника к действительности. Его называют «образотворчеством» и находят его следы и продукты в сферах поэзии, литературы, живописи, пластических искусств, архитектуры и т. д.
2. Психологический анализ обнаруживает феномен «сращения» художника с образотворчеством, так, что лишь гипотетически можно рассуждать, является ли образ способом самовыражения художника, или культура заявляет о себе в лице неординарной личности, или образ использует художника, чтобы в очередной раз проявить какой -либо вечный символический смысл.
3. Образ, на время поглощая собой художника, кажется таким насыщенным творческим импульсом, страстью, аффектом автора, что его воплощение в произведении искусства не выглядит иначе, чем свободным и самодостаточным процессом, вольно распоряжающимся всеми внешними и внутренними условиями.
4. Образотворчество нуждается в приложении неослабевающих интеллекта - сознания - воли автора. Если это условие не соблюдается, образ не становится «агентом» творческого процесса и ищет иных, обходных, иногда регрессивных или патологических форм проявления.
5. Образ искусства передает для общего понимания изысканную мысль, выступая для нее самой прозрачной формой. Никакая рациональная психология не скажет о женщине больше и глубже, чем поэзия Пушкина и Блока.

6. Художественный образ передает свой смысл целостно и завершено, и ничто другое не может заместить его в искусстве; это неповторимое событие, без которого немислима культура.
7. Образ искусства интеллектуален в том отношении, что всегда несет некое универсальное «значение», которое не нуждается ни в конкретизации, ни в детализации, ни в уточнении. Примеры, используемые структурной психологией для обоснования этого положения, представляются особенно удачными. Так картина Рембрандта «Аристотель, рассматривающий бюст Гомера» выступает, по мнению Р. Арнхейма, великолепным аргументом непосредственного эстетического действия на мышление зрителя. При созерцании картины, с точки зрения структуралиста, весьма вероятно спонтанное появление мысли о том, что всех, кто мудр и известен в философии, политике, поэзии и искусстве, отличает склонность к меланхолии. Гомер - Аристотель - Рембрандт предстают в произведении искусства тремя ликами единого абстрактного символа «трагической гениальности». (7, с. 333)
8. Идеи, заключенные в художественных образах, далеко не всегда приходят из области философских или научных абстракций. У них часто обнаруживается мифологический или мистический источник. Но как бы то ни было, искусство позволяет «представить непредставимое»: рай в образах Микеланджело, ад в образах Данте и Гете, Святую Троицу на рублевских фресках.
9. Эстетическое впечатление живо до тех пор, пока мысль остается тайной художественного образа. Если эти отношения меняются, и мысль «навязывается» зрителю посредством абстрактных образных форм, оставаясь при этом чужой и темной, изображение воспринимается и переживается как холодное, бесстрастное. Образы такого типа слишком интеллектуализированы и не проникают непосредственно в мир воображения зрителя.

10. Мысленный план художественного образа в силу своей универсальности генетически восходит к тому или иному архетипу. По замечанию К. Юнга, посредством художника «говорят» праобразы.
- «Художественное разворачивание праобраза есть в определенном смысле его перевод на язык современности, после чего каждый получает возможность снова обрести доступ к глубочайшим источникам жизни, которые иначе остались бы для него за семью замками. Здесь кроется социальная значимость искусства: оно неустанно работает над воспитанием духа времени, потому что дает жизнь тем фигурам и образам, которых духу времени как раз больше всего недоставало.»* (151, с. 284).
11. Только живая предметность образа позволяет ему ассимилировать и удержать в себе серьезную творческую страсть художника, которая, хотя и служит удовольствию автора и зрителя, бывает полна мучительных впечатлений, пока рождается произведение. В толковании З. Фрейда, желания и аффекты, питающие образотворчество, несут в себе те же смыслы, что игра ребенка или фантазирование юноши: любовные, честолюбивые и самолюбивые. Если побудительно – эмоциональные интенции воображения не реализуются художником в формах искусства, они окольным путем проникают в его жизнь или в обезображенном виде появляются в виде симптомов невроза.
12. Самым сильным символом художественного произведения всегда выступает «я» автора. Оно узнается в главном герое или центральной фигуре, или неординарном персонаже, которые переживают множество приключений, трансформации, кризисы, возрождения. Авторские проекции так сильны и заразительны, что вызывают у читателя или зрителя чувство и собственного присутствия в сюжете. Спонтанное самоотождествление соединяет создателя и того, для кого создается искусство, в **общем** художественном отношении к жизни. Процесс

образотворчества перетекает от желаний художника к желаниям его героя и к нашим желаниям. Его можно считать завершенным, когда автор вызвал в нас «наслаждение нашими собственными фантазиями» и способствовал «снятию напряженности в нашей душе.» (135)

Особенно важную роль образы представлений играют в построении и регуляции **отношения к другому человеку**. Образ другого определяет длительность наших внутренних обращений к нему, частоту актуализирующихся намерений общаться и взаимодействовать с ним, создание планов и стратегий совместной активности, доминирующие переживания в воспоминаниях о нем, характер стремлений, испытываемых нами по его адресу.

Такой обширный спектр влияний присущ в первую очередь образам «значимых других». В отношениях с ними мы реализуем свой максимальный потенциал детальности, точности, целостности, константности и осмысленности образной репрезентации конкретного человека. Желая еще более усовершенствоваться в ней, мы, возможно, обратимся к **физиогномике** как древнему и не умирающему искусству образного синтеза другого. И тогда нас, как в свое время Гете, увлекут непревзойденные образы человеческих типов Лафатера, в которых мы узнаем своих любимых, друзей, родителей, авторитетов, кумиров и врагов. Среди них есть и типы тех, кто создает образы искусства.

Возьмем, к примеру, лафатеровские портретные описания «поэта» и «художника», воссозданные Гете и структурированные здесь по следующим психологическим параметрам:

- строение тела;
- черты лица;
- движения тела;
- особенности экспрессии переживаний;
- наблюдаемые качества ума, характера, деятельности;

- общий уровень проявляемой душевной активности.

Данные параметры - не плод современного переосмысления содержания физиогномики. Их совокупность имплицитной моделью присутствует в ней.

Итак, ПОЭТ.

О строении тела

Долговязая, нескладная фигура, впалая грудь. Тело гибкое, вытянутое, плоское; в его очертаниях - ни одной прямой, натянутой, решительно округлой, жестко согнутой линии, ни одной угловатой выемки, никакого намека на жесткость или окаменелость. Впечатление некоторой женственности облика.

О чертах лица

Белокурые волосы; цвет лица - не бледность все созидającego и все поглощающего гения, не пылающий румянец того, кто презрительно попирает ногами окружающий мир, не молочная белизна тупицы или желтизна жестокосердного упряма, не смуглость усердного труженика, но бело - розовые и фиолетовые тона. Любой предмет, имеющий до него касательство, гонит кровь к щекам и к носу; кожа чуткая и нежная. Вздернутая и выдающаяся вперед верхняя губа; мягко очерченный нос; в нижней части лица - признаки чувственности, вялости, беспечности; изящный изгиб век, блестящие глаза; белый гладкий лоб. Профиль несколько расплывчатый и вытянутый; фас определеннее профиля. В целом, лицо привлекательное, милое, веселое, благодушное, доброжелательное и переменчивое вследствие крайней восприимчивости. Взгляд его - не огненный взгляд орла; Чело и нос не несут отпечатка львиного мужества. В лице и посадке головы - тонкость, великодушие, чистота. Восхитительное впечатление цветущей юности.

О телесных движениях

Существо подвижное, парящее, податливое, мягкое, медлительно - плавное в движениях. Некоторая юношеская суетность и вместе с тем -

свобода, упругая энергия, толкающая тело вперед и так же легко отталкивающая назад.

Об особенностях экспрессии переживаний.

Тонкая чувствительность, трепетность, страстность, крайняя возбудимость, восприимчивость. Искренность переживаний, отзывчивость на любые впечатления, открытость, податливость и быстрота чувств. Чувства чести, девичьей стыдливости, гордости, свободы. Внутренний пыл и одновременно - простота и скромность без всякой аффектации. Благодушие, добросердечие и благородство. Высота, глубина, вечный полет чувств. Легкий отклик на соблазны; утонченный вкус; чувствительность к красоте; как бы вечная влюбленность; незапятнанное правдолюбие.

О наблюдаемых качествах ума, характера, деятельности.

Ум: прямой, ищущий правды, но не исследующий истину, не глубокий, не резонерствующий, не осмотрительный. Это ум воображения, ум фантазии: вечно парящий, созерцающий, идеализирующий, приукрашивающий, не создающий, но пересоздающий и облагораживающий, всему сообщающий облик героического.

Характер: соединение доброты, честности, благородства, человечности, мужественного самосознания, широты, открытости, скромности, целомудрия, безыскусственности, стремления подняться над самим собой.

Черты деятеля: не исследователь, не изобретатель, не вдумчивый сочинитель. Всегда немного хмельной поэт, витающий в воздушных сферах и камнем падающий на землю. Не строит далеко идущих планов; не создан, чтобы действовать решительно и планомерно, с энергичной настойчивостью деятельного мужа или воина. Но это поэт, исполненный огня и отваги, мечтатель, одописец, гений, воплощение всех своих идей.

Общий уровень проявляемой душевной активности.

Он полон жизни; обладает могучей энергией поэтического выражения; переполнен целеустремленных сил. Он - кипящий, роскошный гений с

легкокрылой творческой силой, преисполненный огня. В нем есть и сила, и слабость одновременно. Он податлив и при этом жаждет свободы. Иногда расслаблен, но чаще удивляет упругой энергичностью. Противоречия только подчеркивают великолепную игру целого.

Теперь для сравнения - ХУДОЖНИК.

О строении тела

Он среднего роста, широк в плечах и плотен, с несколько округлыми, но вполне определенными очертаниями тела. В них есть даже некоторая резкость и жесткость. Общее впечатление массивности и недюжинной телесной силы.

О чертах лица

Лицо с «концентрированными», сосредоточенными, твердыми чертами. Резко очерченный лоб и нос; резко выступающие округлые кости глазниц. Лоб, нос, взор - все нависло, все устремлено книзу, как у забавнейшего сатира. В лице - ничего вялого, разве что в полузакрытых глазах, в линиях рта и носа проступает сладострастие. Общее выражение величия, подобранности, а также простоты и приятности.

О телесных движениях

В движениях - концентрированная и живая сила. Собранность и сдержанность всех движений и походки. Выразительность внешних действий уступает внутренней выразительности. Действия кажутся рельефными и иногда угловатыми.

Об особенностях экспрессии переживаний

Чувствительность, искренность, взволнованность, сила и постоянство чувств. Любовь к доброму, благородному, возвышенному. Великодушие в дружбе; ненависть и отвращение к несправедливости, коварству, тирании. Любовь к людям, независимо от их силы, известности, признания. Прихотливость и красочность переживаний. Глубокое чувство гармоничного и красивого.

О наблюдаемых качествах ума, характера, деятельности.

Ум: много выдумки, оригинальности, все оживляющего остроумия, которое «не почерпает свои объекты вовне, но выбрасывает их из себя». Прямота и правильность ума. Но при этом, склонность к легкомыслию, опрометчивости. Одновременно, уважение к мудрости.

Характер: честность, благородство, искание славы, доброта, великодушие, постоянство, простота, отвага.

Черты деятеля: способность вести дела, успехи в практической жизни, направленность к цели, упрямство, могучий и грозный талант деятеля, оригинальность замыслов.

Общий уровень проявляемой душевной активности

Это человек неистовой силы и прихотливости таланта, полный творческой мощи и устремленности. В нем много страсти к жизни и ее соблазнам, энергии, наступательности. Общее впечатление величия. (35)

Образное знание и отношение к другому, которое может продемонстрировать субъект, искушенный в физиогномике или новейшей гуманитарной психологии, основано на признании ценности человека в единстве всех свойств его личности. Ценно все: его облик, пластика его движений, смыслы его действий, стремления и чувства, особенности мышления, способности и таланты, духовные свойства и достижения. Наблюдая, понимая и интерпретируя другого, субъект следует здесь **синтетической установке на представление** в противоположность распространенным избирательным или односторонним установкам.

При доминировании последних мы лишены возможности как внутренне охватить и удержать в образном целом множество свойств другого, так и пополнить образ в непосредственном общении. Когда односторонняя установка приобрела над нами власть, мы, воспринимая другого, фиксируем лишь те свойства, которые устойчиво закрепились у нас в его обедненном образе - эталоне. Суженность восприятия, в свою очередь, блокирует

процессы обогащения внутреннего образного гештальта. Другой, таким образом, всегда существует только в **частичном представлении**.

К числу типичных установок на фрагментарную репрезентацию других людей можно отнести следующие.

- Отношение к другому как носителю имиджа, символизирующего стиль внешней жизни и основную социальную роль. В образе преобладают внешность, одежда, аксессуары, предметы окружения, манера социального поведения. Другой не выделяется из мира «вещей».
- Установка на другого как объект, обладающий потенциальной силой непосредственного воздействия. Улавливается исходящая от него угроза, или прямая агрессия, или расположение, или симпатия, или равнодушие и т. д. Актуализируются образные впечатления о сложных телодвижениях, внешних действиях, жестах, характере высказываний, взглядах, мимике и т. д. Другой выступает как «силовой элемент» движущегося и изменяющегося мира.
- Готовность репрезентировать, воображать другого как эстетический объект. Образными доминантами становятся красивое тело и лицо; изящество и благородство походки, осанки, жеста; благозвучие речи; изысканность одежды; гармония внешности и манеры поведения; привлекательность антуража и т. д. Другой становится «вестником» существования мира прекрасных, гармоничных форм..
- Установка на другого как функционально, прежде всего профессионально, ценный объект. В образе концентрируются впечатления о деловых умениях, владении профессиональным этикетом, деловом имидже, коммуникативном стиле, поведенческих признаках предприимчивости, результативности действий, исполнительности, обязательности и т. д. Здесь другой представляется важным условием личной карьеры, успеха, неотъемлемой частью мира совместного производства и творчества.

- Обесценивающая установка на другого как проявление общего невротического жизнесостояния.. В образе устойчиво воссоздаются свойства другого, которые, независимо от их действительной ценности, переживаются невротиком таинственно угрожающими, несущими потенциальную опасность, требующими отказаться от достигнутого равновесия отчуждения. Энергичность, активность, красота, обаяние, деловитость, жизненный напор, роскошь риска - все, чем обладает и в чем свободен другой, обращаются в свои противоположности в мире замкнутого, опустошенного «я».

Отмеченная, как наиболее совершенная, установка на образный синтез не исключает активности и зрелости частных конструктивных установок в представлениях о значимых для нас людей. Актуализация всех избирательных установок даже необходима для продуктивных отношений с ними, где каждый акцент репрезентации, будь то «вещный», «силовой», «эстетический» или «функциональный», взаимно проникают и дополняют друг друга. Дифференцированно - синтетический образный подход распространяется на все формы индивидуальных представлений о конкретном близком, включая воображение, фантазию, символизацию и сновидения.

Опыт образного отношения к другим в процессах социальной идентификации и достижения самоидентичности становится основой для построения образа-я, или образа эго. Эта важнейшая составляющая общей образной структуры индивида существенно влияет на качество и динамику его **отношения к себе.**

Так же, как образ другого, образ-я может быть эффектом всех основных процессов представления. На его формирование направлены, в частности, репродуцирование «я» и воссоздающее воображение о «я». Своими источниками они имеют фотографии субъекта, его зеркальные изображения, портреты, автопортреты, киноизображения, описания сторонних

наблюдателей. Саморепрезентации, полученные таким путем, совершенствуются за счет активности творческого воображения, намечающего контуры я - изменений, я - развития, реалистичные модели я - будущего. В дополнение к ним, в интегральный образ «я» проникают фантазии и грезы, содержащие сценарии я - свершений, немислимых в обыденной жизни, и картины личной судьбы, сладостные и драматичные своей невозможностью. Ночные грезы сновидений придают образу-я особую напряженность, творя в нем тайный план представлений, которые не предназначены для передачи другим.

Образное целое «я» может стать для субъекта предметом мифологической, сказочной, философской, художественной или психологической символизации. Таким путем личность явно или неявно включает себя в контекст символического мира прошлой и современной культуры. Наиболее известными способами порождения я - символов выступают «героические» идентификации, когда эго отождествляется с одной из личностных форм Героя, «маскулинно-фемининные» идентификации, устанавливающие сродство эго с Мужчиной или Женщиной, «этические» идентификации, определяющие для эго Злое и Доброе в нем, «генетические» идентификации, когда эго находит себя на определенном этапе жизненных Трансформаций.

Направленность процесса символизации на самовозвышение, подчеркивание личного превосходства, исключительности, принадлежности к избранным позволяет рассматривать его как я - идеализацию. Данный тип образной активности, предполагающий не только поиск высших я - символов, но и присвоение эго любых индивидуальных качеств, которые очерчивают яркую перспективу личного роста, ведет к обогащению образной структуры «я» элементами я - идеала.

Развиваясь на основе универсальных образных процессов, образ-я живет неповторимыми отношениями, которые складываются между множественными устойчивыми эмпирическими представлениями субъекта о

себе. Последние **составляют конкретные предметные содержания** внутренней репрезентации эго. В их число входят: образы собственного телосложения, образы головы и лица, образы телодвижений и телесной экспрессии, образ собственного облика, подвижного телесного единства, образы жизненных изменений своей внешности.

Мой образ -для -себя включает также впечатления о том, какую одежду и прическу я ношу и предпочитаю, как должно выглядеть мое лицо и как я «работаю» с ним, какими украшениями пользуюсь, какие вещи считаю необходимыми для себя, каких подарков ожидаю.

Нам важно представить, как искусны мы в своих жизненных ролях: как обычно звучит и что выражает наша речь, что значат и насколько выразительны наши жесты и взгляды, коков динамический рисунок нашей походки и совершаемых нами действий, как проявляются наши переживания и насколько мы внешне артистичны и привлекательны

Образ-я фиксирует «мое» и «родственное мне», существующее и происходящее в жизни. В нем концентрируются «мои близкие», «мое любимое», «мои значимости», «мои ситуации», «мои действия», «события моей жизни», «мои результаты», «мои успехи» и т. д. В противоположность этим содержаниям, образ-я вбирает и то, что отвергается как чуждое мне -во-мне, как конфликтующее с основными эго - ценностями.

В нашем образе-я даны феномены темперамента, способностей, характерологических черт, которые мы наблюдаем, рефлекслируем и превращаем в объекты самоидентификации. В этой я- драматизации мы представлены себе как действующие в реальном мире герои своей жизненной пьесы. Образные данные о личностных качествах я-для-меня могут умялять, или точно отражать, или преувеличивать недостатки и достоинства «я», составляющие мой психологический портрет для других.

Динамика нашей жизни, насыщенная репродуцируемыми и воображаемыми событиями, в центре которых выступаю я - с - другими, я - в - действии, я -

продуктивное, я - в - стремлении, я - в - переживании и т. д., составляет подвижную, изменчивую основу образа-я. Воссоздаются и проясняются сцены, указывающие на противоречия, конфликты, кризисы «я», ситуации разрешения проблем эго. Устойчиво представляются недоступные для объяснения, но тревожащие я- проявления, я – поступки, я- происшествия.

Образ-я может переживаться и сознаваться как мозаичный, фрагментарный, мерцающий или относительно устойчивый и интегрированный. Стабильное и целостное состояние образа указывает на его непротиворечивость, достигнутую либо вследствие осознания только одной из сторон я-контраверсий и удержания другой стороны в бессознательном, либо вследствие сознательного синтеза противоположных представлений о «я».

Эго, существующее в образе, вбирает в себя различные аспекты нашей личности, обращая в активно сознаваемые только определенные из них. Например, эго, которое можно назвать **«нарциссическим»**, актуализирует себя в идеализированных качествах внешности, в часто представляемой роли любимого объекта других людей, в фантазиях о своих неординарных свойствах, в картинах своих лестных отличий от других, в идентификации с самыми модными героями и кумирами. Эго **«самоотрицающее»** отнимает у себя наблюдаемые позитивные свойства, исключает положительные образные репрезентации и оценки своих качеств другими, обособляется в мире видений дурного, деструктивного «я». Эго **«противоречивое - для – себя»** на уровне репродукций, воображения и я - символов фиксирует, воспроизводит и порождает противоположности собственной внешности, социального имиджа, жизненных ролей, проявляемых глубинных качеств, типичных ситуаций я - активности, персональных результатов своей деятельности. Эго **«творческое»** сосредоточено на образном самопознании, на совершенствовании проявляемых личностных свойств, на поиске новых символических самоинтерпретаций, на художественном самозапечатлении и

в критических случаях - на превращении жизненной истории «я» в произведение искусства подобное уже упомянутой гетевской «Из моей жизни». Это «героическое» интегрирует себя в реальных выдающихся я-достижениях, в воплощении собственной личностью ведущих символов эпохи, в успешном самоосуществлении внутри наиболее значительных событий времени, в обладании высшей значимостью для многих других.

Рассмотрение образов как феноменов различных отношений к жизни позволяет исследовать последние с редко акцентируемой стороны.

Обычно в них подчеркиваются рационально-понятийный, мотивационный, аффективный, деятельно - продуктивный и рефлексивный планы. Выделение образного плана настраивает психолога на постоянную фиксацию предметных, реальных источников и эффектов отношений. В непрерывном субъективном психическом потоке улавливаются движения от предметных ощущений жизни к ее перцепции и внутренней репрезентации. Оформляющаяся на основе сенсорики образная данность выступает в структуре отношений не только в адаптивном и познавательном назначении, но и в ценностно – смысловом, творческом.

Единые сенсорно - перцептивно - образные процессы и впечатления в структуре любого жизнеотношения определяются: как активирующие и содержательные моменты осознания реального объекта (1), чувственные формы утаивания объекта в бессознательном (2), стимулы когнитивного стремления к объекту (3), элементы моделирования субъективных преобразований объекта (4), «ткань», впитавшая и несущая в жизненном времени наши переживания по поводу объекта (5), следы значимости объекта для «я» (6), данности для самопонимания, самооценки и самопереживания субъекта по поводу своей активности и зависимости от объекта (7), контролирующие и корректирующие элементы актуальной или возможной субъективной деятельности и поведения по отношению к объекту (8). Такого рода синтетические акценты делают прозрачным психологическое

толкование ощущений, восприятия, представлений при введении их в контекст конкретной индивидуальной жизни с целью практического решения ее проблем.

Кроме того, приведенные модели проливают свет на психическую сущность еще одного феномена, жизненная роль которого особенно ярко обнаруживается при исследовании **ментальных явлений** и позволяет понять связи и сравнительные особенности представлений и мышления. Речь идет о памяти.

5. ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНИ

5.1. Логика интерпретации активной памяти.

Современная психология памяти, если определять ее специфику в ее же собственных терминах, должна стать полным и интегральным воспроизведением мифологического, философского, художественного и научного **опыта понимания того, как индивид приобретает опыт.**

Интерес человека к своей памяти родился одновременно с появлением у него первых обобщенных представлений о «душе». В своей мнемической способности он долго видел основную душевную силу, концентрирующую и увеличивающую все другие психические силы и возможности. Утонченные идеи о ней рано сложились в общий фундамент культурного знания о психике. Следы благоговейного, почти магического отношения к памяти живы и сейчас, несмотря на длинную историю его преодоления путем разнообразных рациональных объяснений.

Актуальная направленность на синтез старых и новых взглядов на место и назначение памяти в структуре психики встречает препятствия в связи с дробностью и фрагментарностью подчеркнута сциентистских подходов, преобладавших в последние десятилетия. Богатейшие данные, добытые в тщательных лабораторных исследованиях памяти, уместно использовать

сейчас в составе целостных моделей **психологии, обладающей одновременно интуитивными, феноменологическими, понимающими и объяснительными установками.** Она более, чем формальная экспериментальная наука, открыта реальной индивидуальной жизни, а также несет в себе великие традиции: размышления и открытия Аристотеля, Августина, Канта, Гуссерля, Бергсона, В. Вундта.

Своевременным является акцент на определение личного потенциала памяти, оценку достигнутого уровня ее индивидуального развития, психологическую помощь субъекту памяти, изучение мнемических типов в профессиональной деятельности.. Он будет выражать практический взгляд, поддерживаемый фундаментальным и опытным знанием. Новые веяния в психологии памяти – сведение множества разнородных продуктивных идей, придание им интерпретационной формы, обоснование «активности» как главной особенности мнемических феноменов.

С учетом сказанного, предлагаем вариант обобщенного моделирования активной памяти, а затем перейдем к дифференцированному моделированию ее отдельных процессов.

О глобальном значении памяти в индивидуальной жизни.

Суть этого значения можно выразить понятием «организующее», то есть придающее единство, целостность, непрерывность, поступательность. Это касается жизни и в ее процессуально - динамическом аспекте, и в аспекте ее представленности в структуре личностных качеств субъекта. Память формирует ретроспективный план жизни и индивидуальную историю личности, способствует обогащению ретроспективы ситуациями текущей жизни и целостному реагированию индивида на происходящее здесь-и-сейчас, обуславливает устойчивую готовность субъекта к жизненному становлению и участию в будущем.

- Во внешне – событийном или «историческом» потоке индивидуальной жизни память обеспечивает присутствие содержаний протекших событий

в событиях актуальных, а актуальные переводит в форму жизненной перспективы. Память ответственна за образование «трансперспективы» личного становления, то есть за единство в объективном времени жизни настоящего, прошлого и будущего.

- Память извлекает и вовлекает в опыт индивидуального проживания элементы и структуры коллективного сознания, а также содержания коллективного бессознательного; посредством мнемической функции жизнь общности интегрируется в способы индивидуального существования; память превращает наше индивидуальное в типичные, общезначимые, универсальные формы, в которых наши личные жизненные впечатления и достояния могут быть переданы другим людям.
- Память обладает силой, организующей моменты прожитой и проживаемой жизни личности в единую «тотальность прошлого опыта», благодаря которой в каждом отдельном факте ее отношений к миру и к себе возможно ее цельное историческое присутствие.
- Память удерживает единство бессознательного и сознательного центров личности, защищая последнюю от патологического разделения, распада. Поддерживая целостность бессознательной «самости», память одновременно сохраняет устойчивую связь освещенных сознанием аспектов «я». В длительных процессах индивидуации она активно отчуждает эго- содержания в план самости и воссоздает ранее скрытое в ней как сознаваемое и принадлежащее «я». Память детерминирует достижение личностью зрелой интеграции глубинных и рефлексивных аспектов психики.
- Память фиксирует и преобразует единую последовательность значимых ситуаций, событий, душевных состояний, поступков и действий, образующую «жизненный путь личности». В активном настрое индивида на воспоминания о собственной жизни рождаются исповеди,

жизнеописания, психологические автобиографии, целостно восстанавливающие «логику» личной судьбы.

- Память обуславливает преобладание внутренних и внешне – практических, продуктивных моментов индивидуальной жизни. Благодаря этому, возможно относительное освобождение личности от традиции, навыка и ритуала, возможно поступательное обновление способов, содержаний и достижений жизни, возможно движение всегда в новом времени и вхождение в «новые воды» жизненного потока. Память, сохраняющая и охраняющая, парадоксально ориентирует на творчество и развитие.

В развертывающемся жизненном процессе память, как и другие психические явления, обнаруживает **разные способы существования**. Так, в общей структуре личности она выступает как мнемическое свойство, мнемическая способность или мнемический личностный тип. В функциональной организации индивида она представляет собой мнемическую функцию. В составе динамического контура общей психической активности она присутствует как мнемический процесс, мнемическая деятельность. В формировании продуктивного аспекта индивидуальной жизни память участвует «мнемически преобразованными содержаниями», которые охватывают множество элементов и уровней интеллектуальной, побудительной, эмоциональной сфер.

Какие специфические черты присущи памяти в структуре психических явлений?

1. Традиционно подчеркивается ее особый статус, состоящий во внутренней включенности и слиянии с другими психическими феноменами. Память составляет некий «срез» различных форм психической активности, способ их опосредования и средство эффективности, их потенцию и возможность.
2. Характерной чертой памяти является ее слабая выделенность в качестве феномена, самостоятельного для наблюдения и рефлексии. К числу событий

относительно «автономной памяти» условно относят образное, мыслительное, аффективное репродуцирование либо спонтанное всплывание бессознательных, чуждых для «я» содержаний. Сознание и рефлексия часто находятся в опосредованной связи с памятью, направляясь не столько на нее, сколько на условия ее активизации и улучшения.

3. Основным аспектом памяти определяется, как правило, процессуальный; иногда мнемическому процессу присваивают ранг ведущего в составе некоторых динамических форм психического реагирования, например, узнавания или образного репродуцирования. В то же время при содержательном и результативном рассмотрении памяти отмечается ее специфическая «непродуктивность» или то, что она оперирует эффектами других психических процессов, внося в них свои реконструкции и преобразования.

4. Память необходимо участвует в формировании целостных образов и концептов конкретных объектов из дифференцированных предметных и идеальных элементов, поддерживает их связь внутри целого, а также способствует объединению отдельных образных и концептуальных гешталтов в крупные фрагменты ментального опыта.

5. В число отличительных характеристик памяти входит также ее интегративная способность, позволяющая различным формам психических процессов и структур взаимодействовать и взаимопроникать друг в друга. Это касается, в частности, мышления, продуктивные и операциональные структуры которого формируются при мнемическом удержании в их составе моторных, сенсорно – перцептивных, обобщенно образных, эмоциональных и вербальных компонентов.

6. Особую важность приобретает память в связи со своей «личностной функцией», состоящей в мнемической детерминации развития и достижения зрелости любого устойчивого психического качества, свойства, черты. Повторяемость, стабильность и типичность конкретного психического

образования, его противостояние диссоциации и регрессу причинно определены возвратами личности к жизненно оправданным субъективным паттернам поведения и деятельности. Так «интеллектуальность» удерживается в структуре личности как ее существенное качество, благодаря сохранению и воспроизведению эффективных способов и стилей отношения и решения наиболее сложных жизненных проблем и задач.

7. Феноменологически ясной спецификой памяти выступает ее ориентация на актуальную связь с предметом, на его восприятие и реальные действия с ним. Иначе, ей свойственна интенция к выражению в практической деятельности и внешнем поведении через слияние, «уподобление» с перцепцией.

«Восприятие никогда не бывает простым контактом духа с наличным предметом; оно всегда насыщено дополняющими и интерпретирующими его воспоминаниями – образами. Воспоминание – образ, в свою очередь, причастно к «чистому воспоминанию», которое оно начинает материализовать, и к восприятию, в которое стремится воплотиться: оно может быть определено как рождающееся восприятие.» (16, с. 243)

8. В составе воспринимающей, а также образной и мыслительной активности, при условии их предметного происхождения и реализации, структурирующая и интегрирующая память участвует в формировании целостного **психического пространства** личности. Не менее существенна ее роль и в формировании внутренней длительности индивидуального существования или **субъективного времени**. Можно предположить, что наполняемый разнообразным психическим содержанием мнемический процесс, называемый иногда «непрерывным сохранением», выступает главной составляющей этого временного плана жизни.

Субъективно - временная функция памяти хорошо обнаруживается в феноменологическом анализе психической данности «временных объектов» с их качествами продолжительности, последовательности, одновременности действия на субъекта.

Начальная фаза мнемического цикла позволяет **воспринять** временной объект, к примеру мелодию, так, что длительности его отдельных элементов сливаются в последовательность моментов текущего целого. Последнее приобретает таким путем свою собственную, не расчлененную на отдельные временные моменты длительность. Сознанию запоминаямый временной объект дается как структура с одновременной представленностью всех его элементов. Следующая стадия мнемического цикла связана с переходом объекта во внутривременной план существования. Последовательность и длительность хода реального времени восприятия мелодии «резервируется» и виртуально продолжается в субъективной временной форме. Условное завершение мнемического цикла состоит в воспроизведении зарезервированного объективного времени звучания мелодического гештальта с изменениями, внесенными динамикой субъективного времени. Репродуцируются все временные характеристики объекта: длительность, последовательность, одновременность. Таким образом при участии памяти психическая активность и ее структуры становятся обратимыми. Кроме того, при воссоздании прошлого впечатления каждый его временной фрагмент прогностически подготавливает последующий.

Подобно динамике перцепции, **процессы мышления** мнемически организуются в целостные динамические гештальты, где, в частности, сохраняется преемственность этапов решения проблемы от момента ее постановки до момента реализации решения, где каждый этап удерживается в контексте последующего и все одновременно сняты в последнем этапе, где возможен возврат к предыдущим этапам, где предвидится и достигается результат, и где весь путь решения проблемы выступает как временное целое с внутренне различными длительностями каждого этапа.

Очевидная отнесенность памяти к объективным и субъективным прошлому, настоящему и будущему индивидуальной жизни направляет

интерес психологов к цикличности и фазовому характеру мнемической активности в общем психическом потоке.

Какие фазы выделяются в едином мнемическом процессе?

Прежде чем напомнить из вполне традиционные определения, отметим, что происходит в динамике памяти с ее объектами.

То, что память находит в объективном и субъективном мире в качестве источников и предметов своей активности, психологически выступает «материалами памяти»; то, что внутренне удерживается и преобразуется в относительно самодостаточной мнемической деятельности, является «содержаниями памяти» или «опытом»; то, что сознательно или бессознательно появляется, благодаря ей, в текущем психо-практическом отношении индивида к жизни, существует в виде «эффектов памяти».

Итак, условным началом очередного цикла мнемической активности считается схватывание - запечатление - запоминание объекта. Его сменяет процесс удержания - погружения - сохранения. Оба мнемических цикла могут быть нарушены либо прерваны в результате частичного или полного забывания материала. При условии сохранности содержаний памяти возможен процесс извлечения - воспроизведения в форме различных мнемических эффектов. Память, как видим, действует в направлении сложных психических преобразований.

Конкретные трансформации объекта на разных этапах активной памяти освещают вопрос о том, **что мы помним?**

В актах запоминания начинаются изменения предметных - действенных - знаковых материалов памяти, которые могут быть непосредственно и опосредованно даны в когнитивных, рефлексивных, аффективных и побудительных формах. По существу, запоминание направлено на ощущения, образы, идеи, переживания, мотивы, оценки, отношения и способы действий, возникающие в связи с исходными объектами памяти. Чтобы отметить психическую сложность, целостность, относительную

неразличенность и субъективную проживаемость запоминаемого, вводится понятие «впечатление».

Анна Каренина запоминает поступок Вронского, пожертвовавшего крупную сумму вдове погибшего железнодорожного рабочего, но главным в образе поступка оказывается для нее его взгляд, говорящий: «Это для тебя, чтобы ты узнала и любила меня...». **Внешнее событие, трагическое и эмоционально задевшее массу людей, у Анны становится особым впечатлением о трагедии как поводе и символической отметке начавшегося в тот момент сближения с Вронским.**

Сохранение, продлевающее цикл запечатления, сопровождается образованием мнемических синтезов, которые удерживаются легче, чем фрагментарные данные, и интеграцией новых впечатлений в целостность прошлого опыта. В процессе сохранения опыт - этот устойчивый эквивалент памяти - пополняется новыми разнообразными содержаниями. К ним относятся обладающие мыслительной доминантой понятийные конструкты, концепции, теории (1), обладающие образной доминантой картины недавно протекших событий (2), обладающие эмоциональной доминантой контуры субъективных переживаний по поводу бывших событий (3), имеющие моторную специфику обобщенные способы взаимосвязанных предметных действий (4).

Знание о конкретном проявлении щедрости Вронского постепенно **приобрело в памяти Анны оттенок переживания тайны, предназначенной только для нее**, и в ситуации, когда было особо уместно подтвердить в обществе его благородство и широту натуры, она умалчивает о его поступке. Содержание памяти в контексте развивающихся отношений и новых встреч с Вронским стало эмоционально запретным для выражения.

Возникновение мнемических эффектов в акте воспроизведения «выносит» за пределы субъективного опыта различные аналоги, эталоны, образцы, модели, сценарии и даже фантазии о действительной жизни в актуальной

ситуации. Выражаясь в предметных, вещественных, деятельностных или психических условиях ситуации, они возвращают себе ту форму, в которой и сам субъект, и другие люди могут принять их как новые материалы памяти.

Уверенность в охлаждении Вронского вызывает у Анны бессознательный образ мести, в котором картина первой встречи и **первое** впечатление близости разрастается, страшно преобразуется, представ своей оборотной, темной стороной. Его щедрость становится приемом обольщения «всех» женщин. Тайна любви, предназначенная сначала только для нее, выступает темой публичных сплетен и пересудов. Несчастье с чужим человеком сменяется катастрофой самой Анны. **В воспоминании трагических событий на станции в одном ключевом смысле соединяются погибший мужик – «неискренняя» помощь Вронского – «разоблачение» его Анной – идея о его наказании таким образом, что он в происшедшем ничего не сможет смягчить и поправить.** Память об общем прошлом, как благо, не должна быть оставлена ему. А значит, **нужно вернуться к началу**, сделать почти так, как тогда, но отнять у него все тогдашние возможности: его благородство и щедрость, восхитительную женщину и ее признание, лучшее жизненное переживание – зарождение страсти; оставить ему ужас, вину и раскаяние. Цена такого «опустошения» любимого человека самая высокая: самоубийство, самозабвение...и вечное его не-забвение.

«Он старался вспомнить ее такую, какой она была тогда, когда он в первый раз встретил ее тоже на станции, таинственной, прелестной, любящей, ищущей и дающей счастье, а не жестоко – мстительной, какую она вспоминалась ему в последнюю минуту, Он старался вспоминать лучшие минуты с нею, но эти минуты были навсегда отравлены. Он помнил ее только торжествующую, свершившуюся угрозу никому не нужного, но неизгладимого раскаяния.» (126, с. 378) .

В решении вопроса о том, «что» мы запоминаем - сохраняем - воспроизводим, одним из наиболее полных остается феноменологический ответ Аврелия Августина.. Проступая сквозь текст его «Исповеди», он сводится к следующему.

Мы помним то, что целостно и значимо соотносится в жизни с нашим «я». Превращения материалы - содержания - эффекты опосредуются установкой сознания на мнемический процесс. Но усилия сознания особенно ценны тогда, когда оно достигает глубинных корней наших побуждений, знаний и переживаний или «скрытой памяти». Запоминаются и сохраняются «события», обладающие, в сравнении с недифференцированными «впечатлениями» разделенностью на я – объекты. Однако, связь последних определена в непостижимой глубине внутренней жизни и приоткрывается лишь в немногих, исключительных случаях. Память исключительных событий фиксирует не только их я – отнесенность, но и внесознательную причинность.

Согласно утонченной логике Августина, в отдельном событии

- я помню предмет в его соотношении с другими предметами: людьми, вещами, существами...;
- я помню себя в своем взаимодействии с предметом: как действовал с ним, что и как представлял и воображал о нем, что и как думал о нем, что чувствовал к нему;
- я помню свое забывание о чем-то, что связано с этим предметом;
- я помню и свою память о том, чем этот предмет является и что он значит для меня.

Главное событие жизни Августина – просветление верой – представшее в его воспоминании с неповторимой рефлексивной полнотой и детальностью, сохранено тем не менее как обладавшее тайной причиной, иррационально обозначенной символом «божественный свет».

В следовании общим законам насыщения памяти рефлексивными и спонтанными содержаниями, мы используем характерные для нашей индивидуальности способы, средства, приемы и пути мнемической активности, а также достигаем определенных качественных результатов. Их рассмотрение касается вопроса о том, **как мы помним?**

Синтез известных психологических положений (32; 83; 114; 118; 132) позволяет охарактеризовать этот план памяти по следующим признакам.

1. *Сознательность - бессознательность мнемической активности.*

Процесс **запоминания** может осуществляться на бессознательном уровне, как это происходит, например, с вытесняемыми элементами «комплексов». Ему может быть свойственен подсознательный уровень, как это имеет место при узнавании и фиксации элементов хорошо знакомой обстановки. На запоминание мы можем также обратить различающую и организующую силу сознания, направленно включая запечатленные объекты в его структуры и порядки. Кроме того, рефлексирова свое отношение к запоминаемому объекту, мы определяем его участие в процессах я-осуществления: Так, зная свое неприятие кого-то из близких, мы стараемся запомнить о нем то, что может изменить наше отношение к лучшему и делаем таким образом неопределимый шаг на «пути к себе».

О процессе **сохранения** психологически известно то, что он ускользает от любого осознания, обнаруживаясь только в актах воспроизведения, воспоминания. Бессознательные содержания удерживаются зрелой памятью в форме многоуровневого опыта, названного Бергсоном «виртуальным». Особенностью виртуальной памяти является то, что извлекаемое в наличной ситуации сбереженное впечатление или событие может быть актуально «проиграно» как опыт разной глубины. Мне может понравиться старинный дом в мало знакомом городе, потому что недавно похожее на него изображение встретилось мне на выставке очень хорошего художника. И

меня может пронзительно задеть образ того же дома, когда он напомнит мне давние рассказы бабушки о ее детстве в усадьбе начала 19 века.

Репродукции и воспоминания часто едва мелькают в потоке сознания, не оставляя свои содержания в дифференцированном образе или концепте наличной ситуации. Неразлично растворяются в происходящем контуры наших привычных действий, перцептивные навыки, способы опознания знакомых вещей. Тают неузнанными ночные грезы, погружаются в бездны, из которых появились, наши немыслимые и «незамеченные» поступки, когда мы одержимы чем-то. Неуловимы и некоторые формы психологических защит, к которым мы прибегаем, сохраняя в комфортной неподвижности дорогие нам представления о себе.

При этом все, на что бывает обращено сознание, так или иначе является эффектом мнемического извлечения. Сознание, кроме того, активно опосредует этот процесс, интенционально направляясь на решение проблемы репродукции. Усилиями сознания извлеченное может на некоторое время стать устойчивым объектом актуальной психической деятельности: воображения, мышления, переживания. Особой ценностью обладают воссозданные я-содержания, участвующие в развивающемся «вспоминании себя». В одном событии сознательной душевной жизни я могу вызвать и образ любимого человека, и свои чувства к нему в нашу последнюю встречу, и свои мысли по поводу этих чувств, и знание о тех свойствах «я», которое проявилось в моих поступках, чувствах и размышлениях.

2. Произвольность - произвольность памяти.

Данный признак определяет степень влияния на процессы памяти **волевой** установки сознания. Там, где сознательная активность приобретает целенаправленность, поступательность, обратимость в смысле возврата к одним и тем же объектам, хорошую динамическую структурированность, эгоцентрическую ориентацию и длительность и при этом специально служит решению **мнемических задач**, можно говорить о произвольном течении

процессов запоминания и воспроизведения. При зрелой волевой детерминации эти процессы особо эффективно обеспечивают когнитивное и профессиональное развитие, феномены социализации, достижение самоидентичности и общую жизненную продуктивность..

Произвольное **запоминание** не становится барьером для свободного, невольного схватывания. К примеру, быстрая мнемическая работа ученого с новой, ставшей ненадолго доступной публикацией коллеги, может указывать на намерения субъекта организовать свою будущую научную деятельность не только в ее наблюдаемых и понимаемых формах, но и в тех, что принципиально не могут быть эксплицированы. В частности, постановка рациональной цели «запомнить» становится для него своеобразным «механизмом» запуска интуитивных и ненаправленных сил запечатления.

Произвольное запоминание, приостанавливающее течение стихийного мнемического процесса, должно быть избыточно в сравнении с ожидаемым направленным воспроизведением. В контекст задачи на запечатление вводится поправка на спонтанные утраты и реконструкции содержаний памяти.

Произвольное **воспроизведение** рассматривается в психологии как сложно выстраиваемая деятельность, состоящая в движении субъекта от цели «вспомнить» к эффекту вспоминания. Напряженное извлечение может направляться на восстановление структур, многие элементы которых кажутся утраченными. Извлечение может длительное время составлять основную цель волевой активности в контексте сложной деятельности, как, например, при написании компилятивных научных работ, мемуаров, автобиографических произведений или при ведении дневников, журнальной и газетной хроники.

Вне-субъектное или непроизвольное **запечатление**, не сопровождающееся активным целеполагающим сознанием, особенно характерно для быстрой перцепции сложных динамических объектов, таких как речевые высказывания, мелодии и т. д. Так же схватываются способы, приемы и

действия спонтанного образного генерирования и мыслительного процесса. За пределами волевого регулирования остается и запоминание многих моментов, связанных с инстинктивной деятельностью, бессознательной реализацией влечений, поведенческими автоматизмами. Непроизвольность свойственна также запоминанию значимых, но незавершенных действий, эмоционально захвативших впечатлений, неосуществленных желаний, интимно задевающих событий, результатов собственного творчества, предметов и условий любимой деятельности: игры, работы, общения.

Невольно сберегаемое легко актуализируется в повседневной жизни, придавая ее течению ту свободу и естественность, которую мы никогда для себя не можем объяснить. Содержательность, зрелость, значительные объемы непровольного запечатления и воссоздания свидетельствуют о достигнутой нами умелости, компетентности, мастерства в каком-либо деле.

Богатство непровольного **воспроизведения** свидетельствует о значительной производящей энергии, аккумулированной в понятийно-образных ассоциативных и структурных связях, установленных субъектом в длительном и направленном овладении интеллектуальной, художественной или практической деятельностью. Иногда наплыв вспоминаемого бывает так силен, что мастер, благодаря этим внезапно явившимся впечатлениям, оказывается вовлеченным в сверхинтенсивное творчество. «Теснящиеся образы», «бойкие мысли», «нахлынувшие чувства» - метафорический ряд, хорошо известный по рефлексивным высказываниям людей, испытавших подобное наступление прошлого.

Неординарная активность непровольной памяти известна также по воспоминаниям о сновидениях, феноменам реминисценции, сложным системам бреда при психических заболеваниях. Мнемическая непровольность отмечает собой широкий континуум событий внешней и внутренней жизни - от реализации витальных влечений и страстей до творческих взлетов.

А. Бергсон, особо выделив ту форму памяти, которая связана с направленным повторением и заучиванием, и считая только ее заслуживающей внимания в плане «произвольности», подчеркнул ее незначительное место в потоке мнемической активности в сравнении со «спонтанной» памятью:

«Огромное множество наших воспоминаний связано с событиями и подробностями нашей жизни, сущность которых в том, что они относятся к определенному моменту времени и, следовательно, уже никогда не воспроизводятся. Воспоминания, приобретаемые усилием воли, повторением, редки, исключительны. Наоборот, регистрация памятью единственных в своем роде фактов и образов происходит каждое мгновение. Но так как заученные воспоминания наиболее полезны, их замечают в первую очередь.» (16, с. 209)

3.Опосредованность памяти.

Введением этого признака подчеркивается «орудийное», инструментальное обеспечение запоминания - воспроизведения - забывания. (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев) Кроме того, указывается на возможность организовать, структурировать, увеличить продуктивность или уменьшить потери в мнемических процессах. В буквальном значении «опосредовать», значит на том или ином уровне осознанности использовать вспомогательные средства для успешного решения мнемической задачи.

Проблема мнемической опосредованности затрагивает перцепцию, производство представлений, мыслительную деятельность, эмоциональные состояния в той их роли, в которой они **способствуют** тому или иному процессу памяти. Здесь на первом плане - поддержка высокого уровня сбережения и репродукции за счет активизации других психических функций.

Средствами памяти могут выступать **перцепты объектов**, находящихся в понятных связях с основными предметами запоминания - воспроизведения - забывания. Так, организуя свою память, мы привлекаем «напоминающие

вещи», «сопутствующие обстановки», «присутствующих», если хотим запечатлеть и вспомнить, или исключаем любые предметные напоминания, если хотим забыть.

Если мы желаем сами выступить средством собственной памяти, мы скорее всего используем **телесные движения и действия**. Почти в магическую зависимость поставим свои жесты, поведенческие акты, пластическую экспрессию, голосовые движения с тем содержанием, которое они должны помочь сохранить, извлечь или, возможно, устранить из реализующегося опыта. Действие может соединить и структурировать плохо соответствующие друг другу материалы запоминания. Действие вызывает вспоминание вещей, интеллектуально не сводимых, ассоциативно не закрепляемых, личностно не значимых. Так, наш приближающий жест напоминает нам о мимолетных хороших чувствах, которые мы испытали когда-то к мало симпатичному, но неизбежному в нашей жизни человеку, и мы пользуемся этим жестом для поддержания отношений с ним. С другой стороны, отстраняющие движения и жесты помогают далеко внутренне спрятать нежелательные объекты..

Образные структуры и их элементы также часто выступают сопутствующими причинами запечатления, извлечения и несохранения. Доступные и значимые образы могут удерживать в связи с собой новые, недостаточно освоенные содержания. Они же направляют наш поиск в процессах воспроизведения ускользающих, распадающихся впечатлений. Припоминая, к примеру, неотчетливые детали какого-то события, мы можем сначала актуализировать фантазийный или символический образ, устойчиво возникший в представлении в момент протекания этого события. Запоминая и впоследствии воссоздавая сложные логические содержания, мы часто находим опору в образах их знаковых или схематических изображений. В нашем желании избавиться от навязчивого деструктивного воспоминания, нам может помочь воображаемое разоблачение, нивелирование, придание комических свойств его объекту. Той же цели может служить

образотворческое отреагирование на травмирующий предмет или ситуацию, когда репродукция последних трансформируется в фантазийном изображении (картине, скульптуре, драматизации и т. д.) и, меняя знак своего проживания нами, приобретает новые смыслы и качества.

Искушенность в опосредовании мнемических процессов достигается при активном использовании **логических элементов и структур**. С помощью понятийного структурирования легче удерживаются ключевые моменты образов с множеством предметных составляющих и межпредметных связей. Понимание абстрактной сущности происходящего позволяет удержать и воспроизвести последовательность и образное наполнение сложных событий. Установление логических связей и отношений между элементами опыта позволяет эффективно сохранить и припомнить каждый из них за счет мыслительной актуализации других. Рефлексивные средства или мысленная фиксация того, как и что мы думаем об объекте запечатления и потенциального воспроизведения, обеспечивают особенно надежное закрепление данного объекта в индивидуальном опыте. Обновление сферы идей и представлений личности часто связано с устранением или несохранением старых содержаний, что, в свою очередь, существенно определяется критикой мысли по их поводу. При бессознательном желании уменьшить вероятность актуализацию знания, плохо согласовывающегося с нашим устоявшимся пониманием мира и себя, мы спонтанно и эффективно используем прием, который М. Мамардашвили назвал «отобъяснением», то есть мысленным завершением своего отношения к этому знанию. Объяснив для себя что-либо, создав запрет на его проблемность, мы скорее всего забудем это.

Намечая, но не завершая логические порядки собственной жизни, упорядочивая ее внутренние и внешние события в автобиографическом тексте, письмах, дневниках, исповедях, мы многократно усиливаем возможности воспроизведения своего прошлого.

Осознанные **переживания** также могут выступить агентами изменений мнемических процессов. В частности, запоминание становится более глубоким и эффективным, если его объект вызвал у нас положительное эмоциональное отношение, которое мы хотели бы продлить в последующих встречах с ним. Если с объектом связывается опыт отрицательного переживания, отметившего неконструктивность наших действий, этот объект легче сохраняется в сравнении с аффективно нейтральными. Некоторые деструктивные переживания способствуют несохранению травмирующего содержания, помогая сознанию отстраниться от него. Напротив, вызывая и проживая эмоциональное «сопровождение» отсутствующего объекта или прошлого события, мы можем инициировать его полное и детальное воспроизведение, осознание, рефлекссию. Иногда, погружаясь в интенсивные и захватывающие переживания, мы используем их чувственный контур, нанизывая на него то происходящее, что хотели бы запечатлеть и направленно воссоздавать. Так, устойчивый эмоциональный рисунок нашей любимой социальной или профессиональной роли помогает нам удерживать и легко воспроизводить образно – понятийный состав ролевых функций.

4. Качества мнемических процессов и эффектов.

Качественные характеристики памяти зависят от достигнутой в ее динамике гармонии сознания и бессознательного, от активности и самостоятельности субъекта при решении мнемической задачи, от общего уровня и конкретных способов опосредования мнемической деятельности. Они выступают показателями успешности и продуктивности процессов памяти, свидетельствуют о возможностях ее субъекта, выражают потенциал мнемической функции как определяющей зрелость других психических форм. Качества памяти указывают на соответствие ее продуктов объективным параметрам определенного жизненного материала, а также на возможность продуктивно сберегать субъективные впечатления, возникшие по поводу данного материала. В этом плане любое запоминаемое и

воспроизводимое так или иначе отвечает конкретному объективно – субъективному **событию жизни**. Качественный анализ памяти касается ее отношения именно к этой единице реальности.

Полнота памяти заключается в запечатлении и сохранении всех существенных составляющих жизненного события при правильном установлении и воспроизведении основных образно – понятийных связей и их смысловых наполнений. Например, в книге, с которой мы работали, нам понравилась какая-то мысль (понравившаяся мысль – событие жизни), и мы без искажений содержания ссылаемся на нее в своем научном докладе, не заботясь о том, чтобы употребить буквально те же слова, которые использовал автор. Если же мы сохраним без изменений и вербальную форму идеи, то наша память проявит свою **точность**. Последняя указывает, что материал памяти и содержательно, и формально сберегается в том виде, в каком он был изначально вовлечен в деятельность.

Прочность как качество памяти характеризует успешность запечатления события, подкрепленную длительным сохранением и периодическим точным воспроизведением. Когда через многие годы после первой удачной ссылки на упомянутую идею, мы вновь без утраты содержания возвращаемся к ней в своей публичной лекции, но скорее всего в другом контексте, тогда становится очевидно, что давнее событие надежно укоренилось в нашем опыте, вошло в живую структуру прошлого психической жизни. Полнота – точность – прочность определяют гармоничный контур мнемических результатов, в котором каждый из них увеличивает вероятность других. Это лучшие критерии образования глубокого впечатления об объекте памяти, если речь идет о жизненном материале, затронувшем мир наших желаний и значимостей.

Однако, данные качества принято также узко рассматривать как атрибуты хорошего научения. Для сравнения: в воспоминаниях человека зрелых лет вдруг всплывают все слова песенки, разученной однажды в детстве,

исполненной при гостях и «забытой» на долгие годы. И другое дело, когда этот человек возвращается к любимым в юности стихам («быть знаменитым некрасиво...»), слова которых стали его личными символами на всю жизнь.

Реконструкция – еще одно качество памяти - имеет место при сознательных или бессознательных преобразованиях структуры события с целью достичь ожидаемого результата запоминания, забывания, или воспроизведения. Для лучшего запечатления мы можем ввести в событие элементы других событий. Например, желая запомнить лицо ребенка, мимолетно встреченное мной в счастливый момент жизни, когда хочется сохранить все происходящее, я отмечаю его похожесть на виденный в Лувре детский портрет и соединяю черты реального человека с чертами изображения.

Желая детерминировать забывание, мы можем растворить нежелательное событие в потоке впечатлений, которые скроют его от поверхностного сознания. Например, сказанную ложь о своем «недомогании», можем рационально представить для себя как условие решения более важных задач, чем те, ради которых нас напрасно ждут. Особенно легко забываем, что солгали, если наши предпочитаемые дела успешно пошли и завершились.

Желая занять по отношению к своей жизни позицию человека наблюдающего, проясняющего, рефлексирующего, мы культивируем установку на возможно более полное воспроизведение впечатлений о ней. В соответствии с данной установкой, мы будем создавать множество мысленных, символических, воображаемых связей между содержательными фрагментами жизни, чтобы формировался не рассеянный, а целостный, «собранный» материал памяти. Здесь от мнемической реконструкции зависит глубина нашего проникновения в собственную жизнь, наши «усилия жить».

Названные качества присущи памяти как внутреннему условию, обеспечивающему продуктивные формы активности: саморазвертывание желаний, интеллектуальное генерирование, практические преобразования,

спонтанное течение переживаний и т. д. Однако, и самим процессам памяти иногда присваивается статус **продуктивных**. Особенно заметны результаты обновления мнемического следа при воспроизведении известных содержаний, вовлекающих в актуальное проживание те элементы собственной структуры, которыми они «обросли» при своих скрытых движениях в интегральном поле ментального опыта. Известные содержания неожиданно для субъекта появляются как улучшенные, обогащенные, дающие дополнительный толчок другой активности. Всем понятна ситуация, когда человек, вспоминая своего хорошего знакомого, в самом процессе вспоминания вдруг внутренне узнает о нем то, о чем «не знал», «не догадывался». Так, в мнемическом процессе нам открывается, что нас любят, или нас обманывают, или нам изменяют, и начинается новый цикл осмысления, переживания, представления наших отношений..

5. Влияния памяти на настоящую и будущую жизнь.

В своей самой близкой и непосредственной связи с прошедшим, память активна в отношении проживаемого здесь-и-сейчас и в отношении ожидаемых событий..

Память обращает нашу текущую и наступающую жизнь к ее **прошлому**. Это происходит благодаря тому, что в образных, мыслительных и аффективных содержаниях действующей памяти заключена данность прошлого; мнемические процессы не допускают перерыва в длительности внутреннего времени психической жизни и постоянно «проигрывают» прошлое; представления, идеи и переживания прошлого в мнемическом цикле в любой момент могут появиться на «поверхности» сознательного объективного времени, то есть в настоящем; поднимая прошлый опыт на уровень теперь-происходящего-для-я, мы включаем его в целеполагающие действия, действия выбора и принятия решения, то есть делаем его сильным детерминантом будущего.

«Если дана память, то есть сохранение образов прошлого, эти образы будут постоянно примешиваться к нашему восприятию настоящего и могут даже вытеснить его. Образы прошлого сохраняются только для того, чтобы быть использованными, они непрерывно дополняют опыт настоящего, обогащая его уже приобретенным опытом, и так как этот прошлый опыт не перестает увеличиваться, в конце концов он перекрывает и насыщает собой опыт настоящего...Воспоминание о событии связано в нашей памяти с целым рядом последующих событий и может тем самым лучше просветить нас при принятии решения.»

(Там же, с.198).

По критерию **актуального** и **перспективного** влияния прошлого опыта отдельные процессы памяти могут рассматриваться так.

Мы **запоминаем** то, что необходимо для поддержания обычного порядка жизни в настоящем, или то, что должно быть познано и использовано в будущем, или то, что может деструктивно изменить текущую и ожидаемую жизнь, или то, что может сделать ее совершеннее, или то, что нарушает субъективную непрерывность ее течения, «разрушает внутреннюю связь времен».

Мы **сохраняем** то, что необходимо для текущей и будущей жизни, допуская утраты несущественного, или то, что соответствует жизненной необходимости, но при этом избыточно и не находит реализации, или то, что не обладает субъективной ценностью и постепенно утрачивается, или то, что субъективно не значимо и при этом избыточно (феномен экзальтации памяти), или то, что ценно для нас, но сопротивляется сбережению.

Мы **воспроизводим:** необходимое и достаточное для привычно текущей и ожидаемой жизни; то, что должно конструктивно и преобразующе повлиять на актуальную и наступающую жизнь; не достаточное для поддержания и продления нашей обычной жизни; то, что разрушает наше настоящее и

будущее; избыточное для действительной жизни и нарушающее ее объективные временные связи (феномен мнемической экспансии).

События, становящиеся достоянием памяти, не составляют, таким образом, только статичный и не вполне надежный «опыт прошлого». В мнемической форме события находят особое существование, дающее им возможность явно или скрыто длиться внутри жизни: присутствовать – актуализироваться – пролонгировать ее.

Третий ключевой вопрос, относящийся к памяти – **кто помнит?** Или **кем мы выступаем** в соотношении с собственной памятью?

Здесь в определениях мнемической активности появляется акцент на ее детерминацию устойчивыми особенностями личности- обладателя памятью.

Важнейшей интегральной особенностью является сила ее «я» или «субъектность». Эмпирически хорошо различаются личность - носитель памяти, личность – пользователь памяти, личность – субъект памяти. Первая выступает местом игры бессознательных, спонтанных, непосредственных мнемических процессов. И даже если они поражают своим естественным богатством, о личности скажут: **ей помнится**. Вторая использует открывшиеся ей возможности своей памяти, не прилагая усилий к их поддержанию и развитию. Позиция такой личности определяется формулой: **она дает своей памяти работать**. Третья превращает память в особый предмет самопознания и способ самоактуализации, относясь к ней как ценности. В данном случае мнемические процессы становятся целью приложения интенсивных жизненных усилий личности, и о ней можно уверенно сказать: **она помнит**.

Системные психологические исследование и диагностика конкретных личностных детерминант памяти предполагает использование множественных параметров оценки.

1) Какая общая **установка** направляет личность в запоминании– сохранении– воспроизведении (з – с – в): сознательная или бессознательная,

ориентированная на внешние или внутренние объекты, ситуативная или надситуативная, рациональная или иррациональная, аффективная или мыслительная, идеальная или практическая и т. д.?

2) Какие **мотивы** з – с – в устойчиво присущи личности: витальные, эротические, познавательные, социальные, эгоцентрические, этические, эстетические и т. д. ?

3) Какие устойчивые свойства собственных з – с - в особенно ценны для личности и составляют для нее **задачу саморазвития**: проницаемость для новых материалов, богатые содержания, структурность, конструктивность, продуктивность, надежность, длительная сохранность содержаний и т. д. ?

4) Насколько личность инициативна, энергична, самостоятельна, технична и спонтанна, иными словами, **активна** в з – с – в.?

5) Свойственны личности интеллектуальность, концептуальное мастерство и рефлексивность в з -с- в, то есть выступает ли она **мыслителем** в отношении собственной памяти?

6) Обладает личность мнемическими **способностями** то есть присущи ли ее з – с – в неординарные объем, точность, связность, содержательность, творческий динамизм, действенность, ценность для других, выраженность в авторских продуктах деятельности?

7) Насколько личность владеет **искусственными приемами** з – с – в или в какой степени освоила техники сознательной, культурно отточенной организации и опосредования памяти? Выступает ли такая «технологичная» мнемическая активность особой формой направленной и результативной **деятельности** личности в художественной, профессиональной сферах или в самопознании?

8) Какой **тип жизненной ретроспективы** преобладает у данной личности? В каких доминирующих психических формах развивается, интегрируется и реализуется ее мнемический опыт: эмоциональных, телесно– пластических, образных, вербально – понятийных, символических? Как представлено в

сознании и дано в бессознательном личности ее прошлое: топологически, то есть в смене жизненных «мест», или событийно, или в форме внутренних впечатлений или в виде концептуальных обобщений? Целостен, полон разнообразия, темпорально хорошо структурирован либо фрагментарен, беден, не структурирован во времени ретроспективный план ее жизни?

9) Является мнемическая активность определяющей в отношении личности к временам своей жизни: прошлому – настоящему – будущему? Настолько ли велика роль памяти, чтобы во взаимопереходах «ретроспективы» – «феноменов актуального проживания» – «жизненных ожиданий» определить развитие **ретроспективного типа личности** в возможном континууме типов, где существуют еще актуальный – перспективный – проспективный типы. (2; 70)

При использовании перечисленных параметров становится возможной углубленная идентификация индивида с более или менее активным «субъектом памяти» или его «экстремальное» определение как **мнемически одаренной личности**. Последней свойственны сознательность, произвольность, опосредованность з – с – в; применение сложных средств организации мнемической активности с акцентом на логические и символические; сила оригинального генерирования, заключенная в бессознательной памяти; способность в значимые моменты жизни приложить особые мнемические усилия, позволяющие с неординарной целостностью и полнотой запечатлеть проживаемые события; концентрация мнемических усилий на содержаниях, связанных с творческими влечениями и страстями индивида, прежде всего, самореализацией, любовью, искусством, поиском истины и т. д.; рефлексия способов, личных приемов и эффектов памяти, тонкая оценка и развитие своих мнемических способностей; проявление мнемической активности в продуктах деятельности, составляющих реальные или потенциальные ценности культуры; сосредоточение мнемической «энергии» на своих впечатлениях – переживаниях – событиях – отношениях

– жизненных действиях – противоречиях – внешних влияниях – качествах «я»
– личных идеях и символах, чтобы воссоздать и удержать для себя единство собственной жизни.

Реализованная мнемическая одаренность или просто хорошее мнемическое обеспечение жизнедеятельности являются результатами длительного индивидуального становления памяти. И личность с незаурядной, и личность с ординарной памятью, должны пройти закономерные этапы возрастного генеза данной функции. Каждому этапу соответствует определенный **мнемический стиль**, который при некоторых условиях и жизненных обстоятельствах может генерализоваться на другие, более поздние фазы жизни.

Вопрос о генетически- стилевых особенностях индивидуальной памяти или о том, **какого уровня зрелости она достигла**, выступает четвертым основным вопросом о мнемической активности.

Первый стиль – **ранний, наивный, реактивный** – характеризует память детства. Контекст мнемической активности этого возраста составляют бессознательные и слабо осознанные влечения, спонтанное образное творчество, жадное созерцание, фантазийное мышление, интенсивное развитие тела и телесных движений, расширяющееся и приобретающее устойчивость сознание, пробуждающееся самосознание. Особенности детского стиля памяти являются: легкая проницаемость для эмпирического опыта, бессознательность, произвольность, непосредственность, сосредоточение в сенсо–моторной сфере, связь с формированием навыков, привычек, поведенческих ритуалов, недостаточная осмысленность, яркая эмоциональная окрашенность, ограниченность виртуального опыта, живость и богатство архетипических содержаний, слияние ретроспективы с моментом жизни здесь-и-сейчас.

Второй стиль - **становящийся, активный, интеллектуальный, творческий** – присущ памяти отрочества и юности. Формируется в

развивающейся системе осознаваемых желаний, ценностей и страстей, как детерминант интенсивного когнитивного роста, как составляющая грез и сложных фантазий, как средство осознания непрерывности жизни и единства «я», как условие самореализации в эффективной деятельности и обретения самоидентичности, как способ и критерий образования совершенных навыков тела: пластических, речевых, изобразительных. Стилиевыми особенностями здесь выступают: сознательность и продуктивная бессознательность; сочетание произвольности и спонтанности; внешняя и развивающаяся внутренняя опосредованность; углубление виртуального опыта; опора на мышление; утонченная аффективность; ориентация на полноту и насыщенность актуального проживания; значимость для полезной деятельности, практики, реального дела; выраженная я-направленность; возможность появления трансцендентных воспоминаний в художественном и поэтическом воображении и сновидениях.

Третий стиль – **зрелый, устойчивый, искусный** – является характеристикой памяти взрослых. Общий психо – практический фон его формирования составляют: сложившаяся система жизненных ценностей; интеллектуальная активность; профессиональная деятельность, сочетающая надежность навыка с установками на проблемность и креативность; постоянство чувств и их сращение с определенными значимыми объектами; определившиеся области увлечений и удовольствий; знание «я» и рефлексия; сознание личной продуктивности, своих социальных влияний и идентичностей. К особенностям стиля относятся рефлексивность, активность бессознательных источников, «наученная» спонтанность, внутренняя опосредованность, многоуровневый виртуальный опыт, мастерство мнемических операций, работа с опытом на уровне «интуиции прошлого», рациональное структурирование мнемических содержаний в зависимости от их принадлежности к разным уровням «исторической памяти» (всечеловеческой, общекультурной, кросскультурной, клановой, родовой,

семейной, индивидуальной), а также ценность ретроспективы и перспективы в сравнении с актуальным проживанием.

Указанные стили, представляя собой высоко вероятные возрастные варианты нормального мнемического развития, не становятся тем не менее обязательными атрибутами психической жизни каждой личности, жестко связанными с возрастом. Фаза «наивной» памяти в жизни конкретного ребенка может быть короткой и свернутой. В жизни другого человека данная фаза, напротив, захватывает многие годы жизни. Достоинствами юношеской памяти может обладать человек зрелых лет, о искушенная взрослая память может оформиться у подростка 16 лет в связи с его ранними достижениями в какой-то области творчества.

Закончив набросок общей интерпретационной модели активной памяти в целом, посмотрим, на каких аспектах и проблемах сосредоточены психологические исследования частных мнемических феноменов.

5.2 Запоминание

Этот процесс, как уже отмечалось, часто не сознается вследствие своей быстроты и мимолетности, или сознается как мгновенное естественное запечатление, или переживается как рождение «впечатления». Однако, феноменологически он рассматривается в качестве развернутого во времени, последовательного, поэтапного. Данные феноменологии вполне сопоставимы здесь с результатами экспериментальной психологии, так же исследующей в основном «сознание памяти». (10; 32; 118; 136)

Возьмем описание **динамики запоминания** в терминологии и характерной стилистике Э. Гуссерля и А. Бергсона.

- Каждое мгновение происходит регистрация памятью единственных в своем роде жизненных фактов. Часть из них, запоминаясь, осознается, но большая часть остается вне актуального сознания. Замечается человеком, как наиболее

полезное, запоминание осознаваемых фактов. Оно в основном и изучается психологами.

- Каждый запоминаемый жизненный факт становится элементом целостного прошлого опыта субъекта, который виртуально, или в возможности, присутствует в любом моменте текущей жизни.

- В каждом актуальном событии жизни всегда есть то, что принципиально не может быть вызвано вновь, повторено, и есть то, что может быть возобновлено, почти буквально воссоздано. Соответственно задействованы различные «силы» запоминания и необходима разная активность в отношении материала. Например, возможно непроизвольное схватывание жизненно неповторимого или невольное запечатление возобновляющегося, возвращающегося, навязчиво действующего. Или возможно направленное запоминание повторяющегося либо искусственно повторяемого. Или имеет место сложное формирование впечатления о неповторимом.

- Запоминание состоит в избирательном отношении человека к «происходящему», «только что бывшему», «давно происшедшему». Отношение реализуется сразу во всех трех временных направлениях.

- 1) Схватывается каждый элемент текущего жизненного события.
- 2) В смене элементов каждый предыдущий погружается в прошлое; погружаясь, он одновременно всплывает, чтобы присутствовать в структуре следующего схватываемого элемента; последующие элементы запоминаются в составе все укрупняющегося целого.
- 3) Каждый запечатленный элемент, присутствуя благодаря всплыванию в запоминании последующего элемента, одновременно погружается в прошлое вместе с предшествующими связанными фрагментами события.
- 4) Наряду с всплываниями только-что-бывшего, в цикле запоминания элементов события на поверхность актуального сознания поднимаются впечатления из давнего прошлого. Они вплетаются и в ткань каждого

событийного фрагмента, и в их связи, и в образ события как целого. Текущее событие, таким образом, запоминается с «горизонтом прошлого». (16)

Запоминаемыми событиями или фактами могут быть самые разнообразные феномены душевной жизни: перцепты, образы представления, воображения, идеи, оценки, а также сложные синтезы этих психических проявлений. Начало запоминания связано с их попаданием в поле «воспринимающего сознания» либо бессознательной активности, иначе, произвольного либо спонтанного внимания. Далее следует схватывание и удержание события вместе с репродукцией виртуального опыта, способствующего запечатлению. Запоминаемое событие уходит в виртуальную глубину, то есть начинается его длительное сохранение, и при этом находится в готовности быть актуализированным в определенных представляемых моментах будущего.

Динамика запоминания часто открывается наблюдателю опосредованно, через изменения **количественных и качественных параметров материала**. Последний, выступая объектом запечатления, приобретает в его процессе различные психические формы, укрупняется или редуцируется, упрощается или усложняется.

Например, объектом запоминания становится неординарное событие жизни. Кто-то готовится к рискованному предприятию. Все детали и все моменты предварительной проработки предприятия очень важны для будущего. Ему снится сон, что он находится в автобусе, который мчится по краю обрыва, но благополучно минует его, не рухнув вниз. Проснувшись, он думает, что скорее всего предприятие будет успешным.

В этом случае параметры объективных условий, в которых начинается подготовка к ответственному делу – исходные материалы памяти – становятся образами и концептами замыслов субъекта, его действий, вспомогательных средств, сопутствующих обстоятельств, партнерских отношений и пр., то есть содержаниями, которые должны быть запечатлены

ради практического исполнения задуманного. К этим содержаниям в процессе запоминания присоединяются символические образы и переживания сна, а также высокие оценки ожидаемого результата. Вместе с рациональными структурами будущего предприятия последние формируют интуитивный прогноз успеха. Все соединившиеся содержания: реалистичные, фантазийно–символические, аффективные, оценочные, прогностические – образуют расширенный и углубленный, в сравнении с исходными мнемическими данными, «психический материал» запоминания.

Экспериментальная психология характеризует материалы запоминания с точки зрения их принадлежности к той или иной объектной категории, элементного состава, плохой или хорошей структурированности, целостности или фрагментарности, интеллектуальной простоты или сложности, особенностей субъективного отношения к ним и их развивающего влияния на опыт субъекта. Исследуется зависимость результатов запечатления от указанных характеристик материала и на этой основе выделяются общие **критерии психологического анализа запоминания.**

Объем запоминания. Это количество удержанных автономных или относительно самостоятельных единиц материала. Внешний воспринимаемый материал при условиях его слабой структурированности, низкой осмысленности, перцептивной простоты, искусственности происхождения, слабой субъективной интенции к запоминанию и без специального заучивания удерживается в объеме 5 – 7 единиц. После повторений с установкой на воспроизведение количество единиц незначительно увеличивается. Иное – с осмысленным, фрагментарным, легко структурируемым материалом типа слов, высказываний, реалистичных изображений. Объем их произвольного запоминания без специального заучивания и с несущественными ошибками может достигать 15 единиц из 20.

Если же говорить, например, о количестве вербально - смысловых единиц в составе целостной, многоэлементной, интеллектуально сложной, значимой информации, которую мы повседневно естественным образом удерживаем в профессиональных интересах, то оно вряд ли сопоставимо по богатству с результатами искусственно поставленных экспериментов.

Характер запоминания. Определяется типом запоминаемого, заданным его принадлежностью к определенной категории жизненных объектов. Так, если я читаю любимую книгу, то характер запоминания ситуации будет различным в зависимости от того, на какие из следующих объектов я направлю мнемическую активность:

- можно запомнить как значимое само событие чтения книги, и тогда активизируется «память на событие»;
- можно более или менее точно запомнить текстовые фрагменты либо текст в целом; в этом случае будет активна «память на текст».
- можно запомнить мысли и мысленные связи, извлеченные при прочтении книги; по характеру это - «память на мысль»;
- можно запомнить образные картины и отдельные представления, продуцируемые по поводу прочитанного; основой этого процесса является «память на воображаемое»;
- можно запомнить приемы и способы своего или чужого лингвистического, филологического, психологического анализа текста, и в этом действии на первый план выступит «инструментальная память» или «операциональная память»;
- можно запомнить связи, установленные мною между жизнью «я» и темами, мотивами, сюжетными линиями, героями, символами книги; запечатление становится «рефлексивной памятью»;
- можно запомнить любимую книгу как атрибут комфортной, уютной, изысканной обстановки кабинета, где удалось хорошо поработать; здесь доминирует «память на предметное окружение»;

- и последнее, если мне захочется процитировать наизусть отрывок из этого текста, я постараюсь буквально запомнить его языковую форму и обращусь тем самым к своей «памяти на знаки».

Сложность запоминания. Изучается в зависимости от объективной структурированности, интеллектуальной насыщенности, операциональной утонченности, известности – новизны, обычности – неординарности материала и его близости к устоявшемуся опыту субъекта. Внимание к перечисленным характеристикам связано, как правило, с нашим осознанным намерением запомнить что – либо, то есть с произвольной памятью, позволяющей решить **задачу на рациональное снятие сложностей удержания** материала. По данному критерию может оцениваться в основном запоминание учебных содержаний и действий, текущей деловой информации в профессиональных структурах, текстовой и символической информации, доступной при высоком уровне компетентности, новых интеллектуально емких культурных форм, инноваций, наблюдений за динамикой значимого общения, феноменов самонаблюдения и событий интенсивной, быстро меняющейся жизни.

Взятый из области вполне понятных психологических зависимостей, этот критерий имеет скорее сравнительно - феноменологическую, чем строго научную определенность. Наивно по степени объективной сложности сопоставлять запоминаемые знания из разных фундаментальных наук, или модели движений в разных видах спорта, или тексты известных писателей – символистов. Можно говорить об относительных осложнениях, которые мы испытываем при прочтении и запечатлении, к примеру, философских текстов в сравнении с текстами сказок и мифов, или при ознакомлении и запоминании специальных технических терминов в сравнении со словесными оборотами модного журнала. Так же можно отметить большую объективную проблемность схватывания данных о собственном поведении сравнительно с данными о поведении других или накопления сведений,

полезных для других, по сравнению со сведениями, полезными для себя. Если же мы начинаем учиться у кого – то, нам проще освоить опыт человека, близкого нам по уровню, в сравнении с опытом «профи».

Трудность запоминания. Выражает соотношение сложности материала и субъективных возможностей его запечатления. Это критерий субъективной проблемности мнемических действий в отношении к объекту.

Субъект испытывает трудности запоминания в следующих типичных случаях: материал объективно сложен, и субъективных средств недостаточно для его быстрого и эффективного освоения; материал объективно не сложен, но обычная настроенность субъекта на овладение сложными содержаниями затрудняет его запечатление. Трудности запоминания обычно возникают под влиянием содержательной и операциональной избыточности материала, его чрезмерной дифференцированности, его однородности, или, наоборот, излишнего многообразия, рыхлости его структуры, слабого знакомства субъекта с формой, в которой дан материал, низкой мотивированности субъекта памяти. Состояние трудности является **внутренним динамичным переживанием** напряжения, тревоги, сомнения, повышения уровня активности, азарта, преодоления.

К вопросу о «трудности» запоминания относятся психологические наблюдения, касающиеся легкости мнемического освоения субъектом объектов, сложных для других. Здесь могут тонко проявить себя сродство материала основной области творчества субъекта, его зрелому психологическому типу, его ведущей в данный жизненный период мотивации. Для Н. Бердяева в возрасте «акмэ» не составляло труда запоминание идей философской и литературной классики, богатых психологических открытий того времени, собственных необычайно обильных и креативных философско – психологических размышлений, а

также того, что удалось самостоятельно создать и что составляло условия его исключительной творческой продуктивности. (17)

Субъективный момент, обнаруживаемый в запоминании даже тогда, когда последнее рассматривается в объективном аспекте «материала», направляет внимание исследователей на **отношении субъекта к запечатлению**.

Наиболее известны исследования таких аспектов отношения, как **установки и мотивы** запечатления.

В установке одновременно и целостно представлены такие различные индивидуальные факторы, как избирательность жизненных интересов личности, способы ее сходного реагирования на типичные жизненные ситуации, внутренние расположения, обусловленные определенным личностным типом, имплицитная активность сформированных мнемических способностей, требования ведущих деятельностей, селективность внимания, зависящая от ролевых диспозиций личности. Действие этих составляющих установки трудно различимо в составе «общей готовности запоминать определенным образом». Но в тщательном психологическом анализе можно гипотетически определить, на какие особенности запоминания сознательно или бессознательно будет ориентирован субъект и вследствие каких устойчивых внутренних причин будет действовать эта ориентировка.

Успешный предприниматель интуитивного типа, работающий с относительно устоявшимися информационными моделями своего бизнеса, заняв более высокое положение в служебной иерархии, будет стремительно **накапливать и запоминать новые сведения**, которые по его ожиданиям спонтанно перестроят привычные модели деятельности в соответствии с новой ролью. Здесь вероятно действие **установки на бессознательную реконструкцию** нового материала в массиве сложившегося эффективного профессионального опыта, а также на скрытые от сознания **изменения самого опыта с увеличением потенций успешности**.

Установки могут действовать как в отношении запечатления в целом, то есть крупных структур виртуального опыта, так и в отношении отдельных качеств запоминания. Экспериментальная психология располагает данными о типах установок в зависимости от их конкретных качественных ориентаций. (118)

- 1) **Избирательная установка на запоминание.** Ориентирует индивида на запечатление определенных материалов. Их субъективные привилегии определяются ведущими влечениями и потребностями, объектами которых эти материалы выступают. Индивидуально предпочитаемыми объектами запоминания могут быть, например, лица людей из ближнего круга общения, картины и события поездок и путешествий, тексты книг любимых авторов, подробности бесед на профессиональные темы, необычные жизненные впечатления и т. д.
- 2) **Установка на продуктивность запоминания.** Способствует обогащению субъективного опыта новыми содержаниями, которые вызывают его существенные преобразования и участвуют в замыслах, проектах и программах эффективной деятельности. Установка на мнемическую продуктивность предполагает ожидание, что в процессе сохранения исходный объект памяти, ничего не утратив из своих основных элементов, приобретет новые полезные для субъекта свойства..
- 3) **Установка на полноту и точность запоминания.** Определяет особое внимание к детальному, буквальному, сплошному и цельному удержанию мнемического объекта. Переживается как настрой на использование запечатленных содержаний в том виде, в каком они были ближе всего к исходному материалу, осваивались, повторялись, заучивались.
- 4) **Установка на интеллектуальное запоминание.** Связана со стремлением субъекта сосредоточиться на логической организации мнемических содержаний, понятийном аспекте их взаимосвязей и

дифференцировок. Запечатление «мысленной картины» объекта кажется важнее его предметной или знаковой формы.

5) **Установка на прочность запоминания.** Отношение к запоминаемому как будущей константе живого, активного опыта. Ожидание субъекта, что на длительный период времени оно станет потенциальным и реальным элементом психо – практической жизни.

6) **Установка на своевременность воспроизведения запечатленного.** Актуализируется при условии обязательности воссоздания материала в определенных жизненных ситуациях. Действует в процессе запоминания как внутренний детерминант длительности сохранения, всецело зависящей от конкретных событий будущего. Ее активность особенно важна в условиях долгосрочного детального планирования деятельности с учетом и пролонгацией оперативного опыта, полученного к ее началу. Например, при создании внутреннего сценария своего ответственного выступления на будущей конференции, ученый настраивается в определенном месте сообщения сослаться на свежие неопубликованные данные, которые он только что получил от компетентного коллеги.

7) **Рефлексивная установка на запоминание.** Ориентирует нас на прочную я- связь с запоминаемым. Оно сознается как личная значимость, рассматривается в качестве средства или способа осуществления я- потребностей, например, стремления к автономии, самостоятельности, достоинству и авторитету, влиянию, превосходству, самопознанию, самореализации и т. д. Движимые данной установкой, мы знаем о запоминаемом как важном содержании «я», которое в нужный момент появится в контексте нашей самобытной, индивидуальной деятельности.

Детерминирующая надежность любой из перечисленных мнемических установок, их высокий силовой потенциал, однозначность и «заданность» действия указывают на целостное внутреннее присутствие субъекта в акте

запоминания и относительную независимость результата памяти от ситуативных факторов..

Субъектность, то есть зрелость, установки существенно поддерживается иерархической организацией устойчивых мотивов запоминания. В мотивационной динамике проступают константные черты или диспозиции личности, **эффективно запоминающей**. В их числе – свойства быть знающим, деятельным, интеллектуальным, творческим, компетентным, тонко чувствующим, помогающим, рефлексивным, мнемически одаренным. Весь ансамбль этих свойств достаточно редко участвует в игре запечатления. Чаще мотивационно реализуются лишь некоторые личностные диспозиции. Из них в отдельном мнемическом событии выделяется одна ведущая, выражающая себя в **доминирующем мотиве запоминания**.

Полагаем, что мотивационную канву зрелого запоминания образуют:

- мотив мнемического обеспечения значимой для субъекта деятельности;
- мотив успешного учения и интеллектуального развития;
- мотив реализации и демонстрации собственных мнемических способностей;
- мотив обеспечения деятельности других людей, например, превращения своей памяти в средство их профессиональной эффективности;
- мотив мнемической поддержки творчества;
- мотив продления жизненных состояний азарта, удовольствия, наслаждения, переживания личных преимуществ, чувства риска и победы, открытия новых возможностей.;
- мотив использования запоминаемых содержаний в процессах реализации сложных долгосрочных жизненных планов и стратегий, ведущих к личным достижениям;
- мотив запоминания содержаний, позволяющих аккумулировать и обогатить культурно – исторический опыт социума, укрепить и

сохранить традицию, удержать дух старины, продлить родовые связи, прояснить символы архаичной души и найти их аналоги в коллективном сознании и бессознательном современных людей;

- мотив запоминания содержаний, относящихся к индивидуальной динамике жизни, с тем, чтобы создать единый образ я – пути.

Запоминание, обуславливающее нашу познавательную, социальную, профессиональную и рефлексивную активность, служит личностным целям успешной адаптации к обществу, проблемного понимания социальной и частной жизни, участия в общественном реформировании, решения задач собственного жизненного роста и т. д. Перечисленные цели действуют в сфере рационального, разумно устроенного мира и требуют сознательности, произвольности и я–опосредования запоминания. Соответственно особыми преимуществами среди его установок и мотивов обладают те, что реализуются на уровне сознания. Это, однако, не значит, что посредством запечатления индивид не может быть глубок, продуктивен и чрезвычайно проницаем для определенного рода содержаний в другой форме душевной жизни – бессознательной. Здесь им движут установки и мотивы, не выходящие на поверхность сознания.

Даже сознаваемые установки, судя по их обязательному, а иногда и слепому действию, имеют основой сложные бессознательные отношения индивида. Однако наиболее полно последние реализуют себя через **бессознательные установки** на запоминание. Иногда в скрытых отношениях интегрируются психические функции и личностные черты, кажущиеся в общности подозрительными и мало приемлемыми. Здесь же готовятся к проявлению сильные влечения, отрицаемые эго. Активной составляющей отношений могут быть сложившиеся способы внесознательных компенсаций, замещений и сублимации.

Допустим, человеком владеет установка на жадное и педантичное «коллекционирование» чужих успехов, все тонкости которых тщательно

запоминаются. Уличенный в особом пристрастии к достижениям других, он, скорее всего, будет отрицать это. Однако вновь и вновь материалами запоминания будут становиться сведения о чужом преуспевании. Возможно, посредством установки выражают себя скрытая зависть и склонность к негативному соперничеству, возможно, подавляемое стремление к превосходству, требующее соотнесения с достоинствами других, возможно, странная инверсия желаний собственных достижений, проецируемых в среду успешных людей, возможно, своеобразная форма внутреннего приобщения к непрерывной истории творчества, личный недостаток которого остро бессознательно переживается, возможно, за этой установкой кроется «нежелательная» любовь ко всем удачливым и счастливым людям.

Бессознательная мотивация запоминания так же часто проявляется в необычных феноменах и эффектах. Для мужчины с сильным нескомпенсированным эротическим влечением - предметом жесткого самозапрета - в фокусе постоянных мнемических предпочтений будут оказываться несознаваемые впечатления, по изощренности, обилию и избыточности фантазийных украшений не доступных ни одному убежденному ценителю женщин. Бессознательный мотив уловления и запечатления событий эротического содержания оттесняет другие мотивы общения.

Иногда в поиске любви люди следуют непонятным им мотивационным силам памяти, поднимающимся из тайного пространства архетипических идентификаций. В интерпретации М. Мамардашвили, герой Пруста - Марсель, преследовавший любимую с тем, чтобы все знать и все помнить о ней, лишит ее всякой свободы от их отношений, неосознанно желал наполнить их связь и свою память событиями, подобными тем, которые соединяли его с матерью.

«Когда он вернется домой после прогулок в страну Германтов, где он мечтал о яркой и авантюрной легкой жизни, он будет жаждать поцелуя матери на ночь..., потому что поцелуй матери – первичная или, как выражаются ученые – психологи, архетипическая форма всякой возможной любви и нежности. Когда он будет преследовать Альбертину, то в действительности механизмом преследования будет механизм воссоединения его с поцелуем матери на ночь.» (93, с. 121).

Бессознательные установки и мотивация запоминания действуют как искусные манипуляторы эго, принуждая его реагировать вдали от области настоящих я – побед и я – завоеваний. Только случайно, через спонтанные поступки или прорвавшиеся в фантазиях, снах, ошибочных действиях содержания мы узнаем о нашем бессознательном освоении множества «лишних» материалов.

К бессознательным субъективным отношениям апеллирует умело созданная реклама. В ответ на неосознанные побуждения заполнить содержательные паузы в потоке психической активности, реклама многократно и настойчиво подставляет свои образы. В ответ на глубинный запрос обладать лучшим, реклама превозносит банальные предметы потребления, возводя их в ранг символов «полноценной», «элитарной» жизни. Следуя извечным влечениям индивида поддерживать идентичность с другими, быть своим в общности, занимать в ней достойное место, избежать участи «особенной», маргинальной личности, реклама предлагает ему надежные способы подтвердить свою коллективность, готовность разделить свои вкусы с другими, свою состоятельность как потребителя и пользователя «обязательными вещами». И напротив, учитывая коренное, естественное стремление человека к индивидуальной свободе и нонконформизму, реклама творит иллюзию эксклюзивного обладания, принадлежности к избранному кругу «имеющих уникальное». (21)

Проблема бессознательной детерминации запоминания расширена в психологии до границ толкования его исходных причин и оснований. Вопрос о них касается **происхождения феномена запечатления** и в традиционной формулировке выглядит так: «Какому психическому механизму мы обязаны совершенством и быстротой нашего запоминания?». Не теряют актуальности модели указанного механизма, предложенные ассоциативной и структурной психологией. Напомним их основные моменты.

- 1) Запоминание становится возможным при условии свободного образования перцептивно – временных структур, в которых новые содержания памяти спонтанно связываются по **фактору временной близости** со старыми содержаниями.
- 2) Запоминание осуществляется на основе объединения новых и старых содержаний в перцептивно–фигуративные структуры по **фактору их близости в воспринимающемся пространстве**.
- 3) Запоминание обеспечивается образованием качественно– перцептивных структур на основе связей старых и новых содержаний по **фактору сходства их эмпирических качеств**.
- 4) Запоминание осуществляется при условии вовлечения новых и старых содержаний в общую двигательную структуру, когда между ними устанавливаются **операционально – моторные связи**.
- 5) Запоминание возможно при включении нового и старого содержаний в общий контур сильного переживания, где они ассоциируются **по эмоциональному фактору**.
- 6) Запоминание обеспечивается установлением **понятийных связей** между новыми и старыми содержаниями памяти внутри сложных вербально – логических структур.

7) Запоминание осуществляется при **смысловом ассоциировании** старых и новых мнемических содержаний внутри структурного целого личностных значений и смыслов.

Однако, вне-субъектное мнемическое ассоциирование и структурообразование с точки зрения поклонников строго научных подходов не могут служить достаточными объяснениями коренных оснований **активного запоминания**. В частности его процессы должны направляться специальным применением средств, инструментов, техник запечатления, то есть особыми субъективными усилиями. Эффективность этих усилий нашла концептуальное и экспериментальное обоснование в трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и их последователей.

Если субъект стремится произвольно улучшить, организовать собственное запоминание, он может воспользоваться мнемическими средствами различных типов. Их общими чертами являются относительная жизненная константность и частое появление в актуальных ситуациях. К ним принадлежат:

- а) предметы – средства, определяющие такую рефлексивную формулу запоминания: «Запомню это как связанное с вещью, которая будет со мной.»;
- б) движения – средства (движения тела, руки, рече - движения и т. д.), применяемые по формуле: «Запомню это как связанное с тем, что обычно делаю, проигрываю, проговариваю, прорисовываю и т. д.»;
- в) образы – средства (эффекты пассивного представления или воображения, мечтания, сновидения), которые используются при рефлексивной установке: «Запомню это в связи с тем, что часто представляю»;
- г) идеи – средства (наивные, символические, логические), применимые в контексте установки: «Запомню это в связи с тем, о чем обычно думаю.»

Обращение к дополнительным средствам, хотя и рассматривается часто как аспект сознательного отношения субъекта к запоминанию, все же в действительном жизненном процессе, особенно в периодах мнемической

зрелости, является свернутым, быстрым, «послепроизвольным», мимолетно сознаваемым. Смена сознательности – подсознательности, рефлексивности – нерефлексивности в процессах использования средств запоминания типична для нашей активной памяти.

Положим, для меня приятен и значим момент, когда близкий человек дарит мне часы. Я сразу думаю, что нужно сохранить это состояние радости от внимания и любви к себе. К счастью, мой подарок, нежно сияя циферблатом, отныне будет со мной, и я смогу вызвать это состояние, когда захочу.

Совершая в юности свои утренние пробежки, наслаждаясь светом, свежестью и запахами сада, мы хотим навсегда оставить для себя эти неповторимо полные впечатления, связывая их с собой – бегущим. И в последующей жизни, пока бег дается легко и естественно, он может сопровождаться для нас роскошью воспоминаний об утренних ощущениях юности.

Странствуя по великолепным мирам Эрмитажа, мы в зале любимого художника захотим запомнить его картины, прежде неизвестные нам. В условиях временного дефицита и богатства мнемического материала мы сделаем для этого единственно возможное: живописные мотивы впервые увиденных полотен введем в контекст уже существующего в нашем душевном пространстве единого образно–символического «топоса», принадлежащего данному мастеру. Последующее воспроизведение новых картин - образов будет оживлением всей нашей внутренней галереи, связанной с именем этого автора.

Более сложные опосредующие зависимости характерны для запоминания феноменов мышления. Рассмотрим одну из них.

В процессе интеллектуального роста мы овладеваем конкретно – наглядными, образными и абстрактными идеями о значимых жизненных предметах. Идеи могут субъективно оформляться в «синкреты»,

символические понятия, логические концепты. (Ж. Пиаже, Л. С. Выготский) Развиваясь, понятие конкретной формы пополняется **новыми мнемическими содержаниями, связывающимися тем или иным образом с фрагментами или целым его устойчивой структуры**. Покажем это на примере понятия, легко доступного для индивидуального понимания на разных этапах возрастного становления.

В раннем детстве, запоминая что-нибудь о «льве», мы знаем, что это - тот, кто с гривой и хвостом – тот, кто рычит – тот, кто пугал Кота в Сапогах – тот, кто в песенке «съел парикмахера» и пр. Запоминаемое входит в этот длинный синкретический ряд, удерживаясь в нем слиянием с его элементами; последние способствуют взаимному запоминанию, притягивая к себе друг друга.

Когда позднее нас увлекает классический Миф, и знакомые вещи начинают жить в нас таинственной древней жизнью, «лев» тоже приобретает новое бытие, занимая свое место в субъективной структуре символических соответствий. Каждый новый элемент символики «льва» запоминается как необходимо и устойчиво встроившийся в данную структуру. Мыслеобразными средствами запечатления становятся друг для друга следующие подобия: лев – это тот, кто одновременно и «солнце», и «огонь», и «золото», и «красный», и «Марс», и «власть», и «царь», и «кровь» и т. д.

Когда иерархические системы научных понятий начинают восхищать нас строгостью и упорядоченностью своих внутренних отношений, мы начинаем использовать эти отношения для запоминания каждого нового определения в общей иерархии основного понятия. Так «лев» в качестве понятия науки вбирает на основе абстрактно опосредованного запоминания следующие определения: «существующее», «земное», «природное», «живое», «животное», «млекопитающее», «хищное», «крупное», «кошачье», «мужское», «властное», «почитаемое людьми», «красивое», «золотистое», «обладающее пышной гривой» и т. д. Запоминание любого элемента -

определения понятийной структуры сопровождается его **теоретическим пониманием** или внутренним выводением из логического и смыслового единства других элементов.

Силой опосредования можно существенно увеличить мощь запоминания, довести умение использовать его средства до настоящего мастерства. Однако этот путь не всегда доступен. Часто наилучшим детерминирующим условием запечатления является субъективное **повторение** или заучивание.

Об этой помогающей процедуре многое известно из классической экспериментальной психологии и психологии обучения. (114; 118) Основными формами повторения, связанными со специальными усилиями субъекта, являются «механическое» и направленное. Первое осуществляется без изменений и реконструкции заучиваемого в сравнении с предыдущим повторением. Относительно простой или упрощенный субъектом материал берется сплошь, буквально и «вдавливается» или «впечатывается» в поле его ментального опыта. Второе – направленное, сложно организованное, с укрупнением и улучшением мнемических содержаний после каждого очередного повторения. Для достижения полноты, точности или буквальности запоминания используются приемы реконструкции материала: выделение фрагментов, ключевых опорных элементов, основных связующих составляющих. Направленное повторение допускает работу с очень сложными материалами, а также их осмысление и свободные внутренние преобразования, облегчающие запоминание.

Процедура направленного повторения должна быть умело смоделирована и реализована. Эмпирически определены следующие основные требования к организации заучивания:

- тщательное ориентировочное ознакомление субъекта с материалом запоминания;
- формирование установки субъекта на достижение того мнемического эффекта, ради которого предпринимается заучивание;

- постановка задачи на определенное число улучшающихся и закрепляющих повторений;
- необходимая фрагментация, мысленное переструктурирование, выявление «трудных мест» материала, планирование субъективных продвижений в запоминании от повторения к повторению;
- определение основных приемов повторения: количества актов восприятия и репродукций запоминаемого; концентрированного во времени чередования восприятия – репродукции или серийной репродукции после одного восприятия, или распределенных во времени схватывающих и репродуктивных действий;
- самопроверка качества и динамики запоминания после каждого повторения;
- самооценка конечной эффективности заучивания и определение степени готовности использовать освоенный мнемический материал в соответствующих областях индивидуальной деятельности – учебной, профессиональной, коммуникативной и т. д.

С помощью повторений мы надеемся быть успешными в овладении содержаниями, особенности которых вызывают у нас субъективные затруднения при попытках быстрого, непосредственного и достаточно точного запечатления. Чаще всего, это содержания, заключающие **чужой опыт** познания, моделирования, изобретений, создания текстов, изображений, устройств, к которому мы еще внутренне не приобщены. Закономерное дистанцирование от сделанного другими существенно осложняет процесс его интеграции в наш личный опыт, требует многократных возвратов и дополнительных усилий сбережения. Мнемическая связь со многими из таких содержаний особенно быстро субъективно исчерпывается, и они теряют силу качественной и своевременной актуализации, приобретенную при заучивании.

Однако, в нашем опыте есть и множество таких событий, объектов, состояний, для запоминания которых не требуется искусственных вспомогательных процедур. Они как бы сами располагают к тому, чтобы быть запечатленными, схваченными по вдохновению. В отношении к ним действуют **субъективная открытость**, обусловленная сознанием, чувством или интуицией их тождественности нашему «я» и бессознательной «самости».

Продолжая экзистенциально – феноменологические описания свободы и спонтанности памяти, отметим, что ее **легко проникающими содержаниями** выступают:

- то, что необходимо связано с реализацией основных влечений и ценностных отношений субъекта;
- то, что включено в контекст увлекающей, захватывающей деятельности;
- то, чем субъект сильно эмоционально задет;
- то, что самостоятельно осмысливалось и стало эффектом понимания;
- то, что родилось в активной личностной рефлексии;
- состояние «пустоты», оставленное значимым забытым;
- то, что противоречиво, конфликтно в жизни и субъективно не разрешено;
- то, что направленно осуществлялось, достигалось, но осталось для субъекта незавершенным;
- то, что явилось новым в структуре значимой деятельности, что вызвало проблемное состояние;
- то, что стало для субъекта личной неудачей, неудачей;
- то, что сознается как личная возможность и перспектива;
- то, что хорошо соответствует устойчивому содержательно – смысловому плану общей ментальной структуры субъекта, его личным знаковым и символическим системам;
- то, что составляет основные мотивы и темы отношений с близкими, интимные основания идентификации с ними;

и т. д.

Рассмотренные закономерности запоминания, придающие ему характер сложного, самоорганизующегося и организованного процесса, позволили определить некоторые исходные условия нового цикла памяти – сохранения.

Спецификой распространенного научного отношения к этому явлению выступает создание объяснительных моделей, касающихся не самого феномена, а его разноуровневой детерминации: биохимической, физиологической, нейронной, рефлекторной, биоэнергетической (4; 63; 112; 142) Психическая динамика и психические выражения данного процесса и противоположного ему «забывания» представлены в сравнительно немногочисленных психологических трудах.

5.3. Сохранение.

Итак, запоминание, если оно не прервано в какой-то из своих фаз, переходит в длящиеся процессы сбережения, формирования внутреннего опыта, подготовки опыта к воспроизведению. Сохранение в качестве мнемической активности, а не реактивности, определялось Бергсоном понятием «живой тотальный психический опыт», Ясперсом – «длящиеся во времени диспозиции, которые при подходящем случае могут войти в сферу сознания», современные структуралисты - «синтез процессов психического кодирования и подготовка психических кодов к актуализации» (27).

В стремлении обосновать как целое активность запечатления и дальнейшую сохраняющую активность, научная психология различает такие **временные этапы и формы сохранения**.

1) Этап перцептивной фиксации объекта, важной для построения его первичного образа, опознания и выделения ключевых сенсорных признаков. Оценка необходимости удержания объекта в процессах будущей деятельности. По определению У. Найссера, это «сенсорная» или

«иконическая» память, посредством которой происходит первичный внутренний отрыв субъекта от воспринимаемого материала.

2) Этап оперативно ориентированного сохранения, не сопровождающегося установкой на пролонгированное участие объекта памяти в деятельности субъекта. Начинаясь с момента возникновения образа – «иконки», он состоит в идентификации объекта как значимого, в моделировании ближайших перцептивных, мыслительных и моторных операций с ним, в извлечении из ранее сформированного опыта информации, необходимой для построения данных операций, в пополнении актуализировавшегося опыта данными об изменениях объекта в ходе начавшегося цикла деятельности. «Выжатый» в информационном и практическом смысле объект перестает быть фокусом активной памяти субъекта. Однако, в случае ситуативно не исчерпанной значимости, объект становится длительно сохраняемым, ценным содержанием памяти.

Сбережение, для продления которого нет достаточных объективных и субъективных предпосылок, обозначается как «кратковременная память». Но именно в ее процессах создаются условия для следующего этапа сохранения, указывающего на возникшее углубление связи субъекта с недавно запечатленным. В частности, непосредственное кратковременное запоминание является необходимым условием эффективного вероятностного прогнозирования событий ближайшего будущего и дальнейшего удержания этого прогноза в составе ожидаемой деятельности.

3) Этап пролонгированного сохранения объекта, данного в образе – мысли – переживании, то есть ментально. Сопровождается интеграцией освоенного ментального содержания в целостность индивидуального опыта, присоединением к психической структуре объекта новых впечатлений, включением данных об объекте в состав моделей и проектов длительной и отсроченной деятельности, участием виртуального объекта в константных для индивида процессах активности и его присутствием в контекстах

социальной идентификации и самоидентификации. Форма памяти, соответствующая этому этапу сохранения, рассматривается как «долговременная».

Для каждой из перечисленных форм существуют свои меры длительности. По вариативным результатам экспериментов и наблюдений ими выступают: для сенсорной памяти – доли секунды; для кратковременной – секунды, минуты, часы; для долговременной – часы, дни, недели, месяцы, годы, жизнь.

Приведенная дифференцировка процесса сбережения касается, в основном, онтогенетически приобретенного опыта и не относится к априорному архетипическому опыту индивида. Однако, в интерпретации глубинной психологии, архетип способен притягивать, придавать личную форму и ассимилировать прижизненные воздействия и влияния, так, что их трудно рассматривать в качестве совершенно новых объектов памяти, которые со временем могут распасться или исчезнуть из внутреннего пространства. Архетипические предрасположения сами «отбирают» объекты сознательного и бессознательного сохранения и впитывают их по закону непреходящего сродства с индивидом. Этот план индивидуальной памяти реализуется не на «стреле времени», а на «вертикали вечности».

Как бы то ни было, и жизненное, и наджизненное длительное сохранение обладают хорошо наблюдаемыми общими психологическими чертами, позволяющими отвлечься от проблемы первоистоков личного опыта. Действительно, с психологической точки зрения не менее важно, то, что герой Пруста на многие годы сохранил в совершенной живости образ любимой женщины, садящейся в автомобиль, чем то, что это произошло с ним вследствие соответствующего настроения или особого освещения, или потому, что не было для него ничего незначительного и незначимого в этой женщине, или потому, что в этот момент она **должна была напомнить** его мать.

Наиболее часто встречающимися в психологических описаниях чертами сохранения выступают следующие.

Целостность. Сохранение и его эффекты рассматриваются в понятиях «целого», «единства», «структуры». Все сохраняемое, в частности, отождествляется с феноменом **индивидуального опыта**, в котором слитость и связность бывших впечатлений доминирует над их дифференцированностью, а фрагментарное их воспроизведение всегда свидетельствует в пользу его тотальности и интегрированности. Тотальная память во всех своих многочисленных богатствах всегда **есть**, но не находится в каждый данный момент в нашем распоряжении. (93, с.190)

Кроме того, связь сберегаемых жизненных содержаний берется в форме **единого «я»**, которое не распадается при переходах за порог сознания и позволяет нам при пробуждении находить себя тем же самым, что и до сна. Принцип целостности при изучении сохранению позволяет связать с этим процессом феномен **«моего прошлого»** - ретроспективного образа, собравшего воедино осознанные события, которые относились ко мне и произошли со мной.

Понимание сохраняемого. Содержания памяти, способные выйти на поверхность сознания и участвовать в целесообразной и направленной деятельности субъекта, выступают, как правило, продуктами личного принятия, интерпретации или понимания. Сбережение обеспечивается разными **типами понимающей активности**, осуществляемой в отношении осмысленных, концептуальных материалов.. (21)

Сохраняются понятные субъекту тексты и высказывания, которые приняты им в качестве руководств и указаний к собственным действиям. На основе понимания сохраняются высказанные намерения других, если они реально влияют на их поведение. Сберегаются чужие идеи, если мы смогли представить их для себя в личной форме, «своими словами». Сохраняется то, благодаря чему мы достигли согласия и взаимопонимания с другими по

поводу совместных действий. Виртуальный опыт пополняется содержаниями, указывающими на наше общее понимание вещей со значимыми другими: соотносимыми значениями наших высказываний, невербальными выражениями сходных смыслов. Наш опыт существенно обогащается и за счет понимаемых нами жизненных проблем и построенных удачных алгоритмов их решения. Особо располагают к сбережению знания и идеи, которые многократно успешно применяются в практических жизненных действиях.

Изменения при сбережении. Сохранение может не сопровождаться сколько-нибудь существенными изменениями запечатленных содержаний либо допускает их реконструкции в виде обобщения, схематизации, генерализации, конкретизации, разрастания, сгущения, поглощения другими, наложения друг на друга, взаимные подмены и подстановки. Возможно творческое преобразование содержаний, и тогда они качественно улучшаются или входят в состав новых оригинальных гештальтов. Иногда сохраняемое трансформируется в самостоятельный продукт авторской интуиции и удивляет субъекта креативной избыточностью памяти.

Когда объект утрачивает личную значимость или не стал неотъемлемым элементом одной из ключевых смысловых структур личности, не «врос» ассоциативными корнями в активный жизненный опыт субъекта, он может потерять при сохранении некоторые свои существенные характеристики, стать беднее в сравнении с моментом запечатления. В связи с утратой личной ценности сберегаемое содержание может стать проницаемым для негативных характеристик, которые субъект невольно навязывает ему. Они изменяют и образ, и понимание объекта. Он сохраняется как некий антипод своим первичным репрезентациям. Так юношеские увлечения, разоблаченные временем, при напоминании всплывают как смутные и раздражающие образы, от которых тут же отрекаются, говоря: «Это пустяки, несерьезно, это все прошло...»

Субъектная детерминация. Сохранение может сопровождаться устойчивой субъектной установкой на эффективное удержание объекта, или же судьба его зависит от спонтанных мнемических процессов. Субъектная установка существует в виде сознательно и подсознательно присутствующей мысли, что «это» должно быть и есть в памяти. Благодаря ей, мы при воспроизведении узнаем, что сбереженное является именно тем, на что мы настраивались и с чем «работали» в процессе запоминания. Она позволяет нам действовать на свое прошлое, устанавливая его связи с собой – нынешним. Когда мы перестаем направленно и рефлексивно пополнять свое ушедшее актуальными содержаниями, мы постепенно «теряем непрерывное я». Установка также ориентирует нас на частое вспоминание как способ эффективного сохранения. Известна ценность постоянного эксплицирования опыта в интеллектуальных, художественных и т. д. тренировках мастерства.

Спонтанное сбережение бессознательно вовлекает запечатленный объект в скрытую динамику мотивационной, эмоциональной, интуитивной активности, устанавливая прочные отношения между ним и другими тайными значимостями. Внезапно появляясь в воспроизведении, объект или осознается как неизвестное содержание памяти, или нерефлексивно входит в состав вспоминаемого, или осознается как принадлежащее «другому я»

Описывая кому-то событие из своей прошлой жизни, мы воссоздаем его целое из элементов разного плана: тех, которые мы хотели запомнить и запомнили в более или менее тесной связи со своим прошлым., тех, которые нас удивили своей сохранностью, тех, которые мы воспроизвели незаметно для себя (не вспомнили), но заметно для слушателей, и, возможно, тех, которые мы не узнали как существовавшие в нашем опыте.

Скрытое сохранение. На его существование указывают философско – психологические наблюдения о значительно большем объеме и масштабе сохраняемых содержаний в сравнении с воспроизводимыми в нормальных

условиях. Отмечаются и качественные преимущества сберегаемого перед обычно извлекаемым..

В отличие от экзистенциалистов, предполагающих принципиальную, хотя и редкую, возможность достичь состояния «собранности», то есть полного присутствия тотального опыта в одном моменте интенсивного я-проживания, психологи трансцендентальной ориентации придерживаются гипотезы о том, что богатства скрытой памяти могут проявиться только в неординарных условиях максимального снижения я-активности и к тому же со странной избирательностью и фрагментарностью.

Карл дю Прель, на исследования и описания «критических случаев памяти» которого ссылались знаменитые психоаналитики, предложил эмпирически различать следующие типы оживления отдельных скрытых содержаний памяти.

- Усиление памяти во сне:

«Гервей видел во сне толпу проходивших перед ним людей, возвращавшихся, по-видимому, с праздника. Он смотрел на них с большим вниманием и удержал в памяти одно из лиц даже после пробуждения...Оказалось, это лицо было точным воспроизведением лица, мелькнувшего перед ним на картине модного журнала за несколько дней до сна.» (57, с. 251)

По замечанию автора, сохранение здесь несомненно сопровождалось творческой фантазией, благодаря которой двумерный образ превратился в трехмерное, живое и деятельное существо.

- Усиление памяти у сомнамбул:

«Пациент врача Пеци захотел произнести в бодрственном состоянии отрывок из речи об изящных искусствах, но это ему не удалось...В одном из последовавших затем сомнамбулических кризисов он не только вспомнил весь этот отрывок, но даже указал книгу, страницы, строки, содержавшие его.» (Там же, с.267)

Подобные феномены объясняются активизацией трансцендентального сознания в условиях снижения способности осознанного чувствования.. Неординарное сознание заполняется теми содержаниями, которые в момент их возникновения в нормальном восприятии казались субъекту маловажными. Между событиями, пережитыми субъектом в состояниях кризисов устанавливается бессознательная связь, обнаруживаемая им только в самих этих состояниях.

- Усиление памяти при раздвоении или «чередовании» сознания:

«Венецианка Маркеше Солари в детстве говорила по-французски – мать ее была француженка, - но впоследствии разучилась этому языку. Будучи взрослой, она во время лихорадки забыла итальянский язык, на котором говорила постоянно, и опять начала свободно говорить по-французски. Выздоровев, она снова забыла французский язык и продолжала говорить по-итальянски. В глубокой старости она забыла итальянский и вернулась к языку своего детства.» (Там же, с.297)

В случаях этого типа сохранение перестает служить сознанию самоидентичности субъекта при смене его общих состояний: здоровья – болезни, развития – регресса. Опыт, связанный с одним состоянием, становится скрытым при переживании другого. Единый носитель памяти расщепляется; каждому состоянию соответствует особая память.

- Усиление памяти при приеме наркотиков:

«В наркотическом состоянии одному курителю опиума часто рисовался образ одной женщины, которую он видел всего только раз вечером на одной из лондонских улиц, но которая произвела на него сильное впечатление. В бодрственном состоянии он мог вспоминать о ней равнодушно...» (Там же, с.309)

Ослабленная временем эмоциональная оценка сохраняемого впечатления восстанавливается в неординарном психическом состоянии во всей своей

первоначальной силе. Скрытой памяти не касаются текущие «стирающие» события.

Итак, по заключениям исследователя, глубинное сохранение заявляет о себе посредством **обогащения представлений и усиления переживаний** в условиях снижения активности восприятия, бессознательного творческого фантазирования, трансцендирования и патологического разделения «я». Подразумевается, что все впечатления на каком-то уровне опыта никогда не теряют своей свежести и полноты, и далеко не все, что входит в опытную иерархию, осознается как воспринятое и запечатленное.

Связь с формами воспроизведения. Для разных видов сохраняемых содержаний адекватны различные воссоздающие процессы. Как мы видели, для скрытой памяти – это «усиленная репрезентация». Для ярких, но давно не актуализировавшихся образов и чувств – это внезапные всплывания или «риминисценции». Для повседневно затребованных следов представлений, мышления, оценочных действий адекватна «мнемическая репродукция». Условиям совершенствующейся деятельности больше соответствует «вспоминание» с углублением и конструктивным изменением содержания. Для извлечения опыта в процессах духовного поиска, самопознания, самопрояснения необходимо «вспоминание», близкое по своим характеристикам к продуктивным формам психической жизни.

Связи процессов сохранения и воспроизведения касается также психологическая проблема **забывания**. Переходим к ее рассмотрению.

С забыванием отождествляют разнородные психические феномены. Например, уход содержаний в бессознательное, не проявляющее себя в действительной жизни, или исчезновение следов прошлого из ментального пространства индивида, или «подавление» индивидом опыта, не совместимого с требованиями окружения, или замещение менее эффективных моделей жизненной активности более эффективными, или освобождение сознания от малозначимой информации, или, наконец, недостаточность

воспроизводящих усилий, оставляющая опыт в виртуальном состоянии. Каждая из интерпретационных гипотез улавливает, по-видимому, одну из многих существенных сторон забывания. Но они трудно проверяемы, так как традиционные психологические исследования не-сохранения направлены на анализ его детерминантов, косвенных причин, сопутствующих условий и последствий, а не на его внутренние суть и динамику. Ближе всего к пониманию некоторых внутриспсихических оснований забывания подошел фрейдовский психоанализ.

Различия в понимании забывания связаны с его рассмотрением либо в качестве полной утраты содержаний, символизируемых когда-то людьми как «преданные забвению», «канувшие в Лету», «поглощенные тьмой», либо в качестве временных потерь, временного не-воспроизведения, преодолеваемых при снятии подавляющих, стесняющих, оттесняющих и тормозящих условий. Различаются также забывание сплошное и частичное, захватывающее, соответственно или весь объем материала, или фрагменты его структуры.

Упомянем несколько наиболее типичных эмпирических подходов к проблеме забывания, отражающих теоретические установки исследователей.

Исследования изменений продуктивности воспроизведения под влиянием «чистого» забывания. Осуществляются с целью установления связей между временем сохранения, утратой субъектом возможности полноценной репродукции и динамикой ухудшения результатов репродуцирования. Фактор влияния направленной активности субъекта на сбережение и воспроизведение нивелируется за счет процедуры экспериментов. Классическими примерами выступают исследования Г. Эббингауза и А. Пьерона. В опытах Эббингауза определена динамика чистого забывания по критерию не – воспроизведения заученного бессмысленного материала. Самые высокие темпы утраты содержаний происходят в течение 1го – 2го часа, протекших с момента заучивания. Сократившись после двух

дней сохранения до 25%, объем воспроизводимого материала устанавливается на относительно стабильном уровне; забывание замедляется, и следы запоминания к концу месяца сохранения составляют около 20% заученного.

Эксперименты Пьерона обнаружили зависимость темпов забывания от осмысленности мнемических содержаний. Заучивание связного вербального материала обеспечивает его сохранение и воспроизведение с относительной полнотой и точностью до 7 дней. С этого момента на протяжении 50-ти с лишним дней происходит прогрессирующее забывание. Затем наблюдается значительное замедление темпов утраты содержаний и оказавшиеся наиболее устойчивыми фрагменты материала могут сохраняться еще длительное время. Сберегаемый и актуализируемый осмысленный материал намного превосходит по объему плохо структурированный, бессмысленный. (136)

Наблюдения отношений индивида к забыванию. Основаны на феноменологическом анализе, применении психоаналитических техник, культурно – историческом понимании содержания и средств памяти.

Субъективные отношения к забыванию различают прежде всего по критерию осознанности и рефлексивности. Существует забывание, о котором мы знаем, помним, понимаем его причины, и то, которое не коснулось сознания в качестве значимого события не-сохранения чего-то важного.

Знаемое забывание может быть преодолено субъектом в результате припоминающей и воспроизводящей активности. Однако, даже при значительных усилиях вспоминания, возврата утраченных содержаний может не произойти. Соответственно, с разной эффективностью реализуется отношение, противостоящее забыванию и восстанавливающее, оживляющее память.

Выделяют особую форму «организованного» забывания или особо заинтересованного отношения к не-сохранению, сутью которого является использование созданных и закрепленных в культуре средств, блокирующих

актуализацию нежелательных для субъекта содержаний. Это разнообразные приемы «магических расправ», символических разоблачений и уничтожений, уже отмечавшихся «отобъяснений», критики, обесценивания. Указанные средства применяются и направленно, ритуально, в виде особой игры в «невозвратное» прошлое, и стихийно, непроизвольно, при обращении к опыту личного и коллективного бессознательного. Во всех случаях избирается вещный, поведенческий, концептуальный заместитель устраняемых впечатлений. Символами забвения мы избираем, например, разрушение, сжигание, выбрасывание вещей - напоминаний, перемену окружения и обстановки – свидетелей прошлого, замену объекта нежелательного впечатления новым объектом, искусственное игровое воспроизведение прошлых событий с новым конструктивным поворотом, наши действия, которые преобразуют объект в обладателя свойств, которые уже «не надо забывать». (83)

То, что Фрейд обозначил как «запрятывание» или «затеривание» бессознательно отвергаемой вещи, напоминающей о чем-то нежелательном, не нравящейся или разонравившейся, тоже свидетельствует о специфическом отношении субъекта к забыванию: последнее наступает неожиданно, «вызывает удивление или досаду, вместо того, чтобы мы считали его естественным» (132, с. 13) И здесь можно говорить об опосредовании забывания, но скрытом от сознания, составляющем загадку для самого субъекта.

Мы можем также отнести к забыванию как «иллюзорному», когда внезапно воспроизводится то, что субъективно не вызывалось к актуализации, что не должно было быть кодом нашего значимого знания, переживания или действия.

Детально проанализированные Фрейдом феномены таких «ошибочных действий», как оговорки, описки, очитки, ослышки, временное выпадение какого-то знания, например, имен собственных, недолгое забывание

намерений, впечатлений, переживаний также указывают на определенные типы отношений к забыванию. Речь идет о невольной вовлеченности субъекта в воспроизведение знаков, символов, симптомов «забытых» смыслов или беспомощности усилий, прилагаемых к воспроизведению того, чему сам субъект внутренне бессознательно сопротивляется. В случаях подмены одного слова другим, ассоциативно связанным с первым (вроде отмеченной Фрейдом оговорки президента палаты депутатов при открытии заседания: «Господа, я признаю число присутствующих достаточным и объявляю заседание *закрытым*»), обнаруживается столкновение двух намерений и заключенных в них смыслов. Одно намерение выступает «нарушающим», другое – «допущенным». При этом нарушающая мотивационно – смысловая оппозиция сознательно подавляется, ситуативно забывается, но выражает себя в словесной ошибке взамен нужного слова.

«Нарушающее намерение оттесняется. Говорящий решил не допустить его выражения в речи, и тогда произошла оговорка, т. е. оттесненное намерение все-таки проявилось против его воли, изменив выражение допущенного им намерения, смешавшись с ним или даже полностью заменив его.» (Там же, с.39)

При не-воспроизведении имен или намерений тоже действует нарушающая смысловая тенденция, которая «забываясь» и маскируясь, выражается в блокировке воспроизведения допущенного субъектом смысла. Появляется двойное забывание: и нарушающей, и допущенной тенденции. Выпадение ожидаемой реакции, как и в случае запятывания или затеривания вещей, вызывает у субъекта удивление, недоумение, раздражение.

Когда же не-сохранение касается неприятных впечатлений и переживаний, и если оно «выходит за рамки обычного опыта, т. е., например, когда забываются слишком свежие или слишком важные впечатления, или такие, забывание которых прерывает связь событий, в остальном хорошо

сохранившихся в памяти» (Там же, с.46), имеет место бессознательное защитное отношение субъекта к забыванию как желательному.

Выявление условий, способствующих забыванию. Наблюдения, касающиеся данных условий, можно найти в экспериментальной психологии памяти, в трудах по философской психологии, в психоанализе, в структурной и экзистенциальной психологии. Обобщим их в следующих положениях, часть из которых давно фигурирует в научной психологии в ранге «законов» нормальной памяти, а также ее нарушений..

- Легко забываются содержания, находящиеся с актуально запомиаемыми материалами. в отношениях сходства, подобия, взаимной замещимости.

- К забыванию больше расположены фрагментарные, неструктурированные содержания в сравнении с целостными содержательными структурами.

- В структуре динамического события скорее забываются центральные моменты событийного течения, чем начальные и завершающие.

- Забывается то, что оказалось под влиянием «интерференции» или конкуренции раньше и позднее освоенных содержаний. «Ретроактивная интерференция» действует как погашение ранних содержаний поздними в связи с факторами ассоциативной подмены, похожести, большей субъективной значимости, смещения интереса с прошлых впечатлений на актуальные и т. д. «Проактивная интерференция», обусловленная теми же факторами, действует в противоположном направлении, при доминировании прошлых впечатлений, оттесняющих, препятствующих закреплению свежих.

- Забывается то, что не затребовано к актуализации текущей жизнью, что не входит в состав регулярно возобновляющейся деятельности и поведения.

- Легче забывается то, что утратило для субъекта личный смысл, то есть перестало составлять предмет или средство осуществления желаний, стремлений, намерений.

- Забыванию подвержено то, что не осознано субъектом как результат его личных усилий, самостоятельной деятельности, творчества.

- Из опыта может уйти то, что составляло результат оперативной памяти, служило вспомогательным содержанием при решении какой-то основной задачи, оказалось субъективно исчерпанным и завершенным.

- Легче, в сравнении с приятными или неприятными впечатлениями, забываются эмоционально нейтральные, безразличные содержания.

- Забываются вытесняемые в бессознательное впечатления – ощущения, образы, интуитивные установки, переживания, желания, идеи, - которые угрожают личностной целостности, равновесию, душевному комфорту.

- Не помнятся впечатления и события, не отнесенные личностью к «я» как единому источнику, объекту и субъекту психической активности. Из контекста индивидуальной жизнедеятельности легче исчезают те данные опыта, которые не осознаны, не отрефлексированы.

- Не сохраняется то, что принципиально не доступно пониманию, что нарушает интеллектуальную уверенность в закономерности и упорядоченности объективных процессов и явлений и что не вызвало поискового, исследовательского импульса у субъекта.

- Легче рассеиваются те мнемические материалы и содержания, по отношению к которым у субъекта отсутствовала активная установка на длительное сохранение и своевременное воспроизведение.

- Легко распадаются мнемические содержания, не входящие в обобщенные, абстрактные структуры опыта, а представляющие собой живые слитые впечатления, сцепленные в случайных ситуативных, эмоциональных, ассоциативных последовательностях.

- Распад мнемических содержаний осуществляется также в условиях аномального или патологического процесса при функциональных и органических расстройствах психики. Забывание этого типа имеет форму **конфибуляций** или обманов памяти, подстановки ложных содержаний взамен несохраненных, присочинений, выдумок, **гипомнезии** или существенного ухудшения сбережения, **частичной амнезии** – выпадения

определенных ограниченных психических содержаний, действий и функций, **общей амнезии** или полного нарушения длительного сохранения и отсроченного воспроизведения. По характеру утраченных содержаний различают **ретроградную** общую амнезию, состоящую в забывании всего, что предшествовало началу расстройства памяти и **антероградную**, связанную с выпадением событий, следующих за началом мнемического нарушения. (112)

В исследованиях забывания подчеркивается как его защитное, охраняющее, так и деструктивное, разрушающее влияние на целостность и поступательную динамику психики. Не-сохранение, полностью овладевшее индивидуальной жизнью, превращает ее в фантастический и трагический процесс непрерывного распада, абсолютной необратимости, потери прошлого и ненаступления будущего. Сошлемся на поразительное описание подобного забывания, приведенное К Ясперсом:

« 31 мая 1926 года 24-летний слесарь отравился газом. В 1930 году он подвергся обследованию. Воспоминания, предшествовавшие дню отравления, сохранились, но с того времени к ним ничего не добавилось. Любое новое впечатление улетучивалось через две секунды. Любой более или менее развернутый вопрос забывался еще до того, как его успевали сформулировать. Больной мог отвечать только на самые краткие вопросы. «Вчера» для него было всегда 30 мая 1926 года; Все, что противоречило этой убежденности, на мгновение озадачивало его, но противоречие тут же забывалось. После случившегося инцидента его невеста вышла за него замуж. Он не знал, что это действительно произошло и на вопрос: «Вы женаты?» отвечал: «Нет, но я собираюсь жениться».... По сравнению с прошлым отмечалась возросшая интенсивность чувства... Любая ситуация в его сознании изолировалась, не включаясь ни в прошлое, ни в будущее....Он жил всецело в настоящем,

но не во времени... Сам больной не сознавал, что его память нарушена и не замечал этого обстоятельства...» (160, с.222)

Нормальное пространственно – временное течение жизни предполагает непрерывное выражение потенций и возможностей памяти в актах воспроизведения. Частью они осуществляются как самодостаточная актуализация запечатленного, но в основном, как опосредующее психическое звено мотивационных, интеллектуальных, эмоциональных, поведенческих состояний и проявлений субъекта.

5. 4. Воспроизведение.

Поскольку в этом процессе память обнаруживает, воссоздает и продлевает себя, то есть доказывает свою жизненную важность и мощь, он никогда не переставал быть предметом внимания мыслителей, исследователей, аналитиков, выходящих на самые сложные проблемы психического. Аристотель на примере **воспоминания** показал полноту и сплошную связность представленности прошлого в настоящем психической жизни. Вспомнить – значит совершить «путь в прошлое», осуществить особую духовную деятельность, иногда растянутую в настоящем как постепенное и скачкообразное углубление в мир прошедшего и восстановление последовательности когда-то бывших событий. Воспоминание оживляет застывшие скрытые содержания и может установить между ними не-бывшие, новые отношения.

Бергсон феноменологически различил «чистое воспоминание», обобщающее и развивающее длящийся во внутреннем времени духовный опыт воображения и мысли, и «телесную память», воссоздающую во внешнем времени простые поведенческие навыки, двигательные автоматизмы, быстрые устойчивые операции восприятия, идео-моторные акты и т.д. В наблюдаемой динамике жизни эти две формы воспроизведения могут проявляться относительно автономно, однако во множестве событий

субъективной деятельности они едины и образуют общий процесс «актуализации с углублением». Его эффектом становится чувственно проживаемое действие или **восприятие и опознание** конкретной вещи, в «точке» которых «конусом» сходятся рассеянный и одновременно целостный, погруженный и распространенный в прошлое опыт всех душевных впечатлений о тех же самых или аналогичных действиях и вещах.

«Для того, чтобы воспоминание появилось в сознании, необходимо, чтобы оно спустилось с высот чистой памяти – к той строго определенной точке, где совершается действие. Именно от настоящего исходит призыв, на который отвечает воспоминание, но именно от сенсомоторных элементов наличного действия воспоминание заимствует дающее жизнь тепло.» (16, с 256)

. Бергсоновская идея узнавания в воспринимаемом предмете «следа» скрытой ментальной активности, принцип «конуса восприятия», рассмотрение чувственного образа как «тяжелой точки» актуальности, в которой «упакован» пройденный жизненный путь, привлекли своим объяснительным изяществом М. Пруста. Его точное и оригинальное понимание философско-психологических проблем памяти было специально отмечено М. Мамардашвили, одним из лучших современных интерпретаторов прустовских текстов:

«Есть фундаментальная разница между тем, что мы пытаемся произвести ментально, то есть чистым или голым рассудочным актом, и тем, что заряжено некой чувствительностью, живой силой чувствительности. Мы это видим на примерах памяти: память как один из кумуляторов этой живой чувствительности есть нечто такое, что определяет – увидим ли мы нечто в качестве цветка или не увидим. Мы видим, что источником видения цветка как цветка является не факт существования цветка в мире, а нечто другое – лишь в конусе цветов прошлого я сегодняшние цветы воспринимаю как цветы. Иначе они для

меня не являются источником тех состояний, эмоций, прогрессии, если угодно, которое мы называем восприятием или реакцией на цветок.» (93, с 364)

И еще одна идея, указывающая на временную и культурную преемственность понимания феноменов памяти, если она исследуется экзистенциально, при напряженном сознании жизни. Снова в континууме делящегося понимания Бергсон – Пруст – Мамардашвили.

Воспроизведение - воспоминание совершается как событие, где вещь, живая перцепция вещи и богатство мнемического содержания, относящегося к вещи, соответствуют друг другу. Чистота, ментальность, духовность воссозданного следа памяти ценны не сами по себе, а в той мере, в какой этот след может подтвердить действительность, реальность вспоминаемой вещи, что достигается особой интеллектуальной **операцией согласования** или узнавания, что **это есть именно это**, «что след лица – вот, который передо мной, есть след именно этого лица». (Там же, с. 182) Эффектом согласования является переживание «очевидности», истинности вещи и радости от встречи с ней. Чистое воспоминание, таким образом, актуализируется, чтобы усилить восприятие и наполнить его смыслом прошлого, чтобы вызвать у субъекта памяти уверенность в происходящем и удовлетворенность им. Существует парадоксальная «одновременность» активности памяти в субъективном прошлом и объективном настоящем: «согласование вспомненного следа с тем, следом чего он является, всегда совершается сейчас и здесь, в **момент**, и присутствует **целиком**» (Там же) Воспоминание оказывается в большей мере связывающим нас с настоящим, чем действующая на нас вещь и ее пассивное восприятие. Воспроизведение – согласование является моментом достижения «точки» бергсоновского «конуса» или точки вхождения опыта в акт полноценной, интенсивной перцепции.

Приведенные общие характеристики относятся к воспоминанию как одной из известных форм воспроизведения, являющейся самой интеллектуальной,

сознательной и интересной для индивидуальной, художественной и научной рефлексии. Притом, она выступает и самой двойственной, противоречивой во временном отношении формой, так как, существуя в виде **последовательности** воссоздаваемых образов, впечатлений, идей, воспоминание в какой-то момент должно стать **одновременной картиной прошлого**, придающей смысл и значение сейчас- происходящему. (26)

Превращение последовательности в одновременность, спонтанность многих воспоминаний, частая неясность причин их возникновения, удивляющая сохранность и обогащение их содержаний от одной актуализации к другой, достижение необычно ярких и полных мнемических эффектов при особых ментальных усилиях придавало и придает воспоминанию, по словам Н Бердяева, «метафизическую таинственность». Тайна как атрибут совершенного процесса сближала для него память и творчество. В философско - психологических определениях жизни Бердяев помещал «память» в ряд ведущих экзистенциальных ценностей, считая ее творческой, преобразующей. Красота прошлого в воспоминании не есть красота эмпирически бывшего; это есть красота настоящего. Вспоминая прошлое, мы сознательно совершаем творческий акт осмысливания и преобразования. (17)

Итак, отличительными особенностями воспоминания, исторически отмеченными многими исследователями, являются: осуществление по типу углубления в опыт прошлого, а также извлечения целостных, связных фрагментов опыта; его реализация в качестве развернутой во времени продуктивной деятельности; соединение в воспоминании тотального опыта прошлого с данными восприятия и актуального действия; детерминация воспоминанием переживания реальности и очевидности происходящего; придание интенсивности воспринимаемому и проживаемому; сознательность воспоминания, его рефлексированность; творческие возможности; присутствие в нем скрытых от сознания процессов и содержаний.

Воспоминание обычно включено в сложные структуры психической динамики. Это структуры мышления, воображения, фантазии, развивающейся мотивации и чувства. Возникновение воспоминаний возможно в условиях психического прогресса, в противоположность инерции, и достижения зрелости, в противоположность инфантильному отношению к жизни. Однако, данная форма не реализует всех функций воспроизведения, особенно тех, которые свойственны памяти начальных этапов онтогенеза.

Различные жизненные задачи решаются посредством разнообразных форм воспроизведения, которые, впрочем, обладают свойствами взаимовлияний и взаимопереходов. Кроме воспоминаний, психологически различаются воспроизведение - репродукция, реминисценция, воспоминание, припоминание.

Репродукция. В своем основном назначении служит буквальному, полному воссозданию содержаний и способов привычных, заученных, произвольных и внесознательных действий. Субъективные ожидания, связанные с репродукцией – быстрое и безупречное узнавание и опознание; точное повторение жизненно значимых знаний и моделей поведения и деятельности; легкость и совершенство воспроизводства навыков, включая профессиональные, интеллектуальные, коммуникативные; спонтанное, естественное удержание в контексте новой деятельности прежде сформированных образно – понятийных структур.. Наилучший эффект, достигаемый мнемической репродукцией, должен быть максимально близок материалам запоминания и не должен требовать активного опосредованного извлечения. Без мнемических репродуктивных включений невозможны преемственность и обратимость жизненных действий, образующих непрерывный и большей частью неререфлексируемый поток психической активности.

«Всплывания» или реминисценции. Это произвольные, неожиданные для субъекта репродукции фрагментов мысли – образных содержаний,

которые осознаются как невызванные, непрошенные, не имеющие очевидного смысла для текущей жизни. Они кажутся каким-то мнемическим избытком, а при повторении раздражают как навязчивые. Всплывают незначительные события прошлого, слова и мелодии случайно залетевшей когда-то в сознание песенки, детские стишки, малознакомые лица и т. д. Психоанализ в событиях реминисценции обнаруживает глубинный бессознательный подтекст, а сами они рассматриваются как манифестации вытесненных содержаний и смыслов, так что всплывшее «неважное» оказывается сигналом, кодом скрытого конфликта, или прошлого проступка, или неосуществленного желания.

Сходством с реминисценцией по признакам спонтанности и отсутствия понятной связи с направленной сознательной активностью обладают мнемические включения в сновидения, хотя в сравнении с «дневными» всплываниями, последние бессознательны в момент возникновения и представляют собой скорее отрывки опыта, чем его целостные фрагменты. Так же, как обычные реминисценции, сновидные воспроизведения обладают проективным значением и функцией, то есть актуализируются в виде символических содержаний.

Вспоминание. Форма активного воспроизведения, в котором субъект заинтересован. Вспоминание выступает откликом на запросы текущей сознательной произвольной деятельности, отличающейся знакомостью и привычностью, отлаженностью операций и средств. Вспоминаемые содержания актуализируются в виде надежных, апробированных условий успешного течения и завершения деятельности и не требуют усилий направленного извлечения с использованием сложных мнемических приемов. Они входят в состав хороших индивидуальных «гештальтов» профессиональных, социальных, игровых и др. действий. В динамике творчества они часто возникают как интуитивно «подставленные» субъектом материалы для своих новых образов или идей. Вспоминания обычно не

проживаются как случайные, озадачивающие; они органичны для личности, ее целостности; в осознании выступают тем, в чем можно быть уверенным, чему надо следовать, что указывает на устойчивые значимости жизни. Они эксплицируют сложившиеся внутренние координаты единого «я» личности, так что в их привычных смыслах, сюжетах, символах и знаках она неизменно узнает себя. Прорываясь в сознание после сна или обморока, они помогают нашему обобщенному узнаванию «я» в том же качестве, что и до наступления бессознательных состояний.

Вспоминание тесно связано с активными в данный жизненный момент влечениями и мотивами. Движение воспоминаний в русле ведущих желаний придает им определенную свободу появления в сознании, иногда подобную всплываниям. Однако, для личности в них нет никакой странности и отвлеченности от жизненных интересов.

Мотивационная заряженность данной формы воспроизведения вызывает ее характерную эмоциональную окрашенность. Воспоминания о событиях осуществления основных стремлений сопровождаются удовольствием, радостью. Воспоминания о неудачах в реализации стремлений наполнены тревогой, неудовольствием, раздражением, тоской. Они становятся «напоминаниями» о нерешенных жизненных задачах или проблемном жизненном положении индивида. Ближе всего к границе воссоздания и осознания находятся содержания **ведущего** или **ведущих** влечений и потребностей. По последовательности воспоминаний, проступающих в относительно пассивное сознание, можно судить, кроме собственно мнемических закономерностей, и об индивидуальной иерархии побуждений вспоминающей личности.

Персонаж Льва Толстого – Степан Аркадьевич Облонский – обладал соотношением стремлений, раскрытым автором в следующем фрагменте «Анны Карениной»: «Как ни старался Степан Аркадьевич быть заботливым отцом и мужем, он никак не мог помнить, что у него есть жена и дети. У него

были холостые вкусы и только с ними он соображался.» (126, с. 287) И вот описания соответствующей динамики его воспоминаний наутро, сразу по пробуждении, на третий день после тяжелой ссоры с женой. Воспроизведение касается только что виденного сна и подробностей семейной размолвки..

«Да, да, как это было? – думал он, вспоминая сон – Да! Алабин давал обед в Дармиштадте; нет, не в Дармиштадте, а что-то американское. Да, но там Дармиштадт был в Америке. Да, Алабин давал обед на стеклянных столах, да, - и столы пели....И какие-то маленькие графинчики, и они же женщины», - вспоминал он.

Глаза Степана Аркадьевича весело заблестели, и он задумался, улыбаясь... И тут он вспомнил вдруг, как и почему он спит не в спальне жены, а в кабинете; улыбка исчезла с его лица, он сморщил лоб.

«Ах, ах, ах! Ааа!..» – замычал он, вспоминая все, что было. И его воображению представились опять все подробности ссоры с женою, вся безвыходность его положения и мучительнее всего собственная вина его.»
(Там же, с.7)

Вспоминания, как и некоторые реминисценции или мнемические элементы сновидений, могут служить выражениями скрытого сохранения и указывать на содержания, отличающиеся от прямого смысла воспоминаемого. Именно о таком типе воспроизведения идет речь в работе З. Фрейда «Детское воспоминание из «Поэзии и правды». Здесь анализируется эпизод из раннего детства Гете, приведенный им в знаменитом автобиографическом труде. Вопросы, заслуживающие с точки зрения Фрейда серьезного рассмотрения, сформулированы в его работе следующим образом: «Какие подробности детских лет запечатляются в забывающей многое детской памяти? Не есть ли удержавшееся в памяти со времен раннего детства самое значительное в жизни? Почему ценность таких воспоминаний очевидна лишь в редких случаях? Не связаны ли они с другими, в самом деле значительными переживаниями, для которых они служат воспоминаниями – прикрытиями?»

Картина жизни, воссозданная Гете, относится к одной из его «проделок» в четырехлетнем возрасте.. Он играл с глиняной посудой, но игра быстро наскучила. Тогда он швырнул один из горшочков через окно на улицу, и «пришел в восторг от того, как весело он разлетелся на куски». Видевшие это соседи стали подзадоривать мальчика: «Еще, а ну еще!». И он, не медля расколотил не только игрушечную посуду, но и всю глиняную кухонную утварь, до которой мог дотянуться..

Яркое, детальное, живое воспоминание из давнего прошлого рассматривается Фрейдом как свидетельство того, о чем автор не знал ни в период его работы над жизнеописанием, ни задолго до этого. Для Гете это было забавное событие детства. Аналитик усматривает в содержании воспроизведения намек на другое событие: рождение младшего брата Гете, случившееся незадолго до «веселого эпизода». В азартных действиях разбивания хрупких вещей обнаруживается вражда и вызов родителям, которые отдают свою любовь младенцу – «конкуренту» и к самому новорожденному.

«Нам не думается, что именно удовольствие от разбивания посуды смогло обеспечить этому эпизоду столь заметное место в воспоминаниях взрослого. Не будем отказываться также усложнять мотивировку действия следующим соображением. По всей вероятности, ребенок, разбивающий посуду, знает, что совершает таким образом что – то скверное, за что будет наказан взрослыми....Ему хочется показаться злым.» (135, с. 263)

В развитие приведенной мотивировки Фрейд указывает еще на одно сильное стремление маленького героя: сохранить единоличную власть над матерью, вернув младшего брата аисту, который, по его представлениям принес младенца через окно.

Автор интерпретации эпизода связывает устойчивость мнемического следа Гете с высокой значимостью замаскированных содержаний и их связь с

основным желанием личности. Память сохраняет наполненный тайным смыслом **символ** «избавления» ребенка от того, кто может нарушить его положение неоспоримого любимчика матери. Эта неосознанная победа, торжество стали неизмеримо важнее для всей его последующей жизни, чем радость от незамысловатой игры. Данное воспоминание становится «сквозной» отметкой всех его жизненных успехов.

Припоминание. Выступает воспроизведением, развернутым в особую деятельность направленного извлечения с помощью вспомогательных средств. Средства – напоминания могут использоваться и непроизвольно, и произвольно, а также могут внезапно возникать, когда активность памяти стала самодостаточной формой деятельности индивида, и интуиция начинает свободно продуцировать разнообразные способы восполнения идей и образов прошлого.

Припоминание осуществляется с опорой на воспринимаемые объекты, производимые субъектом действия, изображения, знаки, ментальные образы и продукты мышления, рефлексивные приемы и даже на осознание бессознательных содержаний. Часто средства, привлеченные для эффективного запоминания, становятся впоследствии средствами воспроизведения. Между «напоминающим» и «припоминаемым» возможны разнообразные ассоциации и связи, установленные, например, по наглядному сходству, или по символической аналогии, или на основе абстрактной мысли, или как случайные эмоционально-образные синкретические соединения. Связи актуализируются при условии как сознательной, так и бессознательной установки субъекта на воспроизведение. Иногда при сильном увлечении или страсти к какому-то объекту, улавливаем, как все наши впечатления притягиваются к нему и вовлекают нас в воспоминания о нем, и даже темы снов неотступно напоминают о нашей привязанности.

Отметим тип припоминания, составляющий основу создания лучших текстов, концентрирующих и точно восстанавливающих историю жизни

целой культуры, определенного социума или отдельного индивида. Изумляющая детальность, полнота и целостность памяти авторов (ученых, философов, литераторов) объясняется богатством «глубинных опор» сохранения, по которым, будто живым корням, стволу и ветвям, поднимается и распространяется к цветущей кроне воспоминаний их воспроизводящая энергия. Участие этих «опор» в воспроизводстве прошлого, как правило, растворяется в самой ретроспективной активности, но у некоторых творцов мы находим исключительно ценные рефлексии об опосредующих приемах воспоминаний. И вновь фрагмент из автобиографической эпопеи Марселя Пруста.

«Удрученный мрачным сегодняшним днем и ожиданием безотрадного завтрашнего, я машинально поднес ко рту ложечку чая с кусочком бисквита. Но как только чай с размоченными в нем крошками пирожного коснулся моего неба, я вздрогнул. Во мне произошло что-то необыкновенное. На меня внезапно нахлынул беспричинный восторг. Я, как влюбленный, сразу стал равнодушен к превратностям судьбы и безобидным ее ударам, к радужной быстролетности жизни...Откуда ко мне пришла всемогущая эта радость? Я ощущал связь между нею и чаем с пирожным, но она была бесконечно выше этого удовольствия, она была другого происхождения. Откуда она ко мне пришла? Что она означает? Как ее удержать?...Я пью еще одну ложку,...сила напитка уже не та. Ясно, что искомая мною истина не в нем, а во мне. Я оставляю чашку и обращаюсь к своему разуму... Я требую от него, чтобы он сделал усилие и хотя бы на миг удержал ускользающее ощущение....Я убираю от него все лишнее, приближаю к нему еще не выдохшийся вкус первого глотка и чувствую, как во мне что-то вздрагивает, сдвигается с места, хочет вынырнуть, хочет сняться с якоря на большой глубине, я ощущаю сопротивление и слышу гул преодолеваемых пространств...И вдруг воспоминание ожило. То был вкус кусочка бисквита, которым в Комбре

каждое воскресное утро угощала меня, размочив его в чае, тетя Леония....И как в японской игре, все цветы моего детства, все почтенные жители города, их домики, церковь – весь Комбре, все, что имеет форму и обладает плотностью, - выплыло из чашки с чаем» (104, с. 42)

Средствами припоминания города детства, вовлеченными сначала в случайный и невольный, а затем в сознательно направляемый мнемический процесс стали:

- движение руки с ложечкой чая с бисквитом или **действие** героя;
- вкус и запах чая с бисквитом или модальные качества реальных **предметов**;
- переживание «беспричинного» восторга или **чувство** героя;
- ощущение связи между чашкой чая и переживанием радости или **осмысление целостного образно – аффективного впечатления**;
- открытие «я» и его усилий как условий воспоминания или повышение **активности сознания**;
- обращение к своему разуму или **рефлексия** героя;
- выделение в своем состоянии самого существенного или **мысль** героя.

Припоминание, как видим, свидетельствует о мастерстве закрепления своего прошлого в конструктивных, преобразующих процессах актуальной жизни. Оно же может служить способом сопротивления распаду деятельности в случаях регрессивных жизненных процессов, например, ухудшения интеллектуальных функций. Припоминание может моделироваться и как психотерапевтическая техника прояснения ключевых, конфликтных, травмирующих событий своего жизненного пути. Наконец, припоминание традиционно является прекрасным приемом развития мышления, памяти и воображения в школьном и университетском образовании.

Репродукции, воспоминания, припоминания, воспоминания, выступая мнемическими эффектами, могут психологически оцениваться по

параметрам, указывающим на то, как совершилось запоминание и сохранение, что и в каком качестве из запечатленных материалов и сбереженных содержаний способно актуализироваться и сохранять свою перспективность.

Так, воссоздание отличается **полнотой**, если по объему смысловых единиц, вербальных обозначений или образных элементов оно в основном соответствует составу исходного материала. Воспроизведение характеризуется **связностью** при условии актуализации основных мыслительных соотношений между единицами мнемического содержания и между каждой единицей и содержательной структурой в целом. Можно говорить о **точности** воспроизведения, если актуализируются буквально все детали, фрагменты, связи и целое мнемического материала. Если же при воссоздании мнемических содержаний наблюдаются их изменения в сравнении с исходной формой, и эти изменения вызваны усилиями субъекта организовать, улучшить материалы памяти, имеет место **преобразующее** воспроизведение. Когда в воспроизводимом появляются элементы новизны, свидетельствующие об авторских оригинальных реконструкциях при запоминании и сохранении, актуализация мнемических содержаний становится **творческой**. Если воспроизведение эффективно участвует в развитии операций, процедур, способов и результатов практической деятельности субъекта, оно приобретает качество **действенности**. По критерию попадания в объективно и субъективно нужный момент активности, во внешне и внутренне необходимую ситуацию текущей жизни воспроизведение оценивается с точки зрения **своевременности**. Далее, мнемический эффект может вполне удовлетворять запросам настоящего, либо быть недостаточным и нуждаться в срочных дополнениях, либо заключать излишек содержаний, чрезмерно расширяющий границы актуальной деятельности. Здесь применяется параметр **достаточности – избыточности** воспроизведения. Наконец, если воссоздаваемое содержание не исчерпывает

своего жизненного значения и будет впредь затребовано для решения задач приспособления, адаптации, освоения и производства нового, то воспроизведение обладает **потенциалом пролонгированных повторений**.

И еще несколько замечаний о воссоздающей активности памяти. Те из рассмотренных форм воспроизведения, которые предполагают **сознательное, заинтересованное обращение к прошлому**, могут обусловить появление в жизненном процессе феномена, обозначенного в гуманистической и экзистенциальной психологии как «работа с возможностями». Путем избирательного воспроизведения актуализируется опыт, отличаемый личностью по критерию его ценности для своих достижений и успеха в настоящем и будущем. **Отношение субъекта к воспроизведению** в его качестве влиять на ожидаемые и планируемые действия, поступки, творческие результаты, социальные роли и статусы так важно для организации жизни современного человека, что нельзя не остановиться на его **типологических вариантах**.

Во-первых, воспроизведение в формах воспоминаний, вспоминания, припоминания может быть для личности возможностью постоянного расширения своих связей с прошлым, которое, благодаря этому, приобретает высокую потенцию конструктивного включения в действительность личного настоящего и будущего. Однако, потенциал реализуется здесь ограниченно, частично. Большинство возможностей, найденных в прошлом, так и остаются атрибутами богатого, живого опыта личности, который в наилучшем случае находит выражение в авторских текстах.. В этом варианте личность-в-воспроизведении выступает **«историком», «археологом» собственной жизни**.

Во-вторых, активное сознательное воспроизведение может позволить личности использовать опыт для расширения и улучшения образов, идей, моделей, стилей эффективной в настоящем и долгосрочно планируемой деятельности. Прошлое «выжимается» в соответствии со все

повышающимися ожиданиями к своим реальным жизненным результатам. Возможности, извлеченные из опыта, раскручиваются и расширяются за счет актуальных действий, порождающих все новые запросы к будущему и все более прагматичные установки на работу с прошлым. Такая личность, воспроизводя ценные содержания ушедшего, выступает **«режиссером» своей наступающей жизни.**

Третий типологический вариант представлен личностью, для которой всегда собственный опыт кажется лишь минимальной возможностью для выполнения множества замыслов, намерений, ожиданий. Установка такая, что содержания прошлого должны постоянно актуально изменяться, неограниченно дополняться воображаемыми и мыслимыми элементами, так что опыт должен включаться в контекст будущего в преобразенном состоянии. При этом могут теряться такие ценные качества прошлых душевных приобретений, как реалистичность, надежность, приемлемость для других. Иногда возможности, исходящие из прошлого, трансформируются в ограничения или даже «невозможности» в отношении к будущему. Однако, если указанная установка принадлежит творческой личности, ее вдохновения, интенсивности поиска, силы устремлений бывает достаточно для долгого непрерывного обновления способов, стилей и результатов деятельности. Здесь, работая с возможностями, заключенными в воспроизведенном опыте, человек становится **«сочинителем». «художником» жизни.**

Отметим, в заключение, что извлечение возможностей из содержания памяти, независимо от типа этого извлечения, является показателем того, что личность находится на линии жизненного роста, движения к пику зрелости. Отсутствие или угасание отношения к личному прошлому как источнику возможностей говорит о преобладании инерционных и регрессивных жизненных тенденций.

Теория памяти - теория скорее опосредующей, сквозной, чем самостоятельной психической активности - позволяет перейти к

рассмотрению центральной функции в структуре интеллекта. Речь идет о мышлении, в процессах которого память играет роль хранителя и средства преобразующего синтеза сенсорно–перцептивных, образных и вербальных данных, участвующих в процессах порождения отдельных понятий, или «концептов», а также сложных мыслительных образований типа идей, теорий, научных систем.

6. МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ПЛАН ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

6.1. Мышление в структуре интеллектуальных явлений.

При изложении теоретических, феноменологических и эмпирических знаний, касающихся таких психических форм, как ощущения, восприятие, представление, о мышлении упоминалось в связи с динамическими включениями в различные познавательные процессы, с осознанностью чувственных и образных феноменов, и, наконец, с приданием познавательным эффектам свойств осмысленности, обобщенности, символичности и вербальности.. Мышление, оставляя перечисленным формам относительную свободу существовать в виде «домыслительных» или «внемыслительных» явлений, тем не менее проникает в их состав и интегрирует их как уровни единого интеллекта. (26) Иногда мыслительное присутствие имеет такое большое значение для зрелых образных репрезентаций, например, образов – символов, что определить, с каким именно феноменом имеем дело – представлением или мыслью – бывает достаточно сложно. В самом деле, «глубинная психология» – это точный научный термин, или художественная метафора, или изоощренная образная интуиция Юнга?

При определении мышления как **важнейшего самостоятельного элемента в структуре** психики, принято указывать на такие его особенности, как развитие на сенсорно–образной основе; обратимость мыслительных

действий; опосредованность - отвлеченность –обобщенность или «концептуальность»; оперирование классами, категориями и системами объектов; речевую форму существования, выражения и передачи; сложный операциональный состав, включающий такие «эксклюзивные» операции, как извлечение противоречий в знании и их синтез; увеличение на множество порядков познавательных и деятельностно - преобразующих возможностей индивида; обеспечение логического самопознания и рационального самоизменения.

Подобно сенсорно – образным формам, мышление обнаруживает себя во всех «срезах» психической жизни: от процессуального до личностного. Основные **способы существования мышления** сводятся в континуум, уже известный нам по предыдущему рассмотрению. Однако, вследствие значительного усложнения феномена он содержит некоторые новые элементы

1. Мышление является важнейшей составляющей в общей динамике психики, развертывается в виде активности, процесса, последовательности операций и действий, деятельности.
2. Мыслительный процесс порождает, генерирует, производит продукты или эффекты мышления, которые организуются в единую концептуальную систему или систему понятий, мыслей, идей, знаний, оформленную на уровне вербального и вербально – символического кодирования.
3. Мыслительный процесс может направляться на установление связей «я» с проживаемыми психическими состояниями и впечатлениями, в том числе, актами самого мышления; в этой роли, в частности мысли- - о- мысли, он становится процессом сознания.
4. Мышление в процессуально – продуктивной динамике обеспечивает поддержание, развитие многих жизненных связей и отношений

индивида, приобретая и реализуя разнообразные мыслительные функции.

5. Функциональная эффективность выявляет еще одну необходимую ипостась мышления - существование как внутриличностного мыслительного потенциала, то есть «умственных задатков», а также развивающихся умственных способностей, одаренности.
6. На пути осуществления мыслительного потенциала и способностей формируются качества «личности мыслящей», указывающие на устойчивые индивидуальные особенности проявления ее «ума», к примеру, быстрота и гибкость мышления, креативность, проблемность, рефлексивность, продуктивность и т. д.
7. Функционально ориентированный, результативный процесс мышления, имеющий «стилевые» характеристики в соответствии с мыслительными способностями и качествами ума личности, должен найти адекватные формы презентации для достижения своего социально требуемого «диалогизма» (14; 76); мысль-для-других выражается символически, схематически, в речевой и смешанной формах.

Между всеми названными способами существования мышления есть множество хорошо изученных гармоничных отношений взаимной детерминации, причинно – следственных связей и отношений однозначного соответствия. Лучше всего они обнаруживаются в онтогенетических и социогенетических процессах. Но не менее очевидно, что между ними могут быть выявлены и многие конфликтные соотношения, объясняющие, к примеру, низкую результативность тонко организованного мыслительного процесса, или «невидимую» в процессах и результатах мышления умственную одаренность, или не находящие достойных форм социального выражения мыслительные способности, или слабое влияние развитого мышления на активность и глубину осознания текущей жизни.

Несформированность и конфликтность различных ипостасей мышления усиливается, по-видимому, и за счет зависимостей каждой из них от чувственно – образной основы, которая также, как отмечалось, имеет сложную процессуально – продуктивно – функционально – качественную структуру.

Исследование связей мышления с сенсорными, перцептивными, образными явлениями вполне традиционно в психологии и не зависит от того, изучается ли «ставшая», зрелая мысль, или ее антропогенез, или особенности ее онтогенеза. С учетом этих связей и часто посредством прямого сравнения мысли с образами представлений обосновывается **специфика мышления**. В частности, такой прием был использован Л. М. Веккером в его недавней работе «Психика и реальность».

Основываясь на традиции и новых идеях, предлагаем еще одну концепцию психологической специфики мышления. Интегрируя различные модели, она напоминает «модель моделей».

Прежде всего, современный подход к мышлению предполагает его расширенную трактовку как одновременно «познавательной», «когнитивной», «интеллектуальной» и «ментальной» формы психики. Удержание данных определений при исследовании феноменов мышления позволяет прийти к множеству нюансов в их понимании и сохранить единый методологический контекст любых объяснений и интерпретаций.

Понятием «познавательная форма» чаще всего подчеркивается свойство мыслительной деятельности добывать и структурировать сложные психические данные о мире и субъекте; понятие «когнитивная форма» обозначает свойство мышления быть системой, организацией или структурой добытых знаний о мире и субъекте; понятием «интеллектуальная форма» акцентируется его свойство быть для познающего и знающего субъекта эффективным функциональным средством жизненной адаптации, становления и самореализации в мире, а также возможность мышления

развиться в виде способностей и многих других личностных качеств субъекта – интеллектуала, категория «ментальная форма» открывает сущность мышления как важнейшего аспекта и целостнообразующего фактора духовного опыта и ценностных жизнеотношений субъекта. Перечисленные понятия могут применяться и в качестве различительных, и в качестве относительно тождественных определений.

Критериями сравнительного выявления специфики мышления выступают: детерминация, процессуальная структура, содержательно-продуктивный и функциональный аспекты. Подробнее остановимся на детерминации, которая в разделах, посвященных образным формам, не была специальным предметом рассмотрения, а также на проблеме функций мышления, недостаточно освещенной в известных исследованиях мыслительной деятельности.

Детерминация мышления.

Как отмечалось, существенными детерминантами «домыслительных» явлений психики являются особенности нейро - физиологической организации индивида, возможности его двигательной системы, предметная структура жизненной среды, социально – культурные воздействия, влияния со стороны личностных свойств индивида и его «я», соотношение сознательного и бессознательного планов. Весь указанный спектр детерминант представлен и на уровне мышления, однако, ярко проявляется эффект «скачка» в сложности и качественных составляющих основных условий развития и существования мысли.

Детерминация мышления, если брать ее не в абстрактно онтологическом или гносеологическом планах, открывается при анализе **предпосылок и условий**, складывающихся в индивидуальной жизни для развития и преобразования мыслительной активности. Они взаимосвязаны, динамичны, гибко изменяются при обратных влияниях самой мысли, образуют своего

рода «контур детерминации мышления». Остановимся на его основных составляющих.

Во-первых, с самого начала вовлечения индивида в общение с другими людьми мышление позволяет ребенку выйти за границы сенсорно – перцептивной ассимиляции биологически значимых воздействий, выделить «другого» как важный объект среды, отделить и отличить себя от других, отнестись к ним как «особенный» к «особенным» и действовать определенным социальным образом. Он действует социально в поисках знаний, которыми владеют другие, для достижения понимания ими его желаний и позитивных ответов на них. Он направляет свою мысль к выявлению тех свойств окружающих, которые привлекают или отталкивают, к рациональному обмену и уподоблению тем, с кем ребенок чувствует сродство, к принятию и присвоению оценок других, адресованных ему. Он стремится в мысли к со-единению ради познания и обнаружения жизненных возможностей, а также к утверждению в среде других своей индивидуальности средствами вербально -интеллектуальной культуры. Это многонаправленное движение к диалогу и единству с другими людьми, совершаемое посредством мышления, может быть определено как отклик на социальный запрос и как проявление общей **социальной детерминации индивида на уровне его мыслительного развития.**

Во-вторых, ребенок, осваивая, по выражению М. Мамардашвили, «оставленное ему место среди других», должен воспользоваться инструментами, позволяющими ему попасть в общий поток мыслительной деятельности, которая имеет чрезвычайно быстрый, свернутый, непрерывно расширяющийся внутренний план и соответствующий ему развернутый, гибкий и совершенный внешний план. Последний и включает в себе эти инструменты: словесные знаки или «вербальные средства». Система речевых знаков – кодов привлекает ребенка загадкой скрытых в ней мыслей; оперируя ее грамматически организованными элементами, он постепенно превращает

динамику и статику речевых фрагментов в процессы и эффекты мышления. Благодаря словесно оформленным мыслительным актам, развивающийся индивид может обособиться в сообществе мыслящих в качестве самостоятельного субъекта мышления, который может и понять чужую мысль, и изменить ее, и передать окружающим, обогащая речевую культуру социума. Таким образом индивид оказывается включен в коллективное продуцирование знаков и значений духовной культуры. Здесь важнейшим **детерминантом мышления выступает речь.**

В-третьих, мышление опосредует вхождение развивающегося индивида во всеобщее «поле» коллективного сознания и формирование индивидуального способа со-знания или «я». Сознание в своей разделенности между множеством общающихся и взаимовлияющих людей, индивидуализируясь, позволяет единичному «я» мыслить о своих состояниях, действиях и качествах, понимать их существование у других и их совпадения у себя и других. Кроме того, сознающий индивид открывает такое же суверенное развитие «я» другого человека, как и своего собственного. Знание «я», ориентированное на «мы» и существующее в контексте «мы», требует особо тонких различительных, аналитических и синтетических операций мышления. Ожидание к индивидуальной мысли-в-составе-сознания, исходящее от окружения как субъекта коллективного сознания, является ее **сознательной детерминацией.**

В-четвертых, в динамике общей и индивидуальной сознательной обусловленности мышления может выделиться **«рефлексивная детерминация»**, которая направляет мысль субъекта прежде всего к прояснению, пониманию, испытанию и изменению самого себя. В терминологии М. Фуко, это - характерный для личности европейской культуры путь к овладению внутренними **само - практиками**, фиксирующими «я» в фокусе логического сознания индивида в относительной независимости от «другого» или «других». (138) Возникнув,

такая установка сознания во втором десятилетии жизни индивида может высвободить его мышление для одновременной и непрерывной реализации двух функций: действий с объектом и действий в отношении «я». Последние образуют при этом особый стиль и уровень мыслительной деятельности – рефлексию. В качестве относительно автономной способности, она преодолевает доминирующую ранее привязанность мышления к объекту, не нуждается в прямом опосредовании внешней деятельностью, в ней нет разделения между внешним и внутренним планом активности и характерной для до-рефлексивного сознания дифференциации я-объекта и я-субъекта. В едином акте рефлексии достигается совпадение, немислимое для других психических и, в частности, мыслительных процессов: совпадают **мысль** о я-предмете, **действие** в отношении его, и изменяющее **влияние** на него. Благодаря этому, «я» становится мощнейшей иницирующей инстанцией, вовлекающей внешние объекты и использующей формы внешней деятельности для самореализации. В своем движении рефлексия постоянно обращается к этой цели.

В – пятых, и этот момент чаще всего подчеркивается при определениях мышления, оно позволяет онтогенетически усовершенствовать умение индивида дифференцировать и структурировать предметные образные впечатления, удерживать их в отрыве от непосредственных источников. Развиваясь в универсальных формах «речевых конструкций», оно дает возможность искать, раскрывать и воспроизводить абстрактные отношения между индивидуальными, типологическими, родо-видовыми и универсальными признаками предметов, а также проблемно выстраивать и сохранять иерархии этих отношений.

Зрелая мысль правильно оперирует отвлеченными отношениями типа частное – общее (по знаменитой логической формуле «Сократ - человек.»), общее – частное («Как человек, Сократ смертен.»), целое – свойство («У Сократа был гениальный дар философа»), структура – элемент («Сократ

выделялся среди сограждан.»), причина – следствие («Сократ умер от яда.»), объект – детерминация («Сократ нуждался в понимающем собеседнике.»), объект – его влияния («Сократ возрождается в современном философском диалоге.»), с одной стороны, то – с другой стороны, это («Талант Сократа – его сила и его слабость.») и т. д. Любая завершенная мысль когда – либо стала или становится ответом на поисковую задачу, поставленную перед собой мыслителем. «Чем отличается Сократ от своих современников?» – спрашивали наверное себя его ученики и находили решение проблемы в выводе: «У Сократа – великий дар философа».

Движение мышления к зрелости связано с постепенным вовлечением индивида в общие процессы добывания и использования научного знания в дополнение к образно – художественному, эмпирическому и житейскому. В этом особенно отчетливо проявляет себя **познавательная детерминация** индивидуальной мысли. Ее реальное влияние и активность опосредуются нормами, законами, правилами и стилевыми характеристиками обучения и профессионализации в данной культуре.

В–шестых, мышление в своем внутринаправленном, рефлексивном движении позволяет оформить и обобщить то, что иногда называют «существенным психическим содержанием» индивида, а иногда его «личностным ядром». Устойчивые мотивационные тенденции обобщаются в характерологические черты.; способы и результаты эффективных действий – в различные типы способностей, в том числе интеллектуальные; фигуры и поведенческие паттерны социальной идентификации – в систему социальных ролей и т. д. Причем, внутреннее интегрируется с внешней активностью, проникает в модели ее осуществления. Здесь проявляется всеобщая закономерность участия мыслящей личности в деятельности и ее становление **субъектом деятельности**. Индивидуальное мышление приобретает в этом процессе субъектные качества.

Мысль субъекта развивается как идеальный, регулятивный и оценочный план деятельности, реагирует на предметные требования к ней, открывает и прогнозирует их. Осмысление результата деятельности позволяет ее продолжать, изменять и совершенствовать. То, что стало мыслительным условием и итогом деятельности, особо прочно интегрируется в живой, конструктивный опыт и черты деятеля. Деятельностный контекст или **деятельностная детерминация** мышления придает ему функциональность и практичность, которые дополняют его когнитивную, социально - диалогическую и рефлексивную направленности.

Седьмое. Мышление, особенно творческое, предполагает и стимулирует установление комплементарных отношений между его сознательным и бессознательным уровнями. В этой связи можно выделить разные вариации вовлечения в мыслительную деятельность обогащающих **бессознательных детерминантов**. С одной стороны, сознательное мышление, тщательно поддерживая свою целостность, поступательность и результативность, приобретает особенно сильный и глубокий противовес в виде бессознательных интенций к оригинальным интуитивным идеям. Сознание может уловить и ассимилировать их в основном мыслительном процессе.

С другой стороны, поисковое, направленное мышление часто сталкивается с пробелами сознательного понимания и, обращаясь в открывшуюся «пустоту», становится чувствительным к влияниям бессознательного. Подхватываясь сознанием как намеки, вестники наступающего понимания, бессознательные содержания свободно проникают в мышление и, логически оформляясь, выступают рациональным решением проблемы с расширенным бессознательным подтекстом. Последний обуславливает неокончателность, открытость большинства проблем зрелого мышления. Мыслительные содержания, частью снимающие такие открытые проблемы, легко оказываются в двух «модусах» существования: сознательном и бессознательном.

Кроме того, бессознательная детерминация приобретает особую вариативность и активность в условиях развития **рефлексивного мышления**, которое в одних своих формах погашает творческую силу бессознательного, но в других, по выражению Ясперса, «умножает ее до бесконечности». Рефлексия художником своей работы и авторского метода может превратить его произведения в более или менее удачные иллюстрации его идей о том, как он, неповторимый творец, «призван писать картины». Однако, если рефлексивное мышление, открыв художнику многие особенности его дарования, отступает перед невыразимым, о чем «знать невозможно» и в чем заключена неисчерпаемость его будущего творчества, ему скорее всего будут доступны состояния свободного нерефлексивного генерирования нового. В последнем случае рефлексия обладает ценностью в связи с подчинением бессознательному.

Придавая большую или меньшую отчетливость голосу бессознательного, рефлексия часто повышает свой жизненный смысл для индивида. В свою очередь, в отношениях с мышлением бессознательное приобретает более искусные, например, литературные, формы выражения, чем в отношениях с другими осознанными психическими функциями, даже если это воображение или фантазия.

«Все современное мышление пронизано необходимостью помыслить невыразимое. Осмыслить содержания «в себе» в форме «для себя», снять с человека отчужденность, примирив его с собственной сущностью, снять покров с Бессознательного, углубиться в его безмолвие или вслушаться в его нескончаемый шепот.» (139, с. 348)

Научная рефлексия Фрейда была обращена не только к закономерностям психики, тонко выявленным в самонаблюдении, а также осознанными, объясненными другими исследователями, но и к тем, данные о которых на определенных этапах поиска лишь смутно выступали на поверхность его сознания. Рефлексия нашла первичную опору для творчества ученого в

символическом понятии *libido*: Оно обозначило те загадочные особенности индивидуальной психики, к которым позднее устремилась вся мощь дифференцирующей логической мысли выдающегося психолога. Ямышление, проникая в бессознательное, извлекло из него грандиозную теорию о нем самом.

Процессуально – продуктивная специфика мышления.

Она касается собственно **психологической сущности** мысли. Конкретными параметрами сравнительного анализа мышления и представления являются: 1) предметность образного и мыслительного процессов; 2) источники и операциональный состав процессов, 3) характеристики процессов; 4) характеристики результатов процессов.

По предметности процессов:

Образный процесс

оперирует репрезентациями конкретных, в принципе воспринимаемых качеств, целостностей и группировок предметов.

Мыслительный процесс

предполагает оперирование содержаниями, в которых, по терминологии Л. М. Веккера, отсутствует прямая фигуративная данность пространственно – временных характеристик предметов; мышление действует с абстрактными объектами.

По источнику и операциональному составу процессов::

Образный процесс

вызывается, как правило, спонтанно возникшей, слабо осознаваемой задачей актуализации или изменения образных структур ментального пространства индивида. Образная активность состоит в воссоздании предметного целого, фрагментации предметных элементов, аналитическом различении свойств эмпирических объектов, преобразовании образных элементов за счет изменения их отдельных свойств, ассоциативно - синтетическом сведении предметных элементов и свойств в новые хорошо дифференцированные образные гештальты. В сложном интеллектуальном действии процесс

представления может служить переводу мыслительных структур в адекватные конкретизирующие образные формы: в схему и «иллюстрации» идеи о предмете, в сценарий реализации мысленной модели деятельности, в чувственный символ, в картину объекта или ситуации, критически полно отвечающим абстрактным критериям завершенности, совершенства, оптимальности и т. д. Рефлексия процесса представления обычно затруднена, так что его результат, за исключением образного моделирования или некоторых эффектов художественного творчества, в осознании не отличается от породивших его действий.

Мыслительный процесс

вызывается и направляется **проблемой** как неизвестным отношением вербально обобщенных свойств предметных структур, которое осознано мыслителем как «знание о незнании». При решении проблем мышление служит либо синтетическому извлечению скрытых, абстрактных качеств, объединяющих в «катеорию» эмпирически различные предметы, либо аналитическому выделению новых взаимосвязанных общих признаков внутри объекта–категории, либо синтетическому построению «иерархии обобщенности» абстрактных качеств мыслимого объекта и установлению по этим качествам множества его отношений с другими объектами: сходства, отличия, противоположности. И этим перечнем далеко не исчерпываются его возможности. Оперирование категориальными свойствами предметов неизмеримо расширяет поисковый диапазон мыслительного процесса, в сравнении с образным, и непрерывно проблематизирует субъекта. Мыслительные операции открыты для рефлексивного опосредования, регуляции, а эффекты мышления выступают в самосознании мыслителя как нечто отличное от производящих их действий. При явном подобии операциональных составов образного и мыслительного процесса, они не сравнимы по глубине проникновения в скрытые ментальные области мира, где мысль находит свои «идеальные объекты».

По характеристикам процессов:

Образный процесс

ориентирован на создание таких моделей и аналогов предметов, достоинством которых является изменчивость и свободные, произвольные структурные преобразования. Ему свойственна вариативность операций, их частая неповторимость, нестойкость последовательностей генерирующих действий, легкость разрушения устоявшихся операциональных алгоритмов. Проникновение в образный процесс спонтанных ассоциативных компонентов или случайное всплывание в его течении фрагментов прежних предметных

впечатлений придают ему неожиданный, искажающий действительность, непредсказуемый и чересчур субъективный характер. Чертами активного образного генерирования являются: частая затрудненность точного возврата к однажды пройденному пути, то есть необратимость операций; доминирование субъективно – временного плана течения процесса над объективно - временным в смысле возможной непредставленности последнего в сознании; существенные потери достоинств внутреннего образного процесса при попытках его внешней репрезентации; действие с ментальными объектами, фигуративно соответствующими реальным пространственным объектам.

Мыслительный процесс

направляется на построение структур, отличающихся устойчивостью, надежной воспроизводимостью и сохранением инвариантности компонентного состава и содержания при самых значительных преобразованиях. В этой связи мыслительному процессу присущи стойкий динамический рисунок обратимых операций, их актуализация в таком проверенном порядке, который отвечает требованиям объективной ценности и непротиворечивости мыслительного продукта, исключение из операционального состава «капризов» мышления, которые позволяют субъекту уклониться от строго определенных координат решаемой проблемы. Процесс мышления, даже в своей предельно субъективной творческой ориентации, должен держаться границ объективности, чтобы эксплицироваться в способах и эффектах поиска, доступных для мыслительной активности других людей. Чертами мыслительной активности являются: легкость переходов от свертывания ее операций к их развертке не только без потерь, но с усовершенствованиями; непрерывность операциональных возвратов от найденных решений проблемы к исходной проблемной структуре и наоборот; сопровождение мышления рефлексивной и эмоциональной оценкой правильности – ошибочности его действий и

результатов; возможность апробации различных способов движения мысли, включая оппозиционные; хорошая координация субъективно - и объективно - временного планов мышления; направленность процесса на продукт, имеющий скорее не «пространственную», как образ, а «временную» форму, существующую в виде последовательности и длительности речевых событий.

По характеристикам результатов процессов:

Образный процесс

находит относительное завершение в эффекте ментально локализованной, полимодальной, неконстантной, структурной, во многом производной от мышления, эмоционально насыщенной, более или менее измененной в пространственно – временном отношении «данности» какого-то фрагмента существующей или возможной реальности. Образные эффекты, вовлекаясь в мыслительный процесс, переводятся в его специфические результаты - «психические коды» речевого типа. В образном продукте естественны значительные субъективные включения, в том числе следы бессознательных побуждений, переживаний и идей, поэтому некоторые элементы образа или образное целое могут становиться символами этих неявных содержаний. Образные эффекты чаще всего не оцениваются субъектом с точки зрения их доступности и ценности для других, и им редко придается особая я-значимость из-за преобладающей произвольности появления в актуальной психической жизни.

Мыслительный процесс

выражает себя в «концепте» или установленных концептуальных связях, разрешающих проблему. Эффект мышления является многоуровневой структурой общих межпредметных отношений и может не содержать признаков, соответствующих уровню единичности и наблюдаемой индивидуальности мыслимых объектов. Концепт, иначе понятие или мысль, оформляется как знаковое образование, опосредованно репрезентирующее пространственные характеристики предмета – референта. Если в образе

предмет – содержание – форма находятся в соотношениях относительного изоморфизма, то в концепте заключены качественные превращения или переводы реального предмета в идеальный (абстрактный) предмет – категорию, а затем идеального предметного содержания в символическую форму «слова». Концепт как таковой лишен многих эмпирических характеристик образа, прежде всего пространственно – временных, модальности, интенсивности, но при этом они проступают сквозь содержание концепта в виде обобщенной и прошедшей идеализацию «образности». Концепту свойственны: целостность; определенность структурной организации; проницаемость для новых компонентов, обогащающих структуру; устойчивость базовых отношений элементов внутри целого; активность структуры за счет частого оживления и вариативности операций, поддерживающих и развивающих указанные отношения. Концепты ориентированы на сознательную актуализацию, подчеркивают диалогическую сущность мышления, то есть рассчитаны на понимание другими людьми. Субъективность операционального состава мысли подчинена объективному значению ее содержания и вербального выражения. Неизбежные ситуативные бессознательные включения в концепт не могут существенно повлиять на его ценность для осознанного интеллектуального обмена и личного воздействия индивида на социум.

Функциональная специфика мышления

Функциональный анализ продолжает и дополняет исследование детерминант мышления и его психологической сущности, перенося акцент с причин, условий и характера мыслительных «агентов» жизни на **решающие следствия** их появления в ней. Рассматривается активная роль мышления в различных сферах индивидуального существования.

Что привносит мышление в адаптационное поведение человека, в поддержание равновесия его отношений с окружением, в процесс жизненного становления, в психическое развитие, в патологические и инволюционные

процессы, в индивидуальную творческую самореализацию? При ответах на эти вопросы можно выделить несколько главных направлений детерминирующего действия мышления, прежде всего его «чистой» или логической формы.

Общее, фундаментальное влияние мысли на индивидуальную жизнь подчеркнул Э. Нойманн, определив его как центральную проблему разрабатываемой им модели «культурной психологии». (101) С его точки зрения, данное влияние выражается прежде всего в детерминации мышлением процессов разделения бессознательного и сознательного планов психики и их зрелой интеграции. Такое разделение и объединение необходимо сначала для овладения индивидом культурным канонem, а затем для частичного дистанцирования от него в качестве самостоятельного субъекта культуры.

Гибкие соотношения индивида с культурой опосредуются поэтапным становлением сознания, эго и личности индивида, которое рассматривается Нойманном как следствие развития «сознательного ума», то есть мыслительной и рефлексивной деятельности. Предложенная им модель расширения функций мышления в динамике периодов, возрастов, рубежей индивидуальной жизни несомненно относится к числу наиболее глубоких. Остановимся на ее основных положениях.

Допускается, что законы, действующие в психической истории человечества и различных культур, повторяются в модифицированной форме в индивидуальном развитии психики. Для последнего особое значение имеет общеисторический процесс высвобождения из недифференцированных архетипических душевных форм различных психологических элементов: эмоционального, символического, мыслительного. Появление символов или ранней символической мысли означает переориентацию человеческой психики с внутренней, аффективной, бессознательной активности на активность внешнего сознательного

соединения отдельного человека с коллективной жизнью. Например через символ Отца дологическая мысль выводит на поверхность сознания индивидов образы их необходимой связи с родителями, ближайшим сообществом, ключевыми фигурами окружения вроде учителей, священников, покровителей, а также культурой в целом и ее неординарными носителями – пророками, монархами, вождями и т. д.

Дальнейшая эволюция человеческого сознания как коллективного сознательного ума определена двойной, внешне – внутренней, ориентировкой мышления. Внешняя связана с очищением коллективных символов от эмоциональных компонентов и дифференцировкой символических целостностей на точные концептуальные знания. Внутренняя соотносит дифференцированные знания о коллективной традиции с оформляющимся центром индивидуального сознания – эго, так что человек может отнести к конкретному культурному содержанию как личной ценности. Здесь мышление исторически служит «персонализации» индивидов.

Далее мышление должно выполнить еще одну культурогенетическую функцию. Она заключается в различении множества качеств эго, определяемых его продуктивными, творческими соотношениями с коллективной жизнью, то есть в самопознании. Особенно характерен этот процесс для становления европейской культуры.

Затем сознательный ум европейца, стремясь скомпенсировать свои слишком рациональные установки, в добавление к своему участию в культуротворчестве, начинает искать нового единства с коллективным бессознательным и достигает этого посредством открытия архетипа эго, обозначенного как Герой. Ближе всего в человечестве к осмыслению эго – Героя оказываются выдающиеся личности. Они способны в жизненном процессе и рефлексии вернуть изначальную тождественность себя - Героя с Отцом, осознав себя в одной или нескольких его трансформациях : Ученым, Философом, Идеологом, Деловым человеком, Должностным лицом и т. д.

Подчеркивая рациональность пути становления Героя, Нойманн соотносит его с архетипом Логоса. Таким образом, сложным архетипическим основанием развития неординарного, зрелого сознания выступает Герой Мыслящий.

Следы намеченной функциональной динамики мышления можно обнаружить в онтогенезе любого современного человека, живущего по европейскому культурному канону.

Общие культурно ориентированные функции мышления индивида выражают себя в дифференциации и интеграции следующих основных моментов жизни: внешней и внутренней активности; сознания и бессознательного; надличностного и личного; коллективного и индивидуального; нового, творческого и установившегося, общепринятого; образно – символического и концептуального; дорефлексивного и рефлексивного; самости и эго. Конкретные этапы последовательной, десинхронной и обратимой реализации указанных функций, особенно формирования эго, могут быть представлены так.

В детстве пробуждающаяся мысль способствует постепенному отделению сознательной психической жизни от бессознательной, сознательного эго от бессознательной самости, личностных сознательных содержаний от надличностных архетипов бессознательного. Однако, до определенного времени эго как формирующаяся целостность сознательного ума не знает о своей оторванности от бессознательной самости. Эта жизнь на зыбкой границе сознания и бессознательного поддерживает «естественную гениальность» ребенка и полна спонтанного творчества. Детская мысль бывает особенно активна тогда, когда служит игре, фантазированию и воображению. Но постепенно мыслящее эго ребенка осознает свое отделение от тайны бессознательного и начинает еще более отстраняться от нее, обращаясь к реальной жизни других людей или «коллектива». Отход эго от архетипического средоточия в ребенке «всей истории человечества, истории

всех племен, всех народов, всех погибших цивилизаций, экстаза всех религий, снов всех мифологий, устремлений всех страстей, откровений всех познаний» означает, по синхронной Нойманну мысли М. Волошина, невосполнимую утрату для дальнейшей жизни человека.

«Наше сознательное «я» кажется маленькой прозрачной каплей, в которую разрешился мировой океан, глухо кативший в ребенке свои темные воды» (30, с. 494)

В отрочестве эго, осмысливающее себя, стремится адаптироваться к коллективу, его ценностям и через них освоить доминирующую культурную традицию. Надличностные родительские архетипы детства в процессах сознательной идентификации замещаются фигурами близкого и дальнего окружения, в частности, учителем, старшим другом, авторитетом, кумиром и т. д. Мысль делает культуру общности доступной для подростка, но при этом происходит его «изгнание из рая естественной бессознательной гениальности»; оригинальность детского творчества отступает перед общим канонем. Сознание – мышление способствует все большей дифференциации чувственно – образного, интуитивного, эмоционального и мыслительного способов психической жизни, а также выделению тех способов, которые задают психологический тип индивида. Архетип в этом возрасте отступает перед концепцией, а символ перед абстрактным знаком. Посредством мысли эго может защитить себя от «разрушительных» сил бессознательного, которое вновь активизируется в период полового созревания. Однако, чрезмерная защита от бессознательных эмоциональных и архетипических включений может временно дезинтегрировать эго; отсюда частые в этом возрасте «невротические дебюты». Необходимо, чтобы экстремизм сознательного мышления гармонично компенсировался глубиной и интенсивностью сознаваемых переживаний Эго этого периода окончательно укрепляет себя за счет внутренней дифференциации «основных управляющих структур», которыми выступают сознание, мышление, воля. Ими

регулируется внешняя коллективная жизнь индивида. Усиленный рациональный самоконтроль и фиксация нормативных знаний и отношений могут подавлять интенции подростка к неординарной самореализации.

Начиная с **юности** и в **зрелом возрасте** определяющим становится процесс «достижения синтеза между сознательным умом и психикой в целом, то есть между эго и самостью, так чтобы между прежде диаметрально противоположными системами сознания и бессознательного могла конstellироваться новая целостность» (101, с. 417). В этом процессе, названном «индивидуацией», мышление становится все более открытым к внутренним эго- содержаниям и к слабо проясненным символическим и эмоциональным содержаниям, приходящим из бессознательного. В целом, акцент сознательно – мыслительной активности индивида постепенно смещается извне вовнутрь.. Мышление в контексте жизни взрослого, придает важное значение и сфере эго, будь то личные профессиональные достижения, или интимные взаимоотношения, или власть, или творческая деятельность, и вновь актуализирующимся архетипам, которые во множестве начинают проступать для индивида в значимых лицах окружения, их действиях, а также в собственной личности. Сознательная мысль по мере продвижения личности вперед получает возможность внешнего расширения и углубления, так как для нее все центральные фигуры жизни, и ключевые жизненные события, и ситуации, и поступки, и отношения людей становятся под влиянием активного бессознательного «все более разнообразными, более сложными, более загадочными и двусмысленными. Эта зрелая дифференцирующая активность мышления, уже не отчужденная, как в пубертатный период, от бессознательного, направляется, наряду с построением интегральных мировоззренческих, научных, философских концептуальных систем, к поиску «объединительных символов индивидуальной жизни». В этом заключается суть зрелого творчества личности, в котором сознательный ум эго соединяется с богатством бессознательных психических форм. Самость

перемещается из глубин бессознательного на уровень творческого сознательного ума и становится центром целостной личности, обладающей уникальным единством «продвинутого» сознания и продуктивного бессознательного. Синтетическая активность мышления, сосредоточенная на новой самости, выступает в качестве концептуально – символического самопознания, исповедующего стабильность, генезис, консолидацию, равновесие, гармонию личности. Любая мысль о мире преломляется через внутреннее целое как «понимающую инстанцию». Те жизненные данные, что в ранних стадиях зрелости открывались в тонких различиях и противоположностях, позднее, благодаря пониманию, приобретают объединяющие начала. Количественно высокие напряжения различающей активности сознательного ума сменяются качественным становлением устойчивых структур эго – самости. Вслед за Юнгом Нойманн считает основным символом состоявшейся индивидуации «мандалу», чем бы она ни выражала себя: стройной авторской научной теорией, философским откровением, художественным открытием идеальных предметных форм, графическим изображением самоконцепции, воздвигнутым храмом или поступком исключительной этической ценности. Во многих этих событиях «самосимволизации» активна рефлексия как понимание личностью своей синтетической сущности, которая может полно реализовать себя.

В рассмотренном соотношении культуро- и онтогенетических функций мышления отмечена линия его **позитивного, развивающего влияния на жизненный процесс**. Однако, исключительная роль мыслительной деятельности в развитии культуры и личности определяет и его базовые противоречия, которые могут разрешаться регрессом мышления и возникновением социальных и индивидуальных неврозов. Причем личностные формы противоречий психологически конкретно воссоздают, отображают их социально - культурные формы. То же касается и деструктивных способов разрешения личностных конфликтов мышления.

Э. Нойманн выделяет следующие **противоречия становления европейского сознательного ума**, так или иначе представленные в психическом мире современного индивида.

1. В ходе различающей, утонченной активности сознания – мышления последнее рискует стать чрезмерно расширенным, извращенным, абсурдным. Избегая конструктивного синтеза, оно начинает произвольно играть противоположностями, допуская их сосуществование и бесконечные переливы в никогда не устанавливаемом субъективном мире.
2. Сильное доминирование сознательного центра психики над бессознательным приводит к тому, что самосознание становится слишком проницаемо для неосознаваемых аффективных компонентов и человек становится буквально «одержим» безгранично преувеличенным эго.
3. Культурный акцент на сознательную деятельность, связанную с интенсивным развитием мышления, приводит человека к чрезмерной захваченности духом, *ratio*, наукой при отсутствии конструктивного иррационального бессознательного противовеса. Мыслящее эго отчуждено от ситуаций с преобладающим бессознательным компонентом, на многие из них оно просто не реагирует. Сознательная мысль «помогла современному человеку в его научной деятельности, но она имеет и страшную теневую сторону.» (Там же, с.395) Имеется в виду угасание способности к творчеству, в том числе и интеллектуальному.
4. Если жизненная экспансия сознания слишком велика, становится возможным поглощение мышления бессознательными состояниями и переживаниями. Подчеркнутый рационализм социума и личности сменяется «безумством» или одержимостью влечениями и страстями. Мышление, самосознание, рефлексия теряют общекультурную и личную ценность.

5. Длительное социально-психологическое преобладание интеллектуальной деятельности в самых сложных формах научного и технического моделирования потенцирует прорыв на уровень коллективного и индивидуального сознания феноменов архаичного, пралогического, синкретического мышления. Мощный эмоциональный заряд и сходство с мифологическими фантазиями и сновидениями делает их привлекательными для подростковой, юношеской, художественной и артистической среды. Инволюционные превращения логического миропонимания оформляются в альтернативную культуру иррационального проживания.

Многие периоды европейской культурной истории были отмечены приведенными конфликтами, которые указывают на своего рода **невротическую функцию** мышления, вряд ли свойственную доинтеллектуальной психике. Психологический смысл конфликтов, то есть то, как они могли сказаться и сказываются на психической жизни индивидов, обнаруживается в намеченной Нойманном концепции **индивидуальных защит от чрезмерно акцентуированного эго – сознания**. Покажем, что данные защиты выступают способами редукции и обеднения мыслительной, сознательной, целостной связи индивида с жизнью.

Во-первых, утрачивая уверенность в возможности рационально, логически, успешно организовать и выстроить собственную жизнь, личность может регрессировать к коллективным, бессознательным, надличностным состояниям, слившись с массой. Разделяя архетипическое восприятие толпы, она надеется обрести выгодную жизненную эго – позицию, с тем, чтобы вновь интеллектуально дистанцироваться от безличного, общего, внесознательного.

Во-вторых, в противостоянии общим интеллектуальным канонам, познавательным установкам, способам мышления и устоявшимся коллективным знаниям, личность погружается в уединенное познание,

изолированную, эгоцентрическую жизнь «ученого чудака», перестав заботиться о результативности, доступности и социальной адресности своего поиска.

В-третьих, отрицая систему позитивных сознательных и интеллектуализированных ценностей социума, личность перестает сопротивляться проникновению в свою жизнь глубинных архетипических содержаний, самые аффективные из которых буквально овладевают ее внешней деятельностью и рационализируются как персональные жизненные доминанты. Возникает распространенный феномен «захваченности одиночными архетипами», когда сознательный ум становится пассивным инструментом приобщения личности к таинствам Власти, или Богатства, или Работы, или Вождения и т. д.

По-видимому, можно привести длинный перечень подобных защит, общей сутью которых является невротическое разрешение конфликтов «сильного мышления» за счет нивелирования его достоинств. Однако, в критических случаях «осечки» при установлении комплементарных отношений сознательного мышления с бессознательным психическим, последнее может, воспользовавшись достоинствами, преимуществами первого и подавив его, производить **патологических заместителей** сознательных концептуальных систем личности. Так происходит в случае образования бреда как самого яркого проявления жизненной дезадаптации зрелого мышления. В экзистенциально – психологическом определении К. Ясперса, в основе «системы бреда» лежит нечто радикально чуждое здоровому человеку, нечто первичное, предшествующее мышлению, хотя и выявляемое только в процессе мышления. Она высвобождает человека от чего – то непереносимого, облегчает для него реальную жизнь, приносит своеобразное удовлетворение, создает новый мир для своего носителя и иногда указывает ему путь самораскрытия в просторах бессознательного.

«Как дефектное проявление мыслительных способностей, бред может рассматриваться в аспекте своего содержания: бредовые идеи либо имеют отношение к личности самого больного (бред преследования, греха, неполноценности, обнищания и т. д.), либо представляют более универсальный интерес, например, мнимые открытия, бред изобретательства, защита теоретических тезисов. Во втором случае больные по внешнему поведению не отличаются от выдающихся творческих личностей; разница состоит в крайней узости идеи и атмосфере рабской подчиненности ей.» (160, с. 245)

Множество сфер сознательной индивидуальной жизни, хотя быть может и требует иррационального и бессознательного противовеса сложному искусному мышлению, но все же больше нуждается сейчас в его дальнейшем развитии и совершенствовании, в увеличении количества его форм, видов, типов, субъективных авторских проявлений. Здесь проблема исключения негативной функции мышления отступает перед проблемами умножения его **конкретных конструктивных жизненных функций**, соотнесенных уже не с универсальными, как у Нойманна, периодами онтогенеза, а с отдельными отношениями личности (интеллектуальным, социальным, профессиональным, художественным, этическим, отношением к себе) и соответствующими деятельностями, которые составляют неповторимую специфику индивидуальной жизни. (120)

Предлагаем модель этой разновидности мыслительных функций на примере места и роли мышления в развитии **интеллектуального отношения и интеллектуальной деятельности личности.**

Благодаря мышлению, это отношение и деятельность постепенно приобретают ориентацию на несколько разновидностей ведущих жизненных объектов: «предметную», адресованную объектам учебной, профессиональной и творческой деятельности; «социальную», связанную с конкретным другим человеком, другими людьми, социальными группами,

социумом; «рефлексивную», касающуюся «я», его структурных компонентов и особенностей активности я-системы. Полагаем, что на основе этих ориентиров само мышление функционально развивается. У него появляются **базовые жизненные функции: предметная, социальная и рефлексивная**, и в структуре мышления выделяются три соответствующие формы. В общей интеллектуальной деятельности индивида такое дифференцированное мышление выполняют ряд жизненных задач, которые мало доступны для решения на уровне представлений.

В частности, мысль разнообразно оперирует **концептуальными атрибутами** учебного, профессионального, социального или рефлексивного объекта – свойствами, связями, действиями, отношениями, взаимодействиями, состояниями:

- 1) объекту присваиваются известные или новые свойства;
- 2) у объекта отрицаются те или иные свойства;
- 3) в объекте определяются известные или новые оппозиционные свойства;
- 4) фиксируются известные или новые динамичные отношения между оппозиционными свойствами объекта;
- 5) обнаруживаются или отрицаются известные или новые связи, отношения и воздействия других объектов на исходный;
- 6) определяются либо отрицаются известные или новые действия, отношения и влияния объекта на другие объекты;
- 7) находятся известные или новые причины и способы преобразования или разрушения объекта;
- 8) фиксируются состояния объекта, их взаимоотношения и изменения объекта под их влиянием;
- 9) определяются количественные характеристики объекта;
- 10) осуществляются позитивные или негативные оценки субъектом объекта в соответствии со структурированным знанием о нем и т. д.

Среди концептуальных атрибутов мышлением избираются **индивидуально значимые**. К ним могут относиться достаточно полно раскрытые или неизвестные, реально присущие объекту или ложно определяемые, непротиворечивые или конфликтующие, поддерживающие существование объекта или нарушающие его, положительно или отрицательно оцениваемые субъектом, существенные и необходимые или вариативные и случайные, указывающие на высокий или низкий культурно – исторический и гносеологический статус объекта.

Перечисленные виды мысленного оперирования, иначе, **мыслительные приемы**, в их более или менее длительной сосредоточенности на значимых атрибутах исходного объекта образуют некий общий **ход мысли** личности. Через него выражают себя многочисленные интеллектуальные функции мышления, которые, в отличие от трех базовых, можно определить как **«рабочие»**.

Если доминируют репродукция непротиворечивых свойств и выделение стабилизирующих связей объекта с другими, а также выражение субъектом своего принятия наличного состояния объекта в системе знания, то мышление реализует **функцию «канонизации» объекта**. Если на первый план выходят отрицание известных свойств, взаимодействий и состояний объекта, подстановка альтернативных свойств, фиксация его внутренних противоречий, в которых одни свойства и состояния стремятся исключить другие, нахождение и акцентирование разрушительных взаимодействий объекта и выражение неудовлетворенности субъектом наличным знанием об объекте, значит мышление выступает в **функции «критики» познаваемого объекта**. Когда при познании объекта подчеркиваются его недостаточно известные свойства, взаимодействия и состояния, конфликтность различных атрибутов, возможности преобразования объекта и выражается положительная оценка субъектом пробелов и противоречий в знании, мышление демонстрирует **функцию «проблематизации» субъекта в**

отношении к объекту. При условии выделения преимущественно мало известных, случайных, негативных, ложных, контрастных, принижающих реальный статус объекта свойств и взаимодействий, а также выражения субъектом амбивалентного оценочного отношения к нему, мышление осуществляет **функцию «компенсации» устоявшегося позитивного знания об объекте.** Когда мышление извлекает в основном позитивные атрибуты объекта, преувеличивает их число, подчеркивает отсутствие противоречий в объекте и равновесие между его свойствами, действиями и состояниями, утверждает высокий культурно – исторический и гносеологический статус объекта и выражает его сверхценность для субъекта, мышление выступает в **функции «идеализации» познаваемого объекта.** Если мысль акцентирует недостаток знаний о тех или иных атрибутах объекта, отрицает, как негативные, его наличные атрибуты, стремится придать ему новые свойства, ввести его в новые состояния и взаимодействия, качественно усовершенствовать и улучшить его количественные характеристики, усилить и усложнить его влияния на другие объекты, использовать конфликты объекта как факторы его развития, утвердить его высокий статус в действительном мире, а также выражает большую значимость для субъекта, значит активно реализуется **функция «преобразования» либо «создания» мыслимого объекта.**

Данная классификация функций может быть соотнесена с разработанной К. А. Абульхановой типологической моделью основных ориентировок мышления, состоящих в **присвоении** общегодного знания, **понимании** проблем знания, **обдумывании и выдвижении гипотез** о решении проблем, **объяснении** ранее неизвестного знания и **доказательстве** его объективности, субъективной **интерпретации** освоенных или добытых знаний, **моделировании** будущего, новых реалий и объектов..(1)

По-видимому, ориентировка на присвоение и узаконивание когнитивного опыта соответствует функции «канонизации» и отчасти «идеализации».

Поиск и понимание проблем вовлекает в действие функции «критики», «проблематизации» и возможно, «компенсации». Обдумывание и гипотетическое предвосхищение решения проблем невозможны без «преобразования». Объяснение и доказательство наращивают активность функций «преобразования», «создания» и парадоксально передают ведущую роль функции «канонизации». Интерпретация знаний может обладать самой разнообразной функциональной обусловленностью, включая «критику», «компенсацию», «идеализацию» и «преобразование». Моделирование, ориентированное на новое-в-будущем, зависит от сформированности функций «создания» и «преобразования».

Можно говорить об **избирательной активности тех или иных рабочих функций мышления** в зависимости от связей личности с определенными объектами и сферами приложения интеллектуальной деятельности.

Так, абстрактные профессиональные объекты, относящиеся к науке, философии, теоретическому моделированию и программированию, активизируют функции «проблематизации», «преобразования», «создания», «канонизации» и «критики». Конкретные, или практические, профессиональные объекты, существующие в политике, военном деле, бизнесе, менеджменте, правовой деятельности требуют функций «канонизации», «идеализации», «проблематизации» и «преобразования». Мыслительные задачи и объекты в социальной сфере, в частности, общении, межличностных влияниях, процессах руководства и лидерства, обычно развиваются на основе функций «канонизации», «идеализации», «компенсации», «проблематизации» и «преобразования». Я-объекты мышления и рефлексивные задачи актуализируют функции типа «преобразования», «идеализации», «компенсации», «проблематизации». Приведенные зависимости указывают и на то, **посредством каких рабочих функций реализуются базовые мыслительные функции.**

Доминирование той или иной объектной области приложения индивидуального мышления представляет собой обычное явление. Но в жизни активно развивающейся личности они все выражены достаточно хорошо и не изолированы друг от друга. Объекты из любой области открываются личности как содержащие **компоненты и «предметного», и «социального», и «я» планов.** В работе с ними активны все формы и функции мышления.

К примеру, рассмотрим **интеграцию** форм мышления на модели интеллектуального обеспечения профессиональной деятельности менеджера, Ее основным объектом выступает «управление организацией», содержащее в своей динамической структуре управление делом, управление персоналом и акционерами, самоуправление менеджера. Модель является реконструкцией теоретических результатов исследования, проведенного в более чем 1500 деловых организаций США и Канады.

Согласно полученным данным, эффективное лидерское поведение менеджера, говорящее о его профессионализме, обусловлено следующими мыслительными действиями.

В деловом аспекте – это разработка четкой и ясной картины будущего развития дела с участием ключевых фигур акционеров и скрупулезным анализом актуальной бизнес – ситуации. Моделирование интерактивного и высоко интегрированного процесса стратегического планирования с привлечением всех акционеров, основанного на комплексном анализе среды и потребностей, желаний клиентов.

В социальном аспекте - использование идей акционеров о будущем организации; интеллектуальное сотрудничество с ними при моделировании стратегических планов развития бизнес – структуры. Анализ запросов клиентов и разработка моделей взаимовыгодного партнерства с клиентами и акционерами. Разработка программы конкурентных преимуществ компании.

В рефлексивном аспекте – анализ менеджером своей деловой эффективности на основе критериев реального улучшения бизнес – ситуации и оценок акционеров, персонала и клиентов. Планирование своей деятельности как клиентоориентированной. Изучение своих качеств стратега и лидера, работающего на перспективу. Построение планов своего сотрудничества с акционерами, персоналом, конкурентами.

В поступательном жизненном процессе предметно – профессиональное, социальное и рефлексивное мышление личности дифференцируются в фазах зрелости из **общего интеллектуального отношения**, сложившегося на основе обучения и умственного саморазвития. Условием для такого разделения может быть сложная, преобладающая в системе личных ценностей профессионализация, требующая, как в случае с менеджером, постоянного решения задач и проблем всех трех типов. У многих типов специалистов, включая психологов, журналистов, юристов, политиков, бизнесменов, есть реальная возможность распространить преимущества своего мышления далеко за деловые границы. В другом случае дифференциация становится следствием множественного приложения умственных сил личности в равно ценных для нее жизнеотношениях: отношении к делу, отношении к другим и самоотношении. Разделению форм мышления может способствовать и продуктивная творческая деятельность индивида, невозможная без полного мысленного сращения с предметом творчества, без соединения идеей творчества с другими людьми, и без самопознания своего творческого пути и роста.

Но дифференциация мыслительных форм ни в коем случае не означает «расколотости» зрелого мышления. Его главной характеристикой является **единство**, проявляющееся в инвариантности используемых индивидом мыслительных приемов и их операционального состава. Мышление приобретает целостность на **процессуальном уровне** при условии

отточенности его основных действий и операций в продуктивном осуществлении множества функций.

И все же, подчеркивая специфику мыслительных приемов в различных сферах интеллектуально емкой деятельности, исследователи называют их по-разному. При изучении учебной, научной, профессиональной деятельности – «инструментами» или «техниками», при исследовании социальной деятельности – «моделями общения и коммуникации», при анализе рефлексивной активности – «практиками самопознания».

Итак, приведенная модель функциональных особенностей индивидуального мышления показывает, что они могут рассматриваться в категориальной системе, включающей понятия жизненных объектов, базовых жизненных функций, жизненных задач, мыслительных приемов, атрибутов объекта мысли, рабочих жизненных функций, предметной – социальной – рефлексивной форм мышления, разведения форм мышления и их единства. Такая модель позволяет уйти от распространенного узкого понимания роли мышления как в основном познавательной или связанной с регуляцией и информационным обеспечением предметной деятельности. Но существуют и трудности в ее применения и развитии. В частности, известные инструментальные подходы к мышлению, за исключением методов когнитивной психологии личности, почти не предполагают изучения мысли в действиях с социальными или я- объектами. Нет, к сожалению, и богатого теоретического контекста для исследования указанных назначений мышления.

Установка на гуманитарное моделирование требует вновь подчеркнуть важность опыта психологического анализа текстов известных мастеров литературы, драматургии, автобиографических жизнеописаний. Речевое общение, монологи и самообращения героев этих произведений позволяют реконструировать повседневно ускользающую мыслительную работу в модусах «другой» и «я».

В русской драматургии пьесы Чехова, и, кажется, более всего «Дядя Ваня», дают прекрасные возможности реконструкции. Некоторые ее несложные способы, можно показать на примере анализа характерного высказывания профессора Серебрякова в адрес своей жены. Используем «принцип рабочих функций мышления».

В интеллектуальном содержании текста высказывания хорошо различимы и социальные, и рефлексивные приемы мышления. Они особенно интересны тем, что принадлежат человеку, который по версии автора является известным ученым–искусствоведом. Цифрами обозначаются относительно завершенные идеи героя.

« С е р е б р я к о в. Странное дело, заговорит Иван Петрович или эта старая идиотка, Марья Васильевна, - и ничего, все слушают (1), но скажи я хоть одно слово, как все начинают чувствовать себя несчастными. Даже голос мой противен (2). Ну, допустим, я противен, я эгоист, я деспот, - но неужели я даже в старости не имею права на эгоизм (3)? Неужели я не заслужил? Неужели же, я спрашиваю, я не имею права на покойную старость, на внимание к себе людей (4)?» (145, с. 76)

- (1) - в мысли о «других» герой присваивает им негативные свойства (незначительность, глупость и терпимость к незначительности и глупости);
- (2) – в мысли о «я» героем фиксируется его негативное воздействие на «других» (они «несчастливы» со мной); одновременно в мысли о «других» определяется раздражающее влияние на героя их отчуждения и равнодушия (я им противен?!);
- (3) - в мысли о «я» противопоставляются его свойства-для-других (эгоист, деспот) и свойства-для-себя (исключительность, избранность); одновременно в мысли о «других» герой дает им негативную оценку в связи с упрощенным пониманием его личности (они не признают мое право!);

(4) - в мысли о «я» герой отрицает существующее отношение к нему «других» (разве я не заслужил!) и одновременно дает высокую самооценку (имею право на покой и внимание).

Здесь обе формы мышления мерцают в постоянных взаимопереоходах. Причудливо сплетаются разные функциональные линии мыслительных действий. В отношении «других», олицетворяемых женой, особенно активны функции «критики», «канонизации», «компенсации». В отношении «я» – функции «идеализации», «проблематизации», «компенсации».

Аналогично по текстам высказываний можно восстанавливать жизненные функционально – динамические контуры мышления реальных личностей.

Можно заметить, что функциональная специфика мышления, которая первоначально определялась в связи с развитием интеллектуального или познавательного отношения к жизни, постепенно оказалась проблемой **социального, рефлексивного и профессионального отношений**. А то, что художественные тексты становятся бесценными материалами для психологического исследования мышления, говорит о мысли писателя как условии и способе **эстетического отношения к жизни**. В следующих разделах мы снова обратимся к проблемам, касающимся основного, интеллектуального, назначения мышления, его «выходов» в другие области индивидуальной жизни и интеграции в структуру качеств личности,

6. 2. «Проникающие» идеи психологии мышления.

Теория такой исключительной по важности психической формы, как мышление, определила собой на многие культурные эпохи главную линию развития психологии – рационалистическую. Действительно, внимание ученых и философов к психике всегда влекло их к тому, чтобы понять, благодаря какому свойству собственной души они могут исследовать и понимать психическое. То есть, их творческая психологическая мысль, становясь предметом рефлексии, направляла творчество к самому

мышлению, которое в тройственной связи «мысль о психическом – мысль об этой мысли – мысль как основа психики» не могло в непрерывном самоусилении не оттеснить на второй план интерес исследователей к другим психическим формам. Долголетие рационалистической психологии и то, что она всегда необходимо была «творчеством о творчестве», стало причиной накопления в ней множества сильных, исчезающих или «проникающих» идей о достоинствах мысли, которые, как атомы в молекулярной решетке драгоценного кристалла, поддерживают сложное и красивое целое современной психологии мышления. Правда, неизбежное отставание научной мысли психолога от процесса непостижимо быстрого увеличения способности человека понимать мир, «понимание, что не понимаешь свое понимание», оставляет все большее место в теории мышления идеям об иррациональном.

Краткий очерк истории психологии мышления нужен здесь не только для обоснования преемственности конструктивных моделей познания–в-мысли, но и ради ретроспективы психологических исследований сенсорно-образных явлений, показывающей, что их обоснование развивалось в контексте этих моделей. Становящаяся теория мышления выступала и выступает синтезом и методологией продуктивных исследований всех когнитивных форм.

В истории изучения мышления выделяются события, которые несомненно можно считать не завершившимися, длящимися, ни в какие времена не теряющими своей ценности. С этими событиями связаны великие и значительные имена, индивидуальное участие больших мыслителей в судьбах философии и науки. Даже скользнув по событийной канве, можно убедиться в насыщенности психологии мышления авторскими открытиями, поисками научных школ и теми естественными коллизиями идей, которые только привлекают возможностями новых объяснений и интерпретаций.

Философствование Платона и Аристотеля положило начало множеству живых и разнообразных изысканий в области мышления. А. Ф Лосев назвал

платоновскую философию «учением об **идее, эйдосе**, как о порождающей модели». Идеи или абстрактные понятия предсуществуют конкретным вещам в виде «беспредпосылочных начал» их неделимой целостности и общности с другими вещами. Идеи предметов, отстоящие от самих предметов, и выступающие их общими качествами, образуют мир «идеальных сущностей», вечно сущих, неприкосновенных, творящих единичные объекты. Идея – модель «прекрасного», присоединившись к какой-либо вещи или живому существу, становится прекрасной девушкой, кобылицей или лирой. (89, с. 342)

Местом соединения идей и вещей выступает человеческая душа, в этом смысле она познает или «моделирует» предметы. Идеи, пока они вне души, относительно статичны, и только в ней приобретают свойство движения к познаваемой вещи.. Способность человека к познанию зависит от того, насколько подвижно идеальное в его душе, насколько оно проявляет себя во влечении к знанию или «эросе», насколько велика его «магнетическая сила».То есть в этой способности человек не волен, не может сам придать знанию «личную глубину». Он лишь с большей или меньшей полнотой и яркостью может вспомнить и узнать идеальное.

В душе общие идеи проявляют себя образами - идеями конкретных вещей. Обратное восхождение от образов к общим идеям и затем к «единому беспредпосылочному началу» человек может осуществить с помощью диалектического метода, различая в вещах противоположности и непротиворечиво соединяя их.

Мир идей Платона близок миру античных божественных существ, является, по выражению Лосева, результатом «рефлексии над мифологией». В платоновском конструировании общих понятий сильно заметны следы мифа и ранней натурфилософии, что подчеркивает очевидное для этого философа единство идей и вещей, а также мифотворческой, практической и научной деятельности человека.

«Гефест – бог огня, и поскольку он трактуется как бог, он есть мифология. Но он еще и сам огонь, а огонь как один из первичных элементов материи есть уже предмет натурфилософии. Но Гефест есть еще и некоторого рода идея, а именно идея строительства и искусства, в мифологии он, между прочим, ковач огненного неба. Но будучи такого рода идеей.....он делается здесь идеальным принципом всякого строительства и искусства.» (Там же, с. 464)

Идеи об «идеях» Платона нашли развитие в учении Аристотеля об «уме – перводвигателе» или космическом разуме, которое перенесло акцент со статичного существования абстрактной мысли на ее динамику, подвижность, творческую силу. Понятие «ум» стало обозначать «идею в действии», **логическое движение идей и их познание**. Свойством ума обладают конкретные люди, участвующие в непрерывном общем процессе «умственного становления», направленного на раскрытие идей, существующих не вне, а в самих вещах. Для человека важнее вещь, чем ее идеальная основа. Общность, целостность, неделимость – атрибуты и логические предикаты собственно предмета. Но мощь сущностных качеств любой вещи превращает ее в «субъекта» по отношению к познающему индивиду. Владея **логикой как умением оперировать «общими категориями»**, он может приблизиться к идее, заключенной в данной вещи. Сами общие категории являются универсальными идеями существующих вещей - субъектов, исчерпывающими аристотелевскую «модель истинного знания» о каждом предмете. Великое влияние этой модели на мыслителей более поздних времен особенно откровенно и страстно показывает Августин при описании своего впечатления о книге Аристотеля «Десять категорий»

«Когда я беседовал по поводу этих категорий с людьми, которые говорили, что он и с трудом их поняли., да и то с помощью ученых наставников, объяснивших их не только словесно, но и с помощью многочисленных рисунков на песке, то оказалось, что они могут сказать

мне о них только то, что я при своем одиноком чтении мог узнать у себя самого. По-моему, книга эта совершенно ясно толковала о «субстанциях» и их признаках: например, человек – это «качество»; сколько в нем футов роста – это «количество»; его «отношение» к другим, например, чей он брат; «место», где он находится; «время», когда он родился; его «положение»: стоит или сидит; что «имеет»: обувь или вооружение; что «делает» или что «терпит». Под эти девять категорий и под самую категорию субстанции подойдет бесчисленное множество явлений.» (3, с. 120) В «Органоне» Аристотелем были намечены основы традиционной логики, почти не изменившие своего характера за истекшие века. Приобрели свои точные определения мыслительные операции сравнения, различения, анализа, абстрагирования, обобщения, классификации, которые и в современной психологии считаются основными процессуальными составляющими мышления,

Размышления философов о вечных идеях и абстрактной логике их воплощения в вещах постепенно исторически сменяется первенством феноменологических представлений о мышлении. На первом плане оказывается индивидуальный субъект знания, связи мышления с сознанием и «я»-познающее. М. Мамардашвили бережно реконструировал опыт философского самопознания Р. Декарта, предложив свою версию истолкования знаменитого **cogito ergo sum**. (92)

Для Декарта всеобщие понятия вещей и универсальные принципы их объяснения отступают в своей значимости перед процессом и методом индивидуального осознания и осмысления мира. Идеальные сущности и всеобщие категории становятся в его философии «структурами трансцендентального сознания», которые могут проявить свои возможности только через осознанные акты мышления отдельного человека. Основная проблема мышления по Декарту состоит в том,, удастся ли индивиду собственным усилием воссоздать не бывшее ранее, интенсивное,

неповторимое состояние сознания «я мыслю». Мыслим, только созная. Мыслить – значит совершить мгновенную, словесно неуловимую мобилизацию всего человеческого существа. О мышлении ничего нельзя узнать, не проделав опыта «эго – когито», в который входит мысль о предмете, сознание этой мысли, а также ее мысленное отнесение к «я» как ее источнику, то есть «извлечение себя» через предметную мысль. Таким образом, основной путь познания мышления – феноменологический.

Посредством актов мысли как способов сознательного существования индивид становится местом актуализации «врожденных идей» или «общих схем предметов», как еще называются у Декарта структуры трансцендентального сознания. Вовлекаясь в процесс деятельного мышления, эмпирические предметы в «свете» врожденных идей превращаются в «единичные естества», охватывающие множество видов, в своего рода «идеальные вещи», то есть **символы**. Мышление о действительных предметах в пространстве идеального сознания является символической деятельностью. В континуум основных символов человеческого существования Декарт включает идеи Бога, «я», числа, прямой линии, пространства, длительности и т. д. Эти символы несут «вечные смыслы» нашей жизни. Открытие через предметную мысль идей - символов своего существования-в-мысли (я – есть!) и составляет тайну декартовской формулы: мыслю, значит существую. Существование – и действенная мысль, и мысленное моделирование действительности, и сама действительная осмысленная жизнь.

В акте мышления психологически соединяются многие душевные феномены: восприятие, воображение, память, воля и желание. Мыслительное действие выступает сложным активным **душевым состоянием**, необходимым для актуальной данности субъекту предмета осмысления. Мышление инициируется личным усилием прояснить что-то неизвестное для себя, или что само себе противоречит, или само себя исключает, то есть

стремлением выйти из «собственной темноты». Не –проясненность дается в мыслительном состоянии **сомнения** (сейчас сказали бы «проблематизации»), а момент прояснения является **пониманием**. Эти два состояния, которые «я» знает как свои собственные, задают основную динамику индивидуального мышления.

«Я знаю, что я существую, потому что я сомневаюсь, и, сомневаясь, знаю, что я сомневаюсь. И, зная, что я сомневаюсь, я существую.»

«Сомнение во всем другом, кроме самого сомнения, сомнение в принципе, в источнике всего и есть открытие зазора для несомненного и незаместимого существования себя в мысли...Я существую в мысли, а не она во мне. Причем заново и целиком, in acta.»

«Сомнением мы, во-первых, читаем в себе и только в себе....А во-вторых, читая в себе и только в себе, мы заново воссоздаем идеи, «вспоминаем». Истинны, по Декарту, только те идеи, которые воссозданы или рождены заново». (Там же, с. с. 140, 189, 190)

Посредством сомнения и понимания врожденные идеи преобразуются в знания о предметах, и при этом «я» знает о себе как субъекте своего знания. Понятно лишь то, что можем представить из самих себя. Любое знание в этом смысле субъективно Оно субъективно и вследствие данности индивиду того метода, с помощью которого получено. Мы познаем лишь те предметы, относительно которых одновременно осознаем тот способ, каким они нам даются. Если соблюдены все условия или «закон» мышления: я – источник, действительность, сознательность, интенсивность, «страстная сила активности», единство предмета и способа осмысления – то в единичном акте мысли, когда он завершился, уже есть вся полнота идей и смыслов. Поэтому естественно искать и находить соответствия, согласования, символические совпадения мыслей разных людей в разные времена и эпохи, например, самого Декарта и Платона. В символах собственного «индивидуального существования», которое, как и все другое, воссоздается в мысли, «я» и узнает, и преобразует

себя, становясь тем самым тоже «единичным естеством», давшим через себя осуществиться трансцендентальному «я».

Картезианская традиция поиска мышления внутри индивидуальной жизни и в ее событиях нашла продолжение у Канта. В центре его размышлений – **понятия** и живое соотношение в них абстрактного, представляемого и ощущаемого.. Основу философствования составляет вопрос «как я мыслю?», и закономерно субъективный аспект мышления постоянно выходит на первый план. Необходимая установка интеллектуализма на связь «идея (понятие) – вещь – мыслящий индивид» глубоко реализуется при анализе понятий пространства, времени и т.д., то есть тех мыслительных структур, которые представлены и в философских системах предшественников Канта.

«Что же такое пространство и время? Принадлежат ли они к числу действительных сущностей? Или же они суть определения или отношения вещей, однако, такие, которые принадлежали бы вещам самим по себе, если бы даже вещи и не были предметом представления? Или же, наконец, они суть определения или отношения, присущие только форме наглядного представления и, следовательно, субъективному строению нашей души, без которого эти предикаты не могли бы приписываться ни одной вещи?» (66, с 51)

Известные ответы Платона, Аристотеля и Декарта дополняются моделью, в основание которой положена категория **опыта** как познавательно-практического взаимодействия субъекта с вещами. При этом вещь как таковая, «вещь в себе», вещь как абсолютная объективность находится вне интересов индивидуального познания. Вещь должна «явиться» человеку в опыте как чувствуемый, ощущаемый пространственно – временной феномен. Чтобы это «явление» состоялось, необходима актуализация **априорных или трансцендентальных условий опыта**. Они составляют доопытное содержание **разума** (понятийного мышления) и делятся на чистые представления, иначе, понятия с признаком наглядности, чистые понятия или

категории и идеалы как смысловые понятия. К числу первых относятся «пространство» и «время». К числу вторых - «количество» с близкими категориями «единства», «множества», «цельности»; «качество» с близкими категориями «реальности», «отрицания», «ограничения»; «отношение» и соответственно «общение», «принадлежность» и «самостоятельность», «причинность» и «зависимость»; «модальность» и связанные с ней «возможность» – «невозможность», «существование» – «несуществование», «необходимость» – «случайность». Третий тип понятий представлен идеалами добродетели, мудрости, совершенного человека, совершенного разума и т. д.

В составе нашей опытной деятельности априорные понятия мышления развивают свою субъективность, переходя сначала в форму эмпирических представлений» (апперцепции), а затем в чувственное явление предмета, без которого сам внешний предмет для нас «ничто». Опыт мышления, слитый с практической жизнью, обладает у Канта самоактивизирующей силой, творящей мир – для – индивида. Убедившись в существовании предметов, человек открывает «я» как необходимое основание для познания мира; опыт мышления приобретает высший **рефлексивный** характер, «я» в непрерывном расширении индивидуального разума становится его проводником к осознанному Единству всех чистых понятий.

У Гегеля мышление вновь приобрело свою исходную форму в объективном, всеобщем, вечном, неделимом – Абсолютном духе. Однако, несмотря на такой «уход» от индивидуального и субъективного, философ, обращаясь к тонкостям развивавшейся ранее диалектики мысли, предложил ценнейший принцип творческого саморазвития мыслящего духа.

Дух определяет «разумную» природу предметного мира и заключен в вещах как их сущность. При этом способному к становлению Духу свойственно искать собственного **опосредования** в человеческих способах существования, прежде всего душе и сознании. Реализуясь через душевную

сознательную деятельность индивида, дух переходит в **разум**, с помощью которого может субъективно добывать **знания** о воспринимаемом, видимом предметном мире. Стремление индивидуального разума к умножению и углублению знания осуществляется при непрерывном развитии деятельности души, принимающей форму **интеллигенции**. Она, вначале наполняющая себя непосредственно данными, случайными и неистинными объектами, постепенно очищает их от случайности, открывает их разумное начало. Так в становлении интеллигенции формируется понятийное знание или «понятия», относящиеся и к внешним предметам, и к «я» субъекта. Субъективные понятия с предметным и рефлексивным содержанием эволюционируют в идеи, как индивидуальные синтезы объективного духа и интеллигенции. Через идеи интеллигенция, теперь уже в форме **познания**, все более становится способом **самопознания духом самого себя**. Сохраняя субъективную форму, самопознающий дух развивается в индивиде в виде теоретической и практической деятельности. Предметы представлены познающему индивиду и в качестве внешних, и в качестве детерминированных духом, и в качестве субъективированных. Субъективность предмета преобразуется в познании до полной объективной разумности. Дух посредством индивидуальности достигает единства объективного и субъективного, творчески умножает свои природные, предметные определения. (34)

Классические философские модели мышления наметили систему категорий, которая с той или иной полнотой, с теми или иными акцентировками, выпадениями, дополнениями использовалась позднее создателями «позитивных» философских и собственно психологических теорий мыслительной деятельности. В систему, если взять ее в современных терминах, вошли следующие категории: объективные надиндивидуальные понятия - предмет мысли - умственная деятельность - способность мыслить – субъект мысли – я мыслю – логические операции – сознание –

индивидуальные понятия – виды понятий -- интеллект – познание-самопознание – духовная деятельность – творчество. Эти категориальные «леса» с начала 20 века стремились приобрести особую прочность в глубокой и плодотворной почве практической, предметно – преобразующей жизни человека. В возвышенную рационалистическую модель мышления проникают «прагматические» идеи о жизненных типах мышления и его субъектов, о практических критериях истинности мысли, о наследственных и культурных предпосылках мышления, о соответствии жизненного опыта и мышления и т. д.

Новые темы моделирования появляются, в частности, благодаря философии В.Джемса. Опыт предметно- практической жизни, соотнесенный с изменчивой реальностью становится у него самым главным условием развития и применения мысли.. Индивидуальные процессы и особенности мышления, вплетенного в действительные жизненные события, могут помочь в понимании философом конкретного человека неизмеримо больше, чем абстрактная логика превращений абсолютного духа, всеобщего «я» или трансцендентальных идей. Сама философия выступает средоточием **индивидуализированных способов** понимания мыслителем мира и жизни. Прагматизм и родственные ему сенсуализм и эмпиризм Джемс причисляет к одному из таких способов, равно как и рационализм, который в такой трактовке теряет свой исключительный метафизический статус. Рационалист и прагматик как типы субъектов мышления проявляют себя не только в философской сфере, но и в науке, литературе, искусстве, обыденной жизни.

В переводе на язык актуальной психологии «рационалисту» присуща следующая специфика мышления: преобладание отвлеченных понятий и универсальных принципов (интеллектуализм); полагание собственных идей как причин предметной действительности (идеализм); поиск идей, обладающих свойством улучшения действительности (оптимизм); обожествление идеального (религиозность); признание мысли источником

индивидуальной свободы (индетерминизм); утверждение идеального единства мира (монизм); следование устойчивым интеллектуальным схемам и концепциям (догматизм)

В противоположность этому «прагматик» или «эмпирик» отличается преобладающим интересом к вещам и их данности в ощущениях и образах (сенсуализмом); полаганием реальных предметов в качестве причин мысли (материализм); недоверием к мысли как основанию улучшения действительности (пессимизм); исключением из своего «образа мира» идеи Бога (атеизм); отношением к своему мышлению как определяемому иным (детерминизм); утверждением изменчивости, текучести, зависимости, вариативности мысли (плюрализм); поиском ошибок в чужом и своем мышлении (скептицизм).

Мысль следует за жизненными фактами, приспособливает к ним уже имеющиеся знания, добытые эмпирическим путем, и эта мыслительная работа с реальностью закрепляется в виде определенного метода, приема, способа мышления. Если метод оказывается столь удачным, что может быть с высокой практической эффективностью использован множеством людей, он становится **наследственным опытом мышления**. Наибольшей прочностью наследования, считает Джемс, обладает метод **здравого смысла**.

«И вот я утверждаю, что наши основные методы мышления о вещах – это сделанные весьма далекими предками открытия, сумевшие сохраниться на протяжении опыта всего последующего времени. Они образуют один великий период, одну великую стадию равновесия в развитии человеческого духа, стадию здравого смысла. Все другие стадии развились на основе этой первичной, но им никогда не удалось окончательно устранить ее.» (51, с 85)

Обладание здравомыслием предполагает оперирование рядом понятий, под которые можно подвести любой наблюдаемый предмет или событие. Критерием правильности применения понятий является не их соответствие

отвлеченным концептуальным схемам, а практическая достоверность, то есть улучшение с их помощью реальной деятельности, достижение индивидом признания и понимания другими людьми, усовершенствование предметного окружения. Упорядочению повседневной жизни служит понятийная система в которую включены: «действительность», «одно пространство», «одно время», «субъекты и атрибуты», «мир вымысла», «тела», «вещь», «духи», «роды», «тождество и различие», «причинное действие».

Однако, не удовлетворившись действиями с видимым миром, некоторые умы, особо любознательные, свободные, предоставленные самим себе, однажды расстаются со здравым смыслом, обращаясь к скрытым от эмпирического опыта «теоретическим» объектам и качествам. Они находят их умозрительно как «первичные» и экстраполируют на мир реальных предметов. Так «атомы», «магнитные поля», «токи» и т. д. направляют мышление по пути **науки**. То же обесценивание здравого смысла свойственно и методу **философской критики**. С его точки зрения практические и даже теоретические категории не затрагивают реальности и являются «дивными уловками человеческой мысли для избавления от путаницы и замешательства, в которые нас ввергает неудержимый поток ощущений».(Там же, с. 93) Реален метафизический мир и самодвижение идеальных понятий.

Таким образом, согласно Джемсу, исторически оформляются **три типа мышления** (здравомыслие, научное и философское мышление), которые сосуществуют в интеллектуальной жизни культуры, общества, индивидов и соответствуют разным сферам человеческой жизни.

Жизненные, индивидуальные, практические, «позитивные», релятивные установки философии конца 19-го, начала 20-го веков позволили проявиться множественным **психологическим подходам к мышлению**. В их теоретических контурах распознаются все основные философские концепции мыслительной деятельности. По заключения М. Вертгеймера, от философии

рационализма и традиционной логики в психологии мышления сохранился интерес к истине, способам оперирования понятиями, критериям содержательности и ясности понятий, ошибкам и противоречиям понятийной деятельности, правильности доказательств, выводов, обоснований и понимания. От философии эмпиризма и прагматизма – уважение к наблюдению, стремление к тщательному отбору фактов, эмпирическое изучение проблем, использование метода эксперимента, установление корреляций между данными наблюдений и экспериментов. (28) Что же касается современной психологии мышления, то она, особенно в составе «психологии интеллекта», все более приобретает синтетический характер, конструктивно объединяет теории и концепции, развивавшиеся ранее как самостоятельные и иногда оппозиционные друг другу. (141)

Часть значительных теорий мышления 20–го века найдет освещение в следующем разделе, но некоторые из них будут рассмотрены здесь детально как самостоятельные и актуальные модели мышления.

Ученые Вюрцбургской школы (Кюльпе, К.Бюлер, Зельц, Ах) подчеркнули: свойство мышления оперировать абстрактными, «безобразными» признаками предметов; принципиальное отличие понятий от образов; отсутствие континуальных связей между ощущениями, восприятием, представлениями, мышлением; неограниченные возможности, скорость, экономность мысли, схватывающей не эмпирические объекты, а межобъектные отношения; интроспективную данность скрытых, свернутых мыслительных операций при анализе их осознанных речевых выражений.

В плане организации мыслительного процесса были исследованы: зависимость мышления от «задачи» или «проблемного, незавершенного комплекса», которые пробуждают и направляют его поэтапную активность, начиная с выделения неизвестного и установления его связей с известным до определения искомого и завершения комплекса; двойственность детерминации мыслительной деятельности, соединяющей воздействия на

субъекта проблемы, требующей продуктивности, творчества, с одной стороны, и влияния на мыслителя его «я», субъективного выбора и внутренних возможностей реагирования на проблемность, с другой стороны; встречи этих двух детерминирующих тенденций в момент постановки цели мышления, а также в процессе его целенаправленного протекания и в динамике сознательной регуляции; значительная роль я – регуляции мыслительного процесса по сравнению, например, с открытым ассоциативной психологией произвольным вмешательством в мышление со стороны репродукций предметных структур или образных ассоциаций.

В аспекте регуляции мыслителем поисковой деятельности был выявлен прогностический и обратимый характер мыслительного процесса, в котором осознание одной стадии решения задачи задает для субъекта содержание и результаты другой стадии, а также осуществляются возвраты субъекта к исходным условиям задачи и к ранним фазам решения с целью самопроверки. (125)

Создатели гештальтпсихологии мышления (Вертегеймер, Коффка, Дункер) сместили исследовательский акцент с осознанных, наблюдаемых, внешне выраженных процессов мышления на феномены интуитивного образования концептуальных структур или «гештальтов». (36) Влияние феноменологии Гуссерля и интуитивизма Бергсона определило необычайную креативность, красоту построения и долговечность этой научной школы. Системное изложение ее основных идей находим у Макса Вертегеймера в работе «Продуктивное мышление».

Во-первых, мышление превращает индивида в исследователя, сознание которого стремится к построению интеллектуальных структур. Мышление действует в отношении осознанных «умственных образов», или понятийно - образных моделей объектов, составляющих для него элементы проблемной ситуации, и творчески связывает, интегрирует их в непротиворечивое целое новых идей, концепций, теорий.

«В мышлении Эйнштейна возникла тесная связь между значением времени и собственно физическими событиями. Принципиально изменилась роль, которую играло время в структуре физики. В результате изменились также смысл и роль пространства. В традиционном подходе оно было отделено и независимо от времени и физических событий. Теперь была установлена тесная связь между ними. Пространство больше не было пустым и совершенно нейтральнымместилищем физических событий. Геометрия пространства была интегрирована с параметром времени в четырехмерную структуру, которая в свою очередь образовала новую единую структуру с происходящими физическими событиями.» (28, с. 267)

Во-вторых, мышление стремится дойти до истины, обнаружить «структурное ядро» искомого концептуального целого, достичь эффекта «хорошего гештальта», признаками которого являются согласованность, соразмерность, гармоничность, равновесие понятий, или «концептов», и идей. Последние как части крупной интеллектуальной структуры функционируют в зависимости от своего места и роли в образовании структурных качеств и отношений. Создание хороших структур доступно ясному позитивному разуму, а не изощренному уму, занятому интеллектуальными трюками и генерирующему замысловатые конструкции.

В-третьих, проблемная ситуация вводит мыслителя в состояние напряжения. Задача может полностью захватить его, вызвать сильное желание преодолеть неизвестность отношений, разрешить противоречия явного и скрытого в создаваемой структуре, а затем испытать чувства новизны и интеллектуальной гармонии. Ситуация порождает объективные требования к структурированию, и чтобы мышление творчески справилось с проблемой, оно должно следовать этим требованиям. В основном мыслительный процесс интуитивен, существенно не зависит от активности

самого мыслящего, соответствует малоисследованной логике структурообразования в «поле сознания».

В- четвертых, главными проблемами мышления выступают: дополнение структуры новыми неизвестными элементами; нахождение принципа структурирования нового целого; выявление новой структурной роли одного или нескольких элементов существующего гештальта; улучшение структуры за счет прояснения неопределенных отношений ее компонентов; установление позитивных и прозрачных связей согласования между противоположными элементами интеллектуального гештальта. Субъекту продуктивного мышления свойственно искать проблемы и возможности творческого структурирования. В этой связи он особенно внимателен к пробелам, нарушениям, неясным местам в актуальном знании и понимании.

В-пятых, законы образования целого в конкретной проблемной ситуации детерминируют те мыслительные операции, которые необходимы для ее преобразования в хороший гештальт. Эти же законы определяют последовательность операций, их соединение в фазы мыслительного процесса и «функциональное развитие» процесса в целом. К числу существенных операций мышления относятся фрагментация элементов и отношений, их изоляция, группировка, центрирование, реорганизация структуры, переструктурирование, обнаружение «структурной истины». Несмотря на обладание собственной логикой развертывания, на строгое подчинение тенденции целостности, эти операции подвержены случайным внешним воздействиям, отклонениям от основного направления, иногда драматическим поворотам в развитии. Роль субъекта мышления состоит в верном уловлении принципов мыслительной деятельности, избегании слепых проб и ошибок, попадании в «струю» правильного прогнозирования и оправданных предположений о динамике процесса.

В- шестых, акты продуктивного мышления сопровождаются осмыслением поиска и его результатов, которое, благодаря своей интенсивности и

непрерывности, парадоксально позволяет мыслителю пережить нерелексивные состояния предвосхищения, догадки», озарения или «инсайта». Интуиция внезапно предъявляет верное решение, которое своей творческой избыточностью вызывает подлинное интеллектуальное удовольствие.

Седьмое. Построение и улучшение концептуальных структур предполагает более или менее длительную и сложную динамику мыслительного процесса, часть операций и закономерностей которой всегда будет представлять собой таинство, не доступное осознанию и познанию. Поэтому и у психологии мышления не должно быть заблуждений по поводу точного описания и объяснения всех тонкостей рождения мысли. Ее задачей должно быть углубленное рассмотрение жизненных источников мышления, обоснование того, что развитие мыслительной деятельности находится в прямой зависимости от установок мыслителя, в частности, его доверия к новым фактам, оптимизма и свободы от предрассудков.

Личностные установки продуктивно мыслящего человека, определенные Вертгеймером, лучше всего понимаются людьми, испытавшими обаяние собственных интеллектуальных поисков и открытий. Однако, по замечанию Арнхейма, находится и много таких, которые реагируют на убеждения гештальтпсихологов, как Аглая Ивановна у Достоевского, прятая письмо князя Мышкина в свой экземпляр «Дон Кихота». (7, с.50)

Сам Рудольф Арнхейм, восхищенный новизной и гуманистическим смыслом структурной психологии, в свою очередь предложил концепцию «визуального мышления», составившую значительный вклад в психологию и современную теорию искусств. Ценность концепции заключается в убедительном теоретическом и фактическом доказательстве неразрывного единства перцептивно-образного и вербально-логического планов мыслительного процесса, существования мышления одновременно в

интеллектуальной, то есть осознанной, дискурсивной форме и в форме интуиции, «восприимчивости», «проницательности».

«Процессы, обычно приписываемые мышлению, - различение, сравнение, выделение и т. д. – свойственны также и элементарному восприятию; в то же время все процессы, присущие мышлению, предполагают чувственную основу. Поэтому мы имеем дело с континуальным пространством познания, распространяющимся от непосредственного чувственного восприятия до самых общих теоретических конструктов.» (.Там же, с. 24)

Модель визуального мышления по Арнхейму строится на предположении, что продуктивное мышление по необходимости основано на перцептуальных образах, и что наоборот, активное восприятие включает в себя отдельные аспекты мышления. Перцептуальное мышление обычно бывает визуальным, так как зрение является той сенсорной модальностью, в которой могут быть представлены все и весьма сложные пространственные отношения. Визуальное или «интуитивное» включение в мышление доказывается широким использованием схем, диаграмм и рисунков при интеллектуальных действиях на самом высоком уровне абстракции. Об этом же свидетельствуют данные интроспекции при попытках осознать внутреннюю работу мышления с абстрактными понятиями, когда их содержание приобретает «эскизно–импрессионистскую», диффузно образную форму. Например, понятие «старость» появляется в самонаблюдении призрачной согнутой фигурой человека, опирающегося на палку. В пользу визуального мышления говорит и известный научный прием, состоящий в выборе для исследования не статистически достоверной группы объектов, а отдельных, «особо блестящих» или «критических» индивидуальных случаев, имеющих, как всякий факт, конкретный чувственный образ.

Язык, выступая важнейшим средством мыслительной деятельности, не может рассматриваться как достаточное средство производства мысли и как

единственная адекватная среда для продуктивного мышления. Взятая наугад, говорит Арнхейм, поэтическая строчка «Все имена их, заросших сорняками камней, смыты дождем» подчеркивает, что понимающая мысль читателя или слушателя, следуя за цепочкой слов, вызывает к жизни образы реальных объектов, организующихся в целостную картину окаменения, печали и забвения.

«Посредством перевода слов в образные представления интеллектуальная цепочка языковых элементов вновь обращается к интуитивному образу, с самого начала стимулировавшему появление высказывания на естественном языке.» (Там же, с. 32)

Сферу действия продуктивного мышления составляют вербально обозначенные, ясно концептуально оформленные предметы – референты, представляющие собой «перцептуальные единицы». Но речевая форма всегда является ведущей при сложном понимании и осмыслении, когда вид или внутренний образ предмета не позволяют сразу схватить мысль, аналогично тому, как «подхватывают насморк».

Вопреки распространенным представлениям о восприятии и воображении как главных когнитивных способах отношения к искусству, Арнхейм предложил концепцию развития мышления в процессах создания, изучения и практического использования художественных произведений. Мысль, сотрудничая с образной интуицией, утверждает свои приоритеты во множестве случаев, касается ли это открытия зрителем идеи, заключенной в изображении, или творческого воплощения мастером своего эстетического и этического принципов, улавливаемых учениками, или постановки поэзией, живописью и скульптурой серьезных жизненных задач, требующих от человека больших умственных усилий, или интеллектуальной деятельности, направленной на исследование новых и необычных художественных структур, или напряжения мысли врача, пытающегося с помощью «умного искусства» помочь пациенту осознать и решить свои проблемы.

Необходимым методом обнаружения закономерностей индивидуального мышления, его онтогенеза, а также разнообразия его видов и типов, присущего современному человеку, служит применение теорий культурогенеза мыслительной деятельности, разработанных К. Г. Юнгом, Л. Леви – Брюлем, К. Леви – Стросом, М. Коулом и С. Стринбергом, А.Р. Лурией и др. Допускается, что мысль людей ранних периодов становления различных культур оживляется в интеллектуальном развитии индивида в первые периоды его жизни и остается в составе зрелой структуры его когнитивных функций. Эта древняя мысль в содержании цивилизованного интеллекта чаще всего не означает ни умственной недостаточности, ни умственной редукции личности, а напротив, создает плодотворную бессознательную основу познания и творчества, определяет несколько уровней полноценного мыслительного отношения к жизни, начиная от синкрето – символического до искусно – логического и до уровня высокой мудрости, обуславливая тем самым широту сфер приложения интеллектуальных возможностей индивида

Какие особенности присущи давнему и вездесущему мышлению, названному Юнгом «архаичным», Леви -Брюлем – «пралогическим», Леви-Стросом – «первобытным», «магическим», «неприрученным», а М. Фуко – «беспорядочным» и «алогичным»?

1. В область активности архаичного мышления вовлекаются главным образом внешние предметы, существа, явления, соединяющиеся в причудливые ментальные «узоры» отношениями пространственной близости, временного совпадения, перцептивного подобия, фантазийного тождества и мистической общности происхождения и зависимости. Сам мыслящий человек ускользает в качестве объекта от собственной мысли, и последняя развивается как «внешняя».

2. В этой мысли недостаточно разведены эмоциональные, побудительные, перцептивно- образные, действенные и собственно логические компоненты,

так что мышление оперирует целостными «комплексами» или сплавами разнородных недифференцированных впечатлений о предметах и событиях. Их актуализация ситуативна, стимулируется главным образом извне, и действие с ними выглядит изменчивым, подобным «интеллектуальному мерцанию». По отношению к абстрактным задачам, составляющим большинство объектов нашего интеллекта и требующим большой ментально-речевой выносливости и концентрации, такое мышление может показаться не энергоемким, а иногда и беспомощным, но при выполнении деятельности, вызывающей большой интерес, доставляющей удовольствие и предполагающей немедленный эффект, сосредоточение архаичного сознания и мысли может быть интенсивным и длительным.

3. Архаичная мысль избегает индивидуализации и придерживается «коллективных образцов» толкования причин существующего и происходящего, группировки фактов, объяснения случайностей и таинственных влияний. Наибольшей силой овладения индивидуальным умом обладают бессознательные коллективные идеи о «тотеме» как сверхъестественном источнике власти и произвола в установлении связей вещей и существ, о «мистической сопричастности», объединяющей разнородное, чтобы через него проявилось некое предназначение, знамение, судьба, о «магической связи», допускающей необъяснимое изменение одних объектов в результате воздействия на другие, о незыблемости принципа «после этого, значит, вследствие этого», о тайне, связывающей вещь – ее имя – ее изображение – ее зеркальное отражение, превращающей все это в «одно и то же» и каждое в свойство всех других

4. За символическими идеями «тотема», «мистической сопричастности» и «магии» психологически просматривается феномен проекции качеств и свойств субъекта архаичного мышления на предметы и явления окружающего мира. Интуитивно знаемые силы и возможности собственного интеллекта отчуждаются, мистифицируясь, в мощнейших агентов внешних влияний на

происходящее. Так за тотемическим детерминизмом обнаруживаются бессознательные стремления человека самому определять связи природных и социальных явлений; за убеждением в реальности действия мистической сопричастности кроется претензия исключить из жизни власть случая; вера в тождество объекта проекции, его имени и изображения, а также установление запрета на «прикосновение» к ним означают глубинный смысл самозащиты индивида от вредных воздействий других.

5. Наплывающие впечатления жизни праλογическая мысль стремится упорядочить доступными ей способами. Обобщается эмпирически многообразное; множественное объединяется в немногие классы и категории; в разнообразии отыскивается отношение сходства и подобия; производятся тончайшие различия признаков подобного, так, что впечатление подобия оказывается сметенным обилием различий; каждая «обобщенная вещь» приобретает свою противоположность, с которой образует «бинарную оппозицию». Упорядочение происходит по типу «инвентаризации», когда мышление основывается на визуальных сходствах и различиях предметов и существ. Объекты группируются и классифицируются в зависимости от их ценности для практического использования. Мышление, по определению Леви – Строса, выступает «бриколером», пользующимся при предметных объединениях наглядными и подручными средствами. Эмпирической систематизации прежде всего подлежат растения и животные, особо тесно соотносящиеся с естественными потребностями архаичного человека: в пище, в лечении, продолжении рода, а также эстетической и интуитивно – ориентировочной. Выстраиваемые мышлением «таксономии» прямолинейны, имеют минимальное количество уровней обобщения и утверждают непреложность одного уровня общности для других. На этом «законодательном» уровне располагается, как правило, тотем.

6. Пралогическое мышление генерирует продукты, изумляющие цивилизованного человека необычайностью, иногда «безумием», комизмом или абсурдом.

Например, абстрактный концепт, относящийся к какому-то конкретному свойству реального объекта, оказывается настолько отчужден от последнего, что начинает существовать в сознании как самостоятельная сущность или «субстанция». Из исследований **К. Леви – Строса**: северо – американские индейцы широко употребляют выражения типа «Злоба мужчины убила бедность ребенка». (80)

Или в качестве содержания концепта берется группировка реальных следовавших друг за другом фактов, каждый из которых считается вызывающим следующий, и связь между которыми настолько однозначна, что жизненное повторение одного из фактов будет предзнаменованием появления других. **К. Г. Юнг**: понятие архаичного человека о «войне» вполне могло заключать в себе событийный ряд, объединивший «рождение теленка с двумя головами и пятью ногами», «в соседней деревне петух снес яйцо», «старухе приснился сон», «в небе появляется комета», «в соседнем селении случился пожар», «год спустя начинается война». (156, с. 167)

Или концепт, указывающий на родовую категорию объектов, наполняется фантазийной, экзотической, красочной смесью их конкретных разновидностей. Выделение «классов» не подчинено никакой системе четко обозначенных критериев сравнения и различения, а основано на спонтанном использовании ситуативных признаков индивидуальных объектов. **М. Фуко**: моделируя формы алогичного мышления, Х-Л Борхес ссылается на некую китайскую классификацию, подразделяющую «животных» на «принадлежащих Императору», «бальзамированных», «прирученных», «молочных поросят», «сирен», «сказочных», «бродячих собак», «буйствующих, как в безумии», «неисчислимых», «нарисованных очень тонкой кисточкой на верблюжьей шерсти», «только что разбивших кувшин»,

«издалека кажущихся мухами». Существа, составляющие подклассы данной классификации, размещены, расположены в столь различных плоскостях, что «невозможно найти для них пространство встречи, определить общее место для тех и других... Их объединения представляют собой неповторимые «гетеротопии». (139, с. 28)

Или устанавливается концептуальная связь по закону конгруэнтности, взаимодополнения. Формируется понятие, в котором элементы хорошо «пригнаны» друг к другу. **Леви – Строс:** в первобытном мышлении внешне похожее обладает способностью совместного полезного действия; так, если клювом дятла прикоснуться к больному зубу, боль уйдет. «Исцеление зубной боли» означает связь и отношение «клюва дятла» и «человеческого зуба». (80, с. 120)

И еще пример. Концепт образуется на основе объединений существ и вещей по сходным внешним признакам, представляющимся сильными, доминирующими, почти сакральными. **Леви – Строс:** в одном из австралийских племен «орел» считается «небом», «солнцем», «звездой», «журавлем», «небесным телом», «ночью». Высота размещения и господство над видимым пространством как сильные признаки «орла» укрываются за рядом символических фигур.

7. Пралогическое мышление обладает многими несомненными достоинствами, делающими перцептивную и практическую ориентировку архаичного человека в природной среде неизмеримо более дифференцированной, интуитивно правильной и эстетически естественной, чем это свойственно человеку цивилизованному. Тончайшая сенсорика и нерелексивный художественный вкус первобытного мыслителя позволяет ему объединить в одну группу лук, чеснок, капусту, репу, редис, горчицу. Современная химия обнаруживает в них объективный скрытый общий признак – наличие в составе тканей серы. Считая себя великим классификатором, индеец навахо различает живых существ по

существенному признаку наличия речи, а затем «не обладающих речью» животных с определенной зоологической достоверностью делит на «бегающих», «летающих» и «ползающих». У древних сибирских народов обнаруживается такой богатейший репертуар объективно обоснованных сцеплений двух явлений «болезнь – целебное средство», что их несомненно можно считать искусными целителями. Желчь щуки применяется от глазных болезней; рак, употребляемый живьем – от эпилепсии; кровь куропатки – от грыж и бородавок; высушенная летучая мышь, подвешенная на шею – от лихорадки и т. д. (Там же) Кроме того, при нечувствительности и неосознанности противоречий в обобщениях и классификациях алогичное мышление стихийно и бессознательно выделяет противоположности и всюду находит их действие. Всегда в явлениях жизни присутствует смерть, мужское неизменно сопровождается женским, новорожденность неизменно связана со старостью, полезное соседствует с причиняющим зло.

В целом, перечисленные особенности архаичного мышления служат, по мнению создателей его теорий, и интеллектуальному упорядочению отношений человека с близко прилежащим миром, и организации его памяти, которая посредством пусть причудливых и произвольных, но все же достаточно надежных связей, может сохранить богатство и многообразие мыслительного «инвентаря» или репертуара. Между этим мышлением и поздним научным нет непроходимой границы. Первое создает культурно-психологическую основу для второго, ныне сосуществует с ним, хотя и остается скорее его параллелью, чем внутренней составляющей.

«Магическое мышление – это не дебют, начало, набросок или часть еще не воплощенного целого: оно формирует вполне отчетливую систему, независимую от другой системы, которая будет образовывать науку, за исключением формальной аналогии, сближающей их и делающей из первой нечто вроде метафорического выражения другой.»

(Там же, с. 123)

В психологию мышления отмеченные теории проникают посредством проблемных идей о культурно – исторической детерминации мыслительной деятельности личности, о воздействии образования и науки на развитие индивидуального когнитивного стиля, о ранних возрастных предпосылках зрелой мысли, о бессознательном архаичном плане понятийно– логического познания, о развитии магического мышления в качестве относительно автономного уровня структуры развитого интеллекта, о существенном сходстве мысли ребенка и наивной мысли человека древности, о трудно объяснимых творческих возвратах мысли многих людей конца 20-го века к символам мифа.

Сопоставление и синтез «культурных» и «индивидуальных» подходов к мышлению имеет не только академический, но и практический интерес, особенно, в **психологии взрослой личности**. Это обусловлено, во-первых, заметным смещением ранних и поздних возрастных типов мышления у взрослого, часто затрудняющим его быструю адаптацию к жизненным изменениям и напоминающим смещение различных исторических форм интеллекта в ставшей культуре. Во-вторых, недостаточностью конструктивного снятия в строго упорядоченном, направленном, научном мышлении взрослого интуитивно–фантазийного способа мышления, свойственного детству, отрочеству и юности, подобно тому, как рациональная, технократическая, «стареющая» цивилизация отрицает поэтичность и иррациональность своей молодости; а это несомненно снижает творческий потенциал мыслителя. В-третьих, обусловлено утратой личностью по мере взросления родовой простоты и естественности интеллектуального отношения к обыденной жизни, утратой, отнюдь не являющейся знаком умственной культуры и зрелости.

Параллели общекультурной и индивидуальной эволюции мысли, а также реализация принципов естественно-биологической, социально–исторической и деятельностно – практической детерминации умственного развития

индивида, повлияли на фундаментальные теории **онтогенеза** мышления, созданные Ж. Пиаже, Л.С.Выготским, Дж. Брунером, А. Р. Лурией. Разработанную ими «объективную» психологию когнитивного развития углубил психоанализ, проникающий в трактовки возрастных особенностей мышления посредством идей о стадийных изменениях бессознательного и сознательного планов мыслительной деятельности. Соблюдение единства различных форм детерминации мыслегенеза позволяет современным исследователям найти и систематизировать множество конкретных характеристик развивающегося мышления, как это сделали, например, Л. М. Веккер и Ф.и Р. Тайсоны, предложившие свои синтетические реконструкции концепции Ж. Пиаже..(26; 102; 122)

Критериями определения возрастной специфики мышления у этих авторов выступили: 1) внутренний состав мышления, включающий сенсо – моторные, перцептивные, образные, концептуально- вербальные элементы; 2) переходы перечисленных элементов от бессознательного существования к сознательному и наоборот; 3) разновидности мыслительных операций; 4) особенности продуктов мышления. По данным критериям Веккер различает «допонятийное» и «понятийное» становление мышления, причем первое соответствует выделенным Ж. Пиаже сенсо- моторной, символической и интуитивной стадиям генеза мышления, а второе – стадиям конкретных и формальных операций. Две последние стадии в психоаналитической модели Тайсонов называются «латентным периодом» и «периодом операционального синтеза». Стратегия дифференциации возрастных типов мышления основывалась на методе генетических срезов, который позволяет исследовать ранние элементарные формы мысли в условиях, когда они еще не подвержены осложняющим и трансформирующим влияниям ее зрелых форм.

Сенсо – моторный тип мышления характеризуется познавательной ориентировкой на внешние объекты, по отношению к которым применяются несложные двигательные схемы (приблизить, удалить, встряхнуть, толкнуть,

ударить и т. д.). Простое понимание объекта достигается в режиме сделал – воспринял – сделал. Развивающаяся константность перцептов на основе их сравнения между собой и сохранение перцептивных следов в памяти позволяет ребенку быстро перейти к удержанию и актуализации образов объекта при его реальном отсутствии. Так ребенок четырех месяцев задерживает взгляд на двери после ухода матери или пытается найти спрятанный под тканью предмет. Между воспринимаемыми объектами, благодаря их образной репрезентации устанавливаются временные связи «до-после», так что перцепт появившегося в поле действия объекта означает будущее появление другого объекта или приближения определенного события. Выражение лица матери предполагает для ребенка скорое наступление благоприятного момента ласки и заботы о нем. Двигательная активность все более регулируется внутренними образами и приобретает форму исследовательской. Образное моделирование начинает высвобождаться от моторных схем, но при этом относится к перцептивно охватываемым ситуациям. Опережающая движения когнитивная активность проблематизирует ребенка, заставляет его совершать все новые и новые пробные предметные действия. Образы предметов, ассоциируясь с образами усложняющихся поисковых движений, формируются как внутренняя система знаний, из которой может быть извлечен любой элемент.

«С извлечением информации из этой системы возможно произвольное или сознательное мышление. Способность вызывать что – либо произвольно обеспечивает доказательство того, что начали формироваться концепции объектов.» (122, с. 230)

В состав ранних концептов второй половины первого года жизни, прочно связанных с конкретными предметами, включаются, таким образом, постепенно свертывающиеся сенсо – моторные элементы, перцептивные элементы и образные элементы. Первоначальная нестойкость, мерцание межэлементных связей внутри концепта преодолевается за счет введения в

его структуру речевых сигналов. Последние воспринимаются от других людей, пропитаны эмоциональным отношением ребенка к называемым объектам и становятся прекрасным средством организации, синтеза когнитивного и аффективного опыта ребенка. Становится возможным речевое выделение перцепируемого, представляемого и переживаемого объекта из актуального предметного окружения. До начала дифференциации окружающих предметов как относительно автономных, когнитивный процесс протекает бессознательно, подчиняясь врожденным паттернам. Различение объектов, опосредованное речевым участием в построении ранних концептов, определяет разделение бессознательного и сознательного, иначе **«первичного» и «вторичного», процессов психической жизни.** К постепенному осознанию мира ребенок идет, благодаря усложняющимся связям его двигательной практики, образных репрезентаций и языковых образований, прочно соотнесенным с внешней реальностью. Бессознательное, отступив от регуляции непосредственных предметных взаимодействий, между восемью и двенадцатью месяцами жизни начинает наполняться новыми содержаниями. Во – первых, это «переходный объект» (игрушка или любая другая вещь), являющийся символом матери и представляющий собой субъективные чувство и образ безопасности в условиях реальной угрозы со стороны внешней среды. Этот символ полностью слит со своим объектом, его спонтанная актуализация замещает собой мать при ее действительном отсутствии, выступает «мостом» между ребенком и ею и поддерживает внутреннее состояние удовольствия, не нуждающееся во внешних подтверждениях. Во-вторых, это проявления «магического феноменализма», когда ребенок субъективно наделяет свои движения, жесты, языковые сигналы волшебными свойствами вызывать желательные для него реакции взрослых. Не воспринимая и не сознавая себя источником этих реакций, не замечая, что окружающие отвечают на его собственные выразительные действия, он пытается манипулировать поведением окружающих, настойчиво

повторяя свои магические запросы. Бессознательные образы своей власти над взрослым и при их посредстве - над вещами, становятся онтогенетической основой развития архаичного, инфантильного уровня индивидуального мышления, обеспечивающего в основном отработку ранних аффективных желаний.

Символически-интуитивный тип мышления постепенно развивается из сенсо-моторного и характеризуется функционированием двух разделяющихся символических систем: системы, ориентированной на внутреннюю репрезентацию объективных событий, и системы, ориентированной на субъективную фантазийно-игровую, вымышленную и развертывающуюся в сновидениях жизнь. Формирование этого сложного типа мышления охватывает собой довольно длительный период от одного года до шести – семи лет.

Между пятнадцатью и восемнадцатью месяцами ребенок определенно использует внутренние образы как посредников в практическом взаимодействии с предметами. Моторные операции с вещью активно замещаются воображаемыми операциями, которые восполняют дефицит объективной информации о нем. Появляется чувство дистанции и автономии «себя» и «объекта». Кроме того, реальный предмет и предметное действие все чаще заменяются действиями речевого указания, называния, коммуникации, что задает еще более экономный режим отвлечения субъекта от «предметности». Субъективное отвлечение через реалистичные образ-символ и слово - символ, поддерживающее разделение и устойчивое соответствие «заместителя» и «замещаемого», выступает прямой предпосылкой сознательного логического мышления. К концу второго года жизни словарь речевых символов расширяется до двухсот слов. Простые суждения и вопросы позволяют в три – четыре года устанавливать конкретные соотношения между объектами, основанные на наглядных ассоциациях. и действиях, которые пока во многом сохраняют магический

смысл: «Луна светит, потому что она высоко, потому что она круглая и т.д.» Или в экспериментах Пиаже ребенку показывались два одинаковых стакана с равным количеством воды, и ребенок подтверждал, что «воды одинаково». Однако, когда в его присутствии вода из одного стакана переливается в другой более узкий стакан, ребенок говорит: «Воды неодинаково...», - и добавляет: «Потому что вы налили ее.»

Употребление речи после трех лет направлено на решение нескольких важнейших интеллектуальных задач. Первое, на категоризацию предметов и уточнение причинно-следственных отношений реальных событий. Второе, на передачу и прием информации о доступных объектах от других. Третье, на контроль поведения окружающих, оказание влияний на них. Четвертое, на организацию знаний о самом себе, своем опыте, идеях, чувствах, фантазиях и снах. Но символизация на этом этапе служит не только усилению объективности и сознательности знания, но и созданию игровых «персональных» символов, которые не предназначены для передачи другим. Один предмет по некой «договоренности» ребенка с самим собой становится другим предметом, например, чернильница превращается в «сторожевую собаку». Такой тип символизации может все более отчуждаться от реальных вещей и формировать внутреннюю фантомную «реальность», где бессознательно все значит иное, чем в действительности, и символ указывает на «таинственные» свойства обыденных предметов. Это еще один слой архаического мышления, который, в противоположность «магическому» слою, является «мифологическим». Однако, и игровое употребление символов позволяет ребенку освоить интеллектуальную операцию объективного обобщения визуально различных предметов в «одно» по функциональному или другому существенному признаку. То есть игра в этом возрасте относится к развитию мышления, участвующего и в первичном, и во вторичном процессах.

Бессознательное, кроме того, приобретает содержания, связанные с ранними конфликтами сознаваемых ребенком собственных желаний и желаний ближнего окружения, прежде всего матери. Защитой от вызывающих тревогу конфликтов является вытеснение детских мыслей о них. Другим разрешением конфликта выступает присвоение позиции других и идентификация с ними.

Для мышления, опосредующего вторичный процесс, характерны на этом этапе относительная ригидность, конкретность и образность концептов. Пока образ не растворится в слове, а слово не начнет указывать на абстрактные отношения объекта, мысль сохраняет символическую сущность. Спонтанность, нерефлексивность, привязанность к наглядным элементам ситуаций определяют интуитивность мышления, невозможность придерживаться формально – логических схем. Девочка пяти лет, бывшая свидетелем того, как поровну разделили печенье между нею и сестрой, быстрее справившись с лакомством, искренне и настойчиво утверждает, что «у сестры было больше».

Анализируя процессы и продукты реалистичного «дооперационального» или допонятийного мышления, Л. М. Веккер выделяет следующие их особенности.

Эгоцентризм или «центрация» как опора в мышлении на субъективно значимые детали наглядной ситуации, выпадение самого ребенка из сферы мыслимого и отсутствие коррекции в мысли на свое положение по отношению к конкретному объекту воспринимаемой ситуации, неспособность учесть и координировать точки зрения других на предмет мысли и отделить тем самым «объективное» знание от «субъективного», следование принципу, по которому все происходящее соотносится прежде всего с его собственным опытом.

Несогласованность объема и содержания концепта, обуславливающая ошибки в употреблении кванторов общности, таких как «все», «некоторые», «один», «ни один». Означает несформированность инвариантных родо –

видовых связей, нарушение отношений включения и включенности, их легкий распад под влиянием перцептивных впечатлений. Так, уверенно объединяя 7 примул, 2 розы и 1 гвоздику в категорию «цветов» пяти - шестилетние испытуемые Пиаже на его вопрос о том, чего больше «примул» или «цветов», отвечают, что больше «примул», потому что «здесь всего три цветка». Концепт «примула», таким образом, не сохраняет своего большого «родового» объема, так как изначально **увеличение объема** от индивидуального до видового, а затем от видового до родового (примулы – цветы) не было согласовано со **сгущением содержания** в систему абстрактно – логических сущностных признаков объекта. Расширенное содержание концепта осталось в рамках наглядного «портрета класса», и в легкости исключения «примул» из «цветов» повинно доминирование конкретных образно- перцептивных признаков над обобщенно - вербальными..

«На каждом уровне обобщенности в меру его адекватности отображаемому объекту имеет место обратно пропорциональная зависимость между содержанием и объемом. Из этого следует, что при адекватной расчлененности видовых и родовых признаков объем видового уровня обобщенности во столько же раз меньше объема соответствующего родового уровня, во сколько раз увеличена полнота его содержания, то есть во сколько раз он ближе к индивидуальному «портрету», чем уровень родовой.» (16, с. 326)

Трансдуктивность (термин В. Штерна) как затруднения в осуществлении индуктивно – дедуктивных операций мышления, несоблюдение отношений включения единичного объекта в общий класс и принадлежности, выведения единичного из общего. Утверждая, что «солнце живое, потому что оно движется», ребенок определяет «солнце» посредством последовательных интуитивных индукций: движущееся – значит живое; солнце - движущееся; солнце – живое.. Однако, он «нарушает» дедуктивные отношения, по которым «солнце» принадлежит к «движущимся», «живое» принадлежит к

«движущимся», но «живое» не исчерпывает «всего движущегося», и «солнце» остается в классе «неживого движущегося». Согласно Пиаже, подобные спонтанные ошибки в суждениях свидетельствуют о недостаточной обратимости операционной структуры допонятийной мысли, о разрывах в переходах одно – некоторые – все.

Синкретизм, состоящий, по определению Клапареда, в осмыслении предмета по его одному или нескольким несущественным признакам.. Объект мысли притягивает к себе образные, перцептивные, аффективные следы случайного соположения, временного совпадения и внешнего сходства с другими объектами. Формируется прочное неразложимое единство, в котором исходный объект одновременно представляет собой все остальные. «Луна не падает, потому что она лежит в небе, потому что это высоко и потому, что нет Солнца» - синкретический синтез, соединивший и сливший Луну с чем – то «высоко лежащим», с тем, что «должно светить, когда темно» и с тем, что «не может упасть». Устанавливается тождество Луны с обыденно доступными ребенку предметами, по отношению к которым он может совершить практические действия. Например, с предметом, который не падает, потому что он высоко помещен, и его нельзя столкнуть. Или с предметом, который освещает темную комнату, и должен светить непрерывно, как Солнце, и следовательно, не упадет. То есть «Луна» субъективно вбирает в себя наглядно подобные объекты и определяется посредством актуализации их образов, собирая в своих определениях ситуативные вариативные признаки.

«Синкретизм и соположение через трансдукцию и несогласованность содержания и объема связаны с ограниченностью эгоцентрической системы координат.» (Там же, с. 303)

Несогласованность инвариантных и вариативных компонентов в допонятийных структурах. Обнаруживается в несоблюдении принципа постоянства отвлеченного свойства объекта независимо от изменения

эмпирических условий его проявления, в неумении скоординировать константный признак с изменчивыми. Так, в примере с переливанием воды ее объем оценивается ребенком как меняющийся в зависимости от вариаций формы стакана. Невидимый «объем» оказывается не в состоянии преодолеть фигуративную видимость высоты и ширины сосуда и убедительность практических манипуляций экспериментатора с жидкостью.

Необратимость операций характеризуется как затруднения в осуществлении противоположных актов мышления (выявление сходства – выявление различия, обобщение- конкретизация, анализ – синтез, типизация – индивидуализация и т. д.) по отношению к одному и тому же объекту. В случае с примулами ребенок, легко совершая прямую операцию обобщения (примулы – цветы) не может произвести обратную операцию конкретизации (среди цветов есть примулы). Эта черта допонятийной мысли необходимо связана с недостаточной разведенностью родовых, видовых, индивидуальных признаков и неотделением абстрактных инвариантных признаков от вариативных. Необратимость выражается в отсутствии «круговых переводов» образных репрезентаций объекта в вербально – логические репрезентации и наоборот. Кроме того, при решении проблем наглядно–действенного плана для ребенка сложен возврат к исходным условиям задачи и исправление ошибок. Показателями необратимости также выступают: невозможность применения различных способов для достижения одного и того же мыслительного результата; трудность рассмотрения объекта с противоположных точек зрения; нерефлексивность мышления, означающая, что субъект не может направить мыслительный процесс и на объект, и на собственную мысль об объекте.

Нечувствительность к противоречиям – феномен допонятийного мышления, выступающий следствием необратимости операций и невозможности различить и удержать различные видовые противоположности в рамках родовой общности . В частности, трудности

мысленного перехода от «некоторых» объектов ко «всем» и затем от «всех» к «некоторым» выражаются в игнорировании ребенком взаимоисключающего характера своих суждений вроде «все это цветы» и «здесь только три цветка». Существованием данного феномена объясняются, по мнению Веккера, и ошибки при решении задач, конфликтующие с объективно требуемым результатом, которые ребенок не замечает и не исправляет, а также непонимание переносного смысла метафор и необнаружение отвлеченного значения пословиц и поговорок. Через необратимость мыслительных операций и нечувствительность к противоречиям выражают себя эгоцентризм детской мысли, ее трансдуктивность, вариативность, отсутствие иерархической организации концептов, синкретизм. Мышление, обладающее такими характеристиками, обуславливает **дефицит понимания**, преодолеваемый на следующем этапе развития мыслительной деятельности – понятийном.

Конкретно – операциональное мышление латентного периода. Мыслительная деятельность отличается на этом этапе, во-первых, преобладающей ориентировкой мысли на вторичный процесс, во – вторых, дальнейшей дифференциацией сознательного, направленного, упорядоченного мышления, действующего в отношении вещно -социального окружения, и фантазии, интуиции, переживаний, обращенных в интимный мир личности и легко ускользающих в бессознательное. Направленное мышление характеризуется в этот период возрастающей децентрацией, то есть способностью разделять субъективную и объективную позиции в мыслительном процессе, отделять свою точку зрения от точки зрения других людей, выделять себя в качестве объекта мысли. Увеличивающаяся согласованность объема и содержания концепта, разведение и не смешивание инвариантных и вариативных признаков объекта, возможность прямых и обратных операций мышления, скоординированность видовых и родовых обобщений, уменьшающаяся опора на перцептивно – практические действия

позволяют девяти - десятилетнему ребенку избегать ошибок в категоризации конкретных объектов, следовать принципу сохранения количества, веса, объема вещества, пользоваться в определении предмета существенными признаками, применять различные способы решения предметно-действенных и предметно-образных задач. В целом, умственные действия все больше высвобождаются из узких пространственно – временных рамок текущего момента, выходя во внутреннее пространство образов воображения и словесных значений. Мышление становится все более длительным, его операции более свернутыми, хотя оно по-прежнему стимулируется актуальными событиями конкретных предметных ситуаций. Посредством сознательных, объективных и контролируемых мыслительных процессов ребенок подчиняет себе ситуацию, может достигать взаимопонимания с другими людьми в совместных проблемных действиях. Содействие и сотрудничество достигается интеллектуальным освоением групповых норм и правил и закреплением их в строгом нормативном поведении. Развивающаяся рефлексия как форма мышления первоначально направляется субъектом больше на свои социальные действия, чем на интеллектуальную деятельность. В основном, сознательное объективное мышление этого периода выражает себя в решении предметных интеллектуальных задач, в понимании социальных нормативов, в определении своего места в коллективе и в идее самостоятельности и личной автономии. Но одновременно в противовес власти мышления, приспособленного к реальности, к началу подросткового возраста начинает активизироваться фантазия, ищущая интеграции в действительную жизнь субъекта. Первоначально этот процесс обеспечивается групповой игрой, разрабатывающей сходные у всех подростков мечты (о семье, друзьях, героях, приключениях, сражениях и т. д.).Затем сознательные фантазии либо проявляют себя через «намекы» шуточных и иронических высказываний, розыгрышей, карикатур, либо приобретают черты творческого воображения и, вливаясь в процессы

рационального мышления, придают им оригинальность и новизну. Умственная одаренность в этом возрасте ярче всего проявляется в создании «идеальных собеседников», «двойников», «воображаемых товарищей». Это оказывается эффективным способом сознательной защиты от внутренней тревоги, связанной с неуверенностью в правильности своего социального поведения, опасением перед критикой, наказанием или изоляцией. Если же сознательное мышление не может защитить младшего подростка от конфликтов общения, эти конфликты становятся содержанием интуитивного бессознательного мышления, причудливо сочетающегося с устрашающими фантазиями и действующего в социальных отношениях личности в формах недоверия и подозрительности по поводу разумного и логичного поведения «я» и других. Имеет место некоторая регрессия к эгоцентризму мышления, который связан теперь с компенсаторной динамикой первичного процесса.

Мышление посредством синтеза формальных операций. Его развитие приходится на длительный период от 11 – 12 до 16 -- 17 лет. Формирования типа отмечено активным интеллектуальным творчеством, основанным на единстве операций первичного и вторичного процессов. Причем, сознательное мышление обеспечивается совершенствующейся системой разнообразных скоординированных операций: дедуктивных, индуктивных, отвлеченно аналитических, извлекающих противоположности и разрешающих противоречия. Операции осуществляются уже не с конкретными, эмпирическими, а с абстрактными, идеальными объектами, то есть, понятиями. Продукты этого мышления находят репрезентацию в грамматически организованной содержательной речи.

Бессознательное мышление реализуется посредством операций символизации, эффекты которой выходят на поверхность сознания и, выступая в качестве объектов логических преобразований, участвуют в создании утонченных образно – вербальных символов. Творческий синтез символического и логического мышления обнаруживается в поэтических

опытах подростка, в его сочинениях, рисунках, попытках создания драматических произведений, в конструировании своих философских систем, в жизнеописаниях и художественных рефлексиях.

Достаточно сложный операционный состав понятийно – логического мышления позволяет понять и реконструировать чужую научную мысль, строить собственные рассуждения, делать выводы и выдвигать гипотезы. Разностороннее формальное манипулирование концептами и идеями позволяет структурировать теории, касающиеся и изучаемых в школе предметов, и межличностных отношений, и собственного «я». Теоретизм 15–16 летнего подростка может несколько дистанцировать его от реалий обыденной жизни. Концепции вселенной, мира, общества, глобальных социальных преобразований и революций имеют большую ценность в сравнении с концептуальными проработками отношений с близкими и приемов адаптивного поведения в среде сверстников. Даже личные темы возводятся в ранг универсальных теорий, что свидетельствует о некотором когнитивном эгоцентризме.

«Периодический уход в фантазию – еще одна характерная черта периода. Хотя такой уход у некоторых юношей может означать патологическое неприятие реальности, у других это, в конце концов, может привести к лучшему узнаванию реальности, поскольку свои потребности и цели мысленно интегрируются с возможными путями их реализации. Фантазии также обеспечивают доступ к внутренней реальности, ранние желания и конфликты теперь могут быть осознаны с помощью способности к рефлексивному и логическому мышлению.» (122, с. 251)

Рефлексия продолжает работу, осуществляемую творчеством по созданию взаимодополняющих отношений сознательного и бессознательного мышления. Рефлексия объективно ориентированной мыслительной деятельности позволяет установить прочные отношения способов и

результатов мышления с «я», закрепив их в структуре его интеллектуальных способностей. Вследствие этого реалистичное мышление начинает отвечать не только объектным требованиям, но приобретает и мощный субъектный источник. Рефлексия с данного момента начинает направляться на внутренние, причем не только интеллектуальные, качества субъекта, на его социальные роли и статусы, оттеснив вглубь личности интуитивное нерефлексивное самопонимание. Но та же рефлексия может вызвать к осознанию бессознательные идеальные символы личного пути к гармонии, красоте, равновесию, совмещению противоположностей. Они либо подавляются окружением, обстоятельствами, пассивностью «я», либо в творческом процессе становятся действительностью. Узнавание себя в этот период происходит главным образом в контексте идентификационных процессов, устанавливающих тождество «я» с реальными фигурами окружения и символическими персонами истории и мифа.

Главными приобретениями этого периода являются: увеличение количества формальных операций, пластичность и гибкость их применения; преодоление эгоцентризма мышления; достижение обратимости по параметрам совершения прямых и обратных операций, оперирования противоположностями, возврата к исходным условиям задачи, применения разных стратегий решения проблемы; различение и сохранение при понятийном оперировании типологических, видовых, родовых и универсальных признаков объекта, установление между ними устойчивых иерархических связей; произвольность умственных действий, легко сменяющаяся в процессе решения новой проблемы произвольностью и рефлексивностью; свернутость мыслительных операций и актуализация в мыслительной деятельности все более крупных «гештальтов» концептуальных содержаний; совершение большинства умственных операций во внутреннем плане, с абстрактными вербальными концептами, что определяет значительную свободу субъекта по отношению к

предметному миру. (141) Кроме того, завершается разделение сознательной и бессознательной форм мышления. Одновременно между ними складываются взаимно компенсаторные и развивающие отношения, располагающие подростка и юношу к интеллектуальным проявлениям, которые оригинально соединяют слово, символ и образ.

В фазах взрослости при благоприятной динамике интеллектуальной жизни и развитии компетентности, профессионализма, социальной умелости, самопознания, интеллигентности субъекта мышление эволюционирует в свой **зрелый тип**. Особенность зрелого мышления в сравнении с «взрослым» качественно определяется признаками проблемности – совершенства операционной системы – богатства и структурной организации концептов – особой чувствительности к противоречиям – творчества – продуктивности – полифункциональности – рефлексивности – построения целостной я-концепции – конструктивности влияний бессознательного. В общей психологии «ставшее» мышление и «зрелое», как его особый уровень, часто выступают **критическими моделями исследования всей полноты закономерностей мыслительной деятельности**. Особенно это касается отечественной теории мышления, высокий историко-научный статус которой определен идеями Л.С. Выготского, А. Р. Лурии, С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева.

Отечественные традиции позволяют подойти к обоснованию «ставшего» или достигшего жизненного «акме» мышления с позиции синтеза многих аспектов мысли: социально-культурного, деятельностного, когнитивно-структурного, процессуально-динамического, знаково – символического, ментального, сознательного, личностного и т. д. В 80 – 90е годы исследования такого рода были осуществлены О. К. Тихомировым, К. А. Абульхановой – Славской, М. А. Холодной, Л. М. Веккером

.Основываясь на традиционных и новых подходах к мышления, перейдем к его акмеологическому моделированию..

6.3 Акмеологические закономерности мышления: порождающие, процессуальные, продуктивные.

Проблемность мыслимой реальности.

Мышление активизируется, «притягивается» специфическими **объектами** внешней и внутренней реальности, порождающими у субъекта особые интеллектуальные состояния. При рассмотрении стимулов и источников мысли нужно учитывать как их собственные параметры, так и параметры субъективного ответа и отношения к ним.

Во – первых, сознательная и бессознательная мыслительная интенция ищет или сложные единичные объекты, или структуры, состоящие из нескольких либо множества таких объектов, или системы межобъектных взаимодействий, образующих «ситуации мышления» и «события» преобразования данных ситуаций.

Во – вторых, объекты и ситуации, данные субъекту мысли в формах, сочетающих перцептивные, образные, символические и вербальные репрезентации, должны выступать для него как заключающие нечто неизвестное, информационный дефицит, когнитивную неопределенность, необходимость переноса известного в новые условия, ошибку или противоречие. То есть объекты и ситуации вариативно представлены субъекту в качестве «проблемных». (114)

По данным М. А. Холодной, эмпирически существующие проблемные ситуация и объекты могут иметь при осмыслении ту или иную **доминирующую репрезентативную форму или модель**. Выделим возможные разновидности таких моделей.

- «Мысленная картина», представляющая собой концептуально структурированный и одновременно детальный, чувственно конкретный образ проблемной ситуации, позволяющий тщательно проработать

каждый элемент, соотнести его с другими и обнаружить дефект или незавершенность в структуре.

- «Мысленная схема», выступающая системой абстрактно выделенных узловых предметных точек ситуации, в соотношении с которыми проблемный элемент проступает особенно четко и его нахождение облегчается тем, что «точки» особенно открыты и чувствительны к поисковым преобразованиям.
- «Мысленная концепция» или «конструкт», являющийся вербально оформленной структурой ситуации, хранящей только опосредованную чувственную связь с мыслимыми предметами, но позволяющей извлекать скрытое, существенное, категориальное неизвестное и вести его поиск теоретическим путем.
- «Мысленный сценарий», возвращающий построенную концепцию проблемы в предметный план за счет моделирования продуктивных вариативных действий, которые позволят реально воссоздать неизвестное, и придают этой форме репрезентации вид «прогноза будущей реальности»,
- «Идея», возводящая конкретную проблемную ситуацию в степень эмпирического выражения глобального недостатка или дефекта знания и с опорой на предметные элементы и события ситуации воссоздающая общезначимое, универсальное неизвестное и возможные пути его нахождения. (Так Подросток в одноименном романе Достоевского рассматривает проблему личной бедности как супернеординарную задачу, решаемую только на уровне применения «закона обогащения Ротшильда».)

Конструктивному продлению проблемного состояния и глубине проникновения в проблему препятствуют распространенные **дефициты репрезентативной способности** при мысленном моделировании проблемной ситуации:

- 1) неспособность обнаружить проблемность ситуации без специальной помощи извне и разрешить проблему без опоры на внешние указания;
- 2) упущение в репрезентативной модели тех элементов ситуации, во взаимодействии которых возникла проблема;
- 3) построение модели ситуации на основе субъективно искаженных впечатлений и ассоциаций, так что действительная проблемность ускользает от моделирования;
- 4) отвлеченная, глобальная репрезентация ситуации (вчерне, в общих чертах, тускло) без попыток мысленной детализации и анализа ее элементов и определения конкретных пустот, ошибок, противоречий в структуре;
- 5) упрощение ситуации, сведение ее к ясной, непротиворечивой структуре и игнорирование неизвестных, проблемных, неопределенных составляющих, которые могут осложнить взаимодействие с ней;
- 6) фиксация очевидных, бросающихся в глаза аспектов проблемы и неспособность обнаруживать ее скрытые, неявные элементы и связи;
- 7) отсутствие или недостаток в модели конкретной проблемной ситуации категориальных элементов, которые устанавливают ее связь с действием общих законов, закономерностей, принципов и позволяют разрешить проблему на их основе;
- 8) отсутствие рефлексивного опосредования проблемного мышления, то есть осознания субъектом своего понимания элементов ситуации, действий по отношению к ним, сути неизвестного и путей решения проблемы;
- 9) неспособность выделить и осмыслить ключевые признаки ситуации, а затем эффективно использовать их как условия решения проблемы;
- 10) неспособность удержать в сознании все существенные моменты переструктурирования проблемной ситуации в процессе поиска решения;
- 11) влияние на динамику проблемного состояния сильных мотивационных и аффективных включений, непосредственно не связанных с мыслительной деятельностью. (141)

В- третьих, проблемное состояние, в котором оказывается субъект, проживается им на различных уровнях, которые могут находиться в отношениях, взаимодействия, компенсации, замещения. Речь идет о **проживании на эмоциональном уровне**, когда субъект испытывает беспокойство, интеллектуальную неуверенность, «когнитивный диссонанс», сомнение, любопытство, азарт или беспомощность. Вероятно также **интуитивное схватывание** возникающей новизны, неопределенности или недостатка знания, сопровождающееся общим чувственным прогнозом возможности преодоления когнитивных затруднений. Для субъекта с исследовательской жизненной установкой типичны осознание проблемного состояния и активизация **сознательной мысли** при попытках понять, в чем состоит неизвестное, а также выразить это понимание в «вопросе», «проблемном суждении», «задаче».

Например, способный студент-филолог, желающий специализироваться по философии, огорченно спрашивает в разговоре с друзьями: «Почему мои родители не хотят, чтобы я занимался философией?». Затем, подумав, формулирует: «Моя проблема в том, что они надеются на мой скорый успех, а я не могу доказать, что и в качестве философа могу достичь компетентности и благополучия. Я должен подумать, как их убедить.» В **вопросе** студент просто фиксирует существование неизвестного-для-себя (не знаю, почему...). Затем в **проблемном суждении** обнаруживает конфликт (они надеются...- я не могу доказать...), неразрешение которого создает неопределенность в отношениях студента с родителями. Это несомненное продвижение в понимании проблемы. И далее – **задача** и одновременно **гипотеза** о решении проблемы (подумать, как их убедить...), которое позволит дать ответ на возникший вопрос. В тех случаях, когда в формулировке проблемы более или менее явно присутствуют ожидание и указание на возможное решение, и это решение связывается с определенными

действиями «я», можно говорить о **рефлексивном уровне проживания проблемного состояния**.

В-четвертых, проблемное состояние снимается посредством мысленного различения элементов непроясненного объекта или ситуации и введения нового элемента или межэлементного отношения. (114) Так, элементами рассмотренной выше ситуации являются: «родители», «философия», «я», «успех». Найденный пробел, пустота в этой жизненной связи – **отсутствие понимания** родителями, что «я могу быть **успешен в философии**». Решение проблемы студент видит в том, чтобы, убеждая, самому помочь родителям понять возможность своего успеха в философии. Решению, таким образом, будет служить введение в ситуацию «**я-убеждающего**» как ее нового элемента и «**понимания**» как нового отношения родителей к студенту. Решение предполагает выход за пределы исходной ситуации, так как «убедить» означает в данном случае немедленные успешные действия и результаты студента в выбранной области и превращение «философии» из воображаемого и абстрактного объекта в поле его жизненной практики.

Пятое. Проблемность индивидуального мышления начинает проявлять себя в детском «наивном» вопрошании, которое служит устранению неведения о предметах обыденной жизни, а также построению относительно прочной системы непротиворечивых нормативных знаний о реальности. Затем субъект переходит к постановке проблем, расшатывающих первичные интеллектуальные схемы и требующих когнитивных преобразований, творческого поиска. Проблемность ранней взрослости допускает существование многих, в том числе противоположных, точек зрения на объект, связана с нахождением и обдумыванием противоречий в объектах, казавшихся устоявшимися, «монолитными». **Диалектическая фаза мышления** рассматривается К. Ригелем как следующая за «стадией формальных операций» в модели интеллектуального генеза Ж. Пиаже. Проблемность в форме диалектичности выражается по мере умственного

взросления не только в различении и понимании противоположностей, но и в попытках их самостоятельного синтеза или применении различных способов разрешения противоречий. (74)

Шестое. Активное мышление взрослого оперирует разнообразными проблемами, которые можно свести в типологию по признаку «ведущего разрешающего умственного действия». Если, в частности, обратиться к интеллектуальной жизни психологов, то их профессиональное мышление на этапах развития и достижения зрелости активно работает с **проблемами следующих типов:**

- проблемой **переноса знания** с известной ситуации или объекта на новые, подобные (можно ли в данном случае мыслить так же, как в других?); например, применение студентом стандартного математического метода в условиях обработки результатов, полученных в самостоятельном психологическом эксперименте;
- проблемой **нахождения ошибки** в мысли, концептуальной системе или модели (что мыслится и объясняется неверно?); например, критика С. Л. Рубинштейном раннего бихевиоризма за «исчезновение предмета психологии» в его теоретических построениях;
- проблемой **обнаружения заблуждения** в своем или чужом понимании или **преодоления непонимания** (что неправильно толкуется или как это понимать и интерпретировать?); например, помощь психоаналитика клиентке в осознании, что ее муж не может реализовать изматывающих ее ожиданий, так как они по сути предназначены не ему, а воображаемому Другому;
- проблемой **преодоления всеобщего незнания** о каком – либо объекте, явлении (в чем состоит неизвестное?); например, поиск начинающим ученым новых форм психологической защиты от наркотической зависимости;

- проблемой **восполнения недостаточности наличного знания** об объекте (что еще существенно в объекте?); например, недоверие молодого К. Юнга к идее о всемогуществе libido и многолетнее исследование им многих других аспектов бессознательного;
- проблемой **понимания скрытого значения символов**, выраженных в метафорах, аллегориях, пословицах, идиомах, суждениях с переносным смыслом, баснях, юморе, эзотерических текстах и т. д. (что это на самом деле значит?); так афоризм К. Прутков «Эгоист подобен давно сидящему в колодце» является для психолога подтверждением из уст самобытного мыслителя, что эгоист одержим бессознательными, «погруженными в глубь души» желаниями, о существовании которых и разрушительности для других он никогда не знает из-за «колодезной» узости сознательного обзора жизни; слова – символы истолковываются как «образы истины»;
- проблемой **понимания противоречий** в мыслимом объекте (что противоположно друг другу, и есть ли между ними конфликт?), имеющей исключительное значение для оценки зрелого мышления и заслуживающей поэтому особого внимания; так художественно-психологический анализ учения Спинозы о человеке позволил Гете не менее искусно, чем он, оперировать противоположностями, прояснить на этой основе ключевые противоречия своей собственной жизни:
 - 1) мы стремимся к внутренней автономии, а нас призывают к самоотречению;
 - 2) мы стремимся пополнить извне нашу собственную сущность, но нам навязывают чуждое и даже тягостное;
 - 3) то, что добывается нами с великим трудом, у нас крадут;
 - 4) то, что было нам благостно даровано, у нас отнимается;
 - 5) чем более мы защищаем свою личность, тем более пренебрежительно к нам относятся;

- 6) нас разрушают, но мы сознательно и бессознательно себя восстанавливаем;
- 7) наше самовосстановление в действительности является «самоподменой»: одна страсть заменяется другой, одно занятие – другим;
- 8) на самом деле мы отрекаемся от себя, и некоторые, избегая частичного отречения, отрекаются от всего;
- 9) некоторые отрекаются от суетного, стремятся составить себе несокрушимые понятия, и в них появляется нечто сверхчеловеческое, но другие видят в них выродков и безбожников;
- 10) в нас глубоко коренится сознание наших преимуществ, но мы отказываем внешнему миру в обладании ими; и т. д. (35, с. 567)

- проблемой **преодоления устоявшегося знания** об объекте (как об этом можно мыслить иначе?); здесь можно вспомнить прогноз Мишеля Фуко о будущем гуманитарных наук и психологии, которые с его точки зрения постепенно утратят в 21 веке свое нынешнее «королевское место» в системе европейского знания; эпистемиологические акценты на индивидуальность, индивидуальное сознание и бессознательное, на экзистенциальные проблемы личности должны смениться поиском доступа к новым тайнам социальности, эволюции культуры, всеобщего дискурса и надличностной иррациональности.

Проблемы выделенных типов составляют источники, объекты и ориентиры мышления в любой области интеллектуальной деятельности взрослого человека, включая частную, социальную, профессиональную жизнь, а также сферы самопознания и самоактуализации.

Активно развивающееся и зрелое мышление сознательно направлено и бессознательно зачаровано **порывом к поиску, поиском, обнаружением, пониманием, осмыслением, прояснением и разрешением проблем.**

Причем, преобладание тех или иных перечисленных моментов работы с проблемами может представлять собой отличительную характеристику индивидуального мышления. Ф. М. Достоевский описал в качестве доминанты момент «порыва к поиску творческих проблем» у влюбленного в науку юноши.

«Его пожирала страсть самая глубокая, самая ненасытимая, истощающая всю жизнь человека и не выделяющая таким существам, как Ордын, ни одного угла в сфере другой, практической, житейской деятельности. Эта страсть была – наука... В нем было более бессознательного влечения, нежели логически отчетливой причины учиться и знать... В уединенных занятиях его никогда не было порядка и определенной системы; был один только первый восторг, первый жар, первая горячка художника. Он сам создавал себе систему, в душе его уже мало – помалу восставал темный, неясный, но дивно – отрадный образ идеи, воплощенной в новую просветленную форму; творчество уже сказывалось силам его...» (54, с. 265)

Седьмое. Для психологического анализа проблем мышления существенны следующие критерии: **степень распространенности** (проблемы индивидуальные – частные – общие – всеобщие); **частота жизненной актуализации** (проблемы ситуативные – периодически возникающие – жизненно константные); **время разрешения** (проблемы, решаемые краткосрочно – требующие времени на размышления и решение – разрешаемые длительное время); **новизна решения** (проблемы, решаемые известными путями – решаемые применением известных и новых путей – решаемые новыми путями); **индивидуальность решения** (проблемы, решаемые стандартно – проблемы, требующие авторской оригинальности решения – проблемы, решаемые творчески).

Восьмое. Решение мыслительных проблем состоит, как известно, в **развитии или построении субъектом понятий и межпонятийных**

отношений. Именно при разрешении проблем можно достигать все более дифференцированного знания, все большей различительной активности сознания и одновременно возрастающей интегрирующей мощи рефлексии и интуиции. В добытом проблемным путем знании можно обнаружить вербально или символически закрепленные **способы понятийного конструирования.** К основным способам, присущим ставшему мышлению, можно отнести:

нахождение решения посредством отнесения искомого неизвестного к известной общей категории объектов,

приход к решению путем объединения многих различных объектов в новый общий концепт;

решение как усмотрение в конкретном проблемном факте или событии действия закона, всеобщего принципа, универсального свойства, общего правила;

решение, состоящее в возведении единичного объекта или события в ранг критического воплощения и наиболее полного выражения общего принципа или закономерности;

решение путем раскрытия и сведения в целое максимального количества индивидуальных признаков проблемного объекта;

обнаружение решения посредством установления причинно – следственных связей проблемного объекта с известным;

решение путем определения, как известное действует на проблемный объект;

решение, состоящее в открытии особенностей взаимодействия проблемного объекта с известным;

решение, устанавливающее необходимое влияние известного на проблемный объект или обратное влияние последнего;

решение, заключающееся в определении качественных характеристик влияний, принимаемых и исходящих от проблемного объекта: влияний развивающих, конструктивных, негативных, разрушающих;

решение, устанавливающее характер взаимосвязи проблемного объекта с противоположным ему известным: равновесие одного с другим, переход одного в другое, исключение одного другим, их конфликт и др.

Использованием одного или нескольких способов решения, то есть «разрешающих путей», достигаются **эффекты** переноса знания, исправления ошибок в знании, преодоления заблуждений, достижение понимания, открытия нового, прояснения скрытого, разрешения противоречия, прогнозирования изменения устоявшегося знания.. Мысленным решением чаще всего не завершается проблемная активность. Результаты мысли должны найти выражение в практической деятельности субъекта и в изменениях реальных источников проблемы. В этом плане внутреннее достижение решения может выступать и **принятием решения** о новом внешне направленном действии, несущем перемены в предметную, социальную и психологическую среды индивидуальной жизни.

Успешность реализации тех или иных разрешающих путей зависит не только от правильности их выбора из числа многих возможных альтернатив, но и от качества их операционального обеспечения, то есть развития гибкой, богатой по составу, основанной на взаимных переходах элементов и одновременно актуализирующейся как интуитивное целое **системы мыслительных операций**. В непрерывной развертке процесса мышления операции составляют его множественные «подпроцессы». Та или иная операция иногда оказывается ведущей при определенном пути решения.

Операциональный состав обуславливает мыслительный процесс не только в разрешающей фазе, но и на этапах поиска, обнаружения и репрезентации проблемы, при одновременном генерировании многих проблем и выборе ключевой из них, при формировании мысленной модели основной проблемной ситуации, при сведении различных способов решения в целостную стратегию снятия проблемы и при осмыслении достигнутого результата. В целом, все операционально опосредованные этапы мысленной

работы с проблемой можно рассматривать как единое проблемное моделирование.

Операции мысленного моделирования

Мышление, взятое с точки зрения его дифференцированного операционального строения, выступает явлением внутренним, актуально почти неуловимым, свернутым и быстро текущим. Подсознательность и слияние операций делает их слабо доступными для рефлексии и внешнего наблюдения. Однако, исследования грамматически организованных высказываний как речевых следов мысли или предметных действий как аналогов некоторых мыслительных актов позволяют реконструировать тайный динамический подтекст мышления.

Одну из наиболее убедительных реконструкций такого рода осуществил С. Л. Рубинштейн (114). Представим ее в несколько расширенном и уточненном варианте, используя литературные иллюстрации из произведения, созданного в стиле «мыслей» и «максим» и потому особенно хорошо соответствующего теме изложения. Имеются в виду «Характеры» Жана де Лабрюйера (46).

1) **Различение** - операция выделения элементов из мыслимого целого и их отделение друг от друга. Процесс различения хорошо эксплицируется в высказываниях, перечисляющих составные части и признаки (качества, свойства, функции, связи) целостного объекта.

«Человек домогается, хлопочет, интригует, тревожится, просит, встречает отказ, просит снова и достигает цели; а послушать его, так он получил желаемое без всяких просьб...» (с. 318)

2) **Сравнение**-операция мысленного сопоставления разделенных объектов или их признаков и дальнейшее установление сходства и различия между ними. Обнаруживается в высказываниях о специфических особенностях соотносимых явлений.

«Пока любовь жива, она черпает силы в самой себе, а подчас и в том, что, казалось бы, должно ее убивать: в прихотях, суровости, холодности

и ревности. Напротив, дружба требует ухода: ей нужны заботы, доверие и снисходительность, иначе она зачахнет.» (с. 245)

3) **Нахождение сходства** (подобия, сродства) – операция, позволяющая отождествить различные объекты по одному или нескольким признакам. Раскрывается в высказываниях о разных явлениях, обладающих, однако, похожими чертами, свойствами, отношениями.

«И при дворе, и в народе – одни и те же страсти, слабости, низости, заблуждения, семейные и родственные раздоры, зависть и недоброжелательство; всюду есть невестки и свекрови, мужья и жены. Всюду люди разводятся, ссорятся и на время мирятся; везде мы находим недовольство, гнев, предвзятость, пересуды.» (с. 348)

4) **Нахождение различий** – операция, благодаря которой однородное открывается как обладающее индивидуальными или типологическими отличиями друг от друга. Бывает эксплицирована в высказываниях об отличительных признаках объектов и явлений, относящихся к одной категории.

«Лишь убедившись на собственном опыте, можно поверить в существование тех удивительных различий, которые возникают между людьми, обладающими большим или меньшим запасом монет. Это «больше» и «меньше» побуждает человека надевать мундир, или мантию, или рясу...» (с. 279)

5) **Объединение в целое** - операция воссоединения различных, прошедших сравнение, обнаруживших тесные взаимодействия и сходные признаки объектов в новую структуру. Находит выражение в синтетических суждениях, подчеркивающих существование многого в составе одного или соотношения (причинная зависимость, воздействие, влияние и т. д.) элементов в объединяющем целом.

« Дети богов – назовем их так – не подчиняются законам природы и являют собой как бы исключение из них: время и годы почти ничего не

могут им дать. Их достоинства опережают их возраст. Они рождаются уже умудренные знаниями и достигают истинной зрелости раньше, чем большинство людей избывает младенческое неведение.» (с. 221)

6) **Абстрагирование и обобщение** – единые операции выделения существенных, то есть свободных от случайных привнесений, свойств и связей объекта и объединения объектов с данными характеристиками в общую категорию. Ярко эксплицируются высказываниями, которые подчеркивают обобщающие, отвлеченные, категориальные признаки каких – либо явлений..

«Талантом собеседника отличаются не те, которые охотно говорят сами, а те, с кем охотно говорят другие; если после беседы с вами человек доволен собой и своим остроумием, он вполне доволен и вами.» (с. 263)

7) **Выделение противоположностей**–операция разделения оппозиционных объектов или признаков определенного объекта, находящихся в большем или меньшем противоречии друг с другом. Проявляется через высказывания, сопоставляющие противоположности.

«Мы преисполнены нежности к тем, кому делаем добро, и страстно ненавидим тех, кому нанесли обиды.» (с. 254)

8) **Синтез противоположностей** –операция соединения оппозиционных объектов, свойств, связей в такое новое целое, где ранее противоречивое уравнивается, гармонизируется, усиливается за счет единства друг с другом. Проступает через высказывания о явлениях, вещах или событиях, вбирающих в себя противоположности, погашающих одну противоположность в другой, выявляющих новые возможности их взаимодействия.

«Друзья потому находят удовольствие в общении друг с другом, что одинаково смотрят на нравственные обязанности человека, но различно мыслят о вопросах научных: беседы помогают им укрепиться во взглядах, доказать свои убеждения или узнать что – либо новое.» (с. 272)

9) **Конкретизация** – обратная операция по отношению к абстрагированию признаков, определяющих обобщенные (видовые, родовые, универсальные) различия, оппозиции и тождества исходного объекта с другими объектами. Состоит в возврате к индивидуальной специфике объекта при удержании всего богатства его абстрактных отношений. Как частный случай обнаруживается в высказываниях о конкретных явлениях, приобретающих яркую индивидуальность за счет критически полного обладания ключевыми признаками либо максимального соответствия законам тех категорий, к которым они принадлежат.

«Люди, украшенные достоинствами, сразу узнают, выделяют и угадывают друг друга; если вы хотите, чтобы вас уважали, имейте дело только с людьми, заслуживающими уважения.» (с. 271)

10) **Символизация** – операция, близкая конкретизации, но предполагающая не прямое, а опосредованное соотнесение исходного единичного объекта с абстрактными параметрами общих и универсальных объектных категорий. Средством конкретизации выступает другой реальный объект, эмпирически не сравнимый с исходным, но критически полно демонстрирующий какой – то обобщенный признак, отвлеченно соединяющий оба объекта. Эксплицируется в метафорических высказываниях, а также в высказываниях, уподобляющих отдаленные явления или обладающих переносным смыслом.

«Как много на свете людей, которые похожи на уже взрослые и крепкие деревья, перенесенные и высаженные в сады, где они восхищают взоры каждого, кто видит их в столь прекрасных местах, но не знает, откуда их доставили и как они росли.» (с. 283)

По характеру операций видно, что их можно разделить на различительные, объединяющие и синтетические, причем одни из них в основном осуществляются по отношению к эмпирическим, наблюдаемым признакам объектов, а другие – по отношению к «теоретическим» признакам, являющимся эффектами абстрагирования и категориально - речевого

обобщения. Эмпирические и теоретические операции различения выступают «аналитическими»; объединение эмпирических признаков и теоретический синтез принадлежат к разряду «синтетических». Подобные рассуждения стали основанием для определения С. Л. Рубинштейном единого и непрерывного мыслительного процесса как **аналитико – синтетического**.

В составе аналитико - синтетического процесса все выделенные операции складываются в динамическую последовательность, детерминированную содержанием проблемы, задачи или поставленного вопроса и предполагаемым способом решения или ответа. Зависящее от проблемной ситуации течение мысли требует определенных отношений координации, соподчинения и взаимодополнения операций, но допускает также их замены и компенсации.

В подвижном контуре ситуативных моментов мышления можно обнаружить некоторые инвариантные для мыслительной жизни способы организации операций, составляющих своего рода **логические матрицы**. Их количество сравнительно невелико, но они поддерживают воспроизводство основных закономерностей мышления, делающих возможными интеллектуальную совместимость и взаимопонимание субъектов мысли. Среди таких способов в логике выделяют «умозаключения», «выводы», «выведение следствий», «синтез оппозиционных идей» и т. д. Матрицу могут образовывать множество различных операций, которые погашаются в осознанном логическом продукте, выступающем промежуточным или конечным результатом процесса решения основной проблемы.

Представим, что нас озадачивает неоднозначность мнения окружающих о нашем знакомом N. Порядок наших размышлений об этом, приводящий к развернутому **синтезу оппозиций**, может быть таким:

1. Одни говорят об N, что он мягкий и деликатный.
2. Другие видят в нем черты жесткости и бестактности.
3. По-видимому, - заключаем мы - о характере N судят

по его поведению, которое определяются особенностями тех лиц, с которыми он общается.

Или, к примеру, в разговоре со знакомыми мы определяем события, **следствием** которых стало отсутствие N на каком-то торжественном обеде:

1. На приеме был X, который недавно выступил против N в печати.
2. N захотел избежать нежелательной встречи.
3. Поэтому он ушел вскоре после начала приема..

Или, в другом случае, раздумывая о перспективах сотрудничества с N, мы делаем **вывод** о его вероятной позиции по отношению к некоторому событию:

1. Партия X выступила против предложенного законопроекта.
2. N является убежденным сторонником этой партии.
3. И он также не поддержит выдвинутое предложение.

Или, возможно, пытаясь понять N, приходим к обобщающему **заключению** об одной из сторон его личности:

1. N успешно играет на бирже.
2. Говорят, что его часто видят в клубе за карточным столом.
3. Он отличный наездник, участвует в скачках и делает ставки на бегах .
4. Все говорит о том, что у N натура игрока.

Кроме матричной упорядоченности операционального состава мысли, можно выделить так называемые «общие порядки» организации мышления, существующие в той или иной культуре. Европейскому мышлению, например, в числе ведущих «порядков» свойственна **дуальность**. (60) В зрелой коллективной и индивидуальной мыслительной деятельности она выражается множественностью форм операций с понятиями – оппозициями, относящимися как к внешним объектам, так и к самому мышлению. Акмеологический операциональный ряд включает мыслительные акты, напоминающие ранние символические смешения противоположностей, или различительные и объединяющие действия диалектической логики, или

релятивизм феноменологии. Кроме того, в него входят актуальные операции синтеза тонких бинарных дифференцировок с перспективой развития в «синтез синтезов». Представим возможную последовательность дуальных операций, ведущих ко все более сложным мыслительным продуктам:

- выделение одного целого со слабо различенными внутри него противоположными элементами;
- определение внутренней двойственности, раздвоенности целого;
- извлечение двух противоположных элементов из целого;
- автономизация «дуалов», рассмотрение их как самостоятельных по отношению друг к другу целых;
- соотнесение изолированных «дуалов» как активно взаимодействующих друг с другом внутри объединяющей структуры;
- определение равновесия и взаимного дополнения противоположностей;
- установление конфликтных отношений в бинарном взаимодействии;
- фиксация противоречия или острой бинарной оппозиции;
- фиксация регресса одного из элементов противоречивой пары;
- нахождение новой формы равновесия в паре;
- выявление диффузии, взаиморастворения противоположностей в общей структуре;
- нахождение присутствия одного элемента пары в другом;
- изоляция обогащенных друг другом элементов;
- создание новых синтетических структур, многообразно нивелирующих собственное внутреннее раздвоение; и т. д.

Логический порядок и одновременная гибкость операционных составляющих мышления, а также их последовательное эксплицирование, поддерживается, в числе других условий, особенностями **КОГНИТИВНЫХ структур**, или **содержаний**, с которыми действует субъект, устанавливая между ними множество «мыслимых отношений». Имеются в виду ментальные образы, символы и понятия объектов, закрепленные в знаковых,

преимущественно речевых, кодах. Эта последняя, сквозная для мыслительного процесса, высокоорганизованная и экономная форма кодирования удерживает его содержательную преемственность, обуславливает сохранность логических матриц, интуитивную быстроту и рефлексивную развернутость мысленных переводов в системе образ – понятие – символ.

Опосредованность текущей, по существу невозвратной мыслительной активности разнообразными когнитивными структурами определяет сложность **временной отнесенности и временной ориентации** мышления. В своей ненаблюдаемой динамике мышление осуществляется в сплошном потоке субъективного времени, сливаясь с глубинным движением других психических процессов, включая ощущения, восприятие, представления, память, побуждения и переживания, образуя с ними бессознательную внутреннюю длительность индивидуальной жизни. В своем же наблюдаемом, содержательно структурированном и рефлексивном течении оно относится уже не к глубинному, а к «вершинному» или объективному времени с его дифференцировкой на прошлое, настоящее и будущее. Так мыслительный процесс протекает для субъекта в модусе прошлого, когда в актуальное осмысление проблемы вовлекаются репродукции образного, концептуального или символического опыта; протекает в модусе настоящего, когда здесь-и-сейчас, на основе преобразования опыта формируется ментальная модель проблемы; осуществляется в модусе будущего, когда в ментальной модели проблемы и ее намечаемом решении определяется структурный прогноз разрешающего результата. Завершение проблемного поиска в найденном решении отмечается актуальным рождением нового когнитивного образования, сразу же становящегося элементом виртуального опыта.

Прежде чем стать таким полноценным «наполнением» индивидуального прошлого, настоящего и будущего, мышление должно решить задачу, недоступную другим психическим формам. А именно, сделать возможным

само осознание индивидом жизненного времени, производя абстрактные концепты, относящиеся к «хронологии» жизни: «время историческое», «время индивидуальное», «время внутреннее», «время объективное», «время субъективное», «время истекшее», «время актуальное», «временная перспектива», «меры времени», «репрезентации времени» и т. д. Иными словами, процесс мышления должен дать индивиду логические когнитивные средства для открытия времени, для временной расчлененности самой мыслительной деятельности, а также для рефлексии мышления в его временных координатах: я мыслю, я мыслил, я помыслю.

Процесс мышления, реализующийся как последовательность разнообразных операций, складывающихся в непрерывный контур аналитико-синтетической активности, становится, благодаря опосредующим когнитивным образованиям, поступательной сменой циклов мысленной **репродукции, актуализации, преобразования, прогнозирования и генерирования нового**. Процессуально – структурное единство составляет, по выражению Л. М. Веккера, «формулу мысли». Операции сводятся к развитию отношений между структурными компонентами конкретной мысли и выражению этих отношений в приращениях ее структуры. В реальном взаимодействии субъекта с проблемным объектом «формулой» описываются усложняющиеся феномены **осмысления, понимания, переосмысления** объекта.

Отмеченные континуальность и фрагментация мыслительного процесса выступают важнейшим условием, но не главным целевым ориентиром проблемной деятельности. В ее динамике таким ориентиром чаще всего выступают «когнитивные эффекты»: репрезентации проблемы, замыслы решения, промежуточные интеллектуальные новообразования, конечные результаты процесса. Все они формируют **продуктивный аспект мышления**, в котором можно выделить ведущую «единицу» зрелой мысли.

Структурные модели и виды понятий.

Среди когнитивных образований, которыми оперирует мышление, ведущая роль принадлежит тем, которые способны интегрировать первичные и вторичные образы жизненного объекта, сделав их при этом участниками логического процесса. Придав образам и их элементам легко обратимую абстрагирующую словесную форму, эти интегральные образования сохраняют, хотя и в редуцированном виде, чувственно - фмгуративную индивидуальность объекта, а также воссоздают его множественную принадлежность к различным объектным категориям и его целостное идеальное существование. Причем две последние характеристики становятся основными в мыслительном процессе. Когнитивными единицами с такими параметрами могут быть только **понятия**.

«Понятие как специфическая структурная единица мысли, воплощающая ее высший уровень, представляет несомненную эмпирическую реальность, с которой нас сталкивают самые различные области практического и научно – теоретического опыта»

(26, с. 281)

Предлагая читателю вспомнить все, что говорилось выше о понятиях – концептах, подчеркнем их основные акмеологические черты. Во- первых, понятию как форме категориальной данности объектов присущи обобщенность и отвлеченность особого рода: общие признаки объекта связаны с индивидуальными, абстрактные с конкретными, существенные с ситуативными.. Во – вторых, понятие является структурной инвариантой, содержание которой закреплено во взаимнообратимых кодах двух типов: речевых и образных пространственно – временных.

« Какими бы обобщенными, схематизированными и глубоко скрытыми под поверхностью словесных форм ни были образные пространственно – временные компоненты концепта как самой высокоорганизованной единицы интеллекта, они с необходимостью «снизу» входят в структуру любой концептуальной единицы.» (Там же, с.. 350)

В-третьих, понятие строится как иерархия признаков объекта, которая, если рассматривать ее по принципу «обобщенности», на каждом вышележащем уровне отражает все более общие, существенные и фундаментальные признаки и, следовательно, включает все меньшее их число. При этом поддерживаются устойчивые отношения подчинения между нижними и верхними «этажами» иерархии. Если же рассматривать иерархию понятия по принципу «включенности», то растущие ранги обобщенности не исключают увеличения пронцаемости признаков более высокого ранга для признаков менее высоких рангов. По мере обобщенности концепта его содержание имплицитно увеличивается за счет расширения связей исходного объекта с объектами, составляющими все более «наполненные» абстрактные категории. Объектные признаки с незначительной степенью общности, вроде модальных свойств, конкретных пространственно – временных координат покоя и движения, интенсивности и пр., включаются в содержание признаков с растущей мерой обобщенности, преобразуясь постепенно из перцептивно и образно оформленных в речевые, из несущественных в существенные, из индивидуальных в видовые, родовые или всеобщие. Например, видимый огонек свечи, имеющий индивидуальные фигуративные, временные и топологические параметры, в понятийном поуровневом осмыслении превращается в «свет», обладающий свойством безграничности, то есть теряет свою пространственно – временную конкретность. Понятие «горящая свеча» приобретает такое расширенное объективное содержание, что ее свечение становится для субъекта одним из бесчисленных моментов в вечном процессе производства света. С этой точки зрения выстраивается уже не иерархия - «пирамида», а иерархия - «веер». Можно также определять понятие по принципу «межуровневых отношений» признаков. Тогда оно будет представлять собой «расширяющуюся спираль» вербальных связей исходного объекта с умножающимися объектными представителями каждого нового уровня и приобретает статус теоретического или научного.

Построение же понятия будет состоять в восстановлении, упорядочении и структурной организации сквозных многоуровневых межпонятийных отношений, сходящихся к основному объекту. Научное понятие, создающееся по трем указанным принципам, равноценно **системе множества других понятий или «теории объекта»**.

В-четвертых, зрелое понятие, в частности теоретического порядка, обнаруживает при анализе разноплановую структурность. Она непосредственно связана с отмеченными эффектами чувственных, прежде всего образных, включений в абстрактную «ткань» концепта. Затем, с единством его словесно - знаковой формы и предметного содержания, с иерархическим объединением его содержательных элементов в структуры различного психологического назначения, а также с организацией понятия как иерархии эффектов поуровневого обобщения. Посмотрим, как по перечисленным основаниям можно структурировать понятие.

1-я модель. Кроме речевых составляющих, содержание абстрактного понятия необходимо удерживает в себе сенсорные, перцептивные (в первую очередь визуальные), моторные, образно -репродуктивные, образно – схематические, фантазийные, образно - символические и эмоциональные компоненты Их присутствие в обычном употреблении концептов является неявным, косвенным, смутным, слабо осознанным. Однако, естественность сохранения этих чувственных следов в логических продуктах ясно открывается в легкости рисуночного изображения распространенных концептов и графического выражения фундаментальных научных понятий, в быстроте конкретных предметных идентификаций и визуализации литературных текстов, в творческом многообразии сценических воплощений драматургических текстов, в эмоциональных откликах и понимании высказываний о чужих переживаниях. Наконец, она обосновывается фактом понятийно - речевого указания на ощущаемые, воспринимаемые, представляемые, переживаемые, совершаемые и мыслимые предметы -

явления -действия, без прочной связи с которыми любое понятие оказывается пустым. Этот последний аргумент в пользу разнообразия психических включений в концепт позволяет различить: 1) понятия, указывающие на предельно общие явления, данные в относительно «чистой» рече-символической форме («истина», «материя», «идеальное», «энергия», «поле», «личность» и т. д.); 2) понятия, указывающие на отвлеченно мыслимые явления, представимые в образно - символической форме («пространство», «время», «число», «информация», «культура», «характер» и т. д.); 3) понятия, указывающие на общие категории ощущаемых в определенной доминирующей модальности явлений и представимых в форме абстрактной чувственности («цвет», «громкость», «золото», «аромат» и т. д.); 4) понятия, указывающие на общие категории воспринимаемых предметов, представимых в образно – схематической форме («дерево», «цветок», «животное», «мебель», «посуда» и т. д.); 5) понятия, которые вербально указывают на конкретные категории воспринимаемых предметов, представимых в образно – репродуктивной форме («ромашка», «пчела», «мох», «скрипка») и т. д.); 6) понятия, указывающие на категории реальных психических состояний, представимых в эмоционально -символической экспрессивной форме («любовь», «страх», «свобода», «отчаяние» и т. д. 7) понятия, вербально свидетельствующие о конкретных движениях, действиях, деятельности, представимых в образно – пластической форме («бегать», «танцевать», «петь», «играть» и пр.) Заметно, что в перечисленных понятиях различные включения обладают тем или иным «весом». Однако, первые места всегда принадлежат речевым и обобщенно- или концептуально - образным компонентам, даже если это абстрактная чувственность либо символическая экспрессия переживания.

Учитывая сказанное, можно представить **структуру понятия как относительно устойчивую связь психических включений**, способных к взаимным переводам и по-разному выраженных в зависимости от типа

концепта. По версиям разных исследователей эта структура имеет следующий состав.

Л. М. Веккер: 1) концептуально – речевой элемент; 2) образный портрет класса предметов, к которому относится понятие; 3) образный портрет индивидуального предмета, категориально данного в понятии.

М. А. Холодная: 1) словесно - речевой компонент; 2) визуально – пространственный; 3) чувственно – сенсорный; 4) операционально – логический; 5) мнемический; 4) аттенциональный.

Другой вариант структуры, предложенный этим автором, подчеркивает разновидности образов, с которыми речевой компонент находится в отношениях взаимопереводов: 1) образы - ассоциации, ситуативные образы; 2) предметно – структурные образы представителей понятийной категории; 3) сенсорно – эмоциональные образы; 4) обобщенные образы предметной категории; 5) условные знаково - визуальные или графические образы предметной категории. (141)

2-я модель характеризует структуру понятия с точки зрения специфики «формальных» и «содержательных» составляющих. К формальным прежде всего принадлежат **вербальные знаки**, применяемые устно, письменно или при чтении, с условием доминирования тех или иных сенсорных компонентов речи: визуальных, акустических, кинестетических.

«Великое преимущество слова заключается в том, что чувственно – наглядный материал слова сам по себе не имеет никакого иного значения помимо своего семантического содержания; именно поэтому он может быть пластическим носителем содержания мысли в понятиях. Слова поэтому как бы прозрачны для значения: мы обычно начинаем замечать слова как звуковые образы только тогда, когда мы перестаем понимать их значение; в силу этого слово – наиболее пригодное средство обозначения интеллектуального содержания мысли.» (114, с. 373)

К содержательным или ментальным составляющим понятия, кроме уже упомянутого **значения**, относятся **смысл**, смысловые образования. Значение указывает на объективное происхождение концептуального содержания, на строго логические способы его построения, на снятие в нем историко-культурного когнитивного опыта, на нормативность и общезначимость понятия. Смысл или «смысловая система» концепта, образуясь на основе значения, является результатом не только собственно мыслительных операций и сознания субъектом объективности своего знания, но и реализованного личного отношения к мыслимому объекту. Согласно выводам Р. Кегана, смысл организует неповторимый жизненный опыт индивида, наполняется эффектами его самопознания, порождает интерпретационные и проясняющие конструкты событий и ситуаций индивидуальной жизни, обуславливает личностную ценность тех или иных реализуемых интеллектуальных моделей поведения, подчеркивает уникальность индивидуального понимания мира и жизни в контексте их понимания другими людьми (74). Аспектами смыслового отношения, кристаллизующимися в составе значения, являются связанные с объектом мотивы, сильно субъективированные ощущения и перцепты, продукты воображения и фантазии, личные символы, интимные переживания, рефлексивные образования, творческие достижения и ожидания личных преобразований концепта. Если через значение субъекту становятся доступными объективность знания и интеллектуальная уверенность в познаваемом, то через смыслообразование ему открываются собственные возможности в преодолении регламентов и установившихся алгоритмов познания и понимания. Актуализация зрелого значения позволяет теоретически исследовать и объяснить объект, подчеркивая его законы и закономерности; актуализация смысла позволяет интерпретировать, толковать и авторски изменять объект, подчеркивая его индивидуальные характеристики.

Различия значения и смысла как двух взаимодополняющих планов единого содержания концепта хорошо видны на следующем простом примере. Понятие «дом» имеет содержательное наполнение, связанное, во-первых, с его естественным жизненным значением «укрытия», «убежища», «кровать». Во-вторых, значение может быть поднято на уровень научно – технических определений, превращая «дом» в объект архитектуры и строительства. Третье, в значении могут быть удержаны художественно – эстетические особенности «дома» как возможного произведения искусства. Пограничным по принадлежности и к значению, и к смыслу являются его символические интерпретации. К ним относятся, например, уже упоминавшиеся символы аналитической психологии, ставящие «дом» в соответствие с «человеком» и прежде всего, его «мыслью», «душой» и ее различными аспектами и уровнями. Не менее распространены отождествления дома с «хранилищем мудрости» и вообще «традицией».

Индивидуально - смысловое отношение к «дому» появляется как результат особого внутреннего сращения субъекта с темами «мой дом», «дом для меня», «создаю свой дом», «дом моей жизни» и т. д. Известно, что один из таких смыслов стал для К. Г. Юнга целевым ориентиром в исполнении мечты о жилище, максимально отвечающем его пониманию мира и себя: доме – башне в несколько этажей в уединенной местности.

3-я модель. Она касается организации содержания понятия. Основными принципами такой структуризации являются, по Л. С. Выготскому, системность, иерархичность, увеличение меры общности признаков, существования «понятий в понятии», сознательность концептуального оперирования.(31) **В структуру содержания или семантики зрелого понятия**, согласно различным уровневым классификациям, входят:

- 1) конкретно-ситуативные, предметно-структурные, функциональные, генетические, видовые и категориально–родовые признаки ;
- 2) индивидуальные, видовые, родовые признаки;

- 3) ситуативные, специфические, универсальные признаки;
- 4) эмпирические, конкретно-научные, обще-научные, философские признаки и определения.

Структура содержания понятия или «семантический синтез» становится полным, сложным, насыщенным, открытым для новых элементов при следующих условиях:

- определении исходного объекта с точки зрения признаков всех уровней, - легкости разведения признаков различных уровней,
- наполнении признаков каждого вышележащего уровня содержанием признаков нижележащих уровней,
- снятия всех синтетических эффектов поуровневого обобщения признаков в научной теории объекта,
- преломлении в индивидуальных признаках объекта максимального числа его иерархических определений,
- принципиальной возможности раскрыть понятие посредством привлечения всей тотальности сложившейся понятийной системы субъекта,
- оперировании признаками или «определяющими понятиями» разной степени общности в контексте текущей интеллектуальной деятельности при решении конкретных жизненно значимых проблем субъекта;
- сочетании сознательного и бессознательного способа понятийного структурирования; причем, я – контроль и рефлексия мышления служат средствами перехода к скрытым, свернутым, творческим и спонтанным преобразованиям структуры.

«Иерархическая организация понятийной структуры делает возможным оперативное соотнесение разнообобщенных признаков внутри отдельного понятия, а также оперативное соотнесение данного понятия с системой других разнообобщенных понятий. Понятийная психическая структура, таким образом, работает по принципу «калейдоскопа», так как обладает способностью «перетряхивать в

самых разных комбинациях элементы наличной семантики в направлении выделения семантических инвариантов.»

(141, с. 202)

Пятое. Рассмотренные модели структуры понятия позволяют перейти к акмеологическим основаниям **видового различения концептов**, применяя и здесь, в психологии понятийного мышления, принцип иерархического определения изучаемого объекта. Учитывая факты перцептивной, моторной и образной «предметности» понятия, включенности многих психических компонентов в состав концепта, а также переводов концептуального содержания в многокодовой системе, состоящей в основном из образов, условных визуальных символов и речевых знаков, естественнее всего выделить в понятийном пространстве индивида, во-первых, понятия с фигуративно - образной доминантой, прежде всего визуальной и пластической, или **предметно-образные понятия**, во-вторых, понятия с обобщенно образной доминантой, где предметный образ редуцируется к схеме или **образно-схематические понятия**, в-третьих, понятия с вербально- логической доминантой или **речевые понятия**.

Другое видовое различие может соответствовать специфике содержательного наполнения понятий, а именно, доминированию при построении концепта принципа «значения» или принципа «смысла». Так в концептуальной системе взрослого можно обнаружить индивидуальное соотношение **общезначимых и личных понятий**.

Следующий подход к определению видов понятий связан с разной заполненностью индивидуальным значением и смыслом уровней обязательной объективной иерархии концепта. Если значение и смысл ограничены предметным, конкретно –видовым наполнением, охватывают очевидные функциональные и генетические отношения объекта и имеют множественные ассоциативные включения, то это, по известной терминологии, **житейское понятие**. Если значение и, благодаря ему, смысл

заклюают все богатство полной иерархии содержания, индивид владеет **научным понятием**. Можно включить в эту типологию и **символическое понятие** (философское или художественное), отличающееся от научного особым приемом обобщений. Оно строится не отвлеченно логическим путем, а путем интуитивного и творчески – ассоциативного нахождения образных заместителей, предельно соответствующих еще непознанным абстрактным свойствам объекта. Символические слова или высказывания указывают на яркий предметный образ, а тот в свою очередь – на волнующее мыслителя невербальное, иррациональное «ядро» понятийного значения. Как иначе можно определить направленность и различительную силу сознания, кроме присвоения ему имени «луча», подразумевая его неизвестную энергию и его проясняющую сущность?

Особую ценность символическим понятиям, как превосходящим по творческому потенциалу научные, придают глубинная и экзистенциальная психологические теории. К Юнг использовал их в статусе основных «образующих» своего персонологического учения. Так, для обозначения системы адаптации, с помощью которой личность поддерживает связь с окружающим миром, он вводит символический термин «маска» («Persona»). Индивид либо удерживает эту систему под контролем сознания, либо идентифицируется с ней, становясь ее пленником. Еще один ведущий термин, несущий символическое значение - «тьень» («Schatten»), обозначающий систему низших психических функций. Действительно, освещаемое в личности сознанием, не может не отбрасывать тени. Если тень поглощает личность, она живет ниже своего уровня, попадает в ловушку собственного бессознательного и в связи с этим оказывается в проигрышных ситуациях. Даже направленно стараясь, например, заслужить уважение окружающих, заняв высокое положение в обществе, индивид оказывается одержим самодовлеющими честолюбивыми стремлениями и в поведении начинает разыгрывать только тему превосходства над другими.

Быть в собственной тени, значит топтаться на месте, попасть в «дьявольский круг». (160, с. 411)

Чтобы перейти и подробнее остановиться на еще одной и пожалуй самой яркой видовой дифференцировке понятий, нужно отойти от структурного основания и за исходный взять принцип «образования понятий», точнее принцип **акмеологической сохранности генетических типов понятий, строящихся качественно различными путями**. Здесь необходимо вспомнить обсуждавшееся выше положение о представленности в составе зрелой мыслительной системы, будь то индивидуальное мышление или мышление ставшей культуры, «застывших» элементов всех предыдущих этапов развития мысли, а также о глубоком сходстве культуро – и онтогенеза мыслительной деятельности. Продолжая рассуждения, можно заключить, что в понятийном мышлении современного взрослого индивида относительно свободно функционируют концепты, соответствующие разным фазам интеллектуального культурогенеза и онтогенеза.

Одна из лучших типологий, учитывающих внутреннее подобие индивидуальной и социально-исторической эволюции понятий, принадлежит Л. С. Выготскому. (31) Выделенные им разновидности становящихся понятий хорошо переводятся в план **типизации концептов зрелого субъекта мышления**.

Самыми генетически ранними следами во взрослом понятийном мышлении являются **синкретические понятия**. Они формируются способом случайного, ситуативного, ассоциативного сведения логически не соединимых вещей и событий. В синкретическую «связку» могут попасть любые элементы реальности, словно субъект бессознательно убежден, что «все в мире связано со всем» бесчисленным количеством непосредственных отношений. Синкреты обладают огромной силой субъективной убедительности, так как кажутся хранителями таинственного иррационального знания, поднимаемого из глубин души желаниями,

эмоциями и фантазиями. Синкретическими элементами понятийного строя взрослого выступают, например, мысле-образные картины экзотических сновидений, необъяснимо влекущие идеи ритуальных, обрядовых и некоторых игровых действий, магические сцепления причин и следствий в «приметах», поэтические агглютинации шутливой «чепухи» и сказочной «небывальщины»..

Максимилиан Волошин упоминает опыт обрядового творчества, описанный его знакомой писательницей. Подобного рода опыты, несомненно синкретического происхождения, таятся в нас, независимо от того, созданы ли они нами в детстве или нам их доверила древность.

«Помню себя совсем маленькой в яркое солнечное утро, зажженную солнцем столовую с накрытым чайным столом, на котором ослепительно сверкают чайные ложечки. Большие еще не встали. Мне сразу бросается в глаза предмет, который я в комнатах никогда не видала: на полу лежит несколько душистых, едва распустившихся березок, и горничная засовывает одну из них в угол за диван.

«Что это? Зачем? Спрашиваю я. Троицин день – объясняют мне. Мне ново и непонятно это слово; оно мне ничего не говорит, я удивительно быстро и радостно связываю оба представления и только оживленно допытываюсь: «всегда так бывает? – «Всегда – говорит горничная – а вот вечером пойдем на реку венки в воду кидать».

Все становится празднично и необычайно в моих глазах. Я хочу помочь расстилать березки, накрывать на стол. Мне дают нести бумажный мешок с сахаром, и я, выпустив его из рук, роняю на пол. Белые кусочки громко рассыпаются и раскатываются по полу, сверкая на солнце. Я стою над ними.

*Троицин день... березки...рассыпанный сахар...Все это вместе...
«Знаешь, - говорю я радостно маленькой сестре, - это тоже всегда так надо! Каждый раз, когда будет Троицин день, надо рассыпать весь*

сахар...Что- то вроде представления о разрушенном сахарном дворце мелькает в моем воображении. Раз в году должны гибнуть все белые сахарные дворцы...

И еще несколько лет мы выполняли наш бессмысленный обряд, прячась от взрослых, как прячется сектант, совершая свое тайное моление.» (30, с. 500)

Детство культур и детство современного человека отмечено также развитием понятий-в-комплексах или **понятий – коллекций**. Такими концептами объединяются предметы, явления, события, которые или вместе объективно участвуют в каком-то практическом действии, или представляют собой различные ситуативные формы одного и того же опытно постигаемого факта, или связаны непосредственным процессом реализации какого-то конкретного предметного желания, или же в совокупности служат материалом для словесного выделения общих свойств, полученных при первичном эмпирическом абстрагировании. Концепт «одежда» объединяет для ребенка только то, что реально носится дома или на прогулке; «игра» требует уединения с посвященными, любимых игрушек, чувства совершающегося таинства и строго ритуальных действий; «страх» означает встречу со свирепой соседской собакой, повторяющийся сон, темноту, оставленность взрослыми.

«Коллекционное мышление» отзывается в нашем взрослом интеллектуальном отношении к миру, когда мы непроизвольно пользуемся приемами обыденного определения вещей, «от века» задействованных в повседневной жизни, хорошо знакомых с раннего возраста, незыблемых в своей очевидности со времен, когда сказки, легенды, предания и простая житейская мудрость окружающих были для нас основным источником знания о жизни. Особой магией обладает для нас логика древних обобщений, касающихся человеческих качеств, которую мы иногда стихийно воссоздаем, не подозревая, что ее искусные образцы появились

тысячелетия назад. Разве наши заключения о том или ином человеке не напоминают иногда наборы житейских «черт», объединенных когда – то Теофрастом в знаменитые «Характеры»? Вспомним, к примеру, одно из его понятий – коллекций.

«Высокомерие – это какое-то презрение ко всем остальным людям , кроме себя, а высокомерный вот какой человек. (1) Посетителю, который спешит, он говорит, что тот может встретиться с ним после обеда на прогулке. (2) Оказав людям услугу, он велит хорошо запомнить это. (3) Избранный на государственную должность, отказывается, уверяя, что ему недосуг. (4) Первым посетить никого он не желает. (5) Со встречными на улицах не разговаривает, а идет, глядя себе под ноги или наоборот, высоко подняв голову.» (128, с. .32)

К процессам образования концептов – комплексов непосредственно присоединяются процессы становления **псевдопонятий**, структурно и операционально сходных с истинными понятиями, но отличающимися от них относительной нестойкостью перед воздействием сенсорно - перцептивных впечатлений, невысокими порядками обобщений, прямым участием в практических действиях в виде конкретных «рецептов», указаний и регламентов. Кроме того они отличаются «законодательным» характером в смысле руководства повседневной жизнью и негибкостью в условиях, требующих когнитивных преобразований. В производстве и воспроизводстве данных концептов задействованы самые разнообразные операции, в которых ребенок, подобно человеку магических и мифологических культур, может упражняться с настоящей страстью: различение, перечисление, сравнение, сопоставление, ассоциирование по внешнему сходству, классификация, разделение предметных противоположностей и их эмпирический синтез, установления прямых причинно - следственных отношений.

По мере возрастного и культурного становления концептуальной системы, псевдопонятия преобразуются в логические, теоретические, научные или «метанаучные». Однако, во многих моделях житейски мудрого понимания вещей и явлений мы сохраняем их изначальную красочность, интуитивную точность, богатство оттенков и очаровывающую доступность.

Если продолжить аналогию между составляющими зрелого мышления и генетическими видами понятий, уместно привести пример из старинной ирландской сказки «Мудрость Кормака».(62, с.104) Здесь с неподражаемой изобретательностью проигрываются многие способы и операции эмпирического построения псевдопонятия **«обычай королей»**, вполне приемлемого и для современного человека, облеченного властью и желающего быть достойным доверия других людей.

Итак, первый способ: различение действий, формирующих «обычай» короля, и действий, которых ему следует избегать, несмотря на личные искушения и возможности.

Король Кормак так говорит о себе:

«Я слушал лес, я глядел на звезды, я избегал тайн, я молчал в толпе, я говорил с людьми, я был кроток на пирах, я был горяч в бою, я был нежен в дружбе, я был великодушен со слабыми, я был тверд с сильными.» Но при этом, «я не был высокомерен, хотя был силен; я не обещал ничего, хотя был богат; я не хвастал ничем, хотя был искусен во многом; я не говорил плохо о том, кто отсутствовал.»

Второй способ: сведение противоположностей так, чтобы не впасть в противоречие и освоить «обычай».

Король Кормак советует:

«Не смейся над старым, если ты молодой; и над бедным, если ты богатый; и над больным, если ты здоровый; и над тупым, если ты способный, и над глупым, если ты мудрый.» А также «не будь слишком умен и не будь слишком глуп; не будь слишком самонадеян и не будь

слишком застенчив; не будь слишком горд и не будь слишком скромн; не будь слишком суров и не будь слишком добр.»

Третий способ: указание на причинно-следственные зависимости, отрицательно влияющие на «обычай».

Король Кормак предостерегает:

«Если ты будешь слишком умен, от тебя будут ждать слишком многого; если ты будешь слишком самонадеян, тебя будут избегать; если ты будешь слишком скромн, тебя не будут уважать; если ты будешь слишком скромн, тебя не будут уважать; если ты будешь слишком суров, от тебя отшатнутся; если ты будешь слишком добр, тебя растопчут.»

Четвертый способ: объединение умений, способностей, черт характера личности, образующих «королевский обычай».

Кормак раскрывает «обычай короля»:

«Ему следует спрашивать совета у мудрого, следовать учениям древности, блюсти законы, быть честным с друзьями, быть мужественным с врагами, изучать искусства, постигать языки, слушать старейших, оставаться глухим к клевете. Пусть он будет нежен, пусть он будет суров, пусть он будет страстен, пусть он будет милостив, пусть он будет справедлив, пусть он будет терпим, пусть будет упорен, пусть ненавидит ложь, пусть любит правду, пусть не помнит зла и не забывает добро.»

Развитие **истинных понятий**, а с ними утверждение в индивидуальной или коллективной понятийной системе законов вербализации, категоризации, иерархичности и рационализации знания, является, по Выготскому, завершающим этапом нормального мыслегенеза. Согласно его логике, в процессе жизни человека современной культуры, ставшее понятие должно вобрать в себя многие другие понятия и стать «теорией». Теоретически построенные концепты воссоединяются в научные системы; взрослый

мыслитель приобретает способности «исследователя» и «ученого». Однако, не исключая такой возрастной динамики мышления, все же отметим, что она не вовлекает в свои сверхсложные процессы всех мыслящих, а скорее является принадлежностью ограниченного круга людей. Кроме того, эта динамика связана, как правило, не со всеми сферами индивидуальной жизни, а преимущественно с профессиональной. Но даже если речь идет о выдающихся субъектах понятийной деятельности, то в их **концептуальных структурах прекрасно сочетаются элементы синкретизма, житейской мудрости, символизма и научности.**

Учитывая, что само рассматриваемое **«мышление»** является общезначимым понятием, обладающим у конкретной личности тем или иным возрастным типом развития и концентрирующим в своем зрелом значении многие типологические включения, и учитывая также, что оно является ведущим понятием ряда важнейших наук, покажем на его примере, из каких разнообразных концептуальных составляющих может строиться истинное понятие у современного неординарного мыслителя.

Сошлемся на экзистенциально – феноменологическую теорию мышления, созданную М. Мамардашвили на основе анализа учения Декарта..(92) Понятие «мышление» раскрывается здесь путем установления его системообразующих связей с многими другими понятиями, обладающими разной степенью обобщенности, рациональности, теоретической строгости, объяснительности, креативности, культурно-исторической и индивидуально-творческой содержательности. Среди них выделяются **опорные концепты**, удерживающие структуру исходного понятия в состоянии целостности и равновесия. Сам Мамардашвили назвал такие концепты «неподвижными звездами».

Его философские «звездные» концепты:

мир, существование, жизнь, феномен, пространство жизни, время жизни, человек, свобода, причинность, бесконечность, добро, красота, истина, познание, язык, порядок, закон.

Научно – психологические «звездные» концепты:

индивидуальность, психическая жизнь, психические структуры, ментальные состояния, сознание, «я», мышление, я-мыслящее, рефлексия, мысль, речь, интуиция, память, представление, воображение, перцепция, образ, действие, воля, переживания.

Символические «звездные» концепты:

«чистое сознание», «естественный свет сознания», «поле сознания», «фиксированные точки интенсивности», «врожденные идеи», «путь мысли», «ослепительность понимания», «акт творения», «тайна воплощения».

Продуктивная тенденция мышления, выявляющаяся при анализе понятий, их видов и типов, позволяет рассматривать мыслительную динамику не только на **интуитивном уровне** быстрых, свернутых, слитых операций, но и на **дискурсивном уровне**, характеризующемся речевой формой, хорошей грамматической организацией, связью с предметными и социальными действиями личности, осознанностью и рефлексивностью. Внутренняя детерминация и регуляция дискурсивным мышлением наблюдаемой жизни и практической деятельности превращают мыслительный процесс тоже в **деятельность**, но сосредоточенную на концептуальных средствах и продуктах. (С. Л. Рубинштейн, Я. А. Пономарев, А. В. Брушлинский, О. К Тихомиров и др.) Пространственно – временное соответствие мыслительной динамики ритмам и циклам внешнего бытия индивида обуславливает ее фрагментацию на сознаваемые и поддающиеся психологическому исследованию «этапы деятельности».

6.4 Развертка зрелой мыслительной деятельности:

установки, этапы, личностные факторы.

Возьмем расширенную версию развертки, предложенной С. Л. Рубинштейном. (114) Кроме собственно мыслительных компонентов деятельности, в нее войдут мотивационные, эмоциональные, сознательно – бессознательные и «установочные» составляющие.

К этапам, связанным с относительно чистой активностью мышления, относятся:

- 1) обнаружение проблемы, тип которой зависит от контекстуальных требований предыдущей мыслительной деятельности, от ситуативных объективных и субъективных условий протекания мышления и от устойчивых интеллектуальных предпочтений субъекта;
- 2) формулировка проблемы, предполагающая доосмысление проблемного отношения и его точную вербализацию в виде констатирующих или вопрошающих суждений о неизвестном и о его противоречии с неизвестным;
- 3) репрезентация ожидаемого решения проблемы в виде «цели» или, иначе, построение прогностической концептуальной модели будущего результата мышления; придание цели характера «детерминирующей тенденции» за счет субъективной установки на непрерывное обращение к ней в процессе мыслительной деятельности;
- 4) поиск вариантов раскрытия проблемного отношения, отбор тех, которые отвечают критериям максимального соответствия характеру проблемы, интеллектуальной экономности, доступности, творческого потенциала, совершенствования субъекта мышления;
- 5) выбор того варианта решения, который оценивается субъектом как наилучший; формулировка предположения о связи найденного общего хода мышления с его конечным результатом, то есть, выдвижение гипотезы;
- 6) планирование проверки гипотезы с включением в намечаемый план: последовательных интеллектуальных шагов, в том числе переносов

способов решений с аналогичных проблем на данную; промежуточных мыслительных продуктов; техник, методов и средств мышления; изменений интеллектуальных состояний субъекта, в частности, повышения активности рефлексии или стимулирование интуитивного поиска;

- 7) процесс мысленного решения проблемы, включающий либо пошаговое подтверждение гипотезы, либо обнаружение ее ошибочности и подстановку новой, либо творческое улучшение гипотезы; непрерывное прогнозирование как установление соответствия сделанных и текущих мыслительных ходов ожидаемым результатам; возвраты к ранним фазам решения, использование подсказок, отказы от запланированных мыслительных действий в пользу других, затребованных изменившейся динамикой проблемного процесса;
- 8) решение проблемы, извлечение неизвестного, достижение основного интеллектуального результата; формулировка или ответа на исходный вопрос, или идеи о сделанном открытии, или синтетического суждения о снятом противоречии; возникновение субъективных эффектов понятности, творческого озарения, просветленности;
- 9) интеллектуальная оценка субъектом найденного решения: степени его соответствия исходным стремлениям, ожиданиям, цели и гипотезе; его качественного уровня в сравнении с прежними индивидуальными результатами в той же проблемной области; его влияния на знание субъекта о своих мыслительных способностях и возможностях, то есть на я – концепцию; его места и статуса в системе аналогичных мыслительных достижений, принадлежащих другим мыслителям.

Выделенные этапы мыслительной деятельности, соотносясь с целостным жизненным процессом субъекта, не могут выпасть из контекста сознательного и бессознательного течения жизни, ее мотивационной динамики, непрерывного контура переживаний и смены субъективных

установок. Этот «контекст» нельзя определять лишь в качестве «фона» или «условия» мышления. Он объединяет порождающие, регулирующие и направляющие тенденции мыслительного процесса.

Установки мышления или готовность субъекта мыслить, реализуя те или иные интеллектуальные ценности, ориентируясь на те или иные аспекты интеллектуальной деятельности, например, процессуальные или продуктивные, осуществляя взаимодействие с внешними или внутренними объектами и т.д., детерминируют мыслительный цикл, начиная с самых ранних его этапов. «Актуализация установки» может рассматриваться как исходный внутренний момент мыслительной деятельности, предшествующий даже моменту мотивированного поиска проблемы. Установки, как это видно из приведенного определения, могут быть объединены в различные классификации, **первая из которых строится по основанию «ценность»**.

Акмеологические ценности, реализуемые посредством мышления и воссоздаваемые только внутри мыслительной деятельности, устойчиво связывают, во-первых, зрелые интеллектуальные качества субъекта (способности обучаться, понимать, познавать, рефлексировать, творить, способность к юмору и т. д.), во-вторых, развитые функциональные ориентировки мышления, в-третьих, оценочные состояния личности при смене успехов и неудач мыслительной активности, причем удовлетворенность и удовольствие должны преобладать. Разнообразные ценности формируют единый «ценностный гештальт» личности, настраивающий ее на мышление, экзистенциально отмеченное субъективным смыслом. В конкретном ситуативном фрагменте мыслительной деятельности одна из ценностей приобретает, как правило, особую требовательную силу, становясь доминирующей актуальной установкой. Частота событий такого доминирования характеризует установку как относящуюся к ведущим личностным тенденциям мыслителя.

К числу зрелых ценностных установок мышления относится **установка на понимание**. Она ориентирует субъекта на непрерывное интеллектуальное обучение, освоение готового концептуального знания, на воспроизводство культурных традиций мыслительной деятельности и сложившейся системы лучшего многовекового умственного опыта социума. Активность конкретного мыслителя состоит в возможно более полном «вычерпывании» развившихся независимо от него нормативных значений научных, философских и т. д. понятий и в овладении приемами реконструкции и пользования этими понятиями. «Понять» - значит попасть в традиционный слой духовной культуры. Установка делает субъекта открытым и восприимчивым к чужим содержательным идеям со всем их наполнением авторскими стремлениями, чувствами и смыслами, а также к повторению приемов и техник познания, предлагаемых другими. Ценностный характер установки проявляется в любви, уважении, восхищении умственными достижениями мыслителей прошлого и настоящего, в усилиях принадлежать к «понимающим» и «посвященным» в среде творцов и новаторов ради расширенной передачи и «социализации» их открытий. Субъект, следующий этой установке как основной, встает на путь вечного ученичества и наследования, на котором оживляет, хранит интеллектуальный обычай и порядок.

Проблемы мыслительной деятельности, определяемые установкой на понимание, связаны в основном с переносом готовых знаний или познавательных методов в новые условия, отличающиеся когнитивной неопределенностью или заключающие в себе ошибку, заблуждение, для преодоления которых есть нормативные концептуальные средства.

Установка на интерпретацию входит в рассматриваемую классификацию как более индивидуализированная и креативная. Ее характеристики хорошо представлены в когнитивной теории Дж. Келле. (131; 143)

Субъект, направляемый данной установкой, выступает «исследователем», «ученым», и прежде всего тогда, когда речь идет об осмыслении текущей жизни, ее участников, событий, предметной обстановки. Нормативные знания и общегодные техники мышления становятся для него инструментами личного интеллектуального отношения к проблемным жизненным фактам. Взаимодействие с миром в субъективном проживании требует не только понимания, но и непрерывных объяснений, руководящих действиями. С этой целью создаются **конструкты**, представляющие собой сплавы некоторой идеи о конкретном факте, способа построения этой идеи, личностного оценочного отношения к факту и интенции к определенному поведению в связи с этим фактом. По типологии Келле, к наиболее распространенным конструктам принадлежат:

- *предопределяющие* (Если это ложь, то это ложь и ничего больше.);
- *констеллятивные* (Если это ложь, тогда это нечестно, наказуемо, явный признак морального разложения и т. д.);
- *пропозициональные* (Можно предположить, что это, помимо всего прочего, ложь.).

«Предопределяющие» конструкты, нацеленные на исключение альтернатив, воспроизводящие известные концептуальные клише, не требуют дальнейшего осмысления факта и задают жесткое одномерное поведение, преодолевающее когнитивную неопределенность. «Констеллятивные» конструкты, предполагающие выбор одного из нескольких возможных объяснений и дающие уточняющие и прогностические характеристики факта, допускают осторожное, апробирующее поведение, открытое для проверки и исправления ошибок. «Пропозициональные» или гипотетические конструкты ориентируют на будущее тщательное изучение факта с удержанием в основной интерпретации нескольких альтернативных объяснений; поведение намечается с учетом возможности пересмотра факта и является многомерным и гибким по составу исполнительных действий.

Очевидно, что к собственно исследовательским и креативным относятся только два последние конструкта, хотя их перечень можно продолжить. Например, включить в него *моделирующие* конструкты (Если предположение о лжи подтвердится, то отталкиваясь от нее, можно найти истину.). На их основе определяются программы проверки гипотезы и создания новой реальности.

Иногда за счет удачной интерпретации факт может приобрести статус «критического случая» как возможного предмета теоретического осмысления. В частности, это происходит с некоторыми интерпретациями, сделанными при психологическом консультировании.

Проблемы, к которым обращается субъект данной установки, требуют преодоления индивидуального незнания о чем либо при использовании коллективного и личного когнитивного опыта, а также самостоятельности индуктивного пути решения и практических разрешающих действий. Если понимающая установка смещает внимание и позитивные переживания субъекта на промежуточные процессы правильного применения объективно известного, то интерпретирующая установка особенно действенна на конечных этапах производства субъективного интеллектуального продукта с его более или менее высоким уровнем сложности и оригинальности.

Установка на коммуникацию детерминирует не столько выбор субъектом проблем того или иного типа, сколько способы организации и самоорганизации мыслительной деятельности на ее последующих этапах. Доминирование данной установки указывает на высокую субъективную ценность «социального мышления», отлаживающего сложные, в том числе и сами интеллектуальные, совместные действия людей. Она предполагает появление в динамике мыслительной деятельности специфических акцентов:

- на диалогичность мышления, то есть прямой или косвенный обмен идеями с референтными мыслителями;

- на взаимопонимание с со-мыслителями по поводу содержания, процесса и средств мышления;
- на идентификацию в совместной мыслительной деятельности с теми партнерами, которые своими качествами и достижениями указывают субъекту желательную перспективу интеллектуального роста;
- на оценку социальной значимости информационных данных, используемых в процессе мышления;
- на управление коммуникацией партнеров при решении мыслительных проблем;
- на корректное и плодотворное участие в интеллектуальных спорах, дискуссиях, коллективных обсуждениях проблем, «мозговых штурмах», коллективном творчестве, обеспечивающих успех индивидуальной и групповой мыслительной деятельности;
- на поиск согласия, на примирение, договоренность, кооперацию и сотрудничество в конфликтах мыслительной деятельности;
- на позитивную оценку другими результатов мышления самого субъекта;
- на активную передачу, трансляцию своих идей как способ авторского интеллектуального влияния.

Внешне -социальная ориентировка мышления, когда мы следуем установке на коммуникацию, в зрелом мыслительном процессе должна уравниваться внутренней ориентировкой на сам этот процесс, сопутствующие ему психические состояния и наши качества как мыслителей. То есть, необходима **рефлексивная установка** мышления. Она не только избирательно влияет на проблемные предпочтения субъекта, направляя его, к примеру, на задачи самопознания и саморазвития в мыслительной деятельности, но и на тщательный подбор концептуальных я-техник, способствующих продуктивной мысли, какого бы предмета и какой бы проблемы она ни касалась. То есть, мышление одновременно приобретает два

равно активных вектора, направленных: на основной предмет и собственные свойства.

Рефлексивная установка удерживает, возобновляет и продлевает **мою мысль о собственной мысли**, мысль по особому завораживающую и увлекающую, проживаемую, по выражению Ивана Бунина, «как самое неотразимое доказательство моей причастности чему -то такому, что во сто крат больше меня». Активность рефлексии в различные моменты конкретной мыслительной деятельности может колебаться от «нулевого уровня», находясь на котором субъект поглощен мышлением, развертывающимся спонтанно, без перерывов на я- фиксации, до уровня ясного самоотчета в операциях, продуктах, инструментах мышления и до полного трансцендирующего сосредоточения на Я-детерминации мыслительной активности.

Производными рефлексивной установки в мышлении являются:

- мысль о том, что **мыслю** о предмете (мысль о состоянии мышления);
- мысль о том, **что именно** мыслю о предмете (мысль о содержании мышления);
- мысль о том, **как** мыслю о предмете (мысль о способе мышления);
- мысль о том, что **я** мыслю о предмете (мысль о себе – мыслящем);
- мысль о том, что мысль – **моя** (мысль о принадлежности мышления);
- мысль о том, **как влияю** на свое мышление (мысль о своих качествах как субъекта мышления);
- мысль о предмете мышления как обладающем **моей субъективностью** (мысль о своем вкладе в познание предмета).

Видно, что в приведенном континууме рефлексивных «алгоритмов» мышления, каждый из последующих предполагает действие предыдущих, то есть, к примеру, последний «алгоритм» самоузнавания в предмете мысли должен в одном акте синтетической рефлексии снять многие эффекты рефлексивных действий по отношению к частным особенностям

мыслительной деятельности. Отсюда понятие «порядков рефлексии», которые возрастают по мере движения от фиксации факта «мыслю» до раскрытия в предмете мышления своего следа как создателя, автора, творца.

Наибольшую активность установка приобретает внутри я – направленной мыслительной деятельности, позволяющей логически определить отношение субъекта к самому себе. Такая рационализация самоотношения выражается в особых продуктах мышления: личных жизненных целях, задачах, планах, стратегиях, автобиографических концепциях, я-концепции, концепции жизненного пути и т. д.

Творческая установка мышления, называемая еще продуктивной или креативной, состоит в высокой субъективной ценности преобразующих реалистичных идей. В ряду других установок она имеет особое значение, так как во-первых, через «произведения» мыслительной деятельности определяет интеллектуальный рост многих современных культур, прежде всего в информационном, научном и технологическом отношениях, и, во-вторых, через свою успешную реализацию закрепляется в личности как глубинный самозапускающийся процесс воспроизводства интенсивных состояний поиска и создания нового, посредством которого данная личность может раскрыть себя и утвердить «сильным субъектом» культуры. Действие творческой установки в динамике и эффектах продуктивного мышления уже было показано при рассмотрении гештальт-теории Макса Вертгеймера. Основываясь на исследовании Г. С. Батищева, дополним изложенную модель выводами, следующими из анализа рубинштейновских идей о креативности. (12)

1. Креативная установка мыслителя может иметь несколько форм и действует либо как личная восприимчивость к открытиям, новациям и нововведениям, принадлежащим другим, либо как тенденция к укоренению «чужих» новых идей в системе традиционного знания, либо как направленность на

самостоятельное генерирование нового. Последняя форма является собственно творческой.

2.Руководствуясь креативной установкой, мыслитель предпочитает проблемы, связанные с преодолением заблуждений, заполнением общезначимых пустот в знании, с качественным улучшением готовых концептуальных структур, обнаружением неразрешенных противоречий, уловлением скрытых от других будущих акцентов в знании и построением принципиально новых концептуальных структур.

3 Творческая установка проявляет себя во **внешней** и **внутренней продуктивности**. Первая составляет индивидуальный вклад в «произведенческое бытие» интеллектуалов, растворяясь в нем или выделяясь в качестве исключительного. Вторая состоит в «строительстве» самого мыслителя, развивая его интеллектуальную одаренность и личностные черты, поддерживающие становление творческого таланта. Мыслительные достижения и устойчивые отношения к ним субъекта входят в структуру его личности, в его историю, в число главных «направляющих» его жизненного пути.

4. Подчеркивание роли креативной установки в мышлении означает иной подход к исследованию мышления, чем его изучение в качестве **реактивного** процесса, отвечающего на типичные когнитивно неопределенные внешние ситуации, или в качестве **активности**, самопроизвольно возникающей в динамике естественного влечения к интеллектуальному структурированию мира. **Креативность** означает сосредоточение субъекта на самом мышлении с тем, чтобы во взаимодействии с проблемной ситуацией извлечь как можно больше возможностей для обновления операционального, инструментального, результативного, регулятивного состава мыслительной деятельности и, как следствие, приобрести свойства, придающие субъекту уникальность в среде мыслителей.

5. Креативная установка реализуется одновременно в **первичном** или авторском мыслительном творчестве, а также во **вторичном** творчестве или со-творчестве с другими. Последняя характеристика креативности указывает на диалогичность процесса рождения идей, на то, что длительная жизнь авторской идеи обусловлена принятием ее в пространство чужих идей, на то, что любая творческая идея так напитана желаниями и страстями автора, что неизменно притягивает, заражает и вдохновляет умы многих других.

6. Творческая установка «работает» не только на оригинальность и общезначимость мыслительного продукта субъекта. Далеко не вся сила продуцирования и творческого замысла выражает себя в конечном овеществленном результате поиска. Не меньшую ценность имеют также новизна в способах, техниках и средствах производящего процесса, оттенки проживания субъектом состояния мыслительного творчества, конструктивные изменения в самом мыслителе как «продуценте», новые позитивные моменты в самоотношении мыслителя и в отношении к нему других как пользователей его интеллектуальным продуктом..

7. Установка на творчество выражается в некотором противостоянии эпистемологическим традициям и устоявшимся моделям интерпретации эмпирических данных, разрывает привычную интеллектуальную коммуникацию и особенно сильно влечет субъекта к рефлексивному проторению пути для бессознательных генерирующих процессов мышления. В известной степени данная установка конфликтует, а иногда и агрессивно исключает активность других установок мыслительной деятельности. Вместе с тем, как реально действующая, она обладает и лучшими отличительными чертами понимающего, интерпретирующего и социально- ориентированного мышления.

8. В креативной установке заключена трудно объяснимая энергия для реализации мышления по следующим «законам»: интуитивного оживления в каждом отдельном мыслительном акте всего хорошо структурированного

понятийного опыта субъекта и появления любой идеи как оптимальной для решения проблемы концентрации этого опыта; такой скорости протекания мыслительных операций, при которой в единицу времени генерируется на порядки больше концептуальных вариантов, чем в режимах других установок; порождения идей, максимально «пригнанных» к условиям проблемной ситуации; удержания целостной концепции всех промежуточных результатов поиска в сочетании с прогностическим моделированием поискового будущего; интеллектуальной «сензитивности» по отношению к ошибкам и конфликтам в мыслительной деятельности; властного требования к субъекту быть одним из лучших в области своего поиска; самовыражения не только в строго логической, но и в символических, метафорических, изысканно простых формах, говорящих о содействии творчеству бессознательного; воспроизводства неповторимых душевных состояний подъема, удовлетворенности собой, причастности к большим феноменам жизни.

Акценты на удовольствие от мыслительной деятельности и на ее внесознательные аспекты особенно заметны в действии еще одной установки мышления - **установки на остроумие**, краткая характеристика которой может быть эксплицирована из содержания превосходной работы З. Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному». (135)

Данная установка своим действием захватывает несознаваемые и ненаблюдаемые моменты мышления. В то время как сознательное мышление разворачивается в виде организованного, направляемого целью, поэтапно регулируемого и результативного процесса, в его подтексте могут оформиться компенсирующие тенденции, отвечающие бессознательным сопротивлению и самозащите субъекта от правильности, объективности, обязательности и многих других атрибутов рациональной мысли. К примеру, требует компенсации неверие субъекта в принцип искания истины, или его неудовлетворенность уровнем общепринятого нормативного знания и

критический настрой по отношению к нему, или тревога по поводу возможной критики или самокритики собственного мышления, или непризнанность другими его блестящего ума, или ограничения в свободе интеллектуального творчества, или внутреннее торможение «асоциальных» идей, или сдерживание удовольствия от своей мыслительной деятельности, или скрытая потребность в интеллектуальном доминировании, не удовлетворенная прямым путем. Остроумие – прекрасный способ отвода энергии этих интенций субъекта к регрессу, нарушениям рационального мышления в новую область индивидуального творчества, рассчитанного на понимание и доброжелательное принятие другими людьми. При этом, высокий ценностный вес остроумие приобретает тогда, когда вполне естественные для него «обнажающие», «агрессивные», «циничные», «скептические», «иронические» и «демонстративные» тенденции отступают перед тенденцией к проявлению субъектом своей способности виртуозно извлекать смешной, по-новому конструктивный смысл из интеллектуальных клише и стереотипов, относящихся к общезначимым явлениям и персоналиям. В этом случае субъект может пережить свободное и разделенное с другими удовольствие от своего интеллектуального успеха.

Тенденции остроумия вмешиваются в процессы вполне серьезной разработки интеллектуальных проблем и «инсайтно» выражают себя в забавном, комическом решении как своего рода логическом отклонении, «сдвиге». Кажется, что в сознательной жизни появляется какое-то другое, объективно не затребованное мышление, не доступное оценке и критике, которые имеют место в обычной интеллектуальной деятельности. Пробелы, противоречия, неясные места, пропуски в мыслительных репрезентациях каких – либо объектов и ситуаций преодолеваются за счет концептуальных операций, поверхностно очень похожих на фантазирование: преувеличения, преуменьшения, подчеркивания противоположного, синтеза-сгущения, символического «склеивания» несовместимого, отдаленного сравнения,

изоляции «кричащих» признаков, выпячивания несущественного и т. д. Продуцируются бессмыслицы, нелепицы, логические ошибки, тонко направляющие мысль адресата на переосмысление устоявшихся конструктов и концепций методом исправления комических искажений.

Иногда действие установки ограничивается просто шутливой формулировкой проблемы, состоящей в намеке на что-то обычно умалчиваемое, в недомолвке или двусмысленности. Причем намек должен быть броским, а пробел в мысли – легко заполняемым. Чаще же всего установка реализуется посредством заверщенного процесса мышления, в котором постепенно рождается неординарная, часто на грани допустимого, мысль. Любая острота имеет персональное авторство, является по-настоящему уместным и своевременным событием только в единственной жизненной ситуации.

Далее выделим некоторые частные установки, помогающие действию общих «ценностных» тенденций и ориентирующие мыслителя на тот или иной конкретный этап мыслительной деятельности – **установки деятельности**. К ним относятся:

проблемная установка, активизирующая мышление в основном на этапе постановки проблемы;

установка на поисковый процесс как главную составляющую мыслительной деятельности;

установка на мыслительный результат, в том числе творческий;

установка на текстовую презентацию способов и результатов мыслительной деятельности;

установки на «технологическую», программную, предметную и социально – практическую презентацию концептуальных результатов мыслительной деятельности;

установка на самооценку достижений и развитие я- концепции мыслителя.

И, наконец, классификация установок мышления по признаку **«объектной» и «субъектной» направленности сознательной мысли**, предложенная К. Г. Юнгом. (157)

Экстравертная установка мышления предполагает использование индивидом концептуальных данных, основанных на извне приходящих фактах и идеях. Объективные данности – не только источники такого мышления, но и его цели, ориентиры, результаты. Легче всего подобная установка реализуется в рамках общепринятых идей и устоявшихся логических систем. Однако, следуя ей, мыслитель выходит в богатейшую область эмпирических фактов, конкретизирующих отвлеченные идеи или придающие им новые жизненные смыслы. Если установка отличается не только сухим интеллектуализмом, но достаточно гибка и поддержана интуицией и чувством, ее субъект может быть новатором или реформатором. Классическими примерами обладателей экстравертной установки мышления являются бизнесмен, политик, изобретатель.

Интровертная установка направляет мысль на данности, относящиеся в основном к самому субъекту. Такой мысли безусловно доступны и внешние объекты, но в их существенной детерминации субъективной позицией личности. Главным предметом мышления выступает внутренний опыт субъекта. Реальность принимается им в качестве подтверждающих данных для развития субъективной идеи, и иногда последняя кажется тем более убедительной, чем меньше подкреплена объективностью. В случае, если субъективная направленность интеллекта хорошо сбалансирована его конструктивными отношениями с объектом, мыслитель может раскрыть те глубокие связи в фактической реальности, которые недоступны субъектам экстравертной установки. Многим знаменитым философам, ученым, деятелям искусства присуща доминирующая интровертная установка мышления.

Установки мышления, выступающие здесь как **«модусы» выражения целостной личности в отношении к конкретной ситуации мыслительной**

деятельности, имеют не только собственно когнитивный, содержательный, но и побудительный аспект, определяя тем самым, кроме диапазона интеллектуальных действий мыслителя, их предметов и продуктов, те или иные мотивы производства мысли.

Мотивация мыслительной деятельности может быть представлена моделью, объединяющей разновидности мотивов, выявленных в многочисленных психологических исследованиях (О. К. Тихомиров, В. К. Вилюнас, Б.И. Додонов и др.). Так, выделяются мотивы, прямо относящиеся к основным ценностям познания и, кроме того, к проблемно-тематическим, процессуальным и результативным составляющим зрелого мышления. Они образуют внутреннюю или **«имманентную» мотивация** мыслительной деятельности. К числу ее конкретных составляющих следует отнести:

- мотив познания или умножения и развития личного знания о мире.;
- мотив развития умения мыслить, овладения новыми способами добывания знания;
- мотив продуктивного завершения мыслительной деятельности;
- мотив проблемного отношения к устоявшемуся знанию;
- мотив творческого осуществления процесса мышления и его окончания в авторском результате;
- мотив вовлечения способов и эффектов мышления в решение практических задач, включая интерпретацию жизненных фактов, предметные и информационные преобразования, коммуникацию;
- мотив реализации и развития личностью своих интеллектуальных способностей;
- мотив самопознания в процессе и на заключительных этапах интеллектуальной деятельности;
- мотив удовольствия от успешного течения и завершения мыслительной деятельности, от интуитивных решений, состояний творческого подъема, догадок и озарений, оригинальных идей и т. д.;

- мотив личного приобщения к интеллектуальным областям культуры и всеобщему процессу наследования и углубления знания.

Внутренняя мотивация мышления, выражая устойчивые потребности мыслителя в системе «мышление - мысль – личность – я – культура», должна обуславливать исключительное сосредоточение, погружение, сращение субъекта с сознательной мыслительной деятельностью. Однако, учитывая разнообразные и обширные жизненные влияния на интеллектуальную активность индивида, в указанную систему следует добавить и другие элементы, например, «другая деятельность», «другие мыслители», «достижения», «вознаграждения», «санкции», «психические компенсации» и «бессознательное». Мотивы, актуализирующие потребности, связанные с этими моментами жизни, рассматриваются как внешние, представляющие **«неимманентную» мотивацию** мышления. В эту группу мотивов можно включить:

- мотив эффективного интеллектуального обеспечения различных форм индивидуальной деятельности: учебной, игровой, профессиональной, социальной, рефлексивной и т. д.;
- мотив идентичности интеллектуалам, преуспевшим в силу своей эрудиции, компетентности, творчества;
- мотив интеллектуального доминирования в референтном сообществе;
- мотив повышения интеллектуального уровня общения с другими;
- мотив передачи освоенных идей и способов мышления другим;
- мотив социальной поддержки интеллектуальных успехов посредством широкого признания, наград, карьерного продвижения, повышения зарплаты, статуса знаменитости и т. д.;
- мотив избежания санкций со стороны окружения за уклонение или нерезультативное исполнение мыслительной деятельности;
- мотив умножения личных достижений за счет эффективности в интеллектуальной сфере как одной из многих сфер жизненного успеха;

- мотив саморазвития в мыслительной деятельности для завоевания высокого статуса интеллектуала;
- мотив развития я – концепции на основе общего усовершенствования в мыслительной деятельности;
- мотив разрядки психического напряжения, вызванного несознаваемыми конфликтами интеллектуального отношения к жизни;
- мотив трансцендирования или достижения посредством мышления особых состояний сознания, открывающих высшие духовные сущности.

Для мотивационного обеспечения мыслительной деятельности характерны несколько основных закономерностей Во-первых, мотивация обладает тройственным функциональным влиянием на мышление: интенциональным – в качестве стремления к проблемному объекту; регулятивным – в качестве «агента» содержательных и процессуальных изменений в ходе мыслительной деятельности; энергетическим – как силовой фактор мыслительной деятельности, отвечающий за ее активность, интенсивность.

Во-вторых, мотивационная детерминация мышления имеет, как правило, форму полимотивирования, объединяя различные внутренние и внешние мотивы. Продуктивная развертка мыслительной активности требует, однако, существенного доминирования одного или нескольких близких внутренних мотивов. Доминирующий мотив в динамике деятельности может изменяться в зависимости от ценностно-смысловых переакцентировок субъекта, смещающих основное стремление с целевого объекта мышления на способы мыслительных действий, или промежуточные результаты поискового процесса, или я- мыслящее, или на интеллектуальную коммуникацию, или на последствия интеллектуального успеха и т. д. В деятельности с идеальной динамикой основной мотив сохраняет свое ведущее влияние вплоть до угасания в адекватном финале мышления.

Третье, общая многокомпонентная мотивационная тенденция мыслительной деятельности предполагает смену и взаимодействие

сознательных и бессознательных, а также конструктивных и деструктивных мотивов. Последнее качество внутренние и внешние мотивы приобретают только в соотношении с другими составляющими мыслительной динамики: целями, способами, средствами, операциями, побочными продуктами, оценками и самооценками эффективности, конечными результатами. К примеру, внешний мотив умножения личных жизненных достижений, сильно доминируя в мыслительной деятельности, может сделать субъекта слепым по отношению к очевидным сбоям и ошибкам в ходе мышления и, оказавшись в конфликте с конечным интеллектуальным поражением, вызвать у субъекта страх новых попыток интеллектуальных поисков и завоеваний.

Четвертое. Неизбежные конфликты или «диссонансы» в мыслительной деятельности могут ослаблять и погашать конструктивную мотивационную доминанту. Это возможно, когда, например, сопутствующая мотиву цель оказывается нереализуемой, или процесс мышления плохо доступен сознательной организации, или отсутствует информация об успешности – неуспешности процесса, или велики внешние препятствия и давления на субъекта, или субъекту открываются собственные возможности решать более сложные интеллектуальные проблемы. Однако другие формы диссонансов, напротив, способствуют всплеску мотивационной активности, когда, к примеру, для решения сложной проблемы субъект находит более эффективные, чем планировалось, методы и средства, или в ходе деятельности неожиданно появляются результаты, сокращающие путь к конечному результату, или в динамике мышления появляются условия, позволяющие полно осуществить не только действующие, но и новые мотивы, подкрепляющие мотивационную доминанту.

То, как мотивы направляют мыслительную деятельность и как зависят от нее, существенно сказывается на характеристиках **эмоционального контура мышления**. Эмоциональные явления, иначе «переживания»,

выступают оценкой и отношением мотивированного субъекта к возможностям и реальности успешного - неуспешного исполнения и окончания мыслительной деятельности. Удовольствие – неудовольствие, удовлетворенность - неудовлетворенность, радость – огорчение, восторг – удрученность, увлечение – разочарование, энтузиазм – апатия, любопытство – недоверие к новизне, уверенность – сомнение, азарт – опасение, удивление – равнодушие, переживание новизны – скуки, увлеченность – безучастность и т. д. ситуационно и амбивалентно отмечают для субъекта смены циклов, противоречия, основные события его мыслительного процесса, а также изменения его состояний и качеств как мыслителя. Текущие и вариативные переживания, регулярно появляющиеся в динамике мышления, могут выражать устойчивый аффективный подтекст интеллектуальной деятельности, например, познавательные чувства и страсти, интенсивное проживание которых иногда становится для субъекта основной потребностью при производстве мысли. Утонченной аффективностью в первую очередь отличаются творческие процессы и созданные на их основе тексты философов, поэтов, писателей, знаменитых публицистов, религиозных мыслителей.

«Бесстрастного познания не могло быть и никогда не было у настоящих философов. Оно могло быть только в лишенных творческого дара диссертациях. Менее всего бесстрастное познание было у Спинозы. Величайший из философов, Платон, был философом эротическим. Эротическое притяжение было у панлогиста Гегеля...., не говоря уже о таких философах, как Кьеркегор или Ницше. Философ есть влюбленный в мудрость.» (19, с 185)

Познавательные, или интеллектуальные, чувства выступают в акмеологический период становления мышления не просто потребностями, но важнейшими **ценностями** личности, усиливающими активность ее мыслительных установок и, вместе с тем, субъективную зависимость от их

непроизвольной спонтанной реализации. Процессы рефлексии и контроля мыслительной деятельности уравниваются самопереживаниями свободы, таинственности, индетерминированности и очарования мышления, словно сама мысль выбирает данную личность, чтобы проявить и выразить себя. Состояния высвобождения, полета и парения в мысли, так часто отмечаемые выдающимися мыслителями, указывают на присущие им зрелые чувства - ценности с их огромным психо – энергетическим потенциалом:

- любовь к истине, познанию, мышлению как творчеству;
- чувство проблемности мира;
- любовь к науке, разуму, логическому упорядочению мира;
- страсть к философствованию;
- чувство поискового азарта;
- чувство интеллектуальной уверенности;
- чувство хорошей формы, гармонии, совершенства мысли;
- чувство недостатка знания;
- чувство драматизма поиска истины – «чувство царя Соломона»;
- чувство бесконечности познания;
- чувство обретенной мудрости;
- страсть к таинственному и его пониманию;
- любовь к состоянию «я мыслю»;
- чувство единства с другими мыслителями или «интеллектуального сродства»;
- страсть к самопознанию;
- чувство избытка своих интеллектуальных потенций и «драмы» их жизненных ограничений и т. д.

Принято считать, что определенные активные установки мышления с выделяющимися в их структуре сознательными, бессознательными, побудительными и эмоциональными составляющими, образуют в развертке

конкретной мыслительной деятельности единую **личностную детерминирующую тенденцию**. В слиянии с процессуально – продуктивными условиями мышления, она выступает обобщенным ситуационным эффектом организующей работы интеллекта и других личностных инстанций субъекта. В свою очередь, в динамике мышления некоторые операции – продукты - установки – мотивы – переживания, показавшие свое постоянство в различных ситуациях, формируют новые **качества личности мыслителя**. При внимании к этим закономерностям, анализ зрелой мыслительной деятельности субъекта должен перейти от «динамической» к «качественной» парадигме.

Качества субъекта мышления.

Качества мыслителя или особенности «личности мыслящей» определяются в психологии с различных точек зрения. Во-первых, как индивидуальные характеристики мышления, касающиеся его операциональных, содержательных и результативных аспектов; во – вторых, как общие факторы интеллекта (интеллектуальной одаренности) или интеллектуальные способности, в-третьих, как личностные типы мыслителей.

Примером первого подхода (С. Л. Рубинштейн, В. Д. Шадриков, В. Н. Дружинин, А. В. Либин, Л. М. Веккер и др.) можно считать выделение параметров **дифференциально - психологической оценки субъекта мышления**. К ним относятся:

- быстрота мыслительных действий;
- интуитивность- дискурсивность мыслительных операций;
- гибкость мышления в отношении к изменению его условий;
- генерализация эффективных способов мышления на разнообразные жизненные ситуации;
- концентрация всех мыслительных умений и ресурсов в отношении к одной проблемной ситуации;

- продуктивность (объем и качество результатов) мышления;
- доминанты операционального состава мышления (анализ, обобщение, синтез и др.);
- конструктивность мышления или его развивающие влияния на жизнь;
- вес творческих компонентов в мышлении;
- оригинальность генерируемых идей;
- чувствительность к необычному, проблемному, к неопределенности и противоречиям;
- склонность мыслить в модусе «вероятного», «гипотетически допустимого»;
- богатство личной концептуальной системы;
- соотношение общих способов организации структуры концептов у данного субъекта (линейно- ассоциативного, иерархического, дуального и т. д.);
- эффективность и специфика рефлексии и я- регуляции мышления;
- соотношение визуальности и отвлеченности в мышлении;
- «вертикальность» мышления или развитие концептов по принципу увеличения порядков обобщения;
- «горизонтальность» («латеральность») мышления как его развитие по принципу проблемной разработки концептов на одном из уровней обобщения;
- практичность мышления или направленность на создание моделей практических действий;
- осмысление фактов одновременно в параметрах актуального (как это есть), прошлого (почему это имеет место) и будущего (какие ожидаются последствия);
- и т. д.

Второй подход, детально проанализированный М. А. Холодной (141), заключается в построении **структурных моделей интеллекта**,

позволяющих исследовать и диагностировать различные уровни общей интеллектуальной одаренности личности. Сошлемся на ее данные.

Модель Дж. Рензулли включает три фактора: IQ (интегральный тестовый показатель интеллекта) выше среднего уровня; креативность (гибкость, оригинальность мышления, открытость ко всему новому, готовность к интеллектуальному риску); высокая мотивационная включенность в проблемную интеллектуальную деятельность (интерес, энтузиазм, настойчивость, терпение, выносливость при решении мыслительных задач).

Модель Р. Стернберга названная «пентагональной», состоит из пяти факторов интеллектуальной одаренности как обязательных критериев оценки ее развития: 1) интеллектуальное превосходство субъекта перед другими при выполнении тестовых задач; 2) редкость, «эксклюзивность» интеллектуальных достижений субъекта в деятельности, нетипичной для других; 3) интеллектуальная продуктивность как реальная успешность в определенной предметной области; 4) демонстративность, то есть повторяемость интеллектуальных достижений; 5) ценность интеллектуальных результатов субъекта в конкретном социо – культурном контексте. Данная модель отличается достаточным универсализмом, так как применима к исследованию интеллектуальных способностей в любой сфере человеческой деятельности, включая профессиональную, социальную, сферу художественного и духовного творчества.

Модель М. А. Холодной включает четыре типа интеллектуальных способностей: 1) конвергентные способности, позволяющие субъекту сконцентрировать свои интеллектуальные ресурсы на нахождении единственно правильного в данной ситуации решения проблемы или задачи; 2) креативность как способность быстрого и беглого порождения разнообразных оригинальных идей в нерегламентированных условиях деятельности и в различных контекстах: от научного до метафорического; 3) обучаемость или способность к быстрому освоению новых знаний и

интеллектуальных умений в процессе обучения и продуктивному их применению; 4) познавательные стили (когнитивные, интеллектуальные, эпистемологические) как способность субъекта индивидуальным образом проявлять, объективировать достоинства своего интеллекта.

При определении «индивидуальных особенностей мышления» и «факторов интеллекта» допускается избирательная активность тех или иных отдельных устойчивых психических образований, свойств и тенденций субъекта мышления. Понятие же «типа мыслителя» подчеркивает реальное участие целостного субъекта в любом акте мыслительной деятельности или, иначе, выражение любых мыслительных возможностей через посредство единого качественного ядра его личности. Типы мыслителей обычно соотносятся с наиболее существенными детерминантами или общими способами и эффектами мышления, и чем больше их охватывается в процессе типологической идентификации индивида, тем полнее может быть его интегральная характеристика как личности мыслящей.

Отмеченные детерминанты, способы, эффекты мышления выступают или могут выступать **основаниями типизации мыслителей**. Перечисляемые ниже типологии частью определены известными типологическими построениями (В. Джемса, К. Г. Юнга, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Кедрова, и др.), частью являются гипотетическими и нуждающимися в дополнительных обоснованиях, частью обобщают опыт устойчивых жизненных наблюдений и самонаблюдений субъектов мышления.

1. Основание: избираемые и предпочитаемые объекты мышления.

Типы личностей:

- ориентированная на объекты предметного мира (другое);
- ориентированная на социальные объекты (других);
- ориентированная на внутренние объекты, в том числе на «я».

Данная типология аналогична упомянутому юнгианскому различению экстраверта – мыслителя и интроверта – мыслителя, а также

практикующемуся у философов выделению в своей среде объективистов – экзистенциалистов – феноменологов.

2. Основание: доминирующие содержания, процессы, способы мышления.

Типы личностей:

- а) - оперирующая образными концептами;
 - мыслящая абстрактными концептами;
 - мыслящая символическими концептами;
- б) - мыслящая аналитически;
 - упорядочивающая и классифицирующая;
 - систематизирующая, синтезирующая;
- в) - мыслящая дедуктивным способом;
 - мыслящая индуктивным способом;
 - мыслящая дедуктивно – индуктивным способом;
- г) - мыслящая дискурсивным путем;
 - мыслящая интуитивным путем;
 - трансцендирующая в мышлении.

3. Основание: уровень наследования знания в образовательном процессе.

Типы личностей:

- малообразованная, равнодушная к познанию;
- фрагментарно образованная, пассивная в познании;
- расширяющая и систематизирующая знания;
- фундаментально и всесторонне образованная.

4. Основание: преобладающие источники добывания и углубления знания.

Типы личностей:

- философствующая;
- изучающая науки;
- понимающая художественные тексты;
- работающая с оперативной информацией.

5. Основание: доминирующие продукты мышления, главные сферы интеллектуальных успехов.

Типы личностей:

- мыслитель повседневной жизни;
- ученый, теоретик;
- методолог;
- создатель технологий, информационных моделей;
- автор литературных текстов;
- философ, пророк.

6. Основание: интеллектуальное влияние на духовно – практическую жизнь.

Типы личностей:

идеалист – романтик – реалист – прагматик – практик.

7. Основание: уровень интеллектуального творчества.

Типы личностей:

- умело использующая коллективный опыт мышления;
- соотносящая готовое знание с собственным опытом понимания и проживания;
- генерирующая объективно ценное авторское знание.

8. Основание: высокие достижения в узкой предметной области мышления или крупной сфере интеллектуального творчества, или осмыслении обыденной жизни.

Типы личностей:

компетентная - интеллектуально выдающаяся – мудрая.

9. Основание: интеллектуальный потенциал и неординарность личности.

Типы личностей:

- интеллектуально способная;
- интеллектуально одаренная;
- талантливый мыслитель;
- гениальный мыслитель.

9. Основание: связь результатов мышления и мыслетворчества со временем.

Типы личностей:

- «археолог» по стилю мышления;
- своевременный мыслитель;
- мыслитель, опережающий время.

Многомерная, или континуальная, типологическая идентификация может быть предпринята в отношении любого зрелого субъекта мышления, независимо от того, является ли он адресатом психологической помощи, или обследуемым с точки зрения его интеллектуальных возможностей и роста, или участником процедуры выдвижения на роль «интеллектуального центра» в профессиональной структуре. Она также является хорошим методом при изучении выдающихся мыслителей прошлого на основе анализа их биографических и автобиографических данных, а также методом самоисследования мыслителя. Характерным случаем его применения является опыт самопознания Н. Бердяева (17), который сделал типологическое обобщение ряда блестящих особенностей своего мышления, выступающих у него как я-качества:

- *Важные мысли приходят ко мне как блеск молнии, как луч внутреннего света.*
- *Мысль так быстра, что едва успеваю записывать. Подъем так силен, что кружится голова. Не исправляю... Не обдумываю...*
- *Моя мысль афористична и парадоксальна.*
- *Главный источник этой мысли – не книги, а жизнь, опыт жизни.*
- *Самые ничтожные явления жизни вызывают во мне прозрения универсального характера.*
- *Меня неудержимо тянуло к творчеству, я чувствовал потребность писать, отпечатлеть свою мысль в мире.*
- *Когда я писал книги, я никогда не читал книги на ту же тему.*
- *Я пишу потому, что мне повелевает мой внутренний голос.*

- *У меня нет рефлексирования над своим творчеством.*
- *В мысли, в лекциях, докладах я медитирую.*
- *Я мысленно беру внутрь себя весь мир, всю человеческую культуру.*
- *Меня мало интересовал продукт моего творчества, мне дорог пережитой творческий подъем.*
- *Для меня не было ничего более чуждого, чем идея космической гармонии.*
- *Я сознавал себя человеком, не достойным собственного мышления.*
- *Я – философ, теоретик, идеалист, моралист.*
- *Я - романтик, реалист, мистик.*
- *Я – мыслитель интуитивно – синтетического типа.*
- *Я – мыслитель западного типа.*
- *Я – несвоевременный мыслитель.*

Типологическая идентификация и самоидентификация мыслителя, синтезируя дифференциальные и факторные характеристики его интеллекта, во многом должна касаться разнообразия, богатства знакового, прежде всего речевого. способа производства и выражения мысли. Отметим кстати, что в приведенных самоопределениях Бердяева, а также во многих других фрагментах его интеллектуальной автобиографии есть явные указания на особенности вербального оформления идей: спонтанность создания текстов лекций и докладов, «естественная» гармония рождающихся текстов авторских книг, афористичность и парадоксальность высказываний, доминирование среди интеллектуальных продуктов философских текстов, экзистенциальный и романтический стиль философского письма и т. д. Однако, распространенные научно-психологические подходы к мышлению редко специально ориентированы на исследование высказываний, дискурса, текстов мыслителя, исключая, пожалуй, изучение рефлексивных моментов мыслительной деятельности. «Речевая тема» либо приобретает самостоятельное феноменологическое значение, либо выносится в сферу

психологии общения, или психологии творчества, или психологической герменевтики. При этом онтологически очевидно, что с чем бы ни было связано речевое событие, в динамике жизни зрелой личности оно является фактом состоявшейся сознательной мысли и внутреннего изменения значений концептуальной модели мира. Обоснованием речевого способа интеллектуальной жизни, а также активности речевого следа во многих других сферах индивидуального бытия, можно продолжить и рассмотрение темы мышления, и наше изложение в целом.

7. РЕЧЕВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЖИЗНИ

7.1. Психологическая сущность речи.

Будем говорить о речи и языке, придавая им тот же смысл, который неповторимо выразил в свое время М. Хайдеггер:

«Язык – то исходное измерение, внутри которого человеческое существо вообще впервые только и оказывается в состоянии отозваться на бытие и его зов и через эту отзывчивость принадлежат бытию Эта исходная отзывчивость, в истинном смысле достигнутая, есть мысль.» (140, с. 254)

Связи «Бытия – Языка – индивидуальной жизни – речевой практики – мысли – мыслимых моментов проживания» являются важнейшими для гуманитарного моделирования психологической теории речи. Покажем это при обосновании специфики речи и ее функциональных свойств.

В структуре индивидуальности речь имеет двойственное значение. С одной стороны, она достаточно легко доступна для наблюдения, самонаблюдения, рефлексии и чаще привлекает внимание исследователей не сама-в-себе, а как способ объективации и «индикатор» различных психических процессов. По отношению к ней распространены понятия «речевое поведение», «речевые действия», «речевая деятельность», «речевое выражение», указывающие на

эксплицитный характер речи по сравнению с глубинными ментальными явлениями. Ее современные исследования необходимо выходят в сферы жизненной прагматики, ориентируясь на задачи улучшения способов речевого кодирования информации, стилового совершенствования текстов различных жанров, достижения идеального соответствия словесной формы нарождающимся идеям и интеллектуальным техникам, а также на диагностическую и психотерапевтическую расшифровку речевых символов бессознательного. С другой стороны, речь по давней традиции определяется в качестве непостижимого внутреннего дара, таинственной способности, первичного средоточия творческих душевных сил, источника завораживающих влияний. И это не позволяет психологу отнести к ней просто как к внешнему средству культурной организации психической жизни человека.

Сведению и примирению «прагматического» и «метафизического» взглядов на сущность речи может служить **прием различения и восстановления жизненного единства речи и языка**. Одинаково креативным представляется как подчеркивание их изначально разных сущности и субъектной принадлежности, так и их отождествление в связи с возможностью воплощения зрелой индивидуальной речью полноты языка и принципиальной осуществимостью языка посредством речи. Указанный прием реализуется при гибком синтетическом использовании знаний о речи и языке, рассеянных по различным сферам знания, включая философию, филологию, лингвистику, нейрофизиологию, психиатрию и др.

Психологическое изучение речи-как-жизни глубже всего согласуется с идеями онтологии, феноменологии, структурной и экзистенциальной философии, философии языка и философии постмодерна. В числе их знаменитых создателей - Аристотель, В. Гумбольдт, М. Хайдеггер, Ж-П Сартр, Ф де Соссюр, Э. Кассирер, П. Рикер, А. Виттенштейн, Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж-Ф Лиотар, М. Мамардашвили.

В отечественной психологии и филологии к этой общей области философии жизни и языка особенно близки концепции речи А. А. Потебни, М. М. Бахтина, Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, Д. А. Леонтьева.

Какие же различительные акценты делаются исследователями в определениях «языка» и «речи», какие психологические характеристики описывают особенности речи и что позволяет не разделять речевую и языковую активность индивида?

Язык. При раскрытии его сущности прежде всего указывается на его принадлежность к мировым универсалиям: *язык – это мир*. В соединении с другой универсалией – мышлением – он образует один из самых совершенных способов понимания и отношения людей к миру: *язык является мировоззрением*. Для него характерна определенная социально – культурная отнесенность: *через язык конкретная общность приходит к самовыражению*. Способность социума иметь «язык» и потенциал его языкового самовыражения закреплены в коллективном бессознательном в форме «архетипа языка» или «архетипа слова»: *язык имманентен культуре*. Социальность языка делает его существование относительно независимым от речевой активности отдельного индивида: *язык дан индивиду общностью*. Определение языка как знаковой системы или словесного кода, то есть как оболочки некоторого содержания, преобладает над его содержательным раскрытием: *язык - артикулированное оглашение мысли*

(Хайдеггер). Владение языком означает скорее «говорение», а не «высказывание», свидетельствует об относительной взаимной автономии языка и опыта личного проживания индивидов: *«я» индивида молчит в языке*. Он прежде всего участвует во внешних взаимодействиях людей, является их совместной деятельностью и в качестве своих агентов имеет «говорящих» и «слушающих»: *внешняя сторона языка доминирует над внутренней*. Языковое бытие людей воссоздается совокупной речью индивидуальностей, участвующих в языковом процессе как актуальные,

потенциальные и ушедшие создатели устных и письменных текстов: *язык осуществляется речью и текстом*. В языковой форме находят выражение, способ организации как сознательные, так и бессознательные реальности человеческого бытия, включая интуиции будущего: по знаменитой формуле Лакана, *не только сознание, но и бессознательное структурировано как язык*.

Речь. В большинстве определений она выступает феноменом индивидуальной жизни, а ее основным субъектом является конкретный человек: *через речь индивид приходит к самовыражению*. Способность к речи изначально представлена в виде бессознательной готовности индивида воспользоваться средствами языка, реализовав возможности своего тела: *речь как потенциальная связь с языком имманентна индивиду*. Поэтапно овладевая речью во всех ее жизненных функциях, мы осуществляемся в мире языка и в мире в целом: *в речи совершается «путь к языку»*. Речь существует не только как акт о-значения, или «сигнификации» чего-либо, но и как последовательность жизненных событий, в которых словом выражаются и в слове совершаются мысль – представление – переживание – побуждение – интенция к действию. То, что в мышлении и проживании бессознательно и симультанно, речь превращает в делящееся, сукцессивное, формируя, таким образом, осознанное психологическое время личности: *речь – это «текст жизни» индивида, ее хронология и топология*. Для речевого события значимы и внутренний, и внешний планы. В нем имплицитное психическое содержание должно объективироваться в оптимальной для данной ситуации вербальной форме, которая в этом процессе становится содержательной и либо прямо указывает на свой внутренний план, либо умело намекает на него: по афористичному замечанию Мамардашвили, *в речи происходит выворачивание внутреннего и овнедрение внешнего*. Содержание речи, или ее значения и смыслы, психологически преобладают над ее формой: *слово используется*

индивидом, чтобы речевым путем изъяснить свое знание и субъективное отношение к означаемому предмету и собственной связи с ним. Сущность речевого события – это «высказывание», позволяющее сохранять главным, хотя и далеко не всегда явным, героем жизненного текста «я» индивида или его неосознанную «самость»: речевое событие пробуждает в индивиде авторское начало. Чтобы речевое событие состоялось, субъекту необходимо прямое или косвенное присутствие других, достигнутая внутренняя идентичность с другими и возможность рефлексивно отнестись к себе как обладающему психологическим сродством с другими: речь диалогична в смысле удержания ее субъектом другого-перед-собой. В речевых отношениях с другими или «дискурсе» субъект исполняет специфические речевые роли, выступая высказывающимся, слушающим, молчащим, умалчивающим, не-слышающим, ускользающим в не-сказанность: речь многообразно проявляет и скрывает себя среди говорящих с субъектом, говорящих друг с другом в присутствии субъекта и когда субъект говорит с собой. В полноценном речевом событии сменяют друг друга активные процессы слушания, понимания, принятия – непринятия сказанного другими, генерирования модели ответного высказывания, собственно высказывания, частичного умолчания, речевого влияния, контекстного понимания своего высказывания и реакции на него собеседников: речь как деятельность непрерывна и вездесуща в общении и самоопределении индивида.

Намеченные отличительные характеристики речи указывают на то, что сама ее исходная индивидуальность выявляется и подчеркивается многосторонним единством с языком. Действительно, индивидуальные принадлежность и специфичность речи возможны только в социально – культурной среде языка, потенцирующей речевые события. Импульсы коллективного бессознательного выносятся в неповторимую речевую жизнь индивида путем языка. Осознанная в содержательном плане речевая

активность имеет своей «тенью» неосознаваемые структуры языка. Определенные содержания личного бессознательного, получая языковое означение, пополняют и обогащают значения и смыслы сознательной речи. Язык, превращенный в речь, определяет исключительно важное для индивида субъективное проникновение во всеобщее поле сознания и мысли, из которого он, продуктивно сознающий и мыслящий возвращается к себе и своей жизни. Мировоззрение общности, воплощенное в языке, оживляясь в речевом процессе, становится личным, я-опосредованным видением мира, которое М. Мамардашвили, подчеркивая общественную зависимость индивида, назвал «областью сращений человека с отношением к самому себе.» (93, с. 47). Обращение к языку как непревзойденному по возможностям инструменту моделирования реальности позволяет субъекту, создавая тексты, сделать авторские вклады в ментальный мир, в мир языка, в мир продуктов человеческого творчества.

Общегуманитарные определения речи требуют упоминания о **структуре речи** в ее развивающемся и зрелом состояниях. Можно основываться на понимании речевой структуры в качестве индивидуальной кодовой системы, организующей опыт познания и проживания, состоящей из различных по величине единиц психолингвистического кодирования. Структурное укрупнение единиц обуславливается онтогенетическим развитием речи (от отдельных слов в раннем детстве к продуцированию сложных текстов в пубертатный период и далее), а также закономерностями генерирования речевых продуктов в фазе вербального акме индивида, когда в отдельном создаваемом тексте незаместимы каждое слово и каждая фраза, а за любым из этих элементов прочитывается контекст всех его ставших значений и смыслов, своеобразно влившихся в новое целое текста.

К психологическим единицам речи принято относить **слово – фразу – высказывание – текст**. В текущем жизненном процессе они возникают в виде речевых событий, инициируются субъектом как речевые акты. Если

соотнести их с интеллектуальными содержаниями речи, слово заключает понятие, фраза – завершённую мысль, высказывание – концептуальный итог последовательных личных размышлений, текст – систему таких итогов, а сама речь представляет собой необъятный **контекст**, заключающий совокупность реальных, потенциальных и не осуществлённых текстовых репрезентаций миропонимания индивида. Намечается структурная иерархия, в которой от нижних уровней (слова, фразы) к вершине (контекст)) сокращается число образующих элементов. Если речь субъекта специально исследуется внутри процесса речевого обмена, можно говорить о структуре и структурных единицах **дискурса**.

Зрелая речевая структура обладает рядом функциональных свойств, сквозных для всех её уровней. Поэтому, например, «слово» развивается как такая структурная единица, при анализе которой обнаруживаются свойства речи в целом.

7.2. Функциональные свойства слова.

Под функциональными свойствами будем понимать потенции слова, ориентированные на реализацию следующих **жизненных возможностей и задач**:

- обеспечение интеллектуальной деятельности на нейрофизиологическом уровне;
- установление дистантной связи субъекта с объектом,
- замещение образных моделей объекта,
- субъективное слияние с объектом, о-владение субъекта объектом,
- опосредование познания и субъективного осмысления объекта,
- символизация как выражение иррационального подхода к объекту,
- выражение оценочных переживаний по поводу объекта,
- коммуникация по поводу объекта,
- оформление концептуальных моделей изменения объекта,

- кодирование рефлексивных действий и я-концепции субъекта,
- репрезентация неосознаваемых психических содержаний,
- обозначение «пустот» в концептуальной модели объекта, вызванных субъективным незнанием или нежеланием «знать» что-либо о нем.,
- структурирование сознательных актов,
- запуск произвольных действий субъекта.

Упомянутые во многих фундаментальных исследованиях речи, эти объективные жизненные запросы к индивидуальному слову находятся с его свойствами в двойственном отношении: детерминируют их и являются результатами их развития в самодвижении общей речевой активности. По мере своего овладения жизнью, слово приобретает **свойства** быть «паттерном нейронных связей», «перцептивным сигналом и действием», «знаком», «именем», «носителем значения и смысла», «символом», «средством выражения переживаний», «способом общения», «средством авторского самовыражения». Имея в виду данные свойства, философы говорят о многих «сущностях» слова, например, указующей, означающей, именующей, смыслообразующей, символической и т. д.

Рассмотрим некоторые из перечисленных свойств, начав с того из них, которое связывает речевую деятельность с морфологией и функционированием высшей нервной системы, прежде всего, ее центральных отделов.

Слово – паттерн нейронной активности в условиях межполушарного единства и асимметрии.

Воспользуемся аналитической моделью, намеченной А. Р. Лурией в работе «Язык и сознание», где обобщены результаты изучения больных с локальными поражениями мозга. С физиологической точки зрения слово представляет собой сложное речедвижение, артикулированно-звуковое произнесение, эффект функциональной интеграции акустической, зрительной, кинестетической, осязательной и т. д. систем в составе речевого

анализатора. Периферическую часть анализатора составляют орган слуха, орган речевого движения (полость рта – губы – губная преграда – язык – гортань), орган зрения, рука и соответствующие системы проводящих путей. Главную часть анализатора образуют корковые области нервной регуляции речевой активности, совместно задействованные в любом словесном акте.

1. Височные отделы левого полушария (зона нейронной ткани, описанная Вернике) обеспечивают выделение из речевого потока отдельных звуковых признаков, то есть являются мозговыми структурами фонематического слуха. Особо тесно они связаны с кинестетическими и кинетическими зонами коры. Поражение центрального органа фонематического слуха влечет за собой нечеткость различения звуков речи и смешению близких фонем.

2. Постцентральные зоны левого полушария, входящие в корковые отделы двигательного анализатора, регулируют процессы артикуляции, ответственные за правильное произнесение и восприятие фонем. Поражение этих отделов приводит к афферентной моторной афазии.

3. Нижнетеменные и теменно – затылочные отделы коры левого полушария обеспечивает понимание сложных логико – грамматических конструкций, превращение сукцессивно поступающей информации в симультанные логические схемы. Результатами поражения этих зон бывает сужение значения слов и нарушение их чувственно – зрительной основы.

4. Передние отделы коры левого полушария головного мозга, в частности их премоторные зоны, отвечают за плавность и непрерывность операций письма и устной развернутой речи, за правильно грамматически организованные высказывания с употреблением номинативных (существительные) и предикативных (глаголы) элементов. При поражении данных зон речь становится обрывистой, из нее выпадают слова с предикативной функцией.

5. Лобные или префронтальные отделы коры создают возможность для интеллектуального моделирования сложных произвольных действий и перевода словесных программ поведения в двигательную активность.

Поражение указанных отделов нарушает общую динамику произвольной деятельности и регулирующей, волевой план речи; целенаправленная деятельность заменяется подражательными или персевераторными движениями. Выпадает способность подчинять собственные движения речевым инструкциям и самоинструкциям. (90)

В реальном полиориентированном вербальном процессе различные речевые зоны коры становятся избирательно активны, взаимодействуют и порождают подвижные паттерны нейронной активности или «нервные модели» слов, словесных связей, форм и действий. В репродуктивной и продуктивной речевой деятельности паттерны непрерывно меняют контуры и составляют своего рода «мозаики» или речевую игру на уровне мозга. (108)

Выделенные положения отражают распространенные представления о доминировании левого полушария в осуществлении речи. Но такая функциональная асимметрия не исключает существенного участия субдоминантного правого полушария в производстве, понимании и оперировании речевыми единицами. Проблема межполушарного взаимодействия, не только касающаяся вербальных процессов, но и возвращающая нас к **образной и мыслительной активности в их мозговой детерминации**, фундаментально исследована В. В. Ивановым в работе «Нечет и чет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем.».

Основываясь на обширных данных, полученных с помощью методов стимуляции мозга, изучения психики больных шизофренией, экспериментов на «расщепленном мозге» и т. д., он предложил глобальную концепцию «ответственности» левого и правого полушария за различные речевые функции в системе общей психической активности. Остановимся на ее ключевых моментах. (60)

Деятельность **субдоминантного полушария** ориентирована на формирование и первичную организацию «бессловесной» информации о

предметах – референтах. Поток восприятия посредством пространственных операций дифференцируется на целостные симметричные образы, которые, сохраняясь, связываются в целостную «картину мира», где ведущую роль играют зрительные представления. В первую очередь схватывается одновременность событий и их протекание в реальном времени. Специфическими для правого полушария являются бессознательные ассоциативные связи предметных впечатлений, изоляция частей из диффузного предметного целого и «магическое» возведение части в статус целого, образование содержания понятий – синкретов и понятий – комплексов (Л. С. Выготский); феномены соединения невозможного в образы–бриколажи (К. Леви–Строс), оформление чувственной семантики конкретных предметов. Оно обладает большими генеративными возможностями в плане разрастания предметных содержаний за счет процессов воображения, фантазии, продуктивных сновидений и творческой интуиции.

Речевые функции данного полушария в основном отвечают его бессознательной синтетической образной ориентации. Его деятельность контролирует нерасчлененные и произвольные операции речи и письма; обеспечивает понимание и воспроизведение целостных слов и словосочетаний, произнесение простых слитых высказываний и речевых клише, не требующих осознанного логического и грамматического конструирования. При его участии воссоздаются элементы инфантильной речи, обозначающей архаические мыслеформы и онтогенетически ранние понятия, актуализируются и свободно трансформируются амбивалентные речевые символы бессознательного, образуются метафоры, и из архетипического опыта всплывают нарративные (интерпретирующие, истолковывающие) стили мифа, сказки, сказания. Правополушарная активность, кроме того, существенно влияет на многозначность словоупотребления, изоощренную синонимию, разнообразие

взаимоперетекающих смысловых и оценочных нюансов при словесном обозначении предмета - референта, изобразительные приемы поэтической речи и музыкальность ее звучания.

Доминантное полушарие, находясь в координационных и интеграционных отношениях с субдоминантным, использует его возможности для генерирования сложных интеллектуальных действий, продуктов и знаковых средств. В то же время, правое полушарие придает интеллектуальным формам образность, живость, конкретность, поддерживающие их предметность и реальную адресацию. Специфическими функциями левого полушария выступают реализация логических действий и производство абстрактных мыслительных структур на основе осознанного анализа и категориального обобщения образных содержаний предметов, их признаков, особенностей активности. Отношения элементов в данных структурах устанавливаются различными способами, включая построение иерархии, дуальную организацию, определение паритетного взаимодействия, открытие относительной автономии элементов, нахождение их причинно – следственных связей, создание многоэлементных континуумов и т. д. Отличительной чертой этого полушария является перенос акцента на операции различения «частей» и формирования из них внутренне дифференцированного «целого». При левополушарном управлении строятся сложные последовательности жизненных фактов, в том числе, «биографическое время» индивида, оформляются «акциональные цепи» рече – мыслительной деятельности, сменяют друг друга акты осознания текущих, прошедших и ожидаемых событий. Сознание относит различные жизненные моменты к «я» как психическому целому человека и выделяет в нем разные аспекты, порождая идеи, подобные фрейдовской дефиниции уровней «эго» или, например, идее Достоевского о множественности форм собственного «я», способных воплотиться в суверенных, конфликтующих и притягивающихся друг к другу личностях братьев Карамазовых.

Речевые процессы, связанные с деятельностью доминантного полушария, состоят в номинации образных и понятийных содержаний предметов - референтов; употреблении и понимании абстрактных терминов; в разложении целостных единиц речи на отдельные фрагменты, например, слов на фонемы; структурировании крупных речевых последовательностей, в частности, сколь угодно длинных высказываний из фраз или текстов из высказываний; осознанном оперировании конструкциями устной речи и письма. Глобальными речевыми эффектами левополушарной активности являются: развитие общего грамматического порядка речи в относительной автономии от ее логически – смыслового строя, единое абстрактно – семантическое моделирование реальности; образование стилевых схем речи, лежащих в основе речевых жанров; репрезентация логических операций в адекватных вербальных действиях, способствующая осмысленности произносимого и его понятности для окружающих. В целом, благодаря доминантному полушарию, комплементарности субдоминантного и межполушарному взаимодействию, слово может полноценно и согласованно решить задачи сигнификации, означения, смыслообразования и выражения.

Слово – знак.

Переходя от морфо – физиологических коррелятов речевых проявлений к собственно психологическим характеристикам слова, отметим, что оно обладает перцептивно - образной формой, выступает психическим гештальтом, связывающим слуховые, кинестетические, визуальные и т. д. впечатления от говорения, слушания, чтения, письма. Как самостоятельное **восприятие или представление**, оно уже в раннем культуро- и онтогенезе может участвовать в субъективном пространственно – временном взаимодействии элементов любой жизненной ситуации И в этом же качестве оно может быть изолировано из ситуации в роли «приметы», «намек», «указателя», «сигнала» и, наконец, «знака» наступления смежных событий и появления сопутствующих элементов ситуации. Здесь он является частью

того синкретического целого, на состав которого указывает, он такой же «предмет», «вещь», как все остальное в этом целом. Например, клич в архаичном ритуале охоты. В такой же роли, впрочем, могут выступать аффекты, ощущения, жесты, действия, изображения, эмблемы. Внутриситуативное назначение ранних слов может не осознаваться субъектом, то есть, по выражению М. Фуко, используются «неизвестные» знаки. За ними не усматривается скрытых содержаний, не хранится никаких тайн, то есть, они являются «немыми». Но при этом, произносимые слова позволяют субъекту произвольно противопоставить себя ситуации, «магически» вызвать ее необходимые предметные составляющие или представления о них. Слова первых лет жизни ребенка призваны создавать одни и те же ситуации исполнения его желаний, и из них не должен выпасть ни один из слившихся со словом элемент.

В дальнейшем, по мере жизненного и культурного развития субъекта речи, слово становится подлинным знаком, то есть имеющим такое означаемое, которое отделено от него как «другое», может быть замещено словом без утраты своего основного содержания и входит этим содержанием в структуру словесного знака в виде «значения». В формулировках М. Фуко, слово – знак репрезентирует, представляет предмет, но это представление само представлено в нем. В отяжелевшем за счет значения речевом знаке имеет место удвоенная репрезентация: в словесном образе заключен содержательный «образ» объекта. (139)

В значении постепенно структурируются все более отвлеченные межпредметные связи обозначаемого предмета, уводящие от его единичности, становящиеся концептуальным или «идеальным» представлением о предмете. Слово – знак является аналогом отвлеченных идей о предмете и позволяет оперировать предметом в идеальном плане

Преобразование слова в собственно знак, как в общекультурном, так и в индивидуальном процессе, имеет ряд существенных условий и последствий.

Модель языка в теории позднего структурализма (К. Леви -Строс, Ж Лакан, Ж. Деррида, Р. Барт, М. Фуко) интерпретирует их таким образом.

1. Слово как знак конституируется процессом познания и прежде всего, мыслительной деятельностью. В актах познания устанавливаются надситуативные отношения между индивидом и предметом, между словом и предметом, между индивидом и словом. Предмет дается познающему сначала как обобщенный предметный образ, а затем объемный, содержательный концепт, нуждающийся в экономных замещении и репрезентации, адекватных его отвлеченной сущности. В качестве этого заместителя используется акустически - зрительно - графический образ слова, с помощью которого индивид более эффективно, чем, например, посредством рисунка, картины, карты, схемы, может осознанно закодировать и передать свою мысль. Между словом и предметом устанавливается интеллектуальное отношение, переносящее предметное содержание внутрь словесного знака. За оболочкой слова совершается колоссальная работа по умножению и структурированию его концептуального значения. Будучи отделенным от означаемого, знак одновременно внедрен в него, придавая предмету свойство «быть означенным». Мысль во взаимоотношении означающего и означаемого приобретает двойную отнесенность: к предмету и слову. Целостность вербально – мыслительного процесса поддерживается субъектом познания, который рефлексивно отсылает мысль о предмете к слову и из слова извлекает мысль. Слово – знак в системе рациональных жизненных связей индивида приобретает статус самостоятельного объекта познания.

2. Слова – знаки универсальны, пригодны для любого индивидуального выражения основных операциональных и продуктивных структур мышления. Они обеспечивают социально – культурную преемственность в объективном, достоверном, истинном решении ряда коренных проблем жизни. Так, в мышлении современного человека словесный знак определяет многоплановую категориальную принадлежность предмета, его

многоуровневое тождество предмета с другими предметами («бабочка» – «земное», «материальное», «живое», «животное», «насекомое» и т. д.) Слово как бы притягивает все новые и новые признаки предметов родственных категорий и тем самым расширяет и интегрирует мир cogito субъекта. Одновременно, и это главное, словесный знак репрезентирует одну из множества предметных категорий («цветок», «часы», «человек» и т. д.) и служит установлению бесчисленных различий между нею и другими категориями. То есть, благодаря слову, жизнь длится как непрерывный аналитический процесс. Вместе с тем, слово, поддерживая, не нарушая органичных европейскому мышлению оппозиционных разделений типа свет – тьма, материя – дух, мужское – женское, сознательное – бессознательное, коллективное – индивидуальное и т. д. преодолевает сосредоточение мысли на одной из оппозиций как первичной, основополагающей, подавляющей другую, утверждая равноправное существование и ценность каждой из них. Таким образом, в индивидуальном воспроизводстве рациональной жизни слово отождествляет, интегрирует, разделяет, ценностно уравнивает означаемые объекты.

3. Мышление, структурирующее означаемое и устанавливающее его связи со знаком, придает данной связи прозрачность, однозначность. Все, что в предмете немислимо, не осознано, слово-знак исключает из своего содержания. Язык классической рациональности как самый типичный знаковый код придерживается только границ мышления и в движении своих значений развертывается в виде дискурсии, оперирующей терминами, нормативными категориями и понятиями, употребляемыми по общему соглашению. В дискурсии господствуют чистая мысль и чистый язык, то есть язык представляет мысль так, как мысль представляет себя сама. Слово-знак не нуждается в комментариях, толковании, прозрении, то есть герменевтических усилиях, и рассматривается по критериям истинности, точности, общезначимости представленной в нем мысли. Означающее и

означаемое взаимно предопределены и создают пространство дискурсии, где все субъекты лингвистически подобны друг другу и могут согласно помыслить о предметах – референтах. Речь в форме концептуально отточенной, грамматически безупречной связи словесных знаков осваивается индивидом преимущественно в академическом обучении и при овладении интеллектуальными профессиями, где естественны и необходимы сциентистские, технократические, информационно – рационалистические установки.

4. Но и в тех областях знания, где господствует договоренность о строгом словоупотреблении, индивид находит свободу означения. Слова – знаки пропускают в свои содержания элементы далеких значений или сами удаляются от изначальных значений под влиянием переосмысления. Они могут плавать между смежными значениями, отмечая актуально привилегированные. Слова меняют форму произнесения и написания и в этом обновлении что-то приобретают или теряют в содержании.

Оказываясь знаком концептуальной парадигмы, слово вдруг становится всепроникающим и всеобъемлющим, привлекая к себе огромные массивы означаемых. Или, разоблачая себя как знак, слово обращается в символ, находя и причудливо определяя иррациональные свойства чуждых референтов («бабочка» притязает на означение души – девушки – крупной снежинки – летящего листа – цветка – ночной страсти – скоротечности жизни и т. д.) Или, связываясь со «знаковой фигурой» культуры, социума, времени, слово начинает занимать исключительное место в массовой и индивидуальной дискурсии, становясь в ней основным инструментом либо нового упорядочения, либо новой стихийной игры значений. Например, имена «Билл Гейтс» и «Джордж Сорос» повсеместно употребляются как центрирующие множество идей о культурном единении и исключительных индивидуальных достижениях. Или, прямо расставаясь со своими прежними значениями, слова становятся знаками иносказаний, выражая обратные

содержания. Слово «гениальный», обесцененное льстивыми сцеплениями с посредственными референтами, все чаще приобретает ироническое, то есть оппозиционное значение. Во всех перечисленных случаях слово расстается с ролью «прозрачного знака для идеальной мысли» и напоминает о своих других, константных в жизни культуры и личности функциональных свойствах

Слово – имя.

В этой своей роли слово конституируется вместе с развитием в качестве знака, дополняя и компенсируя интеллектуализацию речи. Если знак призван удерживать безличные нормативные обобщенные характеристики предмета, то имя должно подчеркнуть индивидуальность единичных референтов. В культуре – и онтогенезе слово – имя обособляет познаваемые единичные предметы, активно утверждает их собственное бытие и указывает вместе с тем на их высокую личную значимость для субъекта. Будь-то ребенок, по-своему именующий любимую игрушку, или целый народ, присваивающий Имена своим кумирам, слово позволяет им оставаться в границах воспринимаемой и субъективно проживаемой реальности.

Основные положения о слове – имени содержатся в экзистенциальной, феноменологической и психоаналитической концепциях языка (М. Хайдеггер, Ж-П Сартр, А. Камю, А. Виттенштейн, Ж. Лакан, Э Кассирер, П. Рикер, М. Мамардашвили и др.) Кратко передадим их суть..

- Имя не стремится придерживаться только категориальных определений предмета и его чистого значения. Оно, индивидуализируя значение, возвращает предмету неповторимую специфику, которая может быть дана аффективно и перцептивно или в воображении и фантазии. Образно – эмоциональное содержание придает имени характер «образного слова». В своей зрелой форме имена живут в риторическом, поэтическом, мифологическом и эпическом пространствах языка.

- Имя, появляясь в связи с исключительным вниманием субъекта к какому – то предмету, может генерализоваться на предметы, субъективно напоминающие исходный. Причем, именование существенно отличается от означения тем, что схватывает не категориальное, общепонятное, осознанное сходство, а «сродство», связанное с ситуативными, мимолетными ассоциативными впечатлениями и переживаниями, глубинными смутными интуициями, бессознательными побуждениями индивида. Поименовать, значит превратить абстрактно существующее-для-всех в существующее-для-себя и, создав свой словесный мир, посвятить в его тайную эстетику других.

– С именованием связан феномен личного внутреннего присвоения предмета. Последний феноменологически наделяется качествами «быть моим», «быть частью моей жизни, «быть частью меня самого», «быть частью моей души», а следовательно, и свойством быть «зависимым от моего произвола». В этом акте сращивания с предметом мы откликаемся на проснувшийся в нас бессознательный древний призыв одушевлять предметный мир, вбирать в себя силы, свойственные внешним объектам, отождествлять себя со значимым объектом и одновременно придавать ему собственные черты, быть уверенным в своей таинственной связи с ним. К именованию проложен путь от стихийного анимизма, тотемизма, фетишизма и магии. Имя и возвышает, и подчиняет объект субъекту. Если объект – другой человек, это ставит его в двойственную позицию по отношению к именуемому: превосходства и присвоенности..

- Поименованный предмет имеет властную притягательность, влияние на субъекта, и, ощущая это, субъект или «вживается» в него, или оживляет его, или сообщает ему особенные жизненные силы, или приписывает сверхъестественные возможности. Трудно найти лучшее подтверждение этой власти, чем воспоминание К. Юнга об одном из впечатлений детства.

«У стены был склон, на нем, выступая из земли, стоял камень – МОЙ КАМЕНЬ (выделено авт.) Часто, сидя на камне, я погружался в странную

метафизическую игру; выглядело это так: «Я сижу на этом камне, я на нем, а он подо мною». Камень также мог сказать «я» и думать: «Я лежу здесь, на этом склоне, а он сидит на мне.». Дальше возникал вопрос: «Кто я? Тот ли, кто сидит на камне, или я – камень, на котором он сидит?» Ответа я не знал и всякий раз, поднимаясь, чувствовал, что не знаю толком, кто же я теперь. Эта моя неопределенность сопровождалась ощущением странной и чарующей темноты, возникающей в сознании. Я не сомневался в том, что этот камень был тайным образом связан со мной. Я мог часами сидеть на нем, замороженный его загадкой.» (152, с. 36)

- Слова становятся именами, когда мы опосредуем и завершаем ими внутренние процессы поиска объектов собственных сильных влечений, стремлений, желаний. Имя оценивает и предопределяет отношения к объекту с точки зрения его соответствия доминирующим побуждениям субъекта. Иногда, родившись в динамике желания и прикрепившись к нему, имя переносит внимание субъекта с объекта на объект, фиксируя в них качества, не замечаемые другими людьми; в этом смысле слово освещает скрытое, затененное во множестве объектов, утверждая их новые авторские «категории». Так, увлекающаяся женщина выделяет среди людей класс «моих мужчин». Имена как отметки фигур желаний, прозвучавшие в присутствии других, могут стать для них приглашением разделить стремления именуемого и принять влияния именуемых.

- Имя как репрезентация объекта желания имеет непосредственное отношение к тому, что феноменологи называют «симулякрой». М. Мамардашвили, интерпретируя жизнесостояния прустовских героев, рассматривает ее как целостное и устойчивое аффективно – образное впечатление, которое, вследствие своей предельной субъективности и фантастичности, отделяется от объекта и, закрепившись в магическом для личности имени, предпосылается любому восприятию данного объекта. Она

существует виртуально, до каждой новой встречи со сверхценным объектом, а при его появлении в луче взгляда и сознания субъекта тут же оказывается в потоке активности, идущей от субъекта к объекту. Симулякра – это и имя, и образ, и желание, и чувство, наложенные на человека или вещь в акте непосредственного проживания. (93, с. 369)

– Имя может приобрести такую самостоятельность, что нивелирует значимость объекта, с которым было первоначально слито. Оно само становится «вещью» или «существом», которым субъект оперирует, рассчитывая непосредственно, будто речь идет о предметном взаимодействии, изменить что – либо в реальности: создать, исцелить, уничтожить и т. д. С этой воображаемой бытийной автономией слов - имен связаны древние ритуалы заклинаний и заговоров. Один из них потрясающе описан Иваном Буниным.

«Барышню била лихорадка, она готова была покатиться в судорогах на пол, когда, сидя в сумерках в спальне, ожидала появления на пороге Клима...И вот он проходил мимо нее, развязывая на ходу платочек с какими-то колдовскими косточками. Затем из спальни раздавался в гробовой тишине его громкий, необычный голос:

- Встань, раба божия!

Затем на доску, положенную на пол, ставили барышню с выкатившимися от ужаса глазами и похолодевшую, как покойник...И вдруг он начинал странным, отдаленным каким – то голосом:

- Взыдет Филат... Окна откроет... Двери раскроет... Кликнет и скажет: тоска! тоска!

- Тоска, тоска! – восклицал он с внезапной силой и грозной властью. – Ты иди тоска во темные леса, - там твои мяста! На море, на окяне, - бормотал он зловещей скороговоркой, - на море, на окяне, на острове Буяне лежит сучнища, на ей серая рунища...

И все чувствовали, что нет более ужасных слов, чем эти, сразу переносящие душу куда – то на край дикого, сказочного, первобытно – грубого мира. И нельзя было не верить в силу их, как не мог не верить в нее и сам Клим, делавший порою прямо чудеса над одержимыми недугом.» (24, с. 254)

- Имя, покидающее свой конкретный референт, но при этом не обращающееся в подобие вещи, может эволюционировать в символ. Так происходит, когда оно начинает влиять на многих людей и использоваться многими для определения своего оценочного отношения к аналогам поименованного.. В этом процессе имя как бы возвращает себе статус «знака» и свойства распространенности, общепринятости. Например, какое-то литературное именование приобретает такую силу внушения, что притягивается ко всем предметам, имеющим ассоциативное или иррациональное сходство с исходным референтом. И вновь заимствуя из вариаций Мамардашвили на прустовские темы, возьмем его упоминание имени «бал черепов». Оно дается Марселем торжественному собранию его постаревших знакомых – парижских аристократов, приобщенность к кругу которых долгие годы была его вожделенной целью, а в зрелые годы – предметом самоиронии. Имя здесь указывает на возраст собравшихся, их принадлежность к старинным фамилиям, их утраченные в современном мире клановые позиции, их роль хранителей древнейших, почти уже потусторонних традиций, их мистическую связь с миром тьмы, где душами владеют не прикрытые земным обычаем страсти к богатству, лжи, власти. Это имя легко переносится в план кодовой характеристики реальных ревностных хранителей устаревших взглядов, или могущественных раньше лиц, отстраненных от дел, но не оставляющих свои амбиции, или бывших властьпредержащих, избалованных вседозволенностью, одним словом, всех, кто, вопреки времени, хочет всегда править свое торжество в эпицентре жизни.

- Когда индивид именуется, он поднимает на уровень сознания смутно ощущаемые интимные содержания бессознательного слоя психики, которые он хочет прояснить для себя. Здесь именование выполняет когнитивную функцию, тем более, что значительный массив этих содержаний относится к коллективному бессознательному, и, следовательно, его раскрытие и словесная зашифровка имеют широкую социально-культурную значимость. Особенно хорошо это видно в именовании архетипов у К. Г. Юнга. Имена Анимы, Анимуса, Персоны, Тени, Самости, Мудреца, Трикстера, утрачивая авторскую принадлежность, давно живут автономной жизнью «понятий» в сферах философии, науки, искусства.

– Найденное творцом или мастером имя стремится вернуться к своему реальному предмету, предопределив в качестве носителя «деятельной энергии» его бытие, детерминировав изменения и преобразования. В имени может быть даже заключен проект будущего существования референта. Активная сущность имени отмечена Хайдеггером поэтической строкой из Гельдерлина: «Не быть вещам, где слова нет». Как к верхнему пределу своих достижений и духовных влияний, к именованию стремится профессиональный оратор, поэт, проповедник и пророк. Сам «феномен именованности» становится деятельным именем в предположении философов – постмодернистов о том, что язык в 21 веке станет главной ценностной доминантой многих культур.

Слово – символ.

Символическое назначение слова по многим характеристикам близко именуемому, но существенно отличается от нее тем, что приобретает словом в пространстве интеллектуального поиска, когда нужно, например, или уклониться от прямой концептуализации предмета, либо указать на существование немислимого или неосмысленного содержания предмета, либо интегрировать в одном понятии большой объем концептуальных содержаний, либо за поверхностной идеей подразумевать другую,

глубинную, иногда парадоксально соотносящуюся с первой. В последнем случае вербальный символический процесс неявно подчеркивает равноценность и взаимную обратимость логических противоположностей. Действует принцип децентрации, обоснованный Ю. Кристевой и Ж. Деррида в отношении литературных текстов.

Любое слово является условным «символом» в смысле обозначения звуком, речедвижением чего – то другого. Однако, речевая символизация в более глубоком определении означает опосредование словом процесса замещения одного психического содержания другим: мыслью - мысль, обобщенным образом - мысль, обобщенным образом - интуитивное прозрение или переживание. Словесное замещение мыслью мысли происходит, например, в творческом метафорическом процессе. Другим примером рождения символа является название образа, подставляемого на место идей о многих референтах, объединенных чертами, собранными в образе. Вспомним любимые в симвонологии «сапфир», «дерево», «огонь», «воду» и т. д. Феноменом символизации выступает также объединяющее обозначение множества явлений, скорее не осознаваемых, а интуитивно улавливаемых и переживаемых. Таким путем, к примеру, появились подхваченные обществом новые слова «беспредел», «новый русский» и множество других народных ярлыков, навешенных на всеобщие неразрешимые проблемы нынешней жизни или странные качества известных людей. Однако, подобным же способом были созданы и другие символы, названные Андреем Белым «аристократическими» – символы великой литературы: Эдип, Гамлет, Фауст, Великий Инквизитор.

Коллективные словесные символы в общей системе речевой символики дополняются личными символами. Динамика их порождения хорошо показана Э. Фроммом в работе «Забытый язык» на примере перевода образов сновидений в осознанное словесное обобщение. (137) Так, приснившаяся нам окраина города, пустынный, незнакомый, убогий городской пейзаж могут

быть внутренне связаны с чувствами одиночества, потерянности, страха, испытываемыми нами в последнее время. Образ сна отныне будет символизировать для нас эти переживания. Одновременно он может сгуститься в слове «окраина», которое в свою очередь становится для нас символом личной заброшенности, маргинальности и начинает активно входить в содержание наших высказываний.

Речевой символизм, хотя и является частью познавательного процесса, все же существенно противостоит его отвлеченности, логической упорядоченности, осознанности и рациональности. Это происходит, благодаря тесной связи слова – символа с продуктивным представлением, воображением, фантазией. Так же, как Возрождение, Классицизм и Серебряный век, нынешняя культурная эпоха увлечена образом. Р. Барт заключает, что современный текст отличается тотальным вторжением образа, вытесняющего традиционную абстрактность понятий. Оно выражается в «неотделимости конкретного примера от иллюстрируемой мысли», то есть в слиянии словесных образов и стоящих за ними идей, что и составляет суть символизма. (11, с. 348)

Философско – психологические обоснования речевого символизма (11; 15; 89; 94; 124; 158; 159) указывают на следующие отличительные особенности слов – символов: они связаны с познанием – творчеством – переживанием; обладают свойством соотносить и объединять между собой не только элементы сознания, но и элементы «бессловесного», «бессмысленного» мира, каким является Бессознательное; символ уводит субъекта от конкретных референтов в ментальный мир с его образно – понятийными трансформациями; образное содержание, чаще всего присутствующее в речевом символе, служит средством для перехода к основному, концептуальному, значению; слово – символ имеет внутреннее напряжение, связанное с загадочностью, проблемностью символизируемого, с отсутствием прозрачности соотношения символа и основного значения, с тем, что

символически репрезентируется что-то неизвестное в референте; напряжение символического слова возникает и под влиянием переживаний субъекта, который выражает в нем не только знание и незнание о предмете, но и внутренне пристрастное отношение ко всему, что связано с этим предметом. Кроме того, слова – символы способны к спонтанному взаимопорождению, появляясь и ассоциируясь в продуктивном процессе, подобном цепной реакции. Освещая в этом процессе основные значения, символы устанавливают между ними необычные отношения, осознание и обоснование которых может стать для субъекта задачей интеллектуального творчества. Так, в философии Ф. Ницше огромной энергией символического и рационального генерирования обладает слово «сверхчеловек», у В. Соловьева – «богочеловечество». Наконец, слова – символы, рождаясь и соединяясь в сфере философского и поэтического творчества, а также в области самопознания, могут образовывать личные символические миры, по которым особенно легко распознаются талант и гений.

Хорошо исследованной формой образования символов является создание **метафоры**. На ее примере можно сделать дальнейшие уточнения, касающиеся вербально-символического процесса. Но сначала напомним великолепные образцы метафорического продуцирования, которые определили собой речевой стиль важнейшего периода теологического и философского познания. Речь идет о схоластических словопрениях средневековья. В. Рабинович, иллюстрируя мысль о средневековой метафоре как загадочном уподоблении вещей и эвристическом поиске «избирательного сродства» явлений, приводит такой фрагмент диалога Ученика и Учителя.

1. Ученик: Что такое буква?

Учитель: Страж истории.

2. Ученик: Что такое слово?

Учитель: Изменник души.

3. Ученик: Кто рождает слово?

Учитель: Язык.

4. *Ученик: Что такое язык?*

Учитель: Бич воздуха.

5. *Ученик: Что такое человек?*

Учитель: Раб смерти, жаждущий путник, гость в своем доме.

6. *Ученик: На что похож человек?*

Учитель: На плод.

7. *Ученик: Как помещен человек?*

Учитель. Как лампада на ветру. (109, с. 154)

Метафорическая деятельность включает в себя и операции логического порядка, и операции, характерные для воображения и образной символизации. Причем в качестве интеллектуальной и дискурсивной, эта деятельность с внешне – операциональной стороны стремится прежде всего придерживаться логики. Но особенность метафоры в том, что внутренне она вскрывает такие соединения вещей, которые кажутся парадоксальными и слишком далекими в обычном категориальном пространстве. Действительно, почему соединяются «язык» и «бич» или «человек» и «лампада»? Такие соединения, говорит М. Мамардашвили, «поднимаются сознанием из глубин нашей душевной жизни, из области, где все первоначально просто, непрерывно, одновременно и все связано со всем.» (93, с. 378))

При помощи метафоры мы охватываем сознательные и бессознательные слои нашего ментального поля и мыслью достигаем его самых удаленных и разделенных друг с другом участков. В метафоре есть и креативное начало, так как с ее помощью мы проясняем ранее скрытое, есть и определенная аномалия, так как для прояснения мы пользуемся приемами архаичного мышления. Последнее переживается субъектом в форме чувств интеллектуального риска, интеллектуального вызова, когнитивного диссонанса.

«Метафора – результат когнитивного процесса, который сопоставляет два или более референта, обычно не связываемых, что ведет к семантической концептуальной аномалии, симптомом которой является эмоциональное напряжение.» (124, с. 363)

Структура метафоры, как правило, имеет два необходимых элемента: главный и вспомогательный. В первом есть ключевое слово, относящееся к основному референту, во втором – слово, указывающее на референт, с которым сопоставляется основной. В метафоре «а она-то все идет, словно лодочка плывет» основным референтом является «она» или «девушка», а сопоставляемым референтом выступает «лодочка». Главный элемент здесь – идея «она идет», вспомогательный – идея «лодочка плывет». Структура метафоры в целом выражает необычное отождествление основного референта с другим (девушка – лодочка), так что этот другой становится атрибутом или символом и именем первого. Автором любой метафоры символически подчеркивается значимость основного референта, как это обычно бывает в поэзии, риторике или интимном общении: «пьянея звуком голоса» (я – Опьяненный тобой); «странной близостью закованный» (я – Сцепленный с тобой).

Авторское присутствие вообще очень сильно в метафоре. Кроме выраженных личных знания и оценки ведущего референта, акцентируется интеллектуальная самостоятельность автора, независимо от того, отдельный ли это человек, или субъект коллективного познания и творчества. В подтексте метафоры проступает: «Я так вижу...Я так представляю...Я так понимаю...»

Метафорический процесс развивает и уточняет значение основного референта. К числу развивающих операций прежде всего относят **сравнение, нахождение сходства, уподобление**. В высказывании «буря ревет» буря сравнивается с чудовищем, издающим мощный рев, и отождествляется с ним по этому признаку; ее значение вбирает данный признак как существенный.

Кроме того, выделяются операции **гиперболизации, выпячивания** каких-то свойств основного референта, которые специально не акцентируются в его логическом значении. В метафоре «не мужчина – орел» это значение обогащается свойствами успешности – дальновидности – высоких достижений. Однако, та же метафора может не утверждать, а **отрицать** названные свойства референта, и делать это также преувеличенно. В этом случае она употребляется иронически или насмешливо, отнимая у основного референта всякую общность с «орлом». Иногда операция отрицания прямо заключена в структуре метафоры: «я человек, а не тварь дрожащая». За выраженным отрицанием совершается еще одна важнейшая интеллектуальная операция – **выделение противоположности**: орел – не орел, человек – тварь дрожащая. Некоторые метафоры парадоксально **сводят противоположности**, указывая на таинственную двойственность основного референта: «живой труп», «дневные звезды», «искренняя ложь».

Операции, порождающие интеллектуально и эстетически ценные метафоры, стремятся к расширению в составе творческого процесса, образуя продуктивную «символическую прогрессию». А. Белый (15) упоминает в этой связи выражение «белорогий месяц», впитавшее множество последовательных сравнений и метафорических трансформаций. Их развитие, лежащее в глубине многих мифологических и поэтических произведений, можно представить следующим образом: месяц – белый рог – небесный бык – Зевс – луноликая Европа – молодая Луна – месяц – новая Европа. В подобных континуумах проявляется действенность и генерирующая мощь метафор, характерные для большинства слов – символов. А сам приведенный континуум можно завершить словами «словесная игра», под которой русский символизм, а ныне современные философские теории языка, подразумевают важнейшее условие будущих обновлений европейской культуры.

«Игра словами – признак молодости: из-под пыли обломков разваливающейся культуры мы призываем и заклинаяем звуками слов».

(15, с. 142)

Слово – носитель значения и смысла

Данное функциональное свойство слова прежде всего зависит от развития его внутреннего содержания, оформляющегося в качестве **понятия**. (.Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А.А. Леонтьев и др.) В роли «значения» понятие выступает сложной категориальной структурой основного референта, связывающей такие его «определители», как предметы, предметные свойства, состояния, действия, предметные ситуации и события, а также инвариантные отношения между ними. Понятие – мысль, обозначенное словом, становится «концептом», доступным для общего понимания, интеллектуального обмена, совместной разработки многими людьми. Как отмечалось, в зрелом понятийном значении концентрируются координационные и субординационные отношения между многими **словесно структурированными предметными категориями**. То есть, у слова – носителя значения существует массивный нормативный речевой контекст. В тонком интеллектуальном высказывании для искушенного слушателя этот контекст сполна изливается в употребленном субъектом слове.

Активное дискурсивное использование концептов может постепенно вводить говорящего от индивидуальности единичных референтов, и потому речь начинает терять опору в реальных вещах, феноменах, событиях. В этом состоит извечная опасность для «интеллектуальной речи». Даже работа с чистыми значениями требует удержания в их структуре индивидуальных референтов с их репрезентативными признаками и в этом смысле всегда должна быть «феноменологической». Ценность значения легче обнаруживается в его соотношении не с метафизической истиной, а с закономерными проявлениями действительной жизни, в динамике которой слово направляет ее познание и самопознание. Проблема адресованности конкретным референтам – это не только проблема иллюстрации или

наглядного примера в абстрактном мышлении, но и проблема жизненности, экзистенциальности и человеческой доверительности слова и речи.

Единое значение слова структурировано из содержательных элементов разных типов. Одни из них являются специфическими признаками единичных представителей референта, другие определяют принадлежность референта к частным и общим категориям объектов, третьи отсылают референт к предельно общим категориям, охватываемым теоретическими науками и философией, четвертые свидетельствуют о причастности референта к мифу и остаются за пределами рационального мышления. За словом, таким образом, кроется потенциальная неисчерпаемая дискурсия, многомерное теоретизирование, конкретизация и символизация. Выражение «цветущее дерево» для кого-то на одном полюсе понимания несет значение «той яблони за окном», а на другом – значение «вечного возобновления вечной жизни».

В разных языках в понятии определенного объекта могут быть особо выделены те или иные аспекты. Поэтому в системах различных языковых культур тождественные слова могут значить относительно разное. Значение организовано из многих элементов, но некоторые из них могут быть настолько акцентированы в речи субъектов, что, наконец, отщепляются от первичного значения и начинают развиваться в виде новых значений слова. Или основное значение слова переносится в содержание многих других референтов, так, что эти референты могут приобрести вербальную идентичность с исходным референтом, и само слово начинает символически объединять понятия самых различных объектов. Или из значения определенного слова выделяется какой-то существенный элемент, и это слово становится его исключительным заместителем, притягиваясь к референтам, тоже имеющим в своем содержании указанный элемент; в исходное слово проникают новые, иногда очень отдаленные значения. Или значение какого-то слова начинает прогрессировать, разрастаться, требуя трансформаций его

носителя. Появляются производные от начального слова, которые привносят в него новые самостоятельные значения, интегрирующиеся на новом уровне.

Перечисленные феномены определяется как **полисемия**, или многозначность, слова. Появление многозначности, а также другие события, связанные со становлением содержания слов, относятся к **динамике значений**. Проанализируем некоторые ее проявления и закономерности.

1. Сначала вернемся к отмеченным феноменам **многозначности**. Избирательное обозначение тех или иных особенностей референта словами – аналогами разных языков отмечен П. Флоренским на примере «истины» (129). Русское слово «истина» означает «подлинно существующее» - «живущее» - «пребывающее» - «абсолютно реальное» - «подлинное» - «прочное» - «справедливое». Совсем иная сторона референта подчеркнута древнегреческим. Здесь «истинное», значит «не упущенное памятью» - «незабвенное» – «заключенное в Сознании» – «превозмогающее время» – «вечно стоящее». Латинский открывает еще одну сторону значения рассматриваемого слова. Под «истиной» подразумевается «обоснованное» - «защищенное» – «табуированное» – «заклятое» – «требующее веры» - «страшное» – «вызывающее смирение» - «правота» – «право». Семитское значение «истины» определяет ее существование как «слова Божьего» - «надежного слова» - «верного обещания» – «искренного суждения».

Примером многозначности, порожденной отщеплением и автономизацией частей исходного значения, является развитие концепта «я». Х. Ортега-и-Гассет отметил, что в раннем культуругенезе «я» могло прежде всего значить «мое тело» – «моя плоть» – «мое сердце» – «мое». Позднее в философско-психологических толкованиях «я» становится «творящим мир в воображении и фантазии» (Гете), «тем, что мы представляем о себе» (Шопенгауэр), «высшим законодателем природы» (Кант), «всем-в-мире» (Фихте), «центром сознания» (Фрейд). (124)

Феномен переноса значения в понятийные содержания других референтов и вливания последних в исходное слово хорошо иллюстрируется концептом «кровь». Кроме прямого значения «жидкой среды организма, необходимой для жизненного процесса», он имеет множество привнесенных значений: «близкое родство», «братство», «наследование могущества, силы, титула», «признак избранности», «неприкосновенность», «невинность», «война», «гибель» и т. д.

Случаем распространения части значения на другие референты и объединения их общим словом– носителем является развитие содержаний слова «ключ». Оно обозначает, во-первых, то, что открывает вход, дверь. Во-вторых, то, что бьет струей из – под земли, отворяя ее. Третье, то, что является решением какой – то проблемы, раскрывая что – то неизвестное. Во всех этих значениях присутствует важнейший элемент исходного значения «ключа»: способность делать явным нечто потаенное.

Наконец, разрастание значений хорошо иллюстрируется следующими словесными метаморфозами: верх – вершина – верхний – верховой – верховный; крыша – покрытие – кров – кровля – укрытие. (108)

2. Кроме умножения различных относительно автономных содержаний слова, в позитивной динамике значения можно обнаружить и закономерности становления его основного внутреннего ядра или закономерности **развития значения**. К ним относятся углубление значения, увеличение его объема, улучшение структуры, упрочение связи с определенным словом, выделение иерархических уровней определяющих признаков, формирование признаков разных типов. Если исследовать последнюю закономерность, то в структуре развитого значения можно обнаружить и логические, и интуитивные, и ассоциативные элементы, которые активно взаимодействуют друг с другом. Иногда движение значения ориентировано на то, чтобы сохранить и укрепить элемент, доминирующий во взаимодействии. Например, в таинственных

понятиях «Небесный Отец» и «Творение» таким элементом является интуитивный.

К развитию значений можно также отнести создание авторского варианта основного содержания слова. Не допуская искажения сути, вариант привносит в значение ценные оттенки и креативные уточнения. Эта закономерность характерна для научных понятий, получающих оригинальные трактовки в новых теориях талантливых ученых.

3. Прочность связи слов и значений, являющаяся критерием сформированности последних, субъективно переживается как понятность высказываний и текстов. В онтогенезе речи такая прочность достигается постепенно. Ранневозрастной разрыв между восприятием речевых знаков и пониманием значения отметил Ж-П Сартр, описывая свои первые встречи с книжным словом, вначале утаивающем от ребенка заключенную в нем мысль. *«Мать усадила меня перед собой на детский стульчик. Сама склонилась, опустила веки, задремала. И вдруг эта маска заговорила гипсовым голосом. Я растерялся: кто это говорит, о чем и кому? Моя мать отсутствовала: ни улыбки, ни понимающего взгляда, я перестал для нее существовать. Вдобавок я не узнавал ее речи. Откуда взялась в ней эта уверенность? И тут меня осенило: да ведь это говорит книга. Из нее выходили фразы, наводившие на меня страх; это были форменные сороконожки, они мельтешили слогами и буквами, растягивали дифтонги, звенели удвоенными согласными; напевные, звучные, прерываемые паузами и вздохами, полные незнакомых слов, они упивались сами собой и собственными извивами, нимало не заботясь обо мне; иногда они обрывались, прежде чем я успевал что-нибудь понять, иногда мне уже все было ясно, а они продолжали величаво струиться к своему концу, не жертвуя ради меня ни единой запятой.»* (116, с. 200)

Это ускользание значений, естественное для детей, только устанавливающих для себя правила связной осмысленной речи, характерно и

для взрослых. Но у них оно прежде всего определяет области незнания и пассивности мысли. Непонимание значений метит для субъекта проблемные регионы интеллектуального поиска, объективные нововведения в устоявшиеся схемы и содержания мышления, а также непрозрачность построения текста, передаваемого субъекту в дискурсе. Но иногда сложившаяся связь слов и значений направленно или спонтанно нарушается самим субъектом; очевидные вербальные содержания уходят на периферию сознания, чтобы освободить пространство для проникновения вовнутрь речи новых идей, мыслеобразов, символических образований. То есть возникает «вызванное непонимание». Такое событие в динамике значения может обусловить существенную перестройку индивидуальных концептуальных структур, улучшение либо смену когнитивного стиля и может также вести к аномальным изменениям в мышлении.

4. Иногда зрелые значения нуждаются в усилении или **амплификации**, чтобы означенный референт мог занять определенное место в системе значимых оценок и ценностей субъекта. К феноменам амплификации относится указанное удвоение значений в метафоре, употребление переносных значений, использование двусмысленностей, нанизывание дополнительных и нахождение исчерпывающих определений и т. д. Если в раскаянии человек признает дурными свои действия, он возможно скажет: «я низко пал». Перенос значения акцентирует здесь скрытую основную мысль о недостойности собственного поведения. Или в двусмысленном суждении мужчины «я не могу сказать, что не люблю свою жену» подчеркивают себя имплицитные значения: «она вызывает страх», «не могу быть откровенным о ней».(64). О способности увеличивать мощь значащего слова за счет исчерпывающих, исключительных определений говорит сартровское: «я обогатил вселенную «трепещущей зеленью».

5. Внутренние метаморфозы значения слова, включая развитие, усиление, изменение, редукцию, расширение совершаются за счет его связей со

значениями других слов внутри единой **семантической структуры**. Процессы взаимодействия, влияния, ассоциирования в данной структуре образуют подвижное «поле» различных значений, сбегаящихся к исходному слову и активизирующихся при его произнесении или слышании в определенных ситуациях и контекстах. В семантическом поле образуются как сознаваемые связи значений, отвечающие за относительно инвариантное содержание слова, так и бессознательные связи, влияющие на не уловимую субъектом динамику основного значения. Критическим проявлением активности сознательной семантики слова выступает полное и точное раскрытие его содержания в дискурсивно построенном тексте, когда актуализируются и припоминаются все ведущие интеллектуальные соединения внутри «поля». Показательно в этом смысле ораторское искусство с его свободой в подборе прозрачных, уточняющих, хорошо согласующихся друг с другом слов - определителей референта.

Бессознательная динамика особенно ярко обнаруживается в творческих трансформациях значений и в их патологических сдвигах и нарушениях (З. Фрейд, К. Г. Юнг, Ж. Лакан, Р. Лэнг). Психологическими доказательствами существования бессознательного уровня семантических полей могут, к примеру, служить:

- самопроизвольное бессвязное всплывание слов в состояниях сниженной активности сознания: засыпания, дремы, пробуждении;
- ошибочные припоминания близких по значению слов: подмена нужных значений другими, в частности, при неясном понимании различий между спутанными референтами;
- сложности вспоминания забытых имен собственных, феноменологически представленные М. Прустом как «грандиозная игра памяти в прятки», как бессознательный переход от забвения к воскрешению, при котором имя не приближается к нам постепенно, а возникает вдруг, вопреки тем ложным именам, которые мерещились на пути к нему;

- затруднения в припоминании слов, вызванные присутствием в них запретных, нежелательных для личности значений;
- фантастическое вербальное поведение душевнобольных, когда психический недуг находит условный язык для манифестации невыразимых желаний, не обретенных сознанием значений;
- спонтанные словесные ассоциации во сне, трансформирующиеся в необычные образы сновидений;
- саморазвертывающаяся вербальная активность в ассоциативном эксперименте;
- трудно объяснимая генеративная мощь «поля», выражающаяся в изобильном «раблезианском» продуцировании слов и значений в связи с каким-то исходным словом и стоящим за ним референтом.

Последний феномен можно сравнить с огромной волной, выносящей из темных глубин на освещенное побережье бесчисленные экзотические порождения придонных вод. Семантика некоторых слов в знаменитом произведении Рабле поражает необъятным количеством элементов.

«И уж раз мы порешили обратиться за советом к столпам учености, то мне бы хотелось, чтобы главным советчиком нашим был бы не просто сумасброд, а СУМАСБРОД В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ: фатальный, от природы, небесный, меркуриальный, лунатический, эксцентрический, эфирный, арктический, героический, гениальный, предопределенный, августейший, кесарский, императорский, королевский, монарший, патриарший, лояльный, знаменосный, принципиальный, благородный, избранный, триумфальный, дворцовый, образцовый, редкостный, обычный, привычный, домашний, придворный, популярный, знаменитый, фаворитный, грозный, самобытный, державный, специфический, метафизический, экстатический, кабаллистический, талмудический, сжатый, краткий, головной, мозговой, сердечный, кишечный, примерный, славный, забавный,, торжественный, чудодейственный, развлекающий,

увеселяющий, аутентичный, ценный, драгоценный, фанатический, фантастический, панический, никогда не надоедающий. (Дано с сокр. – авт.)» (110, с. 392)

Слова-определители исходного значения вовлечены в продемонстрированный процесс раскрытия необычного референта по нескольким правилам семантического структурирования: гиперболизации, употребления противоположностей, избыточности использованных категорий, категориальной близости, случайных ассоциаций, созвучия, рифмы.. «Поле» насыщено такими многомерными определениями, которые обычно свойственны символической семантике с ее «бессвязной связью значений».

Глубинный семантический слой имеет отношение к развитию сознательного нормативного значения, к его обновлению, к появлению в нем элементов коллективного бессознательного, к деструкции и построению общепонятных содержаний слова. Здесь связи бессознательного и сознательного в формировании значения придерживаются прежде всего **социальных и культурных координат**. Но вместе с тем сознательная и бессознательная семантика слова наполнена содержательными влияниями, исходящими от субъекта, его «я», личного опыта, активно проживаемых жизненных событий и ситуаций. Здесь проблема «значения» слова переходит в проблему «смыслообразования».

6. Появление в значении слова **смыслового плана** выступает важнейшим моментом общей динамики значений. К формам смысловой трансформации значения относятся, в частности, переходы значения в смысл, частичное развитие содержания слова как смыслового, отдельные привнесения в значение элементов смысла и т. д.

Смыслообразование любой формы характеризуется несколькими основными психологическими признаками. Во-первых, в отличие от образования значения, оно в первую очередь зависит не от активности мысли,

а от пролонгированного усилия индивида наполнить слово разнообразными эффектами проживания, включая интеллектуальные, эмоциональные, интуитивные и символические. В составе смысла они сохраняют свою свежесть и самобытность, так как не растворяются в строгом концепте. Во-вторых, смысл притягивается и наполняет скорее не слово – знак, а слово – имя, слово – символ, то есть те коды, которые открывают и ребенку, и взрослому доступ в сказочные, мифические, поэтические, художественно – литературные и интимно - фантазийные миры. Третье, смысл адресован индивидом не анонимной общности, как значение, а своему близкому окружению, кругу идентичности, самому себе. В-четвертых, смысл концентрирует для индивида не только нормативные знания о референте, но и его субъективные оценки данного референта, отношения к нему, переживания по его поводу, неповторимые впечатления о конкретных встречах с ним, эффекты глубинных влияний референта.. Пятое, смысловое окрашивание значения узнается в его изменениях под воздействием конкретной ситуации употребления слова – носителя, или в зависимости от контекста фразы, высказывания, текста, или в речи, стремящейся не обозначать, а именовать, или в исповедальном, доверительном слове, вовлекающем слушателя в личный мир говорящего, где концепты размываются утаенной критикой, разоблачениями, сомнениями, иронией, авторскими преобразованиями.

Трудно не поддаться очарованию смыслообразования в сравнении с фиксацией обязательных значений, когда оно возвышается до **искусства**. Как, например. тускнеют полнота и детальность научных или доступность житейских определений упоминавшегося «цветущего дерева», если оно о-смыслено большим мастером художественного текста.

«Насколько хватал глаз, ЯБЛОНИ, одетые с неслыханной роскошью, были все в цвету; ноги у них вязли в грязи, а сами они вырядились в бальные платья и не принимали никаких мер предосторожности, чтобы

не запачкать изумительный, от века не виданный розовый шелк, сверкавший на солнце; морская даль служила яблоням как бы задним планом, точно на японских гравюрах... Можно было подумать, что вся эта живая красота искусственно создана каким-нибудь любителем экзотики и причудливого сочетания красок. Однако, она трогала до слез, потому что, каких бы эффектов утонченного искусства она ни достигала, чувствовалось, что эта красота естественна, что яблони стоят в чистом поле, точно крестьяне на одной из дорог Франции.» (116, с. 15)

Отвлекаясь от прелести развернутой в слове картины, подчеркнем, что данный отрывок как иллюстрация искусного переплетения смыслов показывает все основные закономерности индивидуальной трансформации содержаний текста. Семантика «цветущей яблони» объединяет отдаленные по значению слова: «роскошь», «ноги», «шелк», «бал», «японская гравюра», «экзотика», «слезы», «поле», «крестьяне», «Франция» и т. д., - указывающие на преобладание в ней образно – эстетических, фантазийных, субъективно - символических, эмоциональных и, в целом, глубоко личных связей, устанавливаемых между референтами. Коннотативные связи, то есть, порождаемые и актуализируемые единичным моментом проживания и переживания, доминируют над деннотативными, то есть обобщенно – концептуальными. Референты, вовлеченные в смыслообразование, имеют для автора такую ценность и такую притягательность, что слова, обозначающие их, действуют в тексте как имена, возвращающие читателю всю силу авторских впечатлений о виденном, воображаемом, поименованном. В эстетике смысла феномены жизни предстают более значимыми, чем скрытые абстрактные зависимости жизненных явлений; посредством смыслового поиска и выражения автор, как и любой высказывающийся, достигает большей интенсивности и глубины «вживания», погружения в собственное бытие. В опытах жизни-в-слове происходит «обретение собственного

смысла», то есть, при полном понимании нормативного знания о референте, в его когнитивной структуре происходит выделение и соединение содержаний, показавших свою связь и единство только этому создателю текста. Путем смыслообразования автор реализует возможность отнестись к знанию, закрепленному в значении, и как бы высветить его заново, даже если для этого требуется установить «абсурдные» отношения «яблони» с «шелком» и «Францией».

По определению, смысл индивидуализирует, персонифицирует значение, и увлечение им нередко заставляет субъекта отклоняться от строгой логики построения концептов. Поэтому многие науки защищают свои системы от проникновения смыслов. Но при этом, онтологическое и психологическое единство смысла и значения, жизненная достоверность того, что извлечение смысла является способом вариативной интерпретации, толкования, освоения и развития значения, всегда будет учитываться и цениться, как в самой науке, прежде всего в ее философской, гуманитарной и психологической областях, так и в обширной сфере словотворчества.

В психологии и психолингвистике принято подчеркивать роль смыслообразования при создании, прочтении и слушании произведений художественной литературы, в сфере интимной жизни и в формировании самоотношения. Кроме того, активное производство смыслов можно обнаружить при анализе процессов порождения и понимания некоторых чисто интеллектуальных конструкций, а именно, **проблемных идей**, открытых для различных решений.

Отметим в этой связи феномен понимания абстрактных проблемных формулировок, где известные значения использованных слов выступают несоединимыми, противоречащими или даже исключаящими друг друга, и надо узнать скрытый способ их взаимного проникновения и дополнения. Понимающие действия с несогласованными значениями становятся полноценными актами генерирования смысла, допускающими значительную

индивидуальную свободу и самостоятельность субъекта при снятии неопределенности и напряжения формулировки. Это особенно хорошо видно при разрешении **парадоксов** или таких смыслообразующих идей, в которых заключены прямо противоположные значения. Понимание ускользающего конструктивного смысла парадокса состоит в творческом воссоединении противоположностей, когда за явным разрывом референтов, при условии актуализации тотального личного опыта размышлений и вчувствований, индивидом отыскивается их внутреннее соответствие; значения вбирают в себя друг друга, синтезируется новый смысл, который обогащает систему значений. Прекрасную возможность индивидуальной интерпретации и восстановления различных синтетических смыслов дают, к примеру, следующие высказывания: «Чтоб **добрым** быть, я должен быть **жесток**» (В. Шекспир); «Красота – это **вечность**, длящаяся **мгновение**.» (А. Камю); «В настоящей трагедии гибнет не **герой** – гибнет **хор**.» (И. Бродский); «**Звук** должен быть окутан **тишиной**.» (Г. Нейгауз); «Откуда я узнаю, что я **думаю**, пока я не услышу, что **говорю?**» (Г. Уоллес); «Чем **больше читаешь**, тем **меньше подражаешь**.» (Ж. Ренар); «Я был самым **богатым** человеком в мире, пока меня не **разорило** богатство.» (Б. Сандрар).

Смысл служит не только гибкости интеллектуального развития личности, или художественному воплощению мыслеобразов, или умножению значений в когнитивной деятельности, но также и мысленному обоснованию субъектом своего многостороннего практического взаимодействия с жизненно значимыми объектами. Последнее придает смыслу **прагматическое назначение**, так как, входя в содержание целей, замыслов, планов и результатов, он детерминирует особенности индивидуального поведения. Смысловой контур жизненного отношения к чему – либо и действия в соответствии с этим отношением рефлексивно дается субъекту в виде самообращений: «Что это значит для меня?», «Что и как я поэтому должен делать?».

Прагматика индивидуального смысла, присущие ему практические установки, необходимо определяются культурно – историческим набором и главенством тех или иных ключевых содержаний и тем в значении соответствующего референта. Благодаря этому, даже самые выразительные мерцания смысла и вариативность действий в поведении отдельной личности по отношению к референту имеют культурные корни. Покажем это на примере богатой семантики концепта «путешествие», построенной А. Шопенгауэром в работе «Мир как воля и представление». Выделяя акценты в современном ему общем понимании того, что значит путешествовать, он создает просторное смысловое поле для обоснования «блага» и «зла» этого занятия. Обширные пределы поля и свобода мысли- переживания- оценки двигаться в его разных направлениях позволяют любому человеку отправиться в странствие или, напротив, воздержаться от него, основываясь на собственной системе смыслов.

Итак, **благом путешествия** являются: польза – обогащение впечатлениями - прибыльность – расширение дел - проявление способностей к чему угодно - укрепление здоровья – приятность – развлечение – преодоление тоски - достижение спокойствия души – подавление тщетных желаний – возбуждение любви к наукам – увеличение знания – расширение поля для опыта - возведение к общественным должностям – привлечение общественного доверия - придание авторитета – почет. **Зло путешествия:** составляют: большие расходы – разорительность – увеличение соблазнов – увеличение потребностей – возбуждение страстей – нарушение спокойствия души – возбуждение зависти – возбуждение ненависти – опасно – убыточно – губительно. (147, с.184)

Индивидуальные смысловые расширения, уточнения или отклонения от значений, степень активности смыслообразования, сознательность и бессознательность процессов о-смысления имеют свои **психологические индикаторы**, то есть репрезентативные средства выражения. Среди уже

упомянутых средств – речевые **высказывания и тексты** с высоким уровнем креативности, творчества, проблемности, эмоциональной насыщенности, личного авторского присутствия; **жизненные действия**, отличающиеся разнообразием ценностных детерминант, замыслов, сфер реализации и содержательных результатов; **понимающая и интерпретационная деятельность** субъекта, направленная на изменение известных значений. Кроме того, в континуум индикаторов активной смысловой динамики следует включить:

- жизненную частоту речевой реализации одних и тех же элементов значения, отмечающую их личное акцентирование;
- искажение значений в мысли и речи вследствие пристрастного отношения к референту, субъективного сращения с ним; эффекты странного понимания и толкования объекта ;
- экспрессивность высказываний и текстов, подчеркивающая аффективно - оценочный характер связи с референтом; интонационные усиления, ослабления, паузы и т. д.
- опускание значимых слов в речи, запинки, молчание, умолчание;
- субъективное выпадение сверхзначимых слов из речи собеседников; эффекты несознаваемой «глухоты», неслышания;
- оговорки, ослышки, описки, выражающие скрытые смысловые доминанты;
- прорывы в повседневную, нормативную, адаптированную к окружению речь необычных для субъекта слов и выражений; события неожиданной откровенности, речевой смелости, вызова, риска.

Наряду с рассмотренными особенностями смыслообразования, необходимо отметить еще одну его важнейшую черту. Оно, как правило, происходит в **живом общении**, нацеленном на коммуникацию, информационный обмен, совместную деятельность, взаимопонимание, духовные взаимовлияния, сопереживание. Свобода индивидуального

обращения к смыслу затребована межличностными отношениями, возникающими по поводу познания, творчества, взаимных влечений, общих ценностей и общезначимого дела. Индивидуализация только усиливает тенденцию смысла быть вызванным, разделенным и принятым другими людьми. Данная черта, объединяющая смысл с множеством феноменов сознательной и бессознательной психической жизни, обозначается в современной психологии термином «диалогизм».

Упоминания о прагматической ориентации вербальных смыслов на регуляцию поведения и опосредование общения индивида позволяют вернуться к кодовой, выразительной и действенной природе речи, рассмотреть ее **свойство быть речевой деятельностью**. Данное свойство указывает на единство внутреннего и внешнего в речи, на то, что при развертывании в виде последовательности и динамической связи отдельных «словесных актов» она реально транслирует от человека к человеку дискурсивную мысль, отмеченную личными отношениями и оценками.. В статусе деятельности речь достигает согласования своих грамматических и семантических структур, превращающего ее в социально доступную, понятную и функциональную. Бессознательные аспекты значений и смыслов отступают в ней перед их сознательной организацией и структурным выражением. Наконец, речевая деятельность эксплицирует, превращает в успешивные те свернутые интеллектуально - оценочные процессы, которые сначала извлекают, а затем соотносят значения и смыслы употребляемых и воспринимаемых слов.

Указанное свойство, которое в старину называли «изречением мысли», требует обоснования на опыте анализа более сложной, чем слово, речевой единицы, демонстрирующей всевозможные переходы, зазоры и совпадения содержания и формы речи, – **высказывания**. Основываясь на концепциях М. Фуко, Ф. де Соссюра, А. Витгенштейна, Н. Хомского, Ж. Делеза, Ж. Лиотара, Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, М. М. Бахтина и других философов и

психолингвистов, наметим психологическую модель высказывания, а в заключение рассмотрим некоторые закономерности соединения высказываний в текст.

7.3 Высказывание.

Начнем с известного определения высказывания как реальной единицы речи, принадлежащего М. Бахтину.

«Речь может существовать в действительности только в форме конкретных высказываний отдельных говорящих людей, субъектов речи. Речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может. Как ни различны высказывания по своему объему, по своему содержанию, по своему композиционному построению, они обладают как единицы речи общими структурными особенностями, и, прежде всего, совершенно четкими границами.» (14, с. 263)

В структуре высказывания слово выражает и раскрывает свое значение через концептуальные связи с другими словами. Это главное, что определяет соотношение слова и высказывания. Кроме того, в высказывании оформляется индивидуальный смысл слов, и в зависимости от типов общих значений словесных элементов высказывания и активности их смысловых трансформаций, каждое слово контекстуально обнаруживает либо свое знаковое, либо именуемое, либо символическое назначение. Само высказывание осуществляется при этом как событие преимущественно объективно – логического, субъективно – понимающего или интуитивного порядка.

Слово и высказывание соотносятся как часть и целое, причем целое, как в любой структуре, доминирует над своими элементами. Собственное значение и собственный смысл высказывания как нечто иное, новое в сравнении с содержаниями отдельных слов, ограничивает, расширяет, искажает или

углубляет эти содержания. С точки зрения структурного подхода не кажется радикальным следующий тезис Л. Виттенштейна.

«Высказывание, обладающее сложностью, является комплексом, состоящим из слов. Обладают ли слова значением за пределами высказывания? Слова функционируют только внутри высказывания... За пределами высказывания они не имеют ни функции, ни значения.»

(29, с. 274)

Указанное отношение устанавливается, если между словом и высказыванием есть опосредующее звено – мысль, рождающаяся в подвижном взаимодействии синтаксически «подогнанных» и согласованно «работающих» понятий. Мысль и растворяет в себе отдельные понятия-в-слове, и своим целостным влиянием задает основную или подчиненную роль различных понятийных составляющих. Слова – носители понятий, структурируя мысль и структурируясь в «высказанной мысли», также приобретают определенный гештальт-статус: положение главных и дополнительных членов предложения. Высказывания, таким образом, позволяют словам проявить свои значения, удержать и соотнести их в процессе мыслеобразования и показать свой вес и содержательность в синтаксически организованных фрагментах речевой дискурсии.

Высказывание – не просто выраженная идея или выстроенное предложение. В нем синтезируется интеллектуальное и грамматическое, нормативно – языковое и субъективно – речевое, культурное и личностное. С позиций феноменологии, аналитической философии и индивидуальной психологии, оно представляет собой самоценный момент разносторонней жизни конкретного человека, акт его продвижения в познании и самопознании, способ самовыражения и творчества, ситуативное средство его культурного самоопределения. Такой взгляд выделяет в общей теории высказывания те определения, которые характеризуют последнее как одно из конкретных «речевых измерений индивидуальной жизни»:

1. Высказывание, подобно слову, является **моделью реальности**, но оперирует не изолированными объектами, представляющими отдельные предметные категории, а связями и соотношениями объектов, принадлежащих к различным категориям. Высказываясь, мы мыслим о фактах, ситуациях, жизненных закономерностях, предметных изменениях, особенностях проживаемого, качествах значимых объектов – обо всем, что составляет сложную реальность индивидуального бытия, включая проявляемые в нем «общие законы» и «универсальные зависимости». Высказывание лишено безжизненности информационного сообщения, безличности общего предписания, жесткой объективности абстрактного положения, хотя и то, и другое, и третье могут состояться как высказывания.

2. Намечая свой основной объект, высказывание моделирует некоторое **событие**: или осуществляемые с объектом, или его собственные действия; его взаимодействие с другими объектами; проявление им определенных свойств; переход из одного состояния в другое и т. д. Моделируемое событие является предметом или **референтом** высказывания. Оно активно по отношению к своему референту, реализуется в форме речевой инициативы, готовой перейти в акты поведения и практического действия. Высказывание «ведет» происходящее, обладает властью над реальностью. Власть растет в зависимости от поступательной динамики его внутренней активности, предстающей при анализе в виде континуума следующих **функциональных назначений высказывания (В.)**.

В. указывает на референт, выражает знание о нем.

В. выражает ожидание референта.

В. выражает гипотезу о возможности реализации референта.

В. выражает оценку референта.

В. формулирует предписание по отношению к референту.

В. реализует ценностное отношение к референту, то есть является

поступком.

В. несет сообщение о референте, его состоянии и действие.

В. определяет изменения референта.

В. выражает новое понимание референта.

Высказывание активизируется, таким образом, в движении типов референции от деннотативного, дескриптивного и оценочно-поступкового к прескриптивному, перформативному, трансформативному, эвристическому.

3. Синтетическое содержание высказывания, формирующееся из значений и смыслов словесных составляющих, исследуется на основе многих психологических критериев. (64) Выделим критерии истинности содержания или соответствия речевой модели реальности (1), рациональности моделируемого знания о референте (2), выражения реального – ирреального для субъекта содержания референта (3), отсутствия - наличия искажений содержания высказываний (4)

По *первому критерию* различаются: истинное В.; ложное В.; В. с выдуманным содержанием;

по *второму критерию*: рациональное, в частности, научное В.; эмпирическое В.; иррациональное В.;

по *третьему критерию*: реалистичное В.; виртуальное В. как невольно выражающее нечто, не принимаемое субъектом за реальность; латентное В., косвенно выражающее свое реальное содержание; иносказательное В., указывающее на не прямое, скрытое за ним реальное содержание;

по *четвертому критерию*: В. с содержательными опущениями; В. с отбрасываемыми элементами содержания; В. с отклонениями от основного содержания; В. с искажениями содержания.

Высказывание, охарактеризованное с точки зрения его функциональных назначений, истинности, рациональности, реалистичности и отсутствия искажений, может свидетельствовать о развитии тех или иных **речевых компетенций** субъекта. К ним относятся **умения** реализовать посредством

речи разноплановые индивидуальные свойства, такие, как способность к овладению, производству и легитимации знания (познавательная компетенция); чувствительность к красоте, ее понимание и стремление к воплощению (художественная компетенция) критическая деятельность, основанная на зрелых интеллектуальных и мудрых нравственных установках (оценочная компетенция); коммуникативная одаренность, состоящая прежде всего в достижении согласия с другими (коммуникативная компетенция); сила желаний и переживаний (экспрессивная компетенция); способность к пониманию самого себя (рефлексивная компетенция); собственно вербальная способность, делающая субъекта высоко активным и влиятельным в мире языка (субъектная компетенция). Высказывания компетентного в речевом отношении человека, даже если в них выражена доминантность одной из компетенций (например, вербальной репрезентации научного знания или эстетических образов), демонстрируют многие речевые умения, позволяют дифференцированно проявиться различным компетенциям.

Закономерности речевой поликомпетентности анализируются Ж.-Ф. Лиотаром на примере прагматики нарративного, формирующегося в высказываниях знания. Наибольший интерес представляет для него **научное знание-как-высказывание**, традиционно ориентированное на решение многих жизненно важных задач.

«Под термином «знание» понимается не только совокупность деннотативных высказываний (хотя конечно и она); сюда примешиваются и представления о самых разных умениях: делать, жить, слушать и т. д. Речь, следовательно, идет о компетенции, которая выходит за рамки определения и применения истины как единственного критерия, но помимо этого оценивается по критериям деловым, справедливости и добра, красоты звучания высказываний и т. д. Понимаемое таким образом знание есть то, что делает кого-либо способным произносить «хорошие» деннотативные высказывания, а

также хорошие прескриптивные или оценочные высказывания. Оно не сводится к компетентности, направленной на какой-то один вид высказываний, скажем, когнитивных, и исключению других. Напротив, оно дает возможность получать «хорошие» достижения по многим предметам дискурса, которые нужно познать, решить, оценить, изменить. Отсюда возникает одна из главнейших черт знания: оно совпадает с широким «образованием» компетенции, оно есть единая форма, воплощенная в субъекте, состоящем из различных видов компетенции, которые его формируют.» (87, с. 52)

Из рассуждений автора следует также, что в будущем различные области порождения высказываний - от когнитивной и этической до деловой и искусства – должны тщательно культивировать собственный тип высказываний с ведущей компетенцией и относительной отстраненностью от других компетенций. Однако, при отчетливости границ между научными высказываниями, правилами умелого общения, нравственными оценками, техниками рефлексии и другими типами высказываниями, **новая речевая компетентность индивида** будет состоять в легкости его перехода от эффективных «речевых практик» в одних сферах жизни к другим. Признаком зрелости высказывания будет не столько его полифункциональность с условием преобладания мыслительных, образных, ценностных или эмоциональных содержаний, сколько адекватность задачам, тематике и назначению именно той предметной области, среде коммуникации и конкретной ситуации дискурса, которые в наибольшей степени способны стимулировать его креативность и продолжение в речевой жизни других. Важным показателем речевого мастерства станет умение переводить высказывания с одного **языка компетентности** на другой, например, с языка искусства на язык науки, что исключительно важно для развития теоретической и практической психологии.

4. Любое высказывание может быть определено с точки зрения грамматико-синтаксической формы, облеченного в нее явного содержания и внутреннего контекста, где последнее сформировалось. Связь синтаксических и семантических структур высказывания служит тому, чтобы сделать открытой мысль, извлеченную из виртуального потока осмысления.. Грамматические закономерности и правила касаются осознанных и бессознательных, простых и сложных соединений слов в предложения, а также синтаксических средств уменьшения или увеличения разрыва между элементами языка и эффектами мышления.

Исследуя **синтаксис высказывания**, А. Р. Лурия сравнивает два известных принципа организации предложений: синтагматический и парадигматический, - относящиеся к различным способам порождения высказываний. (90) Первый способ характеризуется эмпиризмом, конкретностью, относительной простотой и непосредственной данностью субъекту на ранних этапах онтогенеза. Речевые синтагмы («снег идет», «собака – кошка», «темное – светлое» и т. д.) обладают валентностью или естественным взаимным притяжением словесных образующих; слова в их составе кажутся дополнительными друг к другу, сросшимися в устойчивые гештальты, звучащие почти в музыкальном ритме. Существуют предположения, что в них, как врожденных языковых структурах, заключена «первичная мысль», принадлежащая коллективному бессознательному. Синтагматически устроены многие высказывания и тексты, отображающие прошлые или текущие события, наблюдавшиеся и наблюдаемые действия, обыденные ситуации, общеизвестные факты. Такая речь сукцессивна, «серийна»; она описывает, повествует, создает сочинения, летописи, жизнеописания, сказания.

Другой способ основан на установлении многообразных структурных связей между словами, которые соответствуют выражаемым концептуальным связям понятий: обобщению, конкретизации, детализации, установлению

сходства и различия, синтезу. К основным средствам, или «законам» структурирования парадигматических высказываний принято относить:

- разделение членов предложения на главные и подчиненные;
- порядок слов в предложении («В доме горит свеча.» «Свеча горит в доме.» «Горит свеча в доме.»);
- сходство с синтагмами («Земля – планета.»);
- падежные средства («Он принадлежит к обществу.» «Он изгнан из общества.»);
- предлоги («Он бежит по снегу.» «Он лежит в снегу.»);
- пассивные и активные конструкции («Он любим ею.» «Он любит ее.»);
- сравнительные конструкции («Ярославль меньше Москвы, но больше Костромы.»);
- отрицания («Я не знал, что она не знает об этом.»);
- сложные предложения («А это веселая птица синица, которая часто ворует пшеницу, которая в темном чулане хранится в доме, который построил Джек.»);
- инверсии («Я не могу сказать, что не хотел этого.»);
- трансформации высказываний из повествовательной формы в вопросительную, восклицательную и наоборот («Он победил.» «Он победил?», «Он победил!») и т. д.

Парадигматические высказывания отличаются абстрактностью, сознательной организацией, логическим построением, симультанностью по отношению к динамике освещаемых реальных событий. Эти сложные синтаксические образования стремятся к целостности и чувствительны к любой неполноте собственной структуры. Такая чувствительность обусловлена включенностью любого парадигматического высказывания в объемный семантический контекст речевого дискурса или текста. Контекст требователен к высказыванию как собственному элементу, который должен соответствовать роли полноценной, «хорошей» части целого. В зависимости

от связи с контекстом, высказывания отличаются либо относительной завершенностью, самодостаточностью («Пошел дождь»), либо открытостью для существующего контекста («Когда я подошел к ней, она сказала...»), либо своей возможностью породить длинный смысловой контекст («Она вернулась домой...»).

Синтаксические структуры, онтологически стоящие на службе мысли, могут демонстрировать свою относительную самостоятельность. Лурия намечает следующую систематизацию исследованных лингвистами **проявлений независимости грамматической организации высказывания от ее содержания.**

Во-первых, формирование синтаксических конструкций по своим законам позволяет наполнять их вариативным содержанием при подстановке различных слов, а также интерпретировать «голые» структуры с многообразными содержательными вариациями. Недаром, к примеру, поэтика располагает богатейшими сведениями о стилях и «размерах», определяющих форму стихотворных произведений.

И как удержаться, чтобы не привести здесь знаменитые строчки из «поэзии нонсенса» Льюиса Кэррола?

«Варкалось...Хливкие шорьки
Пырялись по наве.
И хрюкотали зелюки
Как мюмзики в мове.»

«Варкалось» – толкует кэрроловский герой - это четыре часа пополудня, когда уже пора варить обед. «Хливкие» – хлипкие, хилые и ловкие. «Шорьки» - помесь хорька, ящерицы и штопора. «Пырялись» - прыгали, ныряли, вертелись. «Нава» – трава под солнечными часами. «Хрюкотали» – хрюкали и хохотали. «Зелюки» - зеленые индюки. «Мюмзики» - бедные птицы с растрепанными перьями. «Мова» – потеряться, быть далеко от дома.
(78, с. 234)

Во-вторых, существует значительная синтаксическая свобода выражения результатов мышления. Одна и та же мысль может быть формально структурирована разнообразными высказываниями:

- «Книга должна очаровать взор, а затем поразить разум.»
- «Красота книги неотделима от ее пользы для ума.»
- «Оформление книги не менее важно, чем ее содержание.»
- «Сначала видно, как книга издана, а потом, как она написана.» и т. д.

Третье, в конструкции предложения может быть заключено несколько значений и смыслов. Легкие синтаксические переакцентировки или «маркеры» (ударения, точки, запятые, многоточия) позволяют проступать разным содержаниям предложения. С детства известный пример: «Казнить нельзя помиловать».

Четвертое, синтаксически сходные высказывания при минимальных расхождениях своего вербального состава позволяют выразить существенно различающееся содержание.

«Студенты посещали лекции N.»

«Студенты пропускали лекции N.»

«Студенты любили лекции N.»

«Студенты не понимали лекции N.»

Пятое, безупречная правильность формальной конструкции высказывания привлекает к себе интерпретирующую мысль, даже если оно состоит из противоречивых в смысловом отношении слов. За хорошей внешней структурой вербальных связей предполагается хорошая внутренняя структура значений. Это проявление доминирования синтаксиса высказывания над его семантикой можно иллюстрировать фразой, придуманной Н. Хомским: «Бесцветные зеленые идеи бурно спят.», - у которой мы из «бессмыслицы» восстанавливаем забавный, фантастический или даже вполне реалистический смысл. (90, с. 163) И вспомним по аналогии, сколько привлекательной

таинственности находит мышление в «рассогласованных» значениях, вложенных в гармоничные строки русских поэтов – символистов!

«По черной радуге мушиного крыла
Бессмертье щедрое душа моя открыла.
Напрасно кружится немолчная пчела, -
От праздничных молитв меня не отучила.» (75, с. 247)

5. Сложный синтаксис зрелой речи оформляет мысль в двух планах ее осуществления. Эффекты мышления, определяющие содержание открытой дискурсии, выражаются конструкциями **внешней речи**. Результаты глубинных мыслительных процессов имеют другую форму выражения, называемую психолингвистами **внутренней речью**. Как имплицитное мышление неизмеримо богаче эксплицитного, так, по выражению М. Волошина, «внешнее актуализованное высказывание – лишь остров, поднимающийся из безбрежного океана внутренней речи». Перечислим особенности строения этой скрытой речевой формы, пользуясь хорошо известной психологам моделью Л. С. Выготского (31), дополненной А. Р. Лурией.

- 1) Внутренняя речь связана с внешней общим процессом развития, взаимопереходов, взаимной обратимости и влияний. Анализ внутренней речи может основываться на ее сравнении с внешней.
- 2) Во внутренней речи редуцирована моторная, произносительная функция; эта речь сокращена, отрывочна, фрагментарна, аморфна: «внутренняя речь – речь почти без слов». В ней преобладают не слова, а потенциальные связи между ними.
- 3) Ей присуща предикативность, то есть смещение акцента высказываний на сказуемое и относящиеся к нему члены предложения, в то время как подлежащее подразумевается и опускается. В терминах современной лингвистики, сохраняется «рема» сообщения, намечающая дальнейшие

действия, события, план следующего высказывания. «Тема», то есть предмет сообщения, не требует специального обозначения.

- 4) Внутренняя речь концентрирует объемные «массивы» значений и смыслов, которые должны влиться в актуальное внешнее высказывание. Внутриречевые содержания составляют обширный контекст внешнего сообщения. Этот контекст формируется посредством особых синтаксических приемов «вербальной экономии», например, обозначением понятий внутреннего текста только начальными буквами слов или вложения в отдельные слова множества разнородных значений и смыслов.
- 5) Внутриречевой контекст высказывания стремится удержать для выражения существенные значения и значимые смыслы, «очистившись» от несущественных, побочных и малоценных содержаний.
- 6) Внутренняя речь идиоматична в плане возрастания в ней веса и роли личных смыслов над нормативными значениями. Образуя схему «правильного» мышления, значения могут окрашиваться различными оттенками индивидуального понимания и толкования референта, что выражается иногда в странных фразах и словечках «для себя», внезапно появляющихся во внешней речи. Именно в семантике смыслов, а не значений зарождается и излучается авторская мысль, творится авторская речь. Адресата более всего завораживает высказывание, артикулирующее неповторимое впечатление автора, в которое «упаковано» максимум смыслов.
- 7) Внутренняя речь, намечая богатую семантику возможных высказываний, должна сконцентрировать ее в конкретный «замысел» реального высказывания, более всего отвечающего наличной ситуации когнитивного обмена, общения или авторского выступления. Выраженная мысль может с большей или меньшей полнотой и

точностью передавать внутреннюю потенциальную семантику. Часто между ними существует значительный «зазор», заполняемый только с помощью специальных усилий по переводу внутреннего синтаксиса во внешний и свернутых контекстуальных содержаний в развернутый дискурсивный текст. Сложное внешнее высказывание особенно хорошо передает мысль говорящего и понимается собеседником, если является необходимым элементом развернутого текста, близкого к внутриречевому контексту.

- 8) Развитие замысла и его переход в содержание развернутого высказывания, удовлетворяющего говорящего и понятного слушателю, опосредуется многими психологическими моментами, характерными для динамики любой сложной деятельности и в единстве формирующими **отношение** субъекта к тому, **что** он говорит, **кому** он говорит, **зачем** он говорит.

«Существенной особенностью порождения речевого высказывания как формы речевой деятельности помимо мотива, устойчивой формулировки цели высказывания и той конкретной задачи, которая стоит перед говорящим, является также достаточно широкий объем оперативной памяти и сложная система стратегий, применение которой позволяет выделить существенный смысл высказывания, тормозит побочные ассоциации и выбирать речевые формулировки, соответствующие поставленной задаче.» (90, с. 209)

- 9) Существует целый ряд условий, при которых мысль (долго длящаяся, сгущенная в замысле) может «не пойти в слова»: слабость мотивации высказывания; его бессознательное подавление; изменение замысла; размытость целевого назначения; нечеткость осознания конкретной задачи высказывания; недостатки логического структурирования мысли, предназначенной для выражения и передачи; влияния

«невыразимых» смыслов; сильная эмоциональная вовлеченность говорящего в речевую деятельность; влияние случайных ассоциаций; недостатки используемых синтаксических конструкций; пробелы в согласовании стиля мышления с речевыми стилями и компетенциями.

- 10) Блокировка или, напротив, свобода внешнего высказывания могут зависеть не только от самого говорящего, его индивидуальных особенностей, авторской позиции и ситуативных состояний, но и от способа **диалогических отношений**, которые устанавливаются у него с другими людьми – побудителями и адресатами высказывания. Имеются в виду взаимное понимание или его отсутствие, мотивационный и эмоциональный настрой на слушателя или субъективная отстраненность от него, активный речевой обмен или речевой эгоцентризм, совместное творчество-в-слове или формальное речевое общение, конструктивные дискуссия и спор или насмешка, отрицание, агрессивное возражение.

6. Диалогические отношения, завязывающиеся при высказывании, скрытые в нем, проявляющиеся посредством него и приобретающие форму высказывания, не менее существенны для психологического определения речи, чем указания на его персональное авторство, субъектную активность, я-регуляцию и влияние личного бессознательного. У М. М. Бахтина адресованность высказывания говорящего (Автора) другим (Другому), разделенность высказывания Автора с Другим, присутствие Другого в высказывании Автора обозначаются как **«диалогизм речи»**. (14) В современной психолингвистике близким понятием выступает **«речевой дискурс»**.

В продолжение психологических определений высказывания, используя положения ряда теорий, касающихся его диалогической сущности (прежде всего, теории М. М. Бахтина), промоделируем некоторые связи и

закономерности в системе «Автор - высказывание – Другой – высказывание - Автор».

Высказывание не является событием, относящимся только к Автору, а возникает в глобальном мире говорящих, мире многоречия, в немолчном речевом потоке, захватившем бесконечное множество авторов. Способом индивидуального слияния с общей речевой жизнью является диалог Автора и Другого; соответственно диалог выступает единицей анализа этой жизни. Авторское высказывание неотделимо по форме и содержанию от чужих, попадает во «взволнованную и напряженную среду» вопросов, ответов, оценок, акцентов, принадлежащих другим. Оно соотносится с когда-то уже сказанным и слышанным и ориентируется на то, что будет сказано и услышано. Высказывание существует как завершённый речевой фрагмент именно потому, что Другой вопрошает, а Автор отвечает на его запрос, ожидая оценки ответа. То есть на границах высказывания происходит смена речевых субъектов. Смена происходит тогда, когда высказываниями обмениваются Автор и иные люди, когда в актах самосознания Автора диалогизируют его я- объект и я- субъект, и когда Другим выступает бессознательное Автора, противостоящее его высказывающемуся «я».

Зрелые диалогические отношения становятся эффектом встречи субъектов, способных самостоятельно и конструктивно «относиться» к своей жизни и жизни других, то есть сознать – оценивать – действовать – поступать согласно выработанным Культурой этическим, эстетическим, интеллектуальным и т.д. критериям.

«Всякое высказывание претендует на справедливость, истинность, красоту и правдивость... И эти ценности высказывания определяются разными формами отношения к действительности, к говорящему субъекту и к другим.» (14, с. 319)

Присвоение высказыванию того или иного ценностного статуса возможно, если его Автор включен в социальное взаимодействие, где он может

полноценно реализовать познавательное, нравственное, художественное или творческое жизнеотношения. Вне такого взаимодействия высказывание теряет свою ценностную меру, превращаясь в «поведенческий акт» или «единицу информации».

Какой Другой вызывает высказывание и присутствует в нем? Его характеристики можно определить по различным параметрам. Так по параметру «наполнения» Другой может быть отдельным говорящим, группой говорящих или множественностью говорящих, принадлежащих к той или иной культуре.

По параметру «присвоения» Другой по отношению к Автору может быть внешним субъектом (слушатели его сообщения на конференции), другим-в-Авторе, то есть субъектом, с которым говорящий внутренне идентифицируется в высказываниях (его учителя, идеям которых он сознательно следует, и речь которых косвенно «звучит» в его текстах), а также не-я-Автора, то есть тем внутренним субъектом, от имени которого он высказывается, не подозревая об этом (некто, инициирующий речь с закрытым для самого говорящего смыслом).

По параметру «присутствия» различаются: явный Другой, то есть действительный либо потенциальный участник открытого диалога с Автором, конкретный слушающий, понимающий и отвечающий субъект; неявный Другой, то есть тот, к кому Автор монолога, исповеди, рефлексивных высказываний обращается как отсутствующему и недоступному. Так в «Исповеди» Августина – это обращение к Богу, в «Истории...» Абеяра – к Другу, в «Автобиографии...» Н. Бердяева – к Интеллигенции, в «Воспоминаниях ...» К. Юнга – к Психологу, в «Дневнике...» С. Дали – к Женщине.

По параметру «отношения к сознанию» Другой оказывает на высказывания влияния, о которых Автор знает, или которые не осознает, или о которых не хочет знать.

По параметру «роли» Другой рассматривается Автором как Имеющий власть, Авторитетный, Близкий, Любимый, Враждебный, Зависимый, Покровительствующий, Помогающий и т. д.

По параметру «позиции» Другой в ситуации диалога становится для Автора соглашающимся, противоречащим, договаривающимся, отмалчивающимся, игнорирующим, «слышащим только себя» и т. д.

Какими психологическими приемами Другой детерминирует высказывания Автора? К ним относят самые разнородные воздействия, охватывающие весь цикл реализации высказывания, начиная с его зарождения и до момента завершения и принятия собеседником. В частности, Другой мотивирует и инициирует высказывание; влияет на его замысел и определяет концептуальное значение; извлекает и притягивает определенные смысловые содержания; вызывает эмоционально – речевую экспрессию; требует прозрачности и понятности речи; ожидает новизны выражаемой мысли; понимает, интерпретирует, истолковывает, дополняет высказывание; оценивает, принимает или отвергает его; осваивает как модель будущего действия; отвечает и продолжает высказывание.

В чем заключается многосторонняя связь Автора с Другим?

- Автор отвечает Другому, участвуя в объединяющем их речевом обмене.
- Автор высказывается о Другом как герое и главной теме своей речи.
- Автор высказывается, испытывая интеллектуальную, эмоциональную, ценностно- духовную власть Другого.
- Автор высказывается от имени Другого, отождествляясь с ним.
- Автор высказывается, создавая возможность для высказывания Другого.
- Автор высказывается в расчете на активное реагирование Другого: понимание, сопереживание, углубление и продолжение речевого обмена, совместное действие.
- Автор высказывается о себе, ожидая оценки Другого, сознавая ответственность перед ним.

- Автор высказывается о себе перед лицом внутреннего значимого Другого (символа-я, идеала-я).
- Автор высказывается в качестве своего бессознательного Другого - средоточия предзаданных коллективных норм, правил, образов, идей или, иначе, «предсмыслов» и «предзначений». Высказывается в форме символической речи, метафор, шуток, гиперболизаций и т. д.
- Автор высказывается с учетом речевого контекста, формируемого состоявшимися и предвосхищаемыми высказываниями Другого, а также с учетом внесловесного контекста, где тоже пребывает и действует Другой (ситуация, обстановка, предыстория высказывания Автора).
- Высказывание Автора экспрессивно в связи с явным или косвенным присутствием Другого. Желаящий, чувствующий и оценивающий Автор открывает свою живую пристрастность Другому, чтобы привлечь, задеть, захватить его своей речью. При этом высказывание, например восклицание, может быть «озвучанием чувств». Или высказывание выражает отношение Автора к речевой теме либо конкретному адресату и звучит серьезно, насмешливо, иронично, сострадательно и т. д. Или высказывание выражает ожидание ответа Другого и эмоционально отмечается сомнением, уверенностью, опасением, торжеством и т. д. Или тон высказывания несет оценку Автором Другого: доверие, восхищение, благоговение и т. д.

Какие жизненные задачи решает Автор, обращаясь к Другому? Он надеется передать или получить информацию, знание от Другого; воздействовать или повлиять определенным образом на него; достичь взаимопонимания, согласия или разрыва с Другим; изъявить готовность помочь или принять помощь от Другого; вызвать психологические изменения в Другом; выразить намерение действовать в отношении Другого или в соответствии с его ожиданиями. Решению перечисленных задач служат

многие типы и разновидности высказываний. Их можно объединить в следующую не претендующую на строгость модель.

- 1) Высказывания, несущие знание, информирующие Другого: сообщение – комментарий - суждение - положение – заключение – формулировка – вывод – прогноз – афоризм – изречение – максима – поговорка ...
- 2) Высказывания, выражающие незнание, ориентированные на поиск информации: прямой или косвенный вопрос – запрос - предположение – загадка – парадокс - проблема – гипотеза...
- 3) Высказывания, формирующие дискуссию, спор, совместное добывание знаний: сомнение – возражение – согласие – отрицание – утверждение – оценка - критика...
- 4) Высказывания, определяющие властную позицию по отношению к Другому: приказ – указ - распоряжение – замечание - одобрение – порицание – обвинение – приговор - насмешка - осуждение – внушение – угроза...
- 5) Высказывания, направленные на достижение взаимопонимания с Другим: объяснение – убеждение – признание – извинение – предложение – обещание - выражение сочувствия - совет – рекомендация – похвала...
- 6) Высказывания, вымогающие реакцию, привлекающие внимание Другого: жалоба – мольба – призыв – вызов – бахвальство – преувеличенная похвала - упрек - оскорбление – брань...
- 7) Высказывания, проецирующие бессознательные интенции к Другому: ошибка – обмолвка – преувеличение – недоговаривание- намек - иносказание – бессмыслица – чепуха – вымысел - двусмысленность – ложь...
- 8) Высказывания, служащие уходу от общения: отговорка - ироническое замечание - острота – отрицание – «выворачивающая» откровенность...
- 9) Высказывания, способствующие самораскрытию Автора: самооценка – самоопределение – откровенность - исповедь – покаяние...

10) Высказывания, побуждающие Автора и Другого к действию: приказ – команда – указание – принуждение – обращение - просьба – задание - требование...

Посмотрим, как стремительно сменяются высказывания разных жизненных назначений в напряженном диалоге героев «Игрока» Ф. М. Достоевского.

Игрок: *Что же делать?* – выражение незнания.

Как? Ну как Вы могли любить Де-Грие? О подлец! – выражение незнания, порицание, брань.

Хотите, я убью его на дуэли? – просьба, призыв как вымогание реакции.

Где он сейчас? – запрос, поиск информации.

Полина: *Он во Франкфурте и проживет там три дня.* – информирование.

Игрок: *Одно Ваше слово, и я еду завтра же первым поездом!* – мольба, бахвальство как вымогание реакции.

Полина: *Что же, он скажет, возвратите 50 тысяч франков...Да и за что драться? Какой вздор!* - насмешка, отрицание.

Игрок: *Ну так где же взять эти 50 тысяч?* – выражение незнания.

Послушайте, а если мистер Астлей..? – предположение.

Полина: *Что же, ты хочешь, чтобы я от тебя ушла к этому англичанину?* – откровение, вызов.

Игрок: *Полина! Дай мне только один час! Будь здесь! Я вернусь!* – мольба, приказ, обещание. (55, с. 290)

Диалогические отношения двух встретившихся сознаний и двух бессознательных миров, строящиеся посредством обмена высказываниями, позволяют Автору и Другому реализовать себя в относительно непрерывной и целостной речи. Создается общий текст, субъектом которого является **единство** Автора и Другого, а также личный текст Автора и самостоятельный текст Другого. В двух последних случаях авторский и «чужой» текст вместе с общим текстом диалога составляют друг для друга

побудительный, интеллектуальный и эмоциональный контекст. Обмен высказываниями переходит в диалог текстов.

7.4 Текст.

Психологическая проблематика высказывания настолько естественно переливается в проблематику текста, что последний правомерно определять как высказывание, развернутое и разросшееся в крупное речевое событие. Производство текстов затрагивает самые существенные особенности зрелого индивидуального бытия, образуя его временную и продуктивную составляющие. Экзистенциальность текста, по формулировке Бахтина, заключается в том, что «человек в его человеческой специфике всегда создает текст, хотя бы потенциальный». (14, с. 301)

В полифонии идей о тексте к наиболее психологически насыщенным относятся размышления М. Бахтина, Ю Кристевой, Ж. Деррида, Р Барта. Покорные власти «Его Величества Текста», они увидели в нем развивающийся способ общественной и индивидуальной жизни, который в ценностной иерархии современных умений и практик постепенно превосходит «материальное производство», «управление», «социальную активность», «информационный обмен», «идеологическую деятельность». Концептуальные построения данных авторов хорошо транспонируются в социокультурные и личностные модели порождения текстов, а также в синтетические модели, раскрывающие **авторство текста как творчество и самовыражение индивидуального субъекта культуры**. Остановимся на третьем типе моделирования, структурируя определения текста и положения о его отличительных чертах, связях, особенностях строения, которые составляют актуальную проблематику «психологии текста».

В каких основных значениях употребляется термин «текст» в гуманитарных науках?

Под «текстом» может подразумеваться любая знаковая система, независимо от разновидностей означающих и символизирующих средств: словесных, образных, графических, вещественных, составляющих «язык тела» и т. д.

«Текст» может означать речь, превращенную в «вещь», то есть запечатленную на пергаменте, камне, глине, бумаге, пленке, компьютерном диске и отчужденную таким образом от говорящего или пишущего субъекта.

«Текстом» называется также речь, передающаяся в общении от субъекта другому, речь, ставшая внешней по отношению к автору, существующая отдельно от него подобно «улыбке Чеширского кота». (М. Бахтин)

Еще одна ипостась текста – существование в форме относительно завершенного «речевого фрагмента», состоящего из вливающихся друг в друга высказываний, обеспечивающих развитие общей темы, объединяющего смысла.

«Речевой фрагмент» выступает «произведением», если находит вещественное воплощение (книга, сценарий и т.д.) и чувствителен к его форме, отмечен авторской оригинальностью и представляет собой значительный культурный вклад в силу своей общепризнанной творческой – эстетической – интеллектуальной – этической ценности. Видение текста «произведением» обусловило появление в 20-м веке блестящих филологических, литературоведческих, критических исследований, посвященных роману, драме, поэтическим сочинениям, выступлениям выдающихся ораторов, ярким научным трудам. (Р. Барт)

Кроме того, при определении текста может подчеркиваться не его статика, продуктивный аспект и авторская эффективность, а динамизм текста, его становление, сочетание процессов направленного создания и спонтанного генерирования, а также самовыражение и саморазвитие автора в этих процессах. (Ю. Кристева)). С такой точки зрения тексты являются реальной речевой практикой, особым динамическим срезом индивидуальной жизни. В культуре издавна существует феномен, который можно назвать «текстом –

практикой». Его репрезентируют пересказы мифов, сказания, авторские жизнеописания, дневники, исповеди, опыты из жанра психологической литературы, художественные «записи потока сознания», литературные фантазии, откровенные беседы, умелые дискуссии и дебаты, размышления ученого и философа, профессиональные, к примеру психотерапевтические, дискурсы, опыты психоанализа и т. д.

Среди приведенных определений, придерживаясь принципа их взаимного вложения, следует выделить два последние как позволяющие выйти на наибольшее количество содержательных характеристик текста. Предлагается сначала различение, а затем соединение психологических параметров текста – произведения и текста – практики с учетом возможности их реального синтеза в перспективную речевую форму.

Что отличает текст в этой двуединой роли ?

У текста, стремящегося состояться **произведением**, доминируют следующие признаки: наличие ведущего мотива, цельного замысла, тематического центра, главной смысловой линии, строгой смысловой иерархии, четко выраженной финальности (1); позиция автора заключается в том, чтобы быть «над» текстом, выступить его творцом, обладающим избыточной силой генерирования по отношению к той, что реализована при создании текста (2); произведение имеет конкретную адресацию, ищет адекватного «потребителя», то есть понимающего и открытого для влияний текста читателя или слушателя (3); автор обладает властью над текстом, сознательно выражая и рефлексирюя собственные идеи, состояния, качества и самоотношение (4); посредством произведения автор создает собственное «я», достигает целостности внутреннего самоопределения и подобно завершению своего произведения, на какой-то момент жизни «завершает себя» (5); сознательная и рефлексивная экспансия автора подавляет движение бессознательных содержаний на поверхность текста, ограничивая свободу возможных толкований и интерпретаций адресатом (6); произведение

появляется только в динамике диалогических отношений, состоящих во взаимодействии автора и адресата, автора и героя, героя и адресата, автора с самим собой и в связи автора, героя, адресата с культурой (7); завершенность и воплощение текста-произведения обуславливают отчуждение автора от него, потерю авторской власти, так как он «транслирован» и «отдан» другим, для которых и текст., и его создатель становятся объектами (8); произведение может в некоторой степени отторгать адресата, так как у последнего нет возможности ни досоздать, ни пересоздать текст, то есть получить, как автору, удовольствие от творчества (9)

В то же время для **текста – практики** характерны полимотивированное развертывание, отсутствие окончательного замысла, невыраженность тематического центра, плавающая иерархия смыслов, лишь относительная финальность (1); автор не доминирует над текстом, а находит себя в тексте, через его рождающееся содержание узнавая себя, то есть текстообразование является процессом рождения личности и «я» автора (2); бессознательное генерирование обладает не меньшей детерминирующей силой, чем сознательные интенции автора, так, что главное текста часто лежит за пределами высказанного (3); этот текст не обладает замкнутостью, повелительностью и «законодательностью» произведения, а длится, постепенно приоткрывает свое смысловое поле, ненавязчиво доказывает и обосновывает себя (4); самодвижение текста приобретает большую значимость, чем авторское самовыражение, поэтому автор растворен в «работе» текста и не испытывает отчуждения от высказанного (5); прямое содержание не стремится очиститься от подтекстов и нивелировать контекст, а наоборот, контекстуальная расширенность и объем «между-текста» увеличивают его ценность (6); диалог как главная образующая текста - произведения вытесняется полилогом с участием не только автора и другого, а множества близких и дальних соавторов и соадресатов, меняющих свои роли и позиции (7); текст-практика не рассчитывает на определенные

источники и конкретных «пользователей» или «потребителей», а готов и оказать, и вобрать в себя разнообразные влияния из многих сфер духовной жизни: науки, философии, этики, искусства, фольклора (8); непредсказуемость результата текстовой практики, открытость для продолжений, приглашение адресата к досозданию и пересозданию текста, необязательность запечатления превращает эту форму жизни в источник удовольствия, разделенного между автором и адресатом: текст «играется», «запускается в действие», «осуществляет желания» (9)

Сквозь контуры сделанного сравнения проявляются черты той формы текста, у которой «динамическая» доминанта будет гармонично соотноситься с такими достоинствами произведения, как сращенность с культурой, ценность авторства, конструктивность влияния на адресата, рефлексивность, творческая избыточность, значимость другого для автора, требовательность к форме запечатления. Исследования указанных достоинств были осуществлены школой М. М. Бахтина и стали неотъемлемой традицией отечественной текстологии. Другие особенности «перспективного текста» были сравнительно недавно акцентированы и обоснованы французским постструктурализмом (11; 49; 87; 111). Именно его положения наряду с традиционными моделируют дальше «текст о тексте».

Текст и культура.

Культура излучается текстом не столько на уровне его открытых значений и смыслов, сколько на уровне контекста, состоящего из сложно переплетающихся семантических эквивалентов эпох античности, средневековья, возрождения, нового времени. Скрытая семантика текста отмечена следами мифа, богословия, философских учений, литературы, науки, разновременных разговорных жанров. Культурные содержания каждого типа семантики сгущаются, центрируются в «ключевых фигурах эпохи». Вечные странники текстов – Прометей, Эдип, Августин, Абельяр, Гамлет, Дон – Кихот, Фауст. Авторы текстов Большой культуры являются

соавторами общего текста, уходящего в бесконечность; каждый автор прочитывается через других, и все их творения кажутся взаимообратимыми. К. Г. Юнг становится понятен, когда в его работах читатель видит присутствие Гете – Шопенгауэра – Ницше – Достоевского – Фрейда. А сам Фрейд является «досоздателем» мифов об Эдипе, Электре, Нарциссе, Оресте, возможно, превосходящим древних мифотворцев. Культура контекста часто впитывается текстом бессознательно для автора, обнаруживаясь в реминисценциях, невольных заимствованиях, неузнанных прототипах, скрытом цитировании, «забытых» источниках, архетипах и т. д.

Текст и смысл.

Несмотря на обилие и прозрачность привлеченных значений, текст прежде всего озабочен не означиванием, а смыслообразованием. Порождающая сила текста проявляется прежде всего в смысловой динамике; смыслы оживляют необъятные ассоциативные поля автора, разнообразно и плотно обволакивают означаемые, производят такие непредсказуемые содержательные «смеси», словно текст является местом магии и алхимии. Он, как «машина по производству смыслов» (М. Мамардашвили), генерирует их и в своем непосредственно прочитываемом поверхностном слое, где они изливаются потоком связей и дефиниций референтов, и в слое подтекста, читаемом со специальными понимающими усилиями, и, наконец, в глубинном слое, отбрасывающем тени загадки на понятные содержания. Проникая в общепонятную систему значений, смыслы превращают текст в неповторимое и необратимое событие жизни автора. В отношении текста к читателю и культуре смысл хранит авторскую индивидуальность и уникальность. Смыслообразование касается всех явных и неявных референтов текста и включено в любые акты рационального и иррационального оперирования ими. Референтами выступают «вещи», «другие», «жизнь», «я автора» и т. д., и смыслы генерируются внутри сознательных, рефлексивных и бессознательных действий с ними. В

зависимости от соотношения логических, образных, символических, интуитивных и эмоциональных составляющих данных действий, обозначенные смыслы сплетаются в эксплицированные, воображаемые, проигрываемые и виртуальные тексты и формируют в их пространстве расширяющиеся научные, художественно – литературные, поэтические, риторические и бытовые «топосы». Каждый представлен большим количеством высказываний, не только непосредственно вложенных и переходящих друг в друга, но и разделенных более или менее крупными фрагментами текста. Соответственно и смыслы высказываний в общей содержательно - текстовой структуре либо прямо перетекают друг в друга, либо неожиданно сцепляются на значительном текстовом отдалении, либо во множестве сбегаются к определенному тематическому «узлу». Содержание текста, отмеченное властью смысла, является сложным для понимания. Дело не в том, что это, к примеру, научный труд, перегруженный специальными терминами и предложенный профану. Текст ученого, построенный по динамическому принципу, проблематичен прежде всего для компетентного коллеги, вовлекая его в интереснейшую работу–игру по расшифровке самодвижущихся смыслов автора, как в аспекте «творческих приемов», так и в плане приращения знания. Особенно хорошо смысловое переполнение иллюстрируется текстами современной литературы и гуманитарных наук, включая философию и некоторые направления психологии. Они обещают читателю настоящие «взрывы смыслов», переживаемые как открытия, откровения, когнитивные шоки, «взгляды в бездну». Источники этой взрывной силы заключены, по-видимому, в следующих свойствах текста.

- Текст может показывать невозможное, немислимое, но составляющее предмет бессознательных желаний читателя.

- Текст помещает читателя перед лицом тайны, пробуждающей острое любопытство, влекущее читателя вглубь содержания на грань дозволенного.

- Означаеым текста свойственна неопределенность; их прояснение всегда откладывается на будущее.
- Текст создает увлекательную двусмысленность, приоткрывая искусный подтекст.
- Противоположные смыслы текста не конфликтуют, а существуют внутри друг друга.
- Текст не боится алогизмов, легко входя в смысловое противоречие и усиливая тем самым свою загадочность, незавершенность.
- В тексте парадоксально соотносятся идеальность языка, уход от языковой правильности и почти «исчезновение языка».
- Текст не избегает бессмыслицы, речевого беспорядка, следуя воображению, ассоциативному мышлению и интуиции.
- Текст допускает разрывы сознательных содержаний, отсылая читателя к неосознанной семантике автора.
- Генерируя вопросы о сверхзначимом, проговаривая «невыразимое» читателя, текст вызывает у него тревогу и наслаждение, может поглотить до забытья.
- Текст, больше укрывающий, чем выставляющий, должен быть именующим и символическим, даже там, где нужно показать строгие концептуальные содержания.
- Проницаемость текста для читателя устанавливается не благодаря его понятности, а вследствие «рефлексивной провокации», когда «я» читателя притягивается к содержанию не исчезающим вопросом: «Что это для меня?».
- Текст как «ткань» или «ковер» создается из множества речевых составляющих, собирающихся в ведущие мотивы общего рисунка, подобно цветам, элементам текстуры, деталям орнамента и т. д.
- К указанным «мотивам» можно отнести: сквозные смысловые линии или «парадигмы» текста, речевые жанры, текстовые коды, авторские стили – все,

что по принципу «контрапункта» удерживает подвижное единство смысловой множественности текста.

Последнее свойство особенно отличает текст от классического произведения, стремящегося к состоянию монолита, то есть идеальной цельности и единообразия в культурно -тематическом, стилистическом и семантическом аспектах.

Множественность текста.

Ее наиболее ярким проявлением выступает, согласно Р. Барту, соединение высказываний в разнообразные **коды**, поднимающие на поверхность текста многомерный культурный и речевой опыт автора. Не показываясь явно, они обеспечивают сверткостовую и интертекстовую организацию, синтезируя «уже» виденное – слышанное – помысленное –сказанное - сделанное. Мощным кодом, определяющим интеллектуальность и реалистичность текста, является **код знания**. Его создают: научные данные о референтах; моральные оценки действующих лиц; приемы доказательства, обоснования и достижения убедительности авторской позиции; датирование и определение времени течения описываемых событий; данные об их временной последовательности и общечеловеческой, национальной, социальной, индивидуальной значимости. Перечисленное структурируется в научный, научно-этический, риторический, хронологический и исторический **культурные субкоды**. Их дополняет **код коммуникации** или адресации, объединяющий высказывания, которые обрисовывают ожидания автора к читателю, его образ и запросы к тексту. Одним из основных ожиданий является вовлечение читателя в тотальное, не пропускающее ничего чтение, доверяющее тексту как источнику удовольствия, не исчерпывающемуся по его завершении. Текстом обещается самая «дорогая» и изысканная «услуга» своему «пользователю». Следующий - **символический код**, который образуют высказывания, оперирующие символами. К ним могут относиться элементы магических и мифологических знаний, понятия религиозных и

эзотерических систем, философская символика, символические понятия психоанализа и глубинной психологии, личные символы автора. Благодаря ему, в какие-то моменты разбиваются рациональность и логический порядок текста, но прежде всего для того, чтобы усилить вопрошающую активность читателя, показать возможности «перевертывания» и «обращения» привычной логики.

Присутствие фабулы в тексте задает непрерывное изменение жизненных положений действующих лиц, вызванное сменой ситуаций, событий, действий и поступков героев. Эта линия активности сюжета и персонажей, придающая тексту динамизм, эквивалентный движению реальной жизни, обозначается как **акциональный код**. Наконец, обязательная интенция к продолжению уже законченного текста обусловлена скользящей формой многих высказываний, не выражающих все, что наполняет их имплицитное содержание. Текст охраняется собственной несказанностью и эвристичностью, неявно повторяется вопрос, остающийся без ответа; иногда это касается чего-то такого, что исключается культурой из своего наличного и даже возможного опыта. Не то беззаконье, не то заповедность текста отмечают в нем **код загадки**. (11)

Для М. Бахтина основными сквозными образующими текста являются **речевые жанры**, непосредственно формирующие типы открытых высказываний по признакам тематического содержания, стиля и композиционного построения. Обширный жанровый репертуар текста зависит от его связей с многими сферами деятельности, в которых он участвует и на которые оказывает интеллектуальные, идеологические, эстетические, прагматические, психологические влияния.. Разнородность деятельностей и их принадлежность в различным классификациям сказываются на научном упорядочении речевых жанров.

Одно из детализированных объединений жанров содержит: бытовой диалог, рассказ, письмо; военные команды и приказы; деловую документацию;

публицистические выступления; научные разработки; литературу от поговорки до многотомного романа.

Другая – обобщенная - классификация, основанная на противопоставлении простой «бытовой» и сложной «идеологической» деятельности, включает «первичные» и «вторичные» речевые жанры.

Еще одна детальная разбивка жанров дает их континуум, где все формы, реализуясь внутри текста, могут перетекать друг в друга: интимная речь – фамильярная – салонная – кружковая – обыденная - политическая – публицистическая – научная – философская – литературная – народная и т. д.

(14)

Множественный текст в своем культурном (кодовом и жанровом) рисунке имеет **онтогенетические вкрапления**, образованные «детской», «подростковой» и «юношеской» речью. В зрелом тексте ощущаются лишь их отзвуки, но именно сквозь них иногда проступают его загадочность и манящая необъяснимость. Речь значительного автора всегда помнит свои истоки. Вынесенная в текст из дремоты раннего детства, она машинальна, повелительна, беспомощна и бесстрашна; из эпохи детской игры она отзывается «аутизмом» всепоглощающих фантазий и неумным сочинительством (как у сартровского ребенка – текста); от отрочества она несет застенчивые и откровенные рефлексии, ученический литературный плагиат и наивные пророчества, а из юношества – великолепные утопии жизнеустройства и мифологию любви

Перечисленные общие формы организации высказываний в текст существенно индивидуализируются при совмещении с **авторскими стилями** письма или говорения. Через них выражается своеобразие личного отношения создателя текста к теме, сюжету, героям, адресату и собственной позиции. Наиболее психологичны **антипатические стили** (11), благодаря которым удерживается увлекательная напряженность и строится

многомерность оценок и самооценок высказываемого. К парным стилевым характеристикам текста, в частности, относятся:

возвышенность – тривиальность;
благопристойность – недозволенность;
трагичность - комичность;
серьезность – ироничность;
подлинность – пародийность;
сложность – простота;
изысканность – бесвкусица;
утонченность - банальность.

И еще одно индивидуальное основание для развертывания текста как множественной структуры – отыгрываемые создателем **авторские роли** В зависимости от используемых кодов и жанров, элементов возрастного многоголосья и стилового контура, а также в зависимости от их соединения в неповторимом **полилоге**, он может выступать то романтиком, то интеллектуалом, то поэтом, то эссеистом, то философом, то пророком, то шутом, то мистиком, то универсалом. Роли движутся по тексту, подобно зыбучим пескам. Возникают и исчезают так же, как в действительной жизни личности. Сам текст, порождаясь жизнью, образуя ее виртуальную форму и перетекая в актуальный жизненный план, иногда становится самоосуществлением жизни. Из всех областей речевого генерирования сложная экзистенциальная динамика полнее всего воплощена в литературе.

Текст – это свобода жить.

Именно в литературе индивидуальность издавна открыла наилучшую возможность обосновать свою ценность и творческую автономию, осуществить естественное стремление растворить собственное слово в вечном мире языковой культуры. Классическая литература показала способность Героя «быть» и Автора «казать о Себе», сохраняя дистанцию между собой и теми, для кого она предназначена. Современный

литературный процесс охватывает индивидуализацией и автора, и героя, и персонажей, и авторское эго, и личность потенциального читателя, не возвышая их до исторических, выдающихся фигур и не придавая их существованию исключительного значения. Тотальным объектом – референтом текста стал «хронотоп» их жизней, выделяющихся только своей неповторимостью, а также взаимными влияниями и вложениями, которые образуют новые грани общекультурных отношений между теми, кто создает, создается, живет по образу созданного, создает самого себя.

Связь текста с индивидуальностью и индивидуальным существованием, определяя психологизм литературы, позволяет и в самой психологии пересмотреть роль текстов, оценивая их не только в качестве частных продуктов деятельности или форм речевого выражения, но и более широко – как обобщенные **способы проживания**.

В этом качестве тексты показывают психологу-исследователю многие черты, ускользающие при других подходах. Так, они могут быть охарактеризованы и типизированы по признакам репрезентации автором собственной или чужой жизни; преобладающей концентрации содержания на объективных или субъективных хронологии и топологии жизни героев и персонажей; ведущей роли рациональности или иррациональности построения; авторской рефлексивности либо самоотчуждения. Тогда **события создания текстов** выглядят так.

- Автор субъективно и иррационально, словно в полусне или полузабытии, проецирует собственную жизнь в текст «мифа о Герое».
- Автор осознанно, рационально, нерефлексивно репрезентирует объективный хронотоп своей жизни в тексте «автобиографии».
- Автор рефлексивно, обращаясь к субъективно- объективному времени и пространству своей жизни, творчески строит «авторское жизнеописание».

- Автор рефлексивно и одновременно иррационально, улавливая прежде всего субъективный план собственной жизни, создает «историю своей души» или «исповедь».

- Автор осознанно, рационально, с интуитивными включениями отчуждает собственную жизнь в происходящее и проживаемое героем или героями «текста с я-прототипом».

- Автор осознанно и самоотчужденно репрезентирует осмысленную им жизнь «другого» или «других» в объективно – субъективный хронотоп героев «произведения» или чьей-то «художественной биографии».

В намеченных событиях производства текстов, моделируя их значение для автора, читателя и культуры, можно увидеть, какие именно **обобщенные моменты и способы жизни они собой представляют.**

1. Текст разворачивается как процесс осознания, осмысления, вчувствования и запечатления бытия других или собственного бытия автора и, следовательно, наполняет собой определенные фазы жизни последнего. Состоявшееся событие авторства, кроме того, обосновывает пролонгированное влияние данного субъекта текста на духовную динамику социума. Здесь текст – *жизнь, самосознание автора и культуры.*

2. Текст выступает практикой создания «я» автора, самоанализа и самообобщения, способом охватить себя «сполна», осознать свое единство и различить собственную множественность, преломить сквозь актуальное «я» все высказываемое, ретроспективно воссоздать целостность я-прожитого и увидеть я-центрированную жизненную перспективу. В этом назначении текст – *жизненное саморазвитие автора.*

3. Личностные типы героев текста и формы их созданного автором бытия предсуществуют по отношению к жизни и индивидуальному становлению читателя в виде «возможности» или «потенции». Этот момент прежде всего характерен для адресатов, принимающих тексты за основания своей внутренней и практической идентификации с действующими в них фигурами

и происходящими событиями. В процессах активного отождествления литературная жизнь героя продлевается в судьбы реальных людей, а его качественная определенность и изменчивость переходит в подвижный типологический контур их личностей. Действительный мир проявляет себя по образу литературы, и приняв эту импликацию, мы сознаем, что «герои живут вечно» и что «жить текст» – не просто художественный оборот Сартра.

Текст как *возможная жизнь*, сотворенная автором для других, определяется М. Мамардашвили на примере бергсоновского парадокса «Если бы я знал мир Гамлета, то я конечно мог бы написать «Гамлета».

«Бергсон имел в виду следующее: мы обычно считаем, что Гамлет есть типичный представитель какого-то мира или его отражение, и значит, мы предполагаем,, что мы знаем какой-то мир, и теперь говорим: Гамлет есть типичный представитель этого мира. Но дело в том, что то, что мы называем миром Гамлета, то, что мы понимаем через типизацию, данную в Гамлете, родилось ПОСЛЕ ТОГО, как Гамлет написан или этот образ написан. Мир Гамлета есть продукт написания Гамлета... Пока нет самого Гамлета, мы ниоткуда не могли получить «возможность Гамлета.» (95, с. 324)

4. Текст может замещать автору то отчужденное бытие, которое для других представляется «действительным» в силу его укорененности в предметном мире и практической деятельности. Мысля, воображая, чувствуя, высказываясь, он создает собственную подлинную жизнь, так, что его внутренней истиной становится: «Текст – это я и фрагмент моего жизненного пути.» Течение жизни в «текстовом измерении» доказывается тем, что процесс текстопорождения растягивается на долгие годы, в его динамике возникают целиком захватывающие события воспоминаний и творчества, изменяется личность автора, происходит слияние эго автора с героем, текст остается незавершенным, так как автору не дано знать и высказаться о финале своей жизни. Так, жизни Пруста, Жене, Джойса длились в рассказываемых

ими историях; «слову **био -графия** возвращался первичный этимологический смысл». (11, с. 420) *Написание становилось основным способом проживания*

б. Открывая множественные содержания понимающему читателю, текст по-новому структурирует его ментальный опыт, стимулируя его активность в качестве критика, интерпретатора, толкователя, пародиста, подражателя, самостоятельного писателя или ученого. Текст когнитивно наполняет разнообразное речевое творчество адресата, вплетаясь таким образом в его интеллектуальную жизнь. Чем содержательнее текст, тем свободнее чувствует себя человек, извлекающий, развивающий или опровергающий идеи автора, строящий на их основе новые модели понимания референтов и самого себя, структурирующий текст как оригинальный материал для научных исследований в области филологии, лингвистики или психологии. Текст – *источник творческой жизни читателя.*

Психологические исследования предоставляют литературному тексту самые обширные жизненные горизонты, находя пути его использования в познании и самопознании индивида. Текст берется, например, для выразительного эмпирического иллюстрирования теоретических идей, для моделирования «критических» единичных проявлений общих жизненных закономерностей, для научного анализа и обобщения опыта авторского осмысления жизни. Следует особо подчеркнуть значение текстов, содержащих ориентиры для практикующего психолога: от прямых умелых интерпретаций неординарных психических свойств и состояний потенциальных клиентов до имплицитных приемов их психоанализа, психотерапии, управления рефлексией и самокоррекцией. К таким текстам безусловно относится многократно упоминавшаяся «Исповедь» Августина, на психологических экспликациях из которой хотелось бы в заключение остановиться.

В рефлексивной развертке августиновского текста можно различить два плана. Первый составляет **открытый исповедальный рассказ**, проблемный и страстный, в каждом высказывании которого совершается конструктивный

шаг в самопрояснении, план, похожий на стремительный поток ответов тайному голосу «я». Второй – неявный, закрытый, но задающий логику, поисковый характер и высокое напряжение первого плана - **подтекст непрерывного самовопрошания**. Расширяющаяся реконструкция вопросов знаменитого теолога к себе, многие из которых давно вошли в европейскую культуру рефлексии, во все времена актуальна для гуманитарных наук и практического самопознания.

Последуем вновь к самим себе за Августином.

Откуда я пришел сюда, в эту жизнь?

Был ли я кем-нибудь до рождения?

Есть ли во мне тот, кто сам создает себя?

Что я любил?

Что я ненавидел?

На что направлял я свои способности?

Внешняя или внутренняя жизнь привлекала меня?

Желал ли другим то, чего не желал себе?

Обманывал ли я, ради чего?

Отчего я страдал?

В чем ошибался?

Нравился ли я себе?

Что было моим падением?

Что увлекало меня?

Ради чего я шел на проступки?

Чьих осуждений я боялся?

Что сделал для меня отец ?

Для чего родители предоставляли мне свободу?

Что желала мне мать, что сделала для меня?

Как переживал я свою испорченность и падение?

Почему мне были приятны мои проступки?

**Что влекло меня к другим?
Как я относился к любви?
Любил ли я вымысел, театр, поэзию?
О каких достижениях я мечтал?
К чему стремилось мое тщеславие?
В каких делах я преуспел?
Кто оказывал на меня наибольшее влияние?
Кто были мои друзья, что нас объединяло?
Каковы были мои потери?
Боялся ли я смерти?
Кого я любил так, словно никогда не мог потерять?
Почему я покинул родные места, куда, зачем уехал?
Что казалось мне прекрасным?
Кем я восхищался, в ком нуждался?
Какие похвалы хотел я слышать в свой адрес?
Кто нравился мне из сильных мира сего ?
Какие идеи и умственные занятия захватывали меня?
Любил ли я деньги?
Кто был человеком, оказавшим на меня наибольшее влияние?
Кого я считал счастливым?
К чему я стремился, каких благ я хотел?
Что давалось мне особенно трудно?
Во что я верил?
Что смог сделать из себя?
Кто и в чем разочаровал меня?
С кем авторитетным искал я встреч?
Что я ценил в других людях?
Что мне мешало работать?
Когда я бывал счастлив?**

О ком я заботился?
Кто любил меня?
Для кого я был авторитетен?
Случалось ли мне избавляться от пороков?
В чем я сомневался?
Искал ли я поддержки влиятельных людей?
Как хотел я устроить свою жизнь?
Что доставляло мне наибольшее удовольствие?
Как понимал я свободу и свободную жизнь?
Под властью каких страхов я жил?
Какие способности я развил в себе?
Что есть исток плохого во мне?
Искал ли я истину?
Хотел ли я понять, что есть зло?
Шел ли мыслью в глубину свою?
Думал ли я, что есть добро?
Изменил ли я свою жизнь, в чем состояли эти изменения?
Какие испытания довелось мне пережить?
Какие мучительные противоречия находил я в жизни и в себе?
За что я осуждал себя?
В чем я искал и находил опору?
Что больше всего заполняло мою жизнь?
О чем говорила мне моя совесть?
Чувствовал я себя единым или разделенным?
Чего я желал постоянно?
Что было для меня наибольшей радостью?
От чего я отказался в своей жизни?
Как изменились мои мысли и отношение к себе?
С кем мы были единокорны?

Какие беды постигали меня?
Для кого моя исповедь?
Есть во мне то, чего не знаю о себе?
Что люблю я?
Спрашивал ли я себя: «кто ты?», что отвечал?
Что чаще всего вспоминаю и о чем думаю?
В чем состоит моя работа над собой?
Как мне искать счастливую жизнь?
Какие противоречия есть во мне?
На что надеюсь я в жизни?
Чего я хочу избежать?
Как отношусь к своему здоровью?
Что я осуждаю в себе?
Боюсь ли я того, что скрыто во мне?
Беспокоят ли меня похвалы в мой адрес?
Когда я испытывал состояния необычной радости?
Смог ли я стать тем, чем не был?
Каких открытий я хотел?
Знаю ли я обо всем, что знаю?
Хорошо ли я жил сам-с-собой?
Что такое для меня мудрость?
Кого из людей я считаю великим?
Как в разные годы жизни я понимал любовь?
Как я понимал и понимаю справедливость?
Обладаю ли я какими-то исключительными дарами?
Что было чудом в моей жизни?
Чему стоит учить людей?
В чем смог я «собрать себя» ?
Что дает мне покой в самом себе?

Вопросы, которые никогда не находят окончательного ответа. Опыты текста, которые непостижимо ритмично передаются людьми друг другу сквозь время. Модели, умножающие возможности текстов и показывающие безграничность их непонимания.

Общая психология, погружаясь в литературу и гуманитарное знание, находит для себя перспективу бесконечного поиска. Ее эвристичные модели начинают создавать не знание, а незнание. ..

Литература.

1. Абульханова – Славская К. А. Личностные типы мышления. – Когнитивная психология. М.: Наука. 1986. С. 154 – 172.
2. Абульханова – Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль. 1991. – 299с
3. Августин А. Исповедь. М.: Ренессанс. СП ИВО – С. и Д. 1991. – 488 с.
4. Адам Д. Восприятие, сознание, память. Размышления биолога. М.: Мир. 1983. – 152 с.
5. Ананьев Б. Г. Сенсорно-перцептивная организация человека. - Познавательные процессы: ощущения, восприятие. (Под ред. А. В. Запорожца и др.). М.: Педагогика. 1982. С. 7 – 31.
6. Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М.: Изд-во АН СССР. 1959. – 435 с.
7. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей. 1994. – 352 с.
8. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека М.: Языки русской культуры. 1999. – 896 с.
9. Асмолов А. Г. Установка и деятельность. М.: Изд-во МГУ. 1979. – 150 с.
10. Ассоциативная психология: Г. Эббингауз, А. Бэн. М.: Изд-во АСТ – ЛТД. 1998. – 544 с.
11. Барт Р. Семиотика. Поэтика.: Избр. работы. М.: Прогресс. 1994. – 616 с.
12. Батищев Г. С. Философское наследие С. Л. Рубинштейна и проблематика креативности. – С. Л. Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука. 1989. С. 245 – 279.
13. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов. М.: КРОН – ПРЕСС. 1995. – 512 с.

14. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1986 – 445 с.
15. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика. 1994. – 528 с.
16. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. С. С.. Т. 1. М.: Московский клуб. 1992. – 336 с.
17. Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Мысль. 1990. – 220 с.
18. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда. 1989. – 607 с.
19. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика. 1995. – 383 с.
20. Бехтерев В. М. Объективная психология. М.: Наука. 1991. – 480 с.
21. Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт. 1998. – 336 с.
22. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс. 1977. – 413 с.
23. Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. Логико – психологический анализ. М.: Наука. 1979. – 230 с.
24. Бунин И. Стихотворения. Рассказы. Повести. БВЛ. М.: Худож. лит. 1973. – 527 с.
25. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс. 1988. – 507 с.
26. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл. 1999. – 685 с.
27. Веккер Л. М. Психические процессы. Т.1 Л.: Изд-во ЛГУ 1974. – 334 с.
28. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М.: Прогресс. 1987. – 336 с.
29. Витгенштейн Л. Лекции: Кембридж. 1930 – 1932. – Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.: Прогресс. Культура. 1993. С. 273 – 310.
30. Волошин М. Лики творчества. Л-д.: Наука. 1988. – 848 с.

31. Выготский Л. С. Мышление и речь. С.С. Т.2. М.: Педагогика. 1982. С. 5-361.
32. Выготский Л. С. История развития высших психических функций. С.С. Т. 3. М.: Педагогика. 1983. С. 5 – 328.
33. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики. М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
34. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. М.: Мысль. 1977. – 471 с.
35. Гете И. В. Из моей жизни .Поэзия и правда. С. С. В 10 т. Т. 3. М.: Худож. лит. 1976. – 718 с.
36. Гештальт – психология: В. Келер, К. Коффка. М.: Изд-во АСТ – ЛТД.1998. – 704 с.
37. Гибсон. Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс. 1988. – 464 с.
38. Гольдштейн М. Гольдштейн И.Ф. Как мы познаем. Исследование процессов научного познания. М.: Знание. 1984. – 256 с.
39. Гостев А. А. Образная сфера человека. М.: Инс-т психологии РАН. 1992. – 194 с.
40. Готье Т. Два актера на одну роль. М.: Правда. 1991. – 527 с.
41. Гофман. Э.Т.А. Эликсиры сатаны. Л-д: Наука. 1984. - 287 с.
42. Гроф С. За пределами мозга. М.: Изд-во Трансперсонального Института. 1993. – 504 с.
43. Гуссерль Э. Амстердамские доклады. Феноменологическая психология. – Логос, № 3. 1992. С. 62 – 81.
44. Гуссерль Э Феноменология внутреннего сознания времени. С.С., т. 1. М.: Гнозис. 1994. – 192 с.
45. Дали С. Дневник одного гения. М.: Изд-во ЭКСМО – Пресс. 1999.–464 с.
46. Де Ларошфуко Ф. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Де Лабрюйер Ж. Характеры. БВЛ. М. : Худож. лит. 1974. – 544 с.

47. Декарт Р. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль. 1988. – 654 с.
48. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис. 1998. – 384 с.
49. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академич. проект. 2000. – 495 с.
50. Деррида Ж. Эссе об имени. СПб.: Алетейя. 1998. – 190 с.
51. Джемс В. Прагматизм. К.: Украина. 1995. – 284 с.
52. Джойс Д. Улисс. М.: Республика. 1993. – 671 с.
53. Дильтей В. Описательная психология. М.: Алетейя. 1996. – 160 с.
54. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 1. Л-д: Наука. 1972. – 520 с.
55. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т.5. Л-д: Наука. 1973. – 408 с.
56. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер. 1998. – 368 с.
57. Дю Прель К.. Философия мистики. М.: REFL- book. 1995 - 512 с
58. Запорожец А. В. Зинченко В. П. Восприятие, движение, действие. – Познавательные процессы: ощущения, восприятие. (Под ред. А. В. Запорожца и др.) М.: Педагогика. 1982. С. 50 – 79.
59. Запорожец А. В. Психическое развитие ребенка. Избр. психол. труды. В 2-х т. Т. 1 М.: Педагогика. 1986. – 320 с.
60. Иванов Вяч. Вс. Нечет и чет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем. – Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т.1. М.: Языки русской культуры. 1992. С. 381 – 604.
61. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат. 1991 - 464 с.
62. Ирландские и валлийские сказки. М.: МНПП «Гендальф». 1993. – 319 с.
63. Исследование памяти. (Под ред. Н. Н. Корж). М.: Наука. 1990. – 216 с.
64. Калина Н. Ф. Лингвистическая психотерапия. К.: Ваклер. 1999. – 282 с.
65. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат. 1990. – 415 с.
66. Кант И. Критика чистого разума. СПб.: ИКА «ТАЙМ – АУТ». 1993. – 478 с.

67. Кассирер Э. Философия символических форм. Введение и постановка проблемы. – Культурология. 20 век. Антология. М.: Юрист. 1995. С. 104 – 162.
68. Кастанеда К. Учения Дона Хуана. Путь знания индейца племени яки. К.: Ковчег. 1992. – 208 с.
69. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: «REFL – book». 1994. – 608 с.
70. Ковалев В. И. Особенности личностной организации времени жизни. – Гуманистические проблемы психологической теории. М.: Институт психологии РАН. 1995. С. 179 – 185.
71. Кон И. С. Ребенок и общество (Историко – этнографическая перспектива) М.: Наука. 1988. – 270 с.
72. Коул М. Скрибнер С. Культура и мышление. М.: Прогресс. 1977.– 262 с.
73. Краткая философская энциклопедия. М.: Изд-я группа «Прогресс». – «Энциклопедия». 1994. – 576 с.
74. Крэйг Г. Психология развития. СПб.: Питер. 2000. – 992 с.
75. Кузьмин М. Избранные произведения. Л-д: Худож. лит. 1990. – 576 с.
76. Кучинский Г. М. Диалог и мышление. Минск: Университетское. 1983.- 190 с.
77. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика. 1993. – 383 с.
78. Кэрролл Л. Приключения Алиса в стране Чудес. Алиса в Зазеркалье. М.: Правда. 1985. – 320 с.
79. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис. 1995. – 101 с.
80. Леви – Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика. 1994 . – 384 с.
81. Леонтьев А. А.. Основы психолингвистики. М.:Смысл.1999. – 287 с.
82. Леонтьев А. Н. Ощущения и восприятие как образы предметного мира. – Познавательные процессы: ощущения, восприятие. (Под ред А. В . Запорожца и др.) М.: Педагогика. 1982. С. 32 – 49.

83. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ. 1972. – 576 с.
84. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл. 1999. – 487 с.
85. Лефевр В. А. Формула человека. М.: Прогресс. 1991. – 107 с.
86. Либин А. В. Дифференциальная психология: На пересечении европейских, российских и американских традиций. М.: Смысл. 1999. – 532 с.
87. Лиотар Ж.–Ф. Состояние постмодерна. М. – СПб.: Алетейя. 1998. – 160 с.
88. Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос. М.: Мысль. 1993. – 958 с.
89. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат. 1991.- 525 с.
90. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ. 1998. – 336 с.
91. Лэнг Р. Д. Расколотое «Я». СПб.: Белый Кролик. 1995. – 352 с.
92. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М.: Прогресс, Культура. 1993. – 352 с.
93. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб.: Изд-во Русск. Христианск. гуманитарн. инст-та. 1997. – 572 с.
94. Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М.: Высшая школа. 1986. – 144 с.
95. Милнер П. Физиологическая психология. М.: Мир. 1972. – 647 с.
96. Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии. 1996. – 478 с.
97. Моэм С. Луна и грош. Театр. М.: Правда. 1983. – 576 с.
98. Муратов П. П. Образы Италии. М.: Республика. 1994. – 592 с.
99. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3 т. Т.3. М.: Наука 1985.- 496 с.

100. Натадзе Р. Г. Восприятие и установка – Познавательные процессы: ощущения, восприятие. (Под ред. А. В. Запорожца и др.) М.: Педагогика. 1982. С. 80 – 88.
101. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М.: Рефл -бук. 1998. - 464 с
102. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Междунар. педагог.. академия. 1994. – 680 с.
103. Потемня А. А. Мысль и язык. К.: СИНТО. 1993. – 192 с.
104. Пруст М. По направлению к Свану. М.: Республика. 1992. – 368 с.
105. Пруст М. Под сенью девушек в цвету. М.: Республика. 1992. – 464.с.
106. Пруст М. Содом и Гоморра. М.: Республика. 1993. – 496 с.
107. Пруст М. У Германтов. М. :Республика. 1993. – 543 с.
108. Психологические и психо- физиологические исследования речи.(Под ред. Т. Н. Ушаковой). М.: Наука. 1985. – 241 с.
109. Рабинович В. Л. Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух. М.: Книга. 1991. – 496 с.
110. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. БВЛ. М.: Худож. лит. 1973. - 784 с.
111. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум. 1995. – 414 с.
112. Роговин М. С. Проблемы теории памяти. М.: Высшая школа. 1977. – 181 с.
113. Розанов В. В. О понимании. СПб.: Наука. 1994. – 540 с.
114. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т.1 М.: Педагогика. 1989. – 488 с.
- 115..Сартр Ж.-П. Воображение. – Логос. № 3. 1992. С. 98 – 116.
116. Сартр Ж.-П. Тошнота. Избр. произв. М.: Республика. 1994. – 496 с.
117. Слободчиков В. И. Исаев Е. И. Психология человека: Основы психологической антропологии. М.: Школа – Пресс. 1995. – 384 с.

118. Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. Избр. психол труды. В 2 т. Т. 2. 1987. – 344 с.
119. Старовойтенко Е. Б. Введение в гуманитарную психологию. К.: Леся. 1996. – 80 с.
120. Старовойтенко Е. Б. Жизненные отношения личности. Модели психологического развития. К.: Лыбидь. 1992 . – 216 с.
121. Старовойтенко Е. Б. Старовойтенко О. О. Модель рефлексивного прояснения жизненных конфликтов. – Життєві кризи особистості: Ч.2. К.: ІЗМН, 1998. С. 222-254.
122. Тайсон Р. Тайсон Ф. Психоаналитическме теории развития. Екатеринбург.: Деловая книга. 1998 с. – 528 с.
123. Татенко В.А.. Психология в субъектном измерении. К.: Изд-й центр «Просвита». 1996. – 404 с.
124. Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс. 1990 – 512 с.
125. Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: Изд-во МГУ. 1984. – 271 с.
126. Толстой Л. Н. Собр.соч.. в 22 т. Т. 9. М.: Худож. лит.1982. – 462.с.
127. Успенский П. Д. В поисках чудесного. СПб.: Изд-во Чернышова. 1992. – 523 с.
128. Феофраст. Характеры. Л-д: Наука. 1972. – 124.с.
129. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т.1. М.: Правда.1990.- 492 с.
130. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука. 1995. – 655 с.
131. Франселла Ф. Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М.: Прогресс. 1987. – 236 с.
132. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука. 1989. – 456 с.
133. Фрейд З. Психология бессознательного. (Сб. произв.) М.: Просвещение. 1989. – 448 с.
134. Фрейд З. Толкование сновидений. К.: Здоровье. 1991. – 384 с
135. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика. 1995. С. 5 – 264.

136. Фресс П. Пиаже Ж. Научение и память. – Экспериментальная психология. Вып. 4. М.: Прогресс. 1973. - 344 с.
137. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика. 1992. – 430 с.
138. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности – 111. К.: Дух и литера. М.: Рефл -бук.1999. - 288 с.
139. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.:А – cad. 1994. – 407.с.
140. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика. 1993. – 447 с.
141. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1997. – 392.с.
142. Хофман И. Активная память. М.: Прогресс. 1986. – 312 с.
143. Хьелл Л. Зиглер Д. Теории личности: Основные положения, исследования, применение. СПб.: Питер. 1997. – 608 с.
144. Челлини Б. Жизнь Бенвенуто...М.: Худож. лит. 1987. – 495 с.
145. Чехов А. П. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 13. .М.: Наука 1978. – 527 с.
146. Шадриков В. Д. Деятельность и способности. М.: Наука. 1994. – 298 с.
147. Шопенгауэр А. О четвероюлке корне... Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии. М.: Наука. 1993. – 672 с.
148. Шотландские и английские сказки. М.: МНПП «Гендальф».1993. – 367 с.
149. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль. 1993. – 663 с.
150. Штофф В. А. Моделирование и философия. М. – Л. 1986. – 234 с.
151. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс. 1991. – 304 с.
152. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. М.: ООО «Изд-во АСТ – ЛТД». 1998. 480 с.
153. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. К. : Гос. б-ка для юношества. 1996. – 384 с.

154. Юнг К. Г. К феноменологии духа в сказке. – Культурология. 20 век. Антология. М.: Юрист. 1995. С. 331 – 377.
155. Юнг К. Г. Либидо, его метаморфозы и символы. СПб.: Вост.-Европ. Институт Психоанализа. 1994. – 416 с.
156. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс. 1993. – 336 с.
157. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб: Ювента, М.: Прогресс. 1995. - 716 с.
158. Юнг К. Г. Психология и поэтическое творчество. – Самосознание европейской культуры 20 века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в совр. об-ве. М.: Политиздат. 1991. С. 103 – 118.
159. Юнг К. Г. Феномен духа в науке и искусстве. М.: Ренессанс. 1992. – 320 с.
160. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика. 1997. – 1056 с.

Содержание.

.ВВЕДЕНИЕ: Модели как перспектива теоретической психологии.

1. ПРЕДМЕТ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ И СПОСОБ ЕГО РАСКРЫТИЯ

- 1.1 Основные понятия общей психологии.
- 1.2 Классы и формы психических явлений.
- 1.3 Психическое целое.
- 1.4 Методология понимания психических форм.

2. ОЩУЩЕНИЯ ЖИЗНИ

- 2.1 Психологическая специфика ощущений.
- 2.2 О сенсорных системах.
- 2.3 Классификации ощущений.
- 2.4 Жизненные трансформации ощущений.
- 2.5 Сенсорная активность
- 2.6 Индивидуальное развитие ощущений.

3. ВОСПРИЯТИЕ ЖИЗНИ

- 3.1 Психологическое определение восприятия.
- 3.2 Источники перцепции.
- 3.3 Воспринимающая активность.
- 3.4 Данность в перцепте качеств предметного мира.
- 3.5 Общие свойства перцепта.
- 3.6
- 3.7 Становление восприятия в индивидуальной жизни.

4. ЖИЗНЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ

- 4.1 Сравнительное определение представления и восприятия.
- 4.2 Основные формы представлений.

- 4.3 Образная активность и образный эффект.
 - 4.4 Образные феномены отношений к жизни.
5. ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНИ
- 5.1 Логика интерпретации активной памяти.
 - 5.2 Запоминание.
 - 5.3 Сохранение.
 - 5.4 Воспроизведение.
6. МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ПЛАН ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
- 6.1 Мышление в структуре интеллектуальных явлений.
 - 6.2 «Проникающие» идеи психологии мышления.
 - 6.3 Акмеологические закономерности мышления: порождающие, процессуальные, продуктивные.
 - 6.4 Развертка зрелой мыслительной деятельности: установки, этапы, личностные факторы.
7. РЕЧЕВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЖИЗНИ
- 7.1 Психологическая сущность речи.
 - 7.2 Функциональные свойства слова.
 - 7.3 Высказывание.
 - 7.4 Текст.

ЛИТЕРАТУРА

АННОТАЦИЯ

На рукопись **«Модели общей психологии: Формы интеллектуальной жизни»** Старовойтенко Е. Б., докт. психол. наук, профессора.

Предлагаемая читателю книга является первой частью работы под общим названием «Модели общей психологии». Подготовленная в качестве пособия для углубленного изучения общей психологии, она отличается от традиционной учебной литературы как способом построения содержания, так и текстовой формой. Автор руководствовалась современными установками в области передачи знания и информационного обмена профессионалов.

В частности, новыми требованиями к учебному и научному тексту в теоретической психологии являются: синтез множественных идей, концепций и эпистемологических стилей; ориентация на задачи, решаемые практикующими психологами; инструментальность, в смысле легкости перевода теоретических построений в методические техники и приемы консультирования. Этим требованиям полностью отвечает примененный в работе метод моделирования как репрезентация общепсихологического знания в виде строгих и целостных концептуальных структур, логических схем, «алгоритмов» анализа, классификаций, типологий, континуумов и т.д., а также объединение данных моделей в единую теорию психики.

Спецификой развернутых в книге моделей является гуманитарная направленность, благодаря которой их можно использовать в подготовке специалистов для научных исследований на пересечении психологии с философией, филологией, лингвистикой, искусствоведением, а также для практической деятельности в сферах психотерапии, психокоррекции, психологического развития.

Еще одной отличительной чертой текста «Моделей» является его многослойность, то есть концентрация в нем понятий и положений о

психическом, относящихся к теориям с разными уровнями абстракции: философским, культурологическим, социологическим, лингвистическим и др. Теоретические модели дополняются образными моделями, взятыми из мифологии, художественной литературы, феноменологических опытов выдающихся мыслителей, из автобиографий, жизнеописаний, исповедей.

Обратившись к моделированию основных психических форм, издавна образующих тематику учебников и монографий по общей психологии, автор по каждой отдельной теме представляет «коллекцию» идей, составляющих золотой фонд психологической науки. Обосновывается кросс-культурный и кросс-временной характер этих идей, их преемственность в творческом мышлении исследователей психической жизни, включая великих философов, крупных психологов, знаменитых писателей.

Характер моделей придает им функциональность современного типа, позволяющую психологу – пользователю в своем подходе к конкретному феномену или проблеме соединить ретроспективу, актуальность и перспективу общей психологии, осуществить полинаучный анализ, выступить одновременно в ролях ученого – феноменолога – интерпретатора – текстолога – соразработчика моделей.

Книга рассчитана на студентов и аспирантов, обучающихся на факультетах психологии университетов, на профессиональных психологов, педагогов, специалистов по гуманитарным наукам.

Вниманию издательства.

При появлении интереса к изданию рукописи, просим сообщить условия заключения договора, в том числе, сроки издания и тираж (на Украине может быть реализовано 500 - 750 экз.; всего, по нашему мнению, можно издать до 5.000 экземпляров)

Рукопись готова к изданию. Объем книги в алфавите «Times New Roman», шрифт 14 составляет 545 стр.

Ваш ответ просим сообщить по тел./факсу: 044-227-29-36 или по системе "Internet"- .

С уважением

Старовойтенко Е.Б.

P.S. Оглавление книги прилагается. См. Приложение № 1.